Борис
Акунин

История
Российского государства

Эпоха цариц

Annotation

«Эпоха цариц», то есть события русского XVIII столетия, – поразительно интересный период отечественной истории, когда Россия превратилась в евразийскую империю, расширяющуюся на запад, юг и восток. Это время преподает нам несколько важных уроков: об ограниченности неограниченной власти, о необходимости и рискованности реформ, о том, как можно и как нельзя править Россией.

Книга рассказывает, как завязывались «вечные» российские узлы: национальный вопрос, внутриобщественное противостояние, жажда свободы и страх перед порождаемым им хаосом.

- Борис Акунин
  -
  - Предисловие
  - Часть первая
    -
    - Власть
      - Бои без правил
      - Как мыши кота хоронили
      - Императрица Марта Скавронская
      - Император-подросток
      - Попытка изменения основ государственного строя
      - Скучающая императрица
      - Немцы и русские
      - «Не бойсь!»
      - Император-младенец
    - Дела внутренние
      - Матросы заснули
      - Реставрация сакральности
      - Государственное управление
      - Экономика
      - Сословия
      - Окраины империи и инородцы
      - Общество и нравы
    - Дела внешние

        - Страна, ставшая империей
        - Персидская ретирада
        - Польская война
        - Турецкая война
        - Шведская война
- Часть вторая
    - Власть
        - Надокучливая Елисавет
        - Управляющие
        - Династическая проблема
    - Дела внутренние
        - «Малые приключения»
        - Рост населения и доходов
        - Смягчение нравов
    - Дела внешние
        - Желание мира
        - Неизбежность войны
        - Кровавая и нелепая
- Часть третья
    - Власть
        - Грустная сказка
        - Короткое царствование Петра III
        - Екатерина в жизни: достоинства
        - Екатерина в жизни: слабости и пороки
        - Фавориты и помощники
    - Дела внутренние
        - Реформы: великие планы и скромные результаты
        - Население
        - Финансы и экономика
        - Приближение грозы
        - Внутренняя война
        - Общество и нравы
    - Дела внешние
        - Старые и новые проблемы
        - Основной инструмент внешней политики
        - Южная экспансия
        - Западная экспансия

        - Северная проблема
    - Часть четвертая
        - Власть
            - Тихий переворот
            - Павел I как личность и правитель
            - Окружение императора
            - Заговор и переворот
        - Дела внутренние
            - Консервативный реформатор
            - Русское общество при Павле I
        - Дела внешние
            - От невмешательства к войне
            - Славное поражение
            - Смена курса
            - Империя расширяется
    - Заключение. Итоги и уроки восемнадцатого века
- notes
    - 1
    - 2

Борис Акунин
Евразийская империя. История Российского государства. Эпоха цариц

Рецензенты:
М.В. Бабич, доктор исторических наук
А.Б. Каменский, доктор исторических наук (НИУ ВШЭ)
И.В. Курукин, доктор исторических наук (РГГУ)

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентствами МИА «Россия сегодня», Diomedia и свободными источниками

© B. Akunin, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*** * ***

Предисловие

Русский восемнадцатый век – эпоха во многих отношениях примечательная.

Прежде всего тем, что после долгого цивилизационного дрейфа между Западом и Востоком страна, кажется, определилась со своей геополитической позицией. В глубокой древности Русь была органичной частью Европы, после монгольского завоевания стала частью Азии, потом, восстановив независимость, опять начала постепенно двигаться в сторону Европы – и вот в 1700-е годы наконец приняла тот евразийский облик, который с тех пор уже сущностно не менялся. Страна стала и Европой, и Азией – или, если угодно, не Европой и не Азией, а Россией, культурно-государственной конструкцией, в которой причудливо, но по-своему логично соединились черты «азиатской» и «европейской» моделей. Перетягивание каната между двумя этими компонентами, вечное чередование реформ с контрреформами становятся константой и доминантой российской политики.

Еще важнее то, что Россия превратилась не просто в евразийского метиса, а в евразийскую империю, то есть в государство активного, экспансионистского типа, стремящееся расширяться в обоих направлениях – и европейском, и азиатском. Вся логика и механика такого государственного устройства нацелена на территориальный рост, на *навязывание себя* сопредельному миру; империя всегда «газообразна», она распространяется во все пределы, в которые может распространиться, если не встречает прочной преграды. Восемнадцатое столетие демонстрирует нам, как неумолимо и последовательно заработал этот принцип, как новая Россия взвалила на себя бремя имперскости и потащила его, невзирая на личные убеждения правителей, среди которых попадались и люди вполне мирные. Ничего не поделаешь: основная деятельность империи нацелена не внутрь страны, а вовне – иначе зачем тратить столько сил и средств на содержание могучих вооруженных сил?

Два главных обретения восемнадцатого века – имперская энергетика и концептуальная евразийскость – в известном смысле

определили всю дальнейшую судьбу России, однако политическая жизнь этого столетия интересна нам и другими своими новациями.

Например, тем, как верховная власть столкнулась с болезненной проблемой кризиса сакральности. В предыдущих томах много говорилось о том, что «ордынская» модель, основанная на тотальной, ничем не ограниченной власти монарха, немыслима без обожествления этой фигуры, фактически идентичной государству (само слово «государство» в русском языке происходит от «государя»). Однако после смерти Петра начинается чехарда весьма сомнительных и даже скандальных венценосцев, не осененных никаким «божественным правом». По сути дела, в 1761 году на смену русской династии Романовых пришла немецкая династия Гольштейн-Готторпов, оставившая прежнее название. Еще поразительнее то, что страной извечного «домостроя» почти все время правили женщины. Как написал о восемнадцатом веке в сатирической «Истории России от Гостомысла» А.К. Толстой:

Тут кротко или строго
Царило много лиц,
Царей не слишком много,
А более цариц.

Феномен женского правления в мизогинистской стране сам по себе очень любопытен, но в исторической перспективе много важнее изменение общественной роли женщин, произошедшее именно в эту эпоху.

Очень интересна также механика перевода относительно простой «ордынской» модели государственного устройства в более сложный формат самодержавно-дворянской монархии, лучше соответствовавший требованиям нового времени.

Еще одна увлекательная, драматическая тема – эксперименты верховной власти по части возможного и невозможного. Мы посмотрим, как субъективное сталкивалось с объективным, как личные устремления и мечты формально неограниченного властителя разбивались о реальность. Восемнадцатый век наглядно продемонстрировал, что в империи такого склада единственный вроде

бы свободный человек, ее правитель, на самом деле тоже не волен в своих поступках, а если не понимает этого, платит дорогую цену.

Наконец, мы увидим, как зарождался российский либерализм – система взглядов, оппонирующая «ордынским» основам самодержавного государства. В конце восемнадцатого века возникает то раздвоение национального сознания, которое впоследствии станет главным общественным разломом России.

Однако прежде чем пуститься в длинное путешествие из 1725 года в 1801-й, давайте вспомним, в каком состоянии оставил страну Петр Великий, преобразователь размашистый и гиперактивный, но далеко не во всех своих начинаниях успешный.

Начнем с того, что́ у Петра получилось.

Он существенно реконструировал рыхлое, архаичное московское государство семнадцатого века, но отнюдь не по европейскому подобию, а прямо противоположным образом. Первый император в полном объеме восстановил и всемерно укрепил «вертикальность» первоначальной, до-смутной формации, когда вся власть находилась в руках государя. Боярства и патриархии, которые активно участвовали в управлении при первых Романовых, теперь не стало. Россия превратилась в военную державу, которая, как во времена Чингисхана, управлялась исключительно из «ханской юрты», пусть редекорированной на немецко-голландский манер. Эффективность и мобилизационные качества такого государства многократно возросли. Пользуясь этим, Петр модернизировал вооруженные силы и с их помощью сумел отвоевать у Швеции балтийское побережье, что гипотетически открывало выход русским товарам на североевропейские рынки.

Этим безусловные успехи реформатора исчерпываются. Все прочее спорно.

Действенной системы центрального управления огромной страной он так и не создал. Местная администрация работала из рук вон плохо. Из отраслей промышленности более или менее успешно развивались лишь те, которые субсидировались казной или работали на флот и армию. Частная торговля еле дышала (что сильно обесценивало выгоды балтийских территориальных приобретений). Финансы находились в бедственном состоянии. Население было измучено и разорено. Города –

за исключением странной болотной столицы – не росли; там жили всего 3 процента населения.

Если уж Россия превращалась в империю, ей предстояло справиться с тремя колоссальными внешними задачами, решить три вопроса – шведский, турецкий и польский. Все силы Петра ушли на первый. На Черном море он пытался укрепиться, но не смог, проиграв турецкую войну. Не дошли у него руки и до Польши, которая быстро слабела и представляла собой лакомую добычу. Никакая империя не устояла бы перед подобным соблазном, а русские монархи издавна считали, что имеют династическое право на украинские и белорусские области, близкие по вере, языку и культуре.

Зато Петр ввязался в ряд плохо придуманных гигантоманских проектов вроде создания всероссийской водоканальной системы или завоевания далеких закаспийских территорий. Страна надрывалась, будучи не в состоянии справиться с такой нагрузкой.

При этом фундамент империи был заложен настолько основательно, что страна лишилась возможности развиваться по какой-то иной, неэкспансионистской траектории (в конце семнадцатого века, во времена Василия Голицына, такая возможность еще существовала и рассматривалась).

Однако контуры империи были лишь обозначены, стройка едва началась. Чтобы ее завершить или хотя бы продолжить, требовались правители петровской целеустремленности и воли, а взяться им было неоткуда. Император не выполнил главного монаршьего долга – не позаботился о преемственности власти.

Петр много и звучно рассуждал о пользе отечества. «Не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, *Петру врученное*», – взывал он к солдатам перед Полтавой. Однако при этом царь проявил удивительную безответственность, не назначив наследника, хотя перед смертью несколько недель тяжело болел и, видимо, понимал, что его дни сочтены. Впрочем, тиранам (а Петр, несомненно, был из их числа) вечно кажется, что они бессмертны.

Ситуация, в которой Россия оказалась в 1725 году, не уникальна, а наоборот вполне типична. В истории она повторялась неоднократно, в разных странах и в разные эпохи.

Когда суровый правитель, много лет пришпоривавший и хлеставший свою страну, внезапно умирает (они почему-то всегда

умирают внезапно для подданных, даже если предварительно долго хворали), в первое время держава по инерции продолжает содрогаться, а потом впадает в некий ступор, за судорожным вдохом следует медленный выдох. То же случилось и с Россией. Государственная повозка, лишившись погонщика, будто остановилась. Она вновь тронулась с места, когда шок миновал, лошадь-народ немного перевел дух и появился новый энергичный возница. Этой немудрящей аллегорией можно коротко описать центральную фабулу эпохи.

Итак, в эти три четверти столетия время двигалось неровно. То пятилось назад, то приостанавливалось, то пускалось вскачь, то делало диковинные зигзаги. Четыре периода – и четыре части, на которые разделена книга – отличаются по продолжительности, насыщенности и исторической важности.

Первая часть называется «Нервное время» и охватывает промежуток от смерти Петра до воцарения его дочери Елизаветы, то есть с 1725-го до 1741 года. После великих потрясений Россию продолжает лихорадить. Политических событий много, прежде всего на самом верху, но исторически значительных – минимум. Можно было бы дать этой части и другое название: «Невеликие монархи, алчные фавориты и сплошные перевороты».

Затем следует часть «Сонное время», посвященная двадцатилетнему правлению «кроткия Елисавет». Страна оправляется от пережитого стресса. В высшем эшелоне власти все успокаивается, внизу тоже более или менее спокойно. Никто никуда не торопится, потому что никто никого не подгоняет. Иными словами, для российского населения это лучшая пора столетия – а для историка самая скучная. Если бы не бремя имперскости, вынудившее страну ввязаться в большую европейскую свару, рассказывать было бы почти не о чем.

Но вот после долгого затишья, накопив силы, Россия вступает в новый период развития и экспансии. Начинается «великое время», правление Екатерины II (1762–1796). Народу становится тяжело, историку – интересно. Во всех сферах жизни происходит много событий, много перемен, много явлений, заслуживающих изучения и осмысления.

Заканчивается книга «Странным временем», коротким царствованием Павла (1796–1801), которое можно рассматривать как этюд на тему «роль личности в истории»: что случается с самодержцем, когда он начинает считать свою роль в истории главной.

Все части построены по одному принципу: сначала дается описание происшествий на самом верху, потом внутри страны, затем вовне. Третья, екатерининская часть помимо того поделена на множество тематических глав. Здесь всё важно, почти всё имело исторические последствия. При этой государыне строительство евразийской империи возобновилось и в основных своих чертах завершилось. К концу екатерининского царствования историческая судьба России окончательно определилась.

Должен напомнить читателю, что в фокусе авторского интереса находится лишь один аспект истории: эволюция политических институтов, взаимоотношения власти с обществом, поэтому многое важное и интересное остается за пределами повествования или затрагивается лишь косвенно, в связи с заглавной темой (история российского государства). В частности, в отличие от предыдущих томов, я почти ничего не пишу о жизни церкви, ибо, начиная с Петра, она фактически превращается в казенный департамент и утрачивает всяческое политическое значение. Мало касаюсь я и отечественной культуры. Мы будем говорить о ней лишь в контексте зарождения новых общественных идей, которые впоследствии окажут влияние на историю государства.

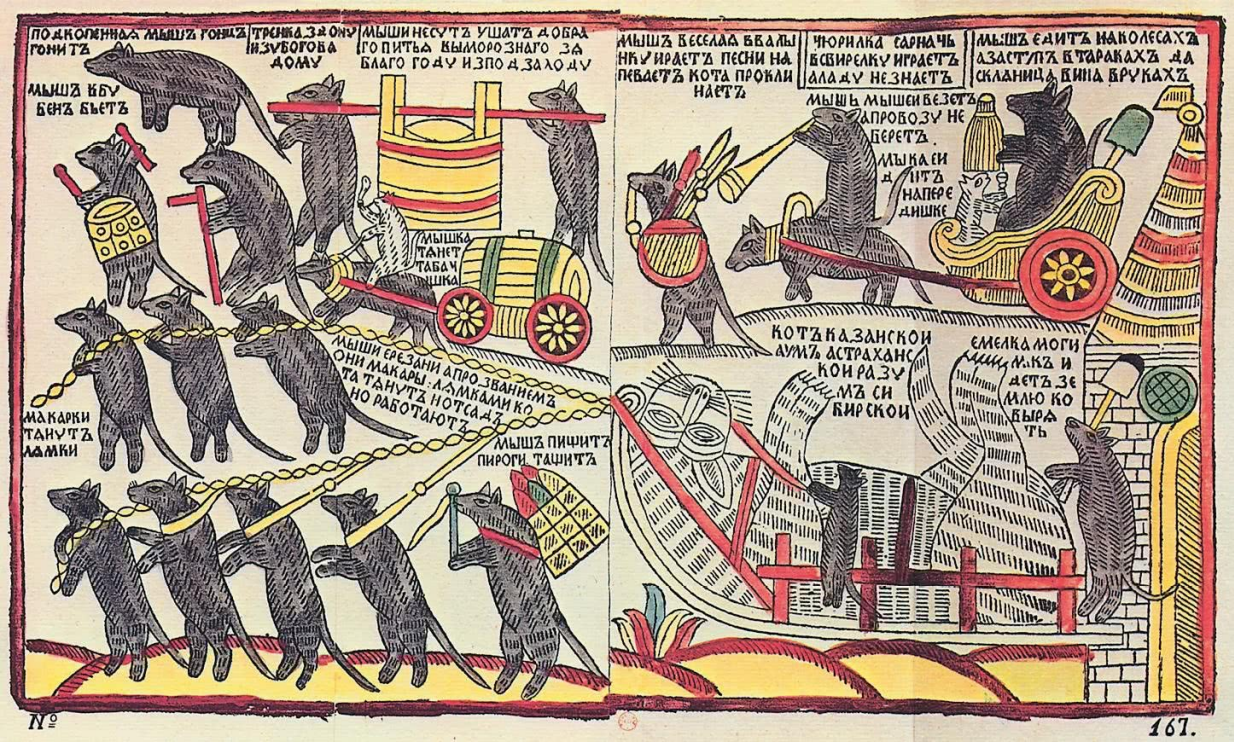
Зато довольно много места уделено теме для исторического анализа не столь важной, но для автора очень любопытной: проверке сложившихся репутаций.

К сожалению, в отечественной историографии почти во все времена превалировал принцип, некогда сформулированный почтенным Михайлой Ломоносовым: «Смотреть прилежно, чтобы [историк] был человек надежный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, надлежащих до политических дел критического состояния; природный россиянин; чтоб не был склонен в своих исторических сочинениях ко шпынству и посмеянию». В соответствии с этим заветом одних исторических деятелей у нас традиционно принято

возвеличивать, а других так же традиционно подвергать «шпынству и посмеянию». Многие из этих оценок восходят прямо к восемнадцатому веку и были политически небескорыстны. Скажем, принято считать, что Бирон был беспросветным злодеем, Петр III идиотом, Павел то ли сумасшедшим, то ли непонятым гамлетом, и так далее. Руководствуясь не позднейшими оценками, а фактами, мы проверим, что здесь справедливо, а что нет.

Итак, январь 1725 года. Умирает человек, заложивший основы нового государства, да, собственно, и бывший государством. Огромный, кое-как скроенный, неуклюжий корабль остался среди бурных волн без капитана, который один худо-бедно умел крутить штурвал и решал, куда плыть. Новорожденная империя осиротела.

Часть первая
Нервное время



Власть

Бои без правил

Петровская эпоха пугала и поражала. Она была масштабной даже в своих эксцессах и нелепостях. На смену ей пришли времена до чрезвычайности мелкие и непристойные. И виноват в этом был сам великий реформатор. Настоящий маньяк дисциплины и порядка, за свою жизнь издавший бесчисленное количество законов, указов, регламентов, уточнений к регламентам и уточнений к уточнениям, он оставил беспорядок в самом главном вопросе самодержавного государства – о преемственности власти.

Император сочинял законы для подданных, но сам себя ограничивать ими не желал. В 1722 году он упразднил прежнее, традиционное престолонаследие, согласно которому трон автоматически переходил к старшему наследнику мужского пола, и объявил, что отныне преемника будет по собственной воле назначать монарх.

Петр умер не скоропостижно, его предсмертная болезнь продолжалась почти две недели. Надежды на выздоровление скоро угасли, царя причастили и исповедовали еще за шесть дней до кончины, так что времени явить последнюю волю имелось более чем достаточно. Однако ничто кроме собственных страданий «отца отечества» (официальный титул Петра), кажется, не занимало. Лишь в самом конце, как рассказывают, он попытался написать что-то на грифельной доске, но успел начертать только два слова «отдайте всё…» – и потерял сознание.

Эта – будем называть вещи своими именами – эгоцентрическая безответственность привела к очень тяжелым последствиям. В. Ключевский пишет: «Редко самовластие наказывало само себя так жестоко», «престол был отдан на волю случая и стал его игрушкой». Но «игрушкой случая» стала и вся большая страна, в которой началась чехарда коротких царствований и политических потрясений. Во главе одной из пяти великих держав (наряду с Францией, Англией, Австрией и Турцией) оказались, как деликатно выразился историк Сергей

Платонов, личности, «по своим эгоистическим наклонностям не достойные власти».

Мучительные колебания Петра относительно преемника, в общем, понятны. Отношения с супругой у императора в 1724 году разладились, да и вряд ли он был высокого мнения о ее государственных талантах. Из мужского потомства наличествовал только малолетний внук, сын осужденного преступника царевича Алексея. Существовал риск, что мальчик попадет под влияние своей бабки, постриженной в монахини Евдокии Лопухиной. Было еще три дочери, Анна, Елизавета и Наталья, не пригодные к бремени императорской власти по возрасту, да и по способностям (хотя в случае последней, шестилетней, о способностях говорить было рано).

Но при всей тяжести выбора любое решение было бы лучше, чем никакое. Теперь же в России надолго установилась опасная ситуация неопределенного преемничества, подорвавшая стабильность власти в самом высшем ее эшелоне. При отсутствии твердых правил престолонаследия неминуемо начались бои без правил – одна из характерных черт всего данного периода российской истории.

Здесь примечательны два новых фактора, определившие лицо русского восемнадцатого века.

Первым является необычно выросшая роль императорского охранного корпуса – гвардейских полков. Ничего уникального в этом явлении нет, оно свойственно для всякой абсолютистской власти, когда неограниченность полномочий властителя подтачивается его слабостью или неспособностью. Монарх перестает полностью контролировать собственных телохранителей, и у тех возникает искушение стать активными участниками «игры престолов». Таковы были преторианцы в поздней Римской империи или янычары в современной описываемым событиям Турции. В недавней русской истории, в 1680-е годы, на исходе предшествующего, слабого формата самодержавия, подобную роль пытались играть стрельцы.

Но созданная Петром гвардия была гораздо сильнее стрельцов – прежде всего по своему социальному составу и значению.

По замыслу реформатора, служба в гвардейских полках должна была стать школой для дворянского сословия, и путь к любой карьере, как военной, так и гражданской, обычно пролегал через казарму, с

низшего, солдатского чина. Таким образом, гвардия являлась не просто дворцовой стражей или военным подразделением, а наиболее активной частью всего дворянского сословия, которое на протяжении восемнадцатого столетия, как мы увидим, постепенно становится настоящим хозяином страны. Участие гвардейцев в борьбе за престол – одновременно и проявление, и причина этой тенденции. Дворянство придавало гвардии дополнительную силу, а гвардия повышала значение дворянства.

Столетие с 1725 года, спора за наследие Петра, до 1825 года, декабристского восстания, последней попытки переворота, можно было бы назвать «гвардейским веком» русской истории.

Несколько короче длился другой примечательный феномен, так называемый «женский век» русского самодержавия, с небольшими перерывами продолжавшийся семь десятилетий. Само женское правление не было для Руси чем-то невиданным. Полулегендарная Ольга Киевская или великая княгиня московская Софья Витовтовна, предположим, жили очень давно, но сохранилась память о регентше Елене Глинской, а воспоминания о власти «великой государыни-царевны» Софьи Алексеевны были совсем свежими.

Солдаты лейб-гвардии Преображенского полка. *Литография. XIX в.*

Однако никто из русских женщин не правил страной от собственного имени, все они были временными правительницами при юных монархах мужского пола. К тому же серьезным гандикапом являлась московская традиция держать «слабый пол» взаперти. Даже смелая, решительная Софья покидала пределы своего терема почти исключительно для выхода в церковь или поездки на богомолье.

Одной из самых важных и благотворных новаций Петра была женская – вернее, дамская, поскольку речь шла только о благородном сословии, – эмансипация. Дворянам не просто позволялось, а строжайше предписывалось учить дочерей грамоте, вывозить их в свет, приобщать к европейской культуре. Трудно переоценить значение революции, которую это произвело в русской жизни. Моралист восемнадцатого столетия князь Михайла Щербатов, которого я буду часто и с удовольствием цитировать, пишет: «Жены, до того не чувствующие свои красоты, начали силу ее познавать, стали стараться умножать ее пристойными одеяниями, и более предков своих распростерли роскошь в украшении. О коль желание быть приятной действует над чувствиями жен!» Однако одеяниями и чувствиями дело не ограничивалось. Новопознанная сила женщин начала сказываться и в политике. Дамы научились интриговать, бороться за влияние, даже участвовать в переворотах. Свежая, фонтанирующая энергетика всегда мощнее прежней, привычной, и не будет преувеличением сказать, что в восемнадцатом веке «женский» фактор превалирует над «мужским». Это эпоха сильных монархинь и слабых монархов.

Еще в 1725 году, краснословя перед Петровой вдовой, Феофан Прокопович догадался соединить «владетельское благоразумие» с «матерним благоутробием», создав образ «матушки-царицы». «Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому!» – провозгласил архиерей-царедворец. Российская верхушка этой истины на протяжении всего восемнадцатого века не оспаривала.

Но в социальных низах, в народе, где положение женщин нисколько не изменилось, идея «царя в юбке» приживалась медленно и трудно. Когда такое произошло в первый раз, некоторые мужчины отказывались присягать женщине, говоря: «пускай ей бабы крест целуют». При всякой беде – неурожае или эпидемии – немедленно

распространялись слухи, что это божье наказание за «бабское царство». В Тайной канцелярии не переводились дела по оскорблению государынь именно из-за их половой принадлежности. Самым красноречивым свидетельством «несолидности» женского правления для народного сознания является то, что в эпоху непрекращающегося самозванчества почти совсем не появлялись лже-царицы и лже-царевны (княжна Тараканова, о которой речь впереди, здесь не в счет – это явление иностранное).

Впрочем, мнением народа никто не интересовался, а дворянам при «матушках-государынях» жилось много лучше, чем при грозном Петре. С точки же зрения истории, пол властителя военно-бюрократической империи не имеет значения. Этот тип государства, как мы увидим, существует по собственным законам, не зависящим от того, штаны или платье носит самодержец.

Пожалуй, единственным «гендерным» следствием эпохи императриц была мода на роскошь, ранее ни царскому двору, ни русскому правящему сословию, в общем, не свойственная. Князь Щербатов объясняет это тем, что «женский пол обыкновенно более склонен к роскошам, нежели мужской».

Как бы то ни было, с 1725 года государственная власть в России перестает быть сугубо мужским делом.

Как мыши кота хоронили

Так назывался сатирический лубок, представлявший собой народную реакцию на смерть Петра Первого. Царя и раньше изображали в виде кота (со своей круглой головой, выпученными глазами и торчащими усами он действительно был похож), и по поводу его смерти «мышам», то есть подданным, горевать не приходилось.

Не до горя было и ближнему кругу императора, хотя на людях эти высокие особы, конечно, предавались буйной скорби. Адмирал-мемуарист Франц Вильбуа пишет про безутешную вдову: «Она проливала слёзы в таком количестве, что все были этим удивлены и не могли понять, как в голове одной женщины мог поместиться такой резервуар воды. Она была одной из самых усердных плакальщиц, каких только можно видеть, и многие люди ходили специально в императорский дворец в те часы, когда она была там у тела своего

мужа, чтобы посмотреть, как она плачет и причитает». На самом же деле обвиненной в супружеской измене Екатерине, опальному Меншикову, да и прочим главным соратникам императора скорбеть было некогда. Эти мыши пустились в пляс, когда кот еще даже не умер. На карту был поставлен не только вопрос о том, кому достанется власть в стране, но – для большинства – и о том, уцелеют они или нет. Все со всеми враждовали, все друг друга не любили.

Великий преобразователь еще дышал, еще метался в агонии, а неподалеку, прислушиваясь к крикам умирающего, уже бились между собой две партии: одна стояла за жену, другая за внука.

На стороне императрицы в основном были неродовитые выскочки, пробившиеся наверх благодаря энергии, дарованиям и царской милости. Во-первых, конечно, Меншиков, чье влияние в последнее время, правда, сильно поколебалось – государь устал от воровства светлейшего и лишил его ряда важных должностей. Александра Даниловича ненавидели за высокомерие и нахрапистость; он должен был ощущать себя в большой опасности. Примерно в таком же положении находились его союзники, двое руководителей «грозных» ведомств: генерал-прокурор Павел Ягужинский и глава Тайной канцелярии Петр Толстой.

Им противостояли люди не менее серьезные, отпрыски древних фамилий. Во главе их стоял сенатор князь Дмитрий Голицын, человек умный, решительный и, в отличие от остальных, не просто заботившийся о личном интересе, но имевший политические убеждения (в свое время мы с ними ознакомимся). Он был силен еще и поддержкой брата, лучшего русского полководца Михаила Голицына, который в политических интригах не участвовал, но привык во всем слушаться старшего родственника. К этой же партии принадлежал знаменитый фельдмаршал Аникита Репнин, сменивший Меншикова на посту президента Военной коллегии.

Предводители остальных родов войск – командующий флотом Федор Апраксин и начальник артиллерии Яков Брюс – особенной активности не проявляли, поскольку первый был вял характером и болен, а второй мечтал лишь о том, чтоб удалиться на покой и заняться науками. Тихо себя вел и славившийся осторожностью канцлер Гаврила Головкин, дожидаясь исхода противостояния, чтобы примкнуть к победителям.

Позиция Екатерины – женщины, простолюдинки, иностранки – выглядела слабой. Хоть несколькими месяцами ранее ее и провозгласили императрицей, но в народном сознании этот новый титул ничего не значил, да и с точки зрения европейских держав царевич Петр, племянник австрийской императрицы, был несравненно легитимней.

Некоторые отечественные историки поддались искушению изобразить этот конфликт как столкновение между «старым» и «новым» – между родовитой аристократией, косными приверженцами старины, с одной стороны, и «птенцами гнезда Петрова», продолжателями его дела, с другой. Однако возвращаться к старине, отказываться от трудно доставшегося величия никто не собирался, а глава «ретроградов» Дмитрий Голицын, один из самых образованных людей эпохи, был несравненно просвещенней «прогрессивного» Меншикова.

Участники расправы над несчастным царевичем Алексеем очень боялись, что сын покойного впоследствии станет им мстить. Именно поэтому не увенчались успехом попытки Дмитрия Голицына прийти к компромиссу: провозгласить Петра императором, а Екатерину – регентшей до его совершеннолетия.

Страх – более мощный мотиватор, чем политические убеждения. В случае поражения «княжескую» партию просто отодвинули бы от власти; «екатерининской» партии неудача сулила гибель.

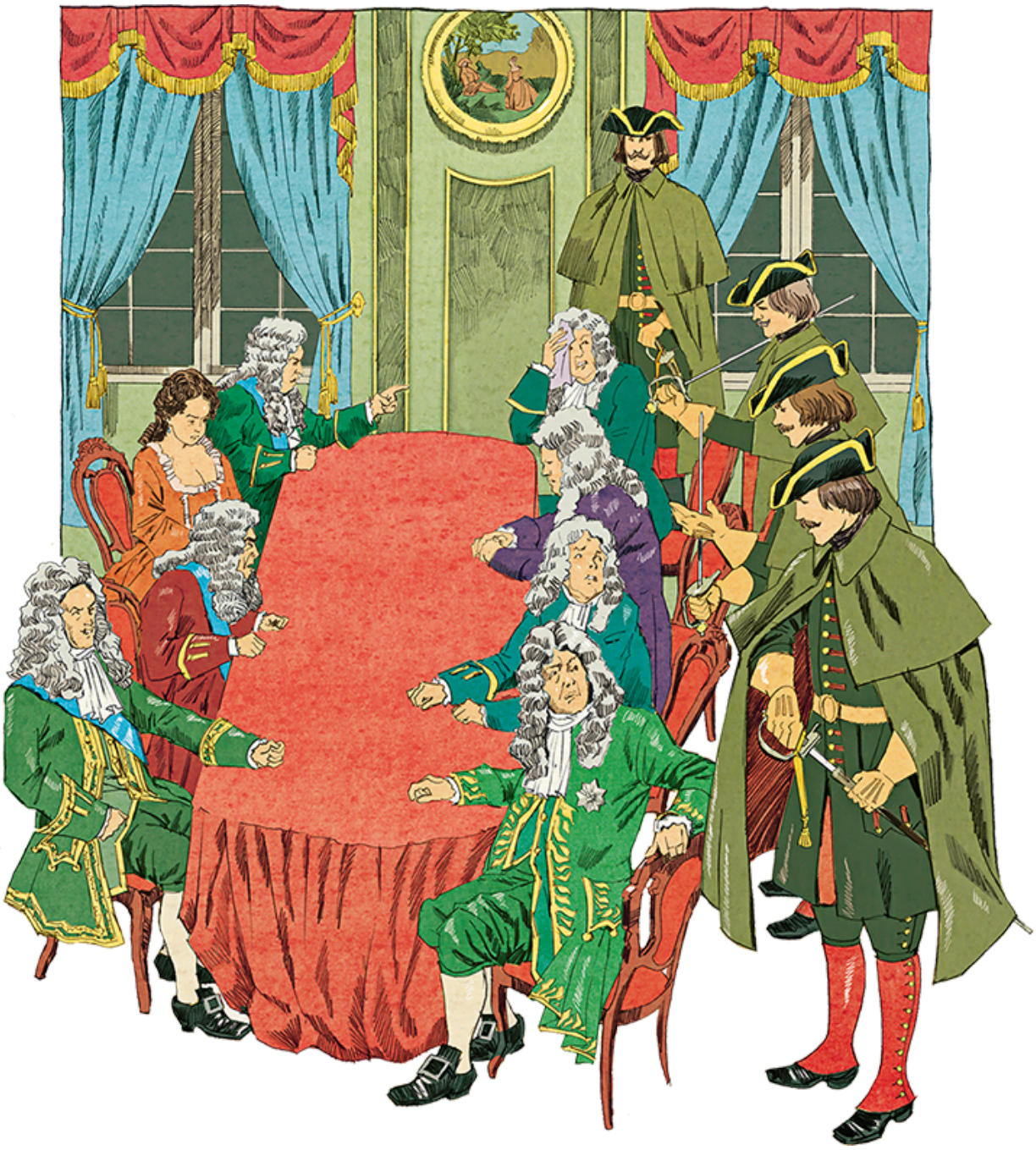
И тут впервые сказала свое слово гвардия. Она была гораздо малочисленней армии, повиновавшейся фельдмаршалу Репнину, зато находилась в непосредственной близости от дворца. Гвардейцы обожали щедрую на подарки Екатерину, а фактическим их командиром был генерал-аншеф и подполковник Преображенского полка (полковником считался сам государь) Иван Бутурлин, про которого ходили слухи, что он непосредственно участвовал в тайном убийстве царевича Алексея.

В ночь на 28 января, когда Петр был уже без сознания и доживал последние часы, состоялось решающее заседание, в котором вроде бы полагалось участвовать лишь первым лицам государства. Однако, когда прения зашли в тупик, в зал начали входить гвардейские офицеры, и их становилось все больше. Они напрямую не участвовали в спорах, но вели себя не сказать чтобы тихо: поддерживали сторонников Екатерины

и сулились «разбить головы» тем, кто против нее. Во двор с барабанным боем вошли гвардейские роты. Когда президент Военной коллегии Репнин сердито спросил, что это значит и кто-де посмел привести сюда солдат без его приказа, Бутурлин дерзко ответил, что гвардейцы явились по воле императрицы, которой должны подчиняться все, в том числе и фельдмаршал.

После этого Репнин сразу сбавил тон и заявил, что он за самодержавную власть государыни Екатерины Алексеевны. К этому мнению немедленно присоединился канцлер Головкин, и в пятом часу утра, примерно в то самое время, когда Петр Великий испустил дух, дело было кончено. Все сенаторы и высшие сановники согласились на передачу трона императрице Екатерине I.

Несколько иностранных дипломатов сообщают одну любопытную подробность, которая выставляет эту мышиную возню над умирающим котом в еще более некрасивом свете. Похоже, что Екатерина и ее соратники не очень-то и хотели, чтобы царь назначил престолонаследника. Вряд ли это была бы Екатерина. Поэтому перед спальней поставили караул из верных солдат и никого чужого к умирающему не подпускали, с ним рядом все время была только жена. Не исключено, что Петр и успел как-то выразить свою волю, да никто об этом не узнал. Самый могущественный человек державы в последние часы своей жизни уже ничем не распоряжался.



Гвардейцы помогают принять правильное решение. *И. Сакуров*

Манифестом от лица Священного Синода, Высокоправительствующего Сената и генералитета народу предписывалось верно служить «всепресветлейшей, державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской».

В царской фамилии обозначилась новая иерархия, наглядно продемонстрированная миру на похоронах первого российского императора.

За новой императрицей, строго по порядку, шествовали сначала ее дочери, затем дочери покойного Ивана V, за ними кузины Петра по материнской, нарышкинской линии, далее герцог Голштинский (жених Анны Петровны) и самым-самым последним оказался Петр-младший. Воцарение очень странной особы и принижение очевидного наследника с безупречной родословной выглядели скандально, но за петровскую эпоху и русские, и иностранцы привыкли, что в России постоянно происходит какая-то небывальщина, так что никто особенно не удивился.

Императрица Марта Скавронская

Таково было настоящее имя первой русской самодержицы – женщины, чья судьба похожа на волшебную сказку. В предыдущем томе было рассказано, как из служанок она сделалась сначала царской «метреской», затем законной супругой и наконец коронованной особой (на Руси такое прежде случалось лишь единожды – когда Лжедмитрий короновал Марину Мнишек).

> В точности неизвестно даже, какой национальности была Марта: литовка, латышка, эстонка? Родным языком ее семьи, переселившейся в Лифляндию из Речи Посполитой, был польский. Непонятен и год ее рождения – то ли 1683, то ли 1684, то ли 1688 (с возрастом он перемещался на все более поздний срок). Очевидно, в детстве Марта была католичкой, но затем перешла в лютеранство, а оказавшись царской любовницей, сделалась православной. Ее брак с Петром, по сути дела являлся незаконным, поскольку в это время еще жил первый муж бывшей Марты, шведский солдат.

Из всех чудес петровской эпохи это, возможно, самое удивительное: нерусская, безродная «блудня» (как называли ее недруги в память о непростой юности) смогла воссесть на трон женоненавистнической, недоверчивой к иноземцам, ханжески-

чопорной державы. С воцарением Марты-Екатерины Россия разом рассталась с ксенофобией, мизогинией и разучилась святошествовать.

При этом выдающейся личностью Екатерина отнюдь не являлась. Единственным ее талантом был так называемый женский ум, благодаря которому она сумела привязать к себе вспыльчивого и непоседливого Петра. Когда ему требовалось, жена была рядом; когда мешала – не докучала; исправно рожала детей; опекала кратковременных (и неопасных) любовниц; никогда не теряла бодрости и веселости; умела смягчать припадки, от которых страдал царь. Одним словом, это была образцовая «боевая подруга», чьи лучшие качества и проявились в бою, во время Прутской катастрофы 1711 года, когда Екатерина сохранила присутствие духа и поддержала запаниковавшего мужа.

Иногда Петр, кажется, спрашивал ее мнения о делах, но вряд ли так уж ценил его. В сохранившейся переписке между супругами государственные вопросы ни разу не затрагиваются. (Некоторые историки сомневаются, умела ли вообще Екатерина писать и не диктовала ли она свои послания секретарю. В любом случае, сильно грамотной она не была). Соловьев оценивает ее так: «…Знаменитая ливонская пленница принадлежала к числу тех людей, которые кажутся способными к правлению, пока не принимают правления. При Петре она светила не собственным светом, но заимствованным от великого человека, которого она была спутницею».

Все авторы признают, что Екатерина обладала здравым смыслом, но для управления империей одного этого качества было недостаточно.

Впрочем, наследница великого Петра сама править и не собиралась – для этого у нее имелся опытный и предприимчивый Меншиков, с которым Екатерину связывала многолетняя дружба.

Знаменитый фельдмаршал Миних, очень не любивший Александра Даниловича, в своих «Записках» лаконично сообщает: «Правительство империи в это время состояло единственно в деспотическом своеволии князя Меншикова». Но это не совсем верно.

С воцарением своей бывшей любовницы и давней покровительницы Меншиков, конечно, сильно увеличил свое влияние: вернул себе президентство в Военной коллегии, добился прекращения всех ведшихся против него следственных дел, присвоил богатые владения на Украине, однако нельзя сказать, чтобы императрица его во всем слепо слушалась. Александр Данилович поселился в Зимнем

дворце и почти всякий день бывал у нее – но в дневное время, не ночью. Восстановить интимные отношения с Екатериной ему не удалось. Жизнелюбивая императрица предпочитала более молодых и веселых любовников. Сначала это был лифляндец Рейнгольд фон Левенвольде, потом поляк граф Петр Сапега. Оба красавца царице нудными государственными заботами не докучали.

Екатерина Первая. *Ж.-М. Наттье*

Первая Екатерина уступала второй, Великой, по всем статьям, кроме одной: она умела проводить различие между умными мужчинами и красивыми мужчинами. Первых она использовала для государственных нужд, вторых – исключительно для личных, и две эти категории не смешивала.

Поэтому влияние Александра Даниловича на Екатерину Алексеевну получилось ограниченным. Не всем властолюбивым планам Меншикова суждено было осуществиться; его незаурядная энергия тратилась в основном на сохранение и укрепление своего положения.

Интриги и закулисные комбинации, которыми так богата история «нервного времени» не заслуживали бы подробного описания, если бы в этой несимпатичной возне не проступали черты новых координат, в которых отныне будет существовать российская политическая элита. Если так можно выразиться, постпетровские вельможи задали алгоритм, которому будут следовать околовластные группировки и последующих эпох. Управление страной станет задачей второстепенной и менее важной, чем сохранение собственного влияния; приоритетом будут не национальные, а личные интересы; обычной тактикой – кратковременные конъюнктурные коалиции, переходы из лагеря в лагерь, подкупы, предательства, провокации.

При сильном правителе Петре сановники подсиживали друг друга из карьерных или корыстных соображений, не в погоне за властью. Но начиная с 1725 года ставки повысились, и государственные мужи очень быстро освоились в лабиринте пресловутых «коридоров власти».

Конечно, интриги процветали и в Московском царстве, но не в таком масштабе, не с таким размахом и не с таким бесстыдством. Впрочем, может быть, мы просто меньше знаем о боярских и дьяческих хитроумиях из-за скудости письменных источников. Теперь-то в свидетелях и комментаторах нехватки не было. Составляли отчеты хорошо осведомленные дипломаты, писали мемуары понаехавшие отовсюду иностранцы, да и русские авторы восемнадцатого века стали гораздо более «писучими», чем их предки.

Сразу же после победы у Меншикова произошла серьезная стычка с генерал-прокурором Павлом Ягужинским, тоже претендовавшим на первенство. Это был человек не менее активный и честолюбивый, чем

светлейший, но несдержанный и во гневе буйный. Очень скоро, в конце марта того же 1725 года, князь спровоцировал соперника на публичный скандал: разъяренный Ягужинский закатил сцену во время службы в Петропавловском соборе. Императрица, очень заботившаяся о солидности своего несолидного царствования, ужасно рассердилась, и положение Павла Ивановича пошатнулось.

Зато в столицу вернулся давний враг Меншикова бывший вице-канцлер Петр Шафиров, которого соперники двумя годами ранее скомпрометировали точно по такому же рецепту, что теперь Меншиков Ягужинского. Вновь избавиться от хитрого, изобретательного Шафирова, возглавившего Коммерц-коллегию, у Меншикова, тратившего на это немало усилий, никак не получалось.

В обстановке такой непрекращающейся «подковерной борьбы» прошел целый год, после чего в феврале 1726 года возник новый орган высшей власти – Верховный Тайный Совет, поставленный над Сенатом и включивший в себя наиболее влиятельных его членов. В Совет вошли шесть человек: Меншиков, генерал-адмирал Апраксин, канцлер Головкин, начальник Тайной канцелярии Толстой, вице-канцлер Остерман и князь Дмитрий Голицын, никакого важного поста не занимавший.

Со стороны могло показаться, что тем самым власть Меншикова сокращалась и ограничивалась, однако современный историк Е. Анисимов, изучивший все маневры светлейшего накануне создания Совета, убедительно доказал, что этот орган был создан самим Меншиковым в результате переговоров со всеми важными особами государства. Это был весьма ловкий аппаратный ход, благодаря которому Александр Данилович, во-первых, вывел за скобки Ягужинского с Шафировым; во-вторых, погасил враждебность главы «аристократической партии» князя Д. Голицына; в-третьих, обеспечил себе твердое большинство в правительстве благодаря поддержке Толстого и Апраксина при неизменно покладистом Головкине и тишайшем Остермане.

О незаменимом и непотопляемом бароне Остермане, истинном гении политического хитроумия, нужно сказать отдельно, поскольку с ним мы будем неразлучны на протяжении всего «нервного времени».

Напомню, что Андрей Иванович выдвинулся за несколько лет перед этим, блестяще проведя исторические переговоры с шведами о

мире и впечатлив Петра своими проницательными реляциями, которые скромно называл «партикулярными малоумными мнениями». Подчеркнутая скромность была главным остермановским тактическим приемом, к которому присоединялась сугубая осторожность. Он всегда примыкал к выигрывающей фракции, оказывал ей разные дельные услуги и не требовал за них награды. Все ценили его за ум и трудолюбие, все его использовали, и никто не считал соперником, никто не опасался. Так он и поднимался со ступеньки на ступеньку, пока не оказался в составе Верховного Тайного Совета, бесконфликтно и мирно обойдя многих куда более могущественных особ.

Согласно указу, Совет учреждался «при боку» Екатерины, дабы «учинить облегчение» царице «в тяжком бремени правительства». Все новые законы и решения отныне должны были проходить через это учреждение. Более того, императрица объявляла, что не будет принимать никаких докладов («партикулярных доношений»), если их предварительно не рассмотрели в Совете.

Это выглядит, как ограничение монархии и чуть ли не конец самодержавия, но такое впечатление ошибочно. Ограничение монархии – это когда носителя высшей власти лишают части полномочий против его воли, здесь же произошло нечто противоположное: императрица сама не хотела заниматься скучным и мудреным делом управления. Указ не лукавил, речь действительно шла об «облегчении». Верховный Тайный Совет вовсе не покушался на права Екатерины, а был чем-то вроде инвалидного кресла-каталки для государыни, не способной и не желающей править самостоятельно.

Андрей Иванович Остерман. *Неизвестный художник. XVIII в.*

С точки же зрения интересов Меншикова, в новом качестве он избавлялся от контроля прежнего высшего органа, Сената, и получал максимальную свободу действий.

На протяжении своего недолгого царствования Екатерина I с воодушевлением отдавала лишь те распоряжения, которые отвечали ее жизнерадостному нраву. Например, отбыв положенный срок траура и опустошив вышеупомянутые «резервуары слез», она сразу же, безо всякого интервала, перешла к озорному веселью. Первого апреля 1725 года царица велела бить в набат, как будто в городе пожар, и очень радовалась поднявшейся в столице панике. Кажется, это первое в отечественной истории празднование Дня Дураков.

Во дворце что ни день пировали и плясали, устраивали состязания, кто больше выпьет – к такого рода забавам Екатерина приохотилась еще при муже.

Князь Щербатов вздыхает: «Краткое царствование сей императрицы впрочем больших перемен не могло учинить, окроме что вывоз разных драгоценных уборов и вин весьма умножился, и сластолюбие сие во все степени людей проникло, умножило нужды, а умножа нужды, умножило искание способов без разбору, дабы оные наполнить». Веселились, правда, не так буйно и зло, как во времена Всешутейшего Собора, без глумлений и истязаний. Государыня была женщиной доброй.

Верховный Тайный Совет тем временем должен был заниматься государственными делами.

Более подробно о внутренней политике «нервного времени» мы поговорим в следующем разделе, пока же изложу лишь самую ее суть.

Главной проблемой были финансы. Долгая война и череда петровских мегапроектов вроде строительства новой столицы или создания канальной системы вконец разорили и без того бедную страну. Народ обнищал, недоимки по податям копились долгие годы. Поэтому насущнейшая забота всех правительств первого постпетровского периода – уменьшить расходы и восстановить платежеспособность населения.

Ничего особенно выдающегося в этом смысле меншиковское правление не совершило: сократили число чиновников (которых и так не хватало), немного скостили подушную подать, да вывели солдат на постой из деревень в города, чтоб облегчить жизнь крестьянам. Из великих замыслов свежеусопшего императора был осуществлен лишь

один, наименее затратный: наконец открыли Академию наук, обещанную Петром, однако очень скромно, без размаха.

Фактического правителя Меншикова собственные интересы волновали больше государственных. Александр Данилович все время пытался упрочить свое положение. Бывший пирожник уже именовался дважды князем, герцогом, графом, но теперь у него возник дерзкий замысел стать «потентатом», то есть венценосной особой, что подняло бы его над всеми прочими вельможами.

У границ империи находилось маленькое государство Курляндия, формально вассал Польши, а фактически подконтрольное России. Курляндский престол можно было считать вакантным. Герцогиня Анна, дочь царя Иоанна VI, устала вдовствовать и хотела выйти замуж. Немедленно объявился претендент, блистательный Мориц Саксонский, бастард польского короля-курфюрста Августа Сильного. Анне Иоанновне жених очень понравился, но в Санкт-Петербурге затревожились: Курляндия могла выйти из зоны российского влияния. Урегулировать проблему вызвался Меншиков.

Он действовал со своим обычным нахрапом. Примчался в Митаву, всех там запугал, пригрозил местному дворянству ввести 20 тысяч солдат, Анне же сделал предложение, от которого она побоялась отказаться: сделать герцогом его, Александра Даниловича. «Ее высочество, выслушав, рассудила всё то свое намерение [выйти за Морица Саксонского] оставить и наивяще желает, дабы в Курляндии герцогом быть мне», – бодро доложил светлейший в Петербург. Там все пришли в волнение, предвидя большие дипломатические осложнения с Пруссией и Речью Посполитой.

Узнав о том, что идея Меншикова была его собственной инициативой, курляндцы и Анна от своих обещаний отказались, на родине Александр Данилович поддержки тоже не получил, и вся его авантюра расстроилась. Единственным ее результатом было то, что герцогиня осталась вовсе без женихов (что, как мы скоро увидим, пошло ей только на пользу).

Неугомонный Меншиков тут же разработал новую комбинацию, которая выглядела еще честолюбивее. Он тревожился за свое будущее.

Екатерина Алексеевна, не отличавшаяся крепким здоровьем, вела разгульную жизнь и могла долго не прожить. Светлейший решил подстраховаться. Каким бы приниженным ни выглядел статус царевича

Петра в династической иерархии, всем было очевидно, что по смерти императрицы его партия вновь поднимет голову и позиции ее будут очень сильны. Поэтому Меншиков решил заранее договориться с Дмитрием Голицыным, главой «аристократической» фракции. Условия были такие: Александр Данилович уговорит Екатерину назначить мальчика наследником, а за это Петр женится на дочери светлейшего.

Претендент, которому трудно отказать. *И. Сакуров*

Дело устроилось быстро и, главное, вовремя. В апреле 1727 года императрица в очередной раз слегла и уже не поднялась. Ее свело в могилу воспаление легких, но Меншиков успел подсунуть умирающей соответствующее завещание, а с одиннадцатилетнего Петра, кроме обязательства жениться на шестнадцатилетней Марии Александровне, была еще взята клятва не мстить погубителям его отца.

Переметнувшись в лагерь сторонников Петра, светлейший разрывал отношения с половиной Тайного Верховного Совета и, чтобы нейтрализовать их противодействие, должен был с ними расправиться.

Главным соперником Меншикова последние два года был гольштейн-готторпский герцог Карл-Фридрих. Этот молодой человек, племянник Карла XII, считался претендентом на шведский престол, а женившись на старшей дочери Петра I, кажется, стал подумывать и о том, чтобы прибрать к рукам великую северную империю. Как зять царицы, он занимал первое место в Совете. Меншиков все время интриговал против принца, но, пока жила Екатерина, поделать с ним ничего не мог.

Назначение наследником Петра Алексеевича не могло понравиться Карлу-Фридриху, однако светлейший боялся не легкомысленного голштинца, а графа Петра Толстого. Это был человек действительно опасный и твердо знавший, что уж кого-кого, но его новый царь не простит. В таком же положении находились другие активные участники расправы над царевичем Алексеем: генерал-полицмейстер Девиер, бывший обер-прокурор Скорняков-Писарев и уже знакомый нам генерал Бутурлин – тот самый, чья решительность недавно определила исход спора о наследии Петра Великого.

Эти серьезные люди составили заговор против Меншикова, но тот нанес упреждающий удар. Всех арестовали, молниеносно предали суду, причем графа Девиера, с которым они были женаты на сестрах, светлейший подверг пытке. Уже через несколько дней императрице, прямо в день ее смерти, подсунули на подпись суровый приговор: противники Меншикова отправились в ссылку.

Александр Данилович блестяще преодолел все препятствия, уничтожил своих врагов и обеспечил себе положение полновластного регента-правителя при малолетнем монархе.

Император-подросток

«И можно сказать, что князь Меншиков был купно правитель государства и дятка [дядька] государев», – так определяет Щербатов положение, которое занял светлейший в начале мая 1727 года. Александр Данилович переселил юного царя в свой дворец, на Васильевский остров, подпускал к мальчику только доверенных людей, и даже отлучаясь из города, норовил взять Петра с собой.

Просить о милостях и наградах Меншикову теперь было некого – он мог награждать себя от царского имени сам. В считаные дни сделался генералиссимусом и генерал-адмиралом, обручил дочь с императором, провозгласил ее «принцессой» и «его величества невестой-государыней», а тринадцатилетнему сыну Александру дал высший придворный чин обер-камергера.

Верховный Тайный Совет сохранился, но правитель перестал удостаивать это учреждение частыми посещениями – попросту присылал распоряжения, чтобы члены подготовили и издали тот или иной указ.

Со своими врагами Меншиков не церемонился. Престарелый граф Толстой скоро умер в темнице; Девиер и Скорняков-Писарев были биты кнутом и отправлены в Якутск; угодил в ссылку с конфискацией имущества и Бутурлин. Не участвовавшие в заговоре Ягужинский и Шафиров были попросту отправлены служить на периферию, причем последний получил довольно издевательское назначение ведать китоловным промыслом на Белом море.

Пришлось убираться из России и герцогу голштинскому, для которого «большие надежды» ничем не закончились. Бойкому, но незадачливому принцу, зарившемуся на два престола, не достанется ни один, и главное его свершение произойдет лишь посмертно: он станет предком российских императоров, начиная с Петра Третьего и заканчивая Николаем Вторым.

Прусский посол докладывал своему королю: «Могущество Меншикова невообразимо возросло в несколько дней. Он вполне владеет и душой, и личностью молодого императора, который окружен лишь креатурами Меншикова… Князь никому не дозволяет разговаривать с императором, если сам или кто-нибудь из его поверенных не присутствуют при этом».

Но столь хитро и безжалостно завоеванное полновластие Меншикова продолжалось очень недолго, каких-то два месяца, и рассыпалось с невероятной легкостью. Дело в том, что держалось оно на крайне ненадежной основе – хороших отношениях с Петром. В «ордынской» системе даже ребенок-самодержец все равно является единственным источником политической воли и легитимности, никаких иных обоснований и опор не бывает. В свое время это продемонстрировал сначала тринадцатилетний Иван IV, очень легко избавившийся от вроде бы могущественного правителя Андрея Шуйского (велел псарям забить князя до смерти, да и дело с концом), а затем семнадцатилетний Петр I, безо всякой борьбы одолевший многоумного Василия Голицына и грозную царевну Софью.

Для того чтобы полностью контролировать подростка, Меншикову следовало бы вовсе никогда с ним не разлучаться, но светлейший не мог быть только «дяткой», надо же было и государством управлять. Плотная опека самых первых дней скоро окончилась. Александр Данилович нашел человека, которому решился доверить роль царского воспитателя, – барона Остермана. Выбор казался прекрасным. Умный, скромный, ответственный, непритязательный Андрей Иванович не мог представлять никакой опасности для генералиссимуса, адмирала, дважды князя и дважды герцога (австрийский император поспешил увенчать нового российского диктатора еще одним громким титулом), наконец без пяти минут царского тестя. Неразлучен с царем был и глава придворного штата Меншиков-младший.

Петр Второй. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Остерману поручили руководить обучением и наставлением венценосного мальчика. Барон разработал превосходную программу, однако трудно научить чему-то школьника, если он главнее своих преподавателей и к тому же совсем не желает учиться.

Юный Петр интересовался только охотой и обладал строптивым дедовским нравом. «Монарх говорит со всеми тоном властелина и делает что хочет, – сообщал в реляции саксонский посланник. – Он не терпит пререканий, постоянно занят беготнею; все кавалеры, окружающие его, утомлены до крайности». Из всех приставленных к нему придворных Петр отличал только девятнадцатилетнего Ивана Долгорукого, такого же шалопая, как он сам. Навязанную ему невесту царь на дух не выносил, младшего Меншикова колотил, доводя до слез.

Барон Остерман скоро понял, что педагогическими усилиями лишь озлобит против себя императора, и благоразумно перестал докучать его величеству науками. Трудно сказать, настраивал ли втихомолку Андрей Иванович царя против генералиссимуса. Если и да, то делал это без свидетелей. Умный Остерман отлично понимал, что в сложившихся обстоятельствах падение светлейшего – вопрос времени.

Неизбежный исход ускорился из-за болезни Александра Даниловича. Всю вторую половину лета он провел в постели. Этих полутора месяцев оказалось достаточно, чтобы двенадцатилетний Петр совершенно «отбился от рук». Выздоровев, Меншиков обнаружил, что мальчик больше не желает его слушаться.

Разные авторы пересказывают один и тот же эпизод, якобы ставший для правителя роковым.

Цех столичных каменщиков поднес-де государю в виде дара 9 000 червонцев. Служитель, несший золото, попался на глаза Меншикову. Тот заявил, что ребенку такие большие деньги ни к чему, и забрал их себе. Непомерная алчность и бесцеремонность опекуна привела Петра в бешенство и дала толчок последующим событиям.

История эта, вероятно, выдумана или сильно преувеличена, поскольку девять тысяч золотых монет весят около тридцати пяти килограммов, да и не был Александр Данилович так мелочно, по-глупому жаден. Он действительно несколько раз пытался ограничить неуемную

расточительность подростка, однако, по-видимому, из педагогических соображений, а не из алчности.

За время отсутствия Меншикова выяснилось, что он вовсе не является таким уж незаменимым, а возвращение светлейшего показало, что с ним хуже, чем без него. Никакой другой причины для опалы и не требовалось. Коварство Остермана, возможно, ограничивалось только тем, что он врал правителю, будто император по-прежнему благосклонен к будущему тестю. Поэтому Меншиков оказался совершенно не готов к обрушившемуся на него удару.

В начале сентября мальчик внезапно съехал из меншиковского дворца, велел гвардии слушаться только приказов самого государя, а уже на следующий день генералиссимусу был объявлен домашний арест. От неожиданного потрясения Александр Данилович упал в обморок.

Очнувшись, он написал подростку униженное письмо с просьбой уволить его от всех дел «для старости и болезни», как ранее по собственному прошению был отпущен со службы на покой генерал-фельдцейхмейстер Яков Брюс, мирно доживавший свой век в поместье.

Но Меншиков был не Брюс, его слишком боялись и ненавидели. Светлейший не щадил своих врагов, теперь не пощадили и его. В царском указе «о винах» бывшего правителя говорилось, что он «брал великие взятки», рассылал без царского ведома «повелительныя указы», а самое скверное – «дерзнул нас принудить на публичный зговор к сочетанию нашему на дочере своей, княжне Марье, ограживая, ежели б мы на то не соизволили, весьма нам противным и вредительным злым своим намерением».

Добивали Александра Даниловича постепенно, с обстоятельностью и сладострастием.

Сначала вроде бы согласились отпустить «по-брюсовски» в собственное имение. Однако четыре месяца спустя отобрали почти все огромное состояние и отправили в ссылку, которая обещалась быть не слишком дальней, но еще через три месяца превратилась в сибирскую.

По дороге в северный Березов умерла княгиня. Избу для житья Меншиков должен был срубить себе сам. Осенью 1729 года он и его дочь, несостоявшаяся царица, умерли. Двум

остальным детям в конце концов позволили вернуться, но отдали лишь крохи отцовского богатства.

Сказка о пирожнике, который благодаря своей ловкости и удали завладел царством-государством, закончилась грустно. С чего начал, тем и кончил, говорил Александр Данилович в конце жизни.

А в Санкт-Петербурге тем временем настали совсем уж диковинные времена. Великой империей и жизнью ее пятнадцатимиллионного населения распоряжался трудный подросток, вырвавшийся из-под опеки взрослых.

Нет смысла подробно описывать личность Петра Второго, поскольку его правление было очень коротким. Единственной чертой характера, которую успел проявить «державный отрок», было своеволие. Вероятно, доживи царь до зрелого возраста, он стал бы деспотом почище деда, но по юности лет император проливал кровь только на охоте. Зверей он истреблял с каким-то неистовым азартом. Подсчитано, что за одну осень он подстрелил четыре тысячи зайцев, не считая прочей живности. «Охота господствующая страсть царя (о некоторых других страстях его упоминать неудобно)», – доносит своему правительству английский посланник, имея в виду разврат, к которому подросток приобщился под влиянием своего приятеля Ивана Долгорукого.

Меншиков в Берёзове. *В. Суриков*

Уроками – латынью, историей, географией, математикой, механикой – хозяин империи занимался не более часа в неделю («в понедельник пополудни, от 2 до 3-го часа»), чем сильно отличался от другого Петра, Великого, который тянулся к наукам с детства.

Делами государственными Петр II не интересовался вовсе – и это, вероятно, к лучшему. В Верховном Тайном Совете он не появлялся, а в конце 1727 года вообще переместился в Москву, где остался надолго, потому что охотиться в тамошних пригородных лесах было вольготнее, чем в ингерманландских болотах.

Фактическое управление страной без каких-то специальных назначений, без шума, перешло к Андрею Ивановичу Остерману, который решал неотложные проблемы по мере необходимости.

Иностранные послы сообщали, что «всё в России в страшном беспорядке».

Царского фаворита Ивана Долгорукого, произведенного в обер-камергеры, испанский посол герцог де Лириа, автор замечательно интересных записок, характеризует следующим образом: «Ум у него был весьма ограниченный, ни малейшей не было проницательности, много спеси и гордости, мало решительности и никакого расположения к труду».

Но у никчемного князя Ивана были более честолюбивые родственники, плотно взявшие царя под свою опеку. Клан Долгоруких стал прибирать к рукам ключевые должности. Отец фаворита Алексей Григорьевич со своими двоюродным братом Василием Лукичом и троюродным Михаилом Владимировичем сделались членами Верховного Тайного Совета; Василия Владимировича Долгорукого произвели в фельдмаршалы и тоже ввели в состав высшего органа власти; Сергея Григорьевича срочно отозвали с должности посланника в Париже, проча в обер-шталмейстеры.

Но Долгоруким и этого было мало. Они решили пойти по меншиковской дорожке – породниться с государем. Насильно поженить своенравного подростка теперь не удалось бы, но Алексей Григорьевич стал подсовывать ему своих трех дочерей, и одна, семнадцатилетняя Екатерина, Петру понравилась. Он сделал другу Ивану приятное – пообещал взять в жены его сестру. Долгорукие моментально устроили обручение, и Екатерина стала называться «принцессой-невестой». Свадьбу назначили с неприличной для царского дома поспешностью – через полтора месяца, на январь 1730 года.

Но на празднике Водосвятия мальчик жестоко простудился, а затем еще и подхватил оспу. В ночь на 19 января Петр Второй, суливший стать ужасным государем, скончался на пятнадцатом году жизни. Последние его слова были: «Запрягайте сани, хочу ехать к сестре» (его любимая сестра Наталья умерла год назад, тоже четырнадцатилетней).

Автор довольно правдивых записок Кристоф фон Манштейн пишет: «Лишь только Петр II закрыл глаза, как князь Иван [Долгорукий] вышел из комнаты и, со шпагой наголо, закричал: “Да здравствует императрица Катерина!” Но так как на этот возглас никто не отвечал, то он увидел тщетность своего плана, вложил шпагу в ножны и отправился домой».

Никто, конечно, не собирался делать княжну Долгорукую императрицей.

Попытка изменения основ государственного строя

Именно так, применяя современную юридическую терминологию, следовало бы квалифицировать последующие события. Этот небольшой эпизод заслуживает обстоятельного рассказа, ибо речь шла не об обычной борьбе за власть между враждующими группировками, а о покушении на принцип самодержавия и, стало быть, на самое фундамент русской государственности, сложившейся в XV веке. Если бы замысел осуществился, его исторические последствия были бы много значительнее всех реформ Петра Великого.

Со смертью юного императора мужская линия династии Романовых окончательно пресеклась. Очевидного наследника не было – только дочь Петра I, двадцатилетняя Елизавета, да три дочери давно умершего царя Ивана. Никто из этих женщин не имел своей партии. У первых сановников державы, за последние годы привыкших к бесконтрольности, не могло не возникнуть соблазна распорядиться властью по-своему.

Нелепая выходка обер-камергера Долгорукого, попробовавшего объявить свою сестру, царскую невесту, императрицей, произошла не на пустом месте.

Когда стало ясно, что Петр II не жилец, самые глупые из Долгоруких – Иван и его отец Алексей Григорьевич – стали убеждать родственников подсунуть умирающему завещание в пользу «принцессы-невесты». Единственный умный из семейства, фельдмаршал Василий Владимирович, участвовать в авантюре отказался, но остальных это не остановило. Они не только составили духовную, но, поняв, что Петр уже не придет в сознание, подделали его росчерк. (Все эти подробности впоследствии будут скрупулезно восстановлены при весьма драматических обстоятельствах).

В ночь, когда умер император, неподалеку от его смертного одра, в одном из кремлевских покоев, собрались большие люди, считавшие себя вправе решать судьбу престола. Их было семь с половиной: братья Голицыны (Дмитрий Михайлович и фельдмаршал Михаил Михайлович), четверо Долгоруких (Алексей Григорьевич, Василий

Лукич, фельдмаршал Василий Владимирович и сибирский губернатор Михаил Владимирович), канцлер Головкин, а «половиной» следовало считать вице-канцлера Остермана, который уклонился от опасного заседания, сославшись на свое иноземство, однако находился поблизости – ждал, когда споры закончатся и можно будет присоединиться к победившему лагерю. Таким образом, судьбу династии решали представители той самой старинной знати, с могуществом которой, казалось, навсегда покончил Петр Великий: два Гедиминовича, четыре Рюриковича и Гаврила Головкин, сын боярина.

Дмитрий Михайлович Голицын. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Неотложный вопрос о престолонаследии определился довольно быстро. Собрание вел Дмитрий Голицын, самый авторитетный из членов Совета. От предложения Алексея Долгорукого провозгласить государыней «овдовевшую невесту» он отмахнулся как от совершенно невозможного, фальшивое завещание не стал и смотреть, так что всерьез эту идею больше не рассматривали. Так же решительно

Дмитрий Михайлович повел дело и дальше. Он обладал незаурядным даром убеждения.

«Тестамент» Екатерины I, по которому следующей после Петра II по династической иерархии считалась его тетка Анна Петровна с потомством, князь предложил игнорировать, поскольку императрица была безродной иноземкой и получила корону не по праву.

Все участники исторического собрания охотно приняли эту позицию, потому что Анна Петровна к тому времени умерла и царем следовало бы признать ее двухлетнего сына Петра, а с ним в качестве регента вернулся бы отец, никому не нужный Карл-Фридрих Гольштейн-Готторпский.

Но раз не годилась Анна Петровна с потомством, то отпадала и ее младшая сестра Елизавета Петровна. Тем самым фактически делигитимизировался второй брак Петра Первого, что позволяло в будущем подвергнуть сомнению и другие деяния реформатора.

Оставалась только линия слабоумного царя Иоанна V, умершего в 1696 году: три его дочери. Старшую из них Екатерину, расставшуюся с мужем и вернувшуюся на родину, Дмитрий Михайлович предложил в качестве кандидатуры не рассматривать – из-за подвешенности ее матримониального статуса. Не менее конфузен был и брак царевны Прасковьи, которая вышла за обычного дворянина Дмитриева-Мамонова. Таким образом, единственным приемлемым кандидатом оказывалась Анна, герцогиня Курляндская, ничем себя не скомпрометировавшая. Она периодически наведывалась в Россию, где вела себя скромно, всем нравилась и никого не пугала. У Дмитрия Михайловича, готовившегося провести эту пешку в королевы, были все основания рассчитывать на ее благодарность, но Голицын строил свои расчеты не на этом.

Когда все с облегчением согласились на Анну и закричали «виват» (к ликующим присоединился и выжидавший за дверью Остерман), начался второй акт этой исторической драмы, очень интересный.

Обстоятельный Дмитрий Михайлович вдруг заявил, что мало выбрать государыню, надобно «прибавить себе воли». И предложил обусловить приглашение Анны на царство рядом «пунктов», то есть ограничений.

У него была наготове целая программа, в дальнейшем получившая название «Кондиций». В их число входили:

– Отказ от права самовластно объявлять войну и заключать мир;

– Отказ от права самовластно вводить подати;

– Отказ от права самовластно назначать кого-либо на высокие посты;

– Отказ от бессудной расправы над дворянами;

– Отказ от права пожалования поместьями;

– Отказ от контроля над государственными расходами.

Собственно говоря, у императрицы оставались только церемониальные функции, а вся власть переходила к Верховному Совету, ниже которого, по проекту Дмитрия Голицына, находились бы две палаты представителей: от дворянства и от горожан.

Вся эта революция формально выглядела как изъявление доброй воли государыни, однако в конце стояло: «А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской».

Многие отечественные историки давали «Кондициям» всякие нелестные названия вроде «попытки олигархического переворота» и даже «реванша старого реакционного боярства», но по сути дела речь шла о смене традиционной «ордынской» модели государства на европейскую, о переходе от самодержавия к конституционной монархии самого радикального – британского или даже шведского свойства. Голицын прямо так и говорил: «Станем писать пункты, чтоб не быть самодержавствию».

Красноречием и напором Дмитрий Михайлович без труда склонил на свою сторону остальных участников высокого собрания, которые слушали его, как зачарованные. Усомнился лишь барон Остерман, догадываясь, что всё это добром не кончится, но ему выкрутили руки и заставили поставить свою подпись.

Утром собравшимся в Кремле сановникам и церковным иерархам было объявлено о приглашении Анны, но не о «кондициях». Их повезла в Курляндию выехавшая еще затемно делегация во главе с Василием Лукичом Долгоруким.

Ехали по зимней дороге быстро и уже через шесть дней были в Митаве.

Как и предполагалось, осчастливленная Анна Иоанновна безропотно подписала требуемый акт. Лучше быть бесправной, но богатой императрицей, чем бесправной и бедной герцогиней.

Наскоро собравшись, Анна уже через четыре дня отправилась за короной; при ней неотступно состоял Василий Долгорукий.

Подписанный манифест добрался до Москвы быстрее. Его зачитали высшему чиновничеству, офицерству и духовенству 3 февраля. Реакцией было ошеломление. Многие слышали о «пунктах», но лишь теперь уяснили, о какой эпохальной революции идет речь. Присутствовавший в зале Феофан Прокопович пишет: «Никого, почитай, кроме верховных, не было, кто бы, таковая слушав, не содрогнулся, и сами тии, которые всегда великой от сего собрания пользы надеялись, опустили уши, как бедные ослики; шептания некая во множеству оном прошумливали, а с негодованием откликнуться никто не посмел».

Вместо привычного государя царствовать теперь будут Голицыны с Долгорукими – вот как восприняли новость собравшиеся и совсем не обрадовались такой перспективе. Раздался ропот, самые смелые стали возражать, шумного Ягужинского даже пришлось арестовать. Однако некоторые почтенные персоны, не включенные в состав небожителей-«верховников» и чувствовавшие себя обойденными, потребовали права высказать свое суждение о государственном переустройстве. Пришли в волнение довольно широкие круги столичного дворянства. Происходило нечто в России не бывалое: все собирались группами и составляли политические проекты – их набралось с дюжину. Раздались требования расширить состав Верховного Тайного Совета и сделать его выборным органом с участием всего «шляхетства». Требовали также отмены обязательной пожизненной службы, введенной Петром и сильно угнетавшей дворянство.

Голицыны с Долгорукими уже не могли контролировать эту активность. Еще ничего не произошло, все перемены оставались на бумаге, а все уже перессорились, все друг друга подозревали в коварных замыслах – и никто не верил в добрые намерения «верховников». Рассудить все эти противоречия и конфликты интересов мог только один судья – самодержавный.

Анна Иоанновна ехала санным ходом в Москву, согласная быть конституционной монархиней, да только Англии и Швеции из России никак не получалось. Дворянство не желало править, оно хотело самодержавия.

При всем своем уме Дмитрий Михайлович Голицын, в одиночку попытавшийся переменить ход истории, не понимал природы российского государства, в котором всякое ослабление священной власти монарха немедленно приводило к расшатыванию и распаду всей системы. Конечно, бывали периоды, когда на смену единоличному правителю приходило то или иное «политбюро», но это всего лишь означало коллективность самодержавной власти, не трогая сам принцип жестко вертикального подчинения. И с точки зрения дворянского сословия лучше уж было служить одному самодержцу, чем нескольким.

Таким образом, голицынская революция провалилась безо всякой борьбы. Анна Иоанновна еще не добралась до столицы, а ее уже завалили письмами и мольбами не подчиняться «верховникам».

Анна разрывает «кондиции». *Б. Чориков*

Пятнадцатого февраля курляндская герцогиня (пока еще не императрица) торжественно въехала в Москву. Через десять дней, на многолюдной церемонии в Кремле, где Анна, уже «ее величество», должна была публично подтвердить голицынские нововведения, дворянство подало петицию: «всепокорно просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели, а присланные к вашему императорскому величеству от Верховного совета и подписанные вашего величества рукою пункты уничтожить». Под прошением стояло полторы сотни подписей, половина которых принадлежала офицерам гвардейских полков – то

есть представителям среднего и мелкого дворянства, которым вообще-то не полагалось вмешиваться в вопросы высшей власти. Это означало, что за самодержавие выступила гвардия, и дальнейшие дискуссии стали бессмысленны. Обратим внимание на важный сдвиг: если во время драки за наследие первого Петра гвардия лишь пассивно поддержала одну из сторон, то после смерти второго Петра она уже активный (и определяющий) участник политической борьбы.

Ознакомившись с петицией, Анна изобразила удивление. Оказывается, «кондиции» были предложены ей не от имени всего народа? «Так ты, князь Василий Лукич, меня обманул?» – с упреком обратилась она к Василию Долгорукому, вручившему ей «пункты» в Митаве. Да и разорвала злосчастную бумагу, при всех. Ее авторы, «бедные ослики», не пикнули. Эксперимент по введению в России конституционной монархии провалился.

Скучающая императрица

Женщина, неожиданно для себя самой получившая сначала корону, на которую не рассчитывала, а затем и самодержавную власть, от которой чуть не отказалась, всей своей предыдущей жизнью была очень плохо подготовлена к свалившейся на нее удаче.

Из тридцати семи прожитых ею лет первые пятнадцать она провела в скромном подмосковном Измайлове, где очень небогато, в стороне от всех эпохальных событий, жило полузабытое семейство жалкого царя Ивана. Затем Петр решил использовать племянниц для укрепления своих политических планов и выдал Анну, воспитывавшуюся по-старинному, теремной московской царевной, за курляндского герцога Фридриха Вильгельма, но радостей (как и впрочем и горестей) супружества девица вкусить не успела, потому что бедный принц, прибыв на свадьбу, не вынес русского гостеприимства и умер, как говорят, от чрезмерного винопития.

По приказу дяди Анна все равно отправилась в Курляндию, где просуществовала следующие два десятилетия в двусмысленном положении неправящей герцогини. Ее много раз сватали, но всякий раз вмешивался Петербург и разрушал матримониальные планы (вспомним историю с Морицем Саксонским). Так Анна ни за кого и не вышла. Был у герцогини единственный близкий человек, российский резидент Петр

Бестужев-Рюмин, многолетний ее любовник, но и того в конце концов, невзирая на Аннины мольбы, отозвали на родину.

В чужой стране, толком не выучив немецкого языка, никому не нужная, вечно нуждающаяся в деньгах, Анна год за годом злобилась на весь свет, время от времени наведывалась в Петербург, униженно выпрашивала подачки. Ей давали, но нещедро.

Человеком при этом она была неглупым. Когда хотела, отлично умела прикидываться. Многоумному Дмитрию Голицыну тихая вдова напрасно казалась безобидной.

Поступившее от «верховников» предложение было унизительно не только ограничением монарших прав, но и требованием оставить в Митаве нового сердечного друга, которого Анна завела себе после отъезда Бестужева – мелкопоместного курляндского дворянина Эрнста-Иоганна Бирона. Анна Иоанновна согласилась и на это.

Но фортуна – безо всяких усилий со стороны ее избранницы – вознесла вчерашнюю попрошайку на невиданную высоту. Анна сделалась хозяйкой великой империи и просидела на троне много дольше, чем Екатерина I или Петр II, целых одиннадцать лет. Более того, в отличие от них, она очень крепко держалась за самодержавную власть, чуть было у нее не отобранную.

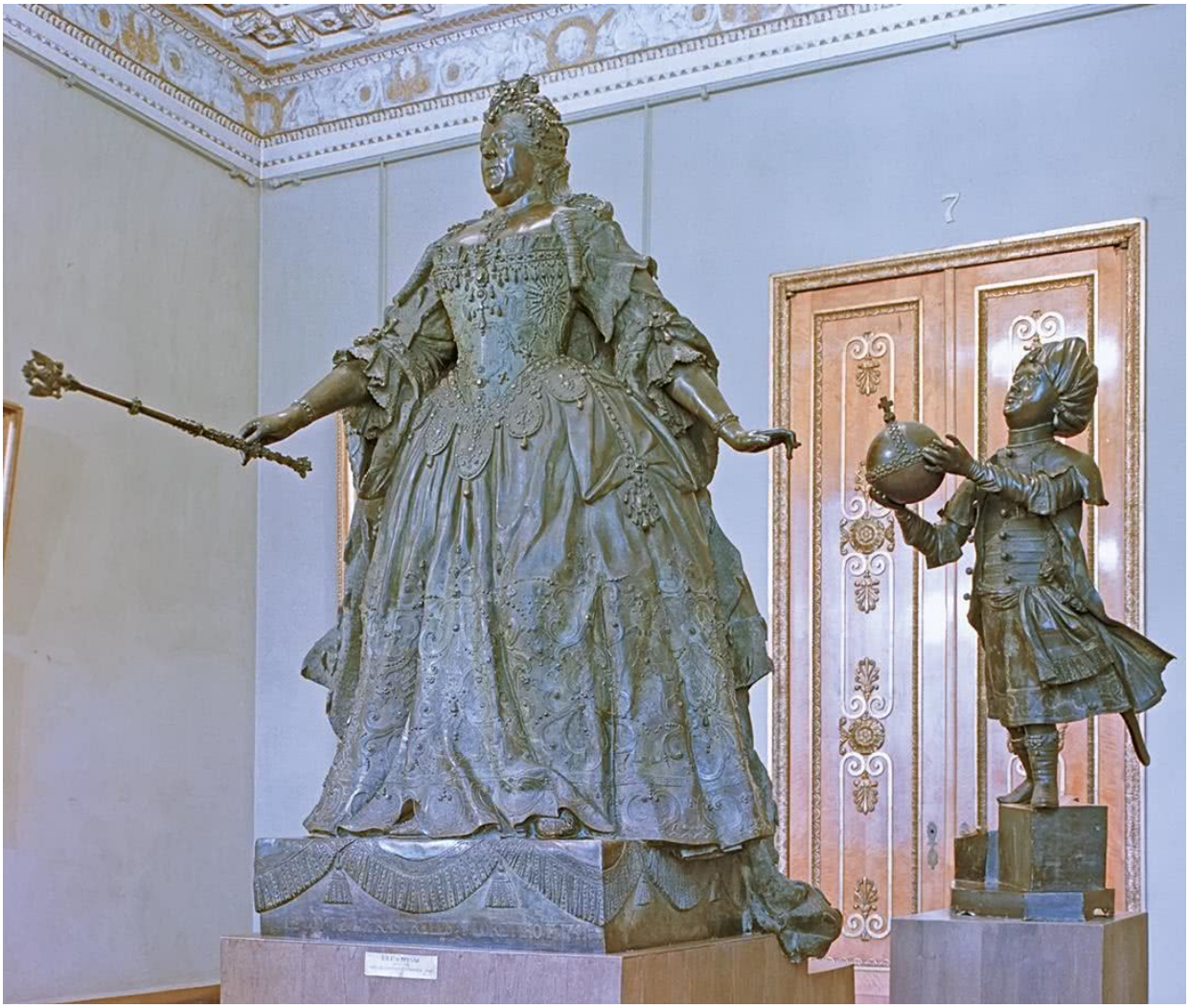
Если мы сравним оценки, которые давали императрице потомки и современники, то обнаружим одну странность.

Русским и советским историкам Анна, как правило, категорически не нравилась. У нее исключительно скверная репутация, которую выразительно суммирует Ключевский: «Это царствование – одна из мрачных страниц нашей истории, и наиболее темное пятно на ней – сама императрица. Рослая и тучная, с лицом более мужским, чем женским, черствая по природе и еще более очерствевшая при раннем вдовстве среди дипломатических козней и придворных приключений в Курляндии, где ею помыкали, как русско-прусско-польской игрушкой, она, имея уже 37 лет, привезла в Москву злой и малообразованный ум с ожесточенной жаждой запоздалых удовольствий и грубых развлечений». Того же мнения С. Платонов: «Правление Анны – печальная эпоха русской жизни XVIII в., время временщиков, чуждых России. Находясь под влиянием своих любимцев, Анна не оставила по себе доброй памяти ни государственной деятельностью, ни личной жизнью. Первая сводилась к удовлетворению эгоистических

стремлений нескольких лиц, вторая отмечена странностями, рядом расточительных празднеств, грубыми нравами при дворе, блестящими, но жестокими затеями вроде “ледяного дома”». Советская историография и вовсе называла аннинское царствование «правлением шайки иноземных угнетателей».

При этом современники, в том числе иностранные наблюдатели, оценивали Анну вовсе не так сурово.

Испанский посол герцог де Лириа пишет: «…Она приятна во всём, очень щедра ко всем и милосердна к бедным, щедро награждает тех, кто этого заслуживает, и сурово наказывает тех, кто совершил какое-либо преступление. Она очень страшится пороков, в особенности содомии, её размышления и идеи очень возвышенны, и она ничем так не занята, как тем, чтобы следовать тем же правилам, что и её дядя Пётр I. Одним словом, это совершенная государыня».



Анна Иоанновна с арапчонком. *К.-Б. Растрелли*

Граф Миних (сын знаменитого фельдмаршала, о котором речь впереди) считает, что всеми признаваемая некрасивость царицы компенсировалась «благородством и величественностью». О том же сообщает в письме и жена английского посла: «В выражении её лица есть величавость, поражающая с первого взгляда, но когда она говорит, на губах появляется невыразимо милая улыбка. Она много разговаривает со всеми, и обращение её так приветливо, что кажется, будто говоришь с равным; в то же время она ни на минуту не утрачивает достоинства государыни. Она, по-видимому, очень человеколюбива, и будь она частным лицом, то, я думаю, её бы называли очень приятной женщиной».

Даже брюзга Щербатов, которому мало кто нравится, отзывается об Анне сравнительно мягко: «Императрица Анна не имела блистательного разуму, но имела сей здравый рассудок, который тщетной блистательности в разуме предпочтителен… Не имела жадности к славе, и потому новых узаконеней и учрежденей мало вымышляла, но старалась старое учреждённое в порядке содержать. Довольно для женщины прилежна к делам и любительница была порядку и благоустройства, ничего спешно и без совету искуснейших людей государства не начинала, отчего все её узаконении суть ясны и основательны».

В отечественной исторической традиции у Анны Иоанновны плохая репутация по трем причинам.

Первая – идеологическая, она же «патриотическая». Принято считать, что эта государыня продвигала только иноземцев и обижала русских. Вторая – эмоциональная, или «гуманистическая». Императрицу осуждают за жестокость казней и размах репрессий. В 1730-е годы зона нервозности действительно расширяется, затрагивая уже не только самую верхушку российского общества, но и более широкие слои. Оба эти обвинения в адрес Анны будут рассмотрены ниже. Но есть и третья причина традиционной антипатии, которую я бы назвал «анекдотической» – в старинном значении слова «анекдот». Государыня любила пожить в свое удовольствие, и ее забавы, впрочем, бывшие совершенно в духе эпохи, выглядели в глазах потомков весьма непривлекательно.

> Как и ее предшественники, Анна увлекалась охотой, но по грузности и лени охотилась своеобразно: прямо в дворцовом парке убивала зверей, которых специально сгоняли туда загонщики, а то и просто палила из окна. Генерал-аншеф Петр Панин, в юности бывавший в дворцовом карауле, вспоминает, что царица «получила охоту к стрелянью из ружей и толикое искусство приобрела в оном, что не токмо метко попадала в цель, но наравне с лучшими стрелками убивала птиц на лету. Сею забавою, вовсе неприличною женскому полу, долее и почти до кончины своей занималась». В комнатах у подоконников всегда стояли заряженные ружья, каковых в личном пользовании ее величества насчитывалось более двухсот, не считая пистолетов.

Подобным образом – стрельбой и убийством живности – государыня боролась с главной своей бедой: скукой. Государственными заботами она занималась мало и неохотно, а досуга имела много и тратила его соответственно своим вкусам. Вкусы эти были вульгарны. Царицу окружал целый штат шутов и шутих, она любила с их помощью покуражиться над придворными, да и сами «дураки» иногда становились мишенью жестоких шуток. Исследователь придворных забав веселой государыни С. Шубинский рассказывает: «Всякий раз, как императрица слушала обедню в придворной церкви, шуты ея садились в лукошки в той комнате, чрез которую ей нужно было проходить во внутренние покои, и кудахтали, подражая наседкам. Иногда государыня заставляла их становиться гуськом, лицом к стене и, по очереди, толкать один другаго из всей силы; шуты приходили в азарт, дрались, таскали друг друга за волосы и царапались до крови. Императрица, а за ней и весь двор, восхищались таким зрелищем и помирали со смеху».

Но профессиональных шутов Анне было мало. Ей, не знающей чем себя занять, все время хотелось, чтобы вокруг плясали, пели или просто без умолку болтали. Говорливые приживалки, должно быть, помогали царице заполнить внутреннюю пустоту. Их специально доставляли ко двору издалека. «У вдовы Загряжской Авдотьи Ивановны в Москве живет одна княжна Вяземская, девка, – слала императрица указ московскому генерал-губернатору, – и ты ее сыщи и отправь сюда, только чтоб она не испужалась: то объяви ей, что я ее беру из милости, и в дороге вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы: как сказывают, что она много говорит». Или же срочно требовала прислать из кабака говорящего скворца, про которого ей кто-то рассказал. Или приказывала списать слова потешной песенки, которую распевали крестьяне в какой-то деревне. Туда несся нарочный, наводил на всех страху, возвращался во дворец с драгоценной добычей. Текст этого шедевра сохранился и дает представление об Аннином чувстве юмора.[1]

Шуты при дворе Анны Иоанновны. *В. Якоби*

Конечно, императрица, выросшая среди измайловских шутих и приживалок, ничему толком не учившаяся и книг не читавшая, была натурой грубой. Осуждать Анну Иоанновну и ее окружение легко, а потешаться приятно. Однако отечественные историки новой, постидеологической формации числят за этой правительницей и определенные заслуги. И. Курукин пишет: «…Необразованной и не имевшей опыта большой политики царевне удалось, став императрицей, не только укрепить своё положение, но и создать надёжную и работоспособную структуру управления, обеспечить стабильность режима, пусть и несимпатичного».

По истории с «кондициями» мы видим, что эта женщина была очень неглупа и, когда требовалось, решительна. Анна прекрасно понимала про самодержавие главное: оно должно быть грозным и сакральным. В главе, посвященной внутренней политике «нервного» времени, будет рассказано о том, как последовательно и жестко царица восстанавливала репутацию престола, сильно ослабленную событиями предыдущего пятилетия.

Из всех наук императрица постигла только одну – науку власти, и здесь уж шуток не шутила. Обязанная своим самодержавием

активности гвардейских офицеров, Анна отлично усвоила этот урок и приняла меры для того, чтобы нейтрализовать эту опасную силу. Вместо того чтобы наградить и задобрить старую петровскую гвардию, приведшую ее к власти (что еще больше усилило бы политическую роль преображенцев с семеновцами), императрица учредила и приблизила к себе новый полк, названный Измайловским в память о подмосковном дворце, где прошло детство государыни. В офицеры этого лейб-регимента брали преимущественно прибалтийских немцев, а возглавил двухтысячный контингент царских телохранителей близкий Анне человек граф Карл-Густав Левенвольде. С такой охраной можно было не бояться переворота и спокойно томиться скукой.

Да, царица мало занималась текущими государственными вопросами, но это вовсе не означает, что она была слабой и неспособной государыней. Наоборот, возникает ощущение, что Анна – умом или чутьем – уловила великую истину монархического института: «помазаннику» следует пребывать на недостижимой высоте, поражая воображение народа своим величием, а управление выгоднее делегировать верным людям, используя их в качестве громоотвода для общественного недовольства.

О «верных людях», ведших внутреннюю и внешнюю политику России пока государыня скучала, мы и поговорим.

Немцы и русские

Больше всего Анне пеняют за то, что она окружила себя немцами, отодвинув русских на вторые роли. Ее царствование обычно обозначают термином «Бироновщина», прибавляя неприятный суффикс к имени главного фаворита царицы Эрнста-Иоганна Бирона. «Это был человек совершенно ничтожный по способностям и безнравственный по натуре, – пишет С. Платонов. – Будучи фаворитом Анны и пользуясь ее доверием, Бирон вмешивался во все дела управления, но не имел никаких государственных взглядов, никакой программы деятельности и ни малейшего знакомства с русским бытом и народом. Это не мешало ему презирать русских и сознательно гнать все русское». В. Ключевский берет шире: «Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении».

Французский офицер де Лалли-Толлендаль, в 1738 году побывавший в России, в своем отчете объясняет иностранное засилие так: «Я не могу дать более простой и в то же время более верной идеи о России, как сравнив ее с ребенком, который оставался в утробе матери гораздо долее обыкновенного срока, рос там в продолжение нескольких лет, вышел наконец на свет, открывает глаза, протягивает руки и ноги, но не умеет ими пользоваться; чувствует свои силы, но не знает, какое сделать из них употребление. Нет ничего удивительного, что народ в таком состоянии допускает управлять собою первому встречному. Немцы (если можно так назвать сборище датчан, пруссаков, вестфальцев, голштинцев, ливонцев и курляндцев) были этими первыми встречными». Метафора сильная, но неверная.

Причина, по которой новая государыня решила окружить себя чужаками, совершенно очевидна. Ее довольно трогательно сформулировал уже цитировавшийся С. Шубинский, описывая внутреннее состояние Анны Иоанновны после инцидента с «кондициями»: «В сердце пожилой императрице [вообще-то, напомню, Анне в это время было 37 лет], и без того наполненное горькими воспоминаниями, вкралось новое, роковое сомнение: дадут ли спокойно пользоваться властью?» Сомнение и не могло не «вкрасться» после того, как русская знать и русская гвардия взяли себе в привычку по-своему распоряжаться престолом.

Мы уже видели, как царица обезопасила себя от чрезмерно активной старой гвардии: разбавила ее новым полком, укомплектованным остзейцами. Еще важнее было составить правительство и круг приближенных (тогда это было одно и то же) из проверенных, надежных людей. Поскольку всю взрослую жизнь Анна провела в Курляндии, неудивительно, что ближе всего ей были друзья и сторонники, которыми она обзавелась в бытность герцогиней. Но и в дальнейшем царица, очень хорошо понимавшая законы монаршей власти, предпочитала выдвигать деятелей, не связанных с русской аристократией, а обязанных своим возвышением исключительно ее величеству. Надо сказать, что эта система отлично работала. Общество могло лихорадить, но власть Анны Иоанновны была неизменно стабильна.

Посмотрим на человека, которого императрица сделала главным своим конфидентом – а это положение значило очень много в ситуации,

когда монарх сам не занимался государственными делами.

Эрнст-Иоганн Бирон (р. 1690), выходец из мелкого дворянства маленькой страны, оказался фактическим правителем колоссальной империи в довольно немолодом уже возрасте, совершенно неожиданно и безо всяких личных заслуг – если не считать связи с вдовствующей герцогиней. (Место в ее опочивальне он занял тремя годами ранее, когда Петербург отобрал у Анны ее предыдущего наперсника Петра Бестужева-Рюмина.) В Митаве Бирон имел чин камер-юнкера и выполнял обязанности управляющего, распоряжаясь всеми расходами скромного двора и досугом вечно скучающей герцогини, – то есть был для нее человеком совершенно незаменимым.

Тем не менее, когда в начале 1730 года в Курляндию из Москвы нагрянула делегация с предложением, от которого было нельзя отказаться, Анна бросила своего возлюбленного. Это являлось одним из условий сделки, поскольку «верховники» рассчитывали держать марионеточную монархиню под своим полным контролем и какой-то иной источник влияния им был ни к чему.

Вероятно, вынужденная разлука с любимым человеком придала Анне храбрости, когда она решилась разорвать «кондиции», тем самым разрывая отношения и с высшей элитой державы, что для неукоренившейся власти, конечно, было рискованно.

Одним из первых самостоятельных поступков Анны, несомненно, чувствовавшей себя очень неуверенно и одиноко, был вызов из Курляндии сердечного друга Эрнста-Иоганна.

Так в русской истории появляется новый феномен – фаворитизм, в значительной мере определивший лицо «женского» века.

Разумеется, у русских монархов и прежде были любимцы, которым они передоверяли управление. За полвека до Анны сделала своего возлюбленного правителем царевна Софья. Но все эти временщики, включая Василия Голицына, официально занимали высшие государственные посты, их власть была формализирована, институализирована. Начиная же с Бирона «фаворит» становится некоей новой должностью, которая отсутствует в официальной иерархии, но при этом всеми признается как наивысшая в государстве после монаршьей.

Фаворит русского восемнадцатого столетия – это такой сверхвлиятельный лоббист, который сам ничего не решает и никого не

назначает, но без него невозможно провести ни одно важное решение и нельзя занять никакого важного государственного поста. Кто завоюет расположение фаворита, тот понравится и монарху. Ну а кто попробует завоевать любовь монарха помимо фаворита, сильно рискует.

Конечно же, институт фаворитов был следствием «феминизации» российской монархии. Фаворитка государя-мужчины обычно занималась всякими «дамскими» делами, не имея возможности заседать в правительстве или водить армии. Любовники цариц имели несравненно более широкие возможности – и вовсю ими пользовались.

Хоть большинство историков ставят Анне в вину возвышение постельного партнера, можно взглянуть на это и по-другому. И. Курукин справедливо замечает, что императрица «совершила, можно сказать, революционную попытку обрести женское счастье в публичном пространстве, ни от кого особо не таясь». С 1730 года женщине (во всяком случае, царице) стало возможно свободно проявлять свои чувства, и общество довольно быстро приняло эту новую ситуацию.

Анну и Бирона связывали не только интимные отношения, но и нечто большее. «Она его более яко нужного друга себе имела, нежели как любовника», – пишет князь Щербатов. Так же приязненно императрица относилась и к семье фаворита, дружила с его женой. «Государыня вовсе не имела своего стола, а обедала и ужинала только с семьей Бирона и даже в апартаментах своего фаворита», – рассказывает фельдмаршал Миних. Бироны, собственно, и были ее семьей, другой ведь Анна не имела. Маленького сына Биронов царица любила так нежно, что ходили слухи, будто на самом деле мальчика родила она. Императрица была неразлучна с этим ребенком, он даже ночевал в ее спальне.

Эрнст-Иоганн Бирон. *Неизвестный художник. XVIII в.*

На Бирона немедленно посыпались милости. Сразу после приезда он был сделан обер-камергером, австрийский император по

обыкновению пожаловал нового русского временщика, нужного человека, рейхсграфом, затем последовал и второй графский титул, российский. Однако фаворит так и не занял никаких ключевых постов в правительстве, оставшись на придворной должности. Зато в 1737 году он стал герцогом курляндским, что в свое время не удалось Меншикову, которого не поддержала его покровительница Екатерина. Иначе повела себя Анна, убедившая польского короля не противиться этому назначению. Так худородный Бирон, чья фамилия, кажется, даже не была внесена в списки спесивого курляндского дворянства, возвысился до положения пусть маленького, но настоящего монарха. Теперь он именовался «его высококняжеской светлостью герцогом Курляндским, Лифляндским и Семигальским».

Если говорить о личности Эрнста-Иоганна, то самое интересное здесь то, что его, как и Анну, современники оценивали много мягче, чем потомки.

> «Он был очень вежлив, внимателен, хорошо воспитан, ревностен к славе своей Государыни и готов сделать каждому удовольствие. Ума у него было немного, и потому он должен был позволять другим управлять собою, так, что если другие, кому он верил, давали ему советы, он не мог различать хороших советов от дурных. Несмотря на то, он был любезен, разговор его был приятен, лицо было у него доброе, но и честолюбие большое, с порядочною долею тщеславия» (Де Лириа).
>
> «У него не было того ума, которым нравятся в обществе и в беседе, но он обладал некоторого рода гениальностью, или здравым смыслом, хотя многие отрицали в нем и это качество. К нему можно было применить поговорку, что дела создают человека. До приезда своего в Россию он едва ли знал даже название политики, а после нескольких лет пребывания в ней знал вполне основательно все, что касается до этого государства». (К. Манштейн, адъютант фельдмаршала Миниха и мемуарист.)
>
> Вот мнение князя Щербатова: «Впрочем, был человек, одаренный здравым рассудком, но без малейшего просвещения, горд, зол, кровожаждущ, и не примирительный злодей своим неприятелям».

> Пушкин же Бирона даже жалеет: «Он имел несчастие быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа. Впрочем, он имел великий ум и великие таланты».

Главный вопрос, конечно, заключается в том, до какой степени Бирон пользовался своим фавором для управления государством, и здесь всё не так просто.

Даже непримиримый к временщику Ключевский пишет: «Бирон с креатурами своими не принимал прямого, точнее, открытого участия в управлении: он ходил крадучись, как тать, позади престола». Соловьев же считает, что фаворит во внутренние государственные дела вообще не вмешивался, лишь способствуя или препятствуя инициативам, исходящим от других. В чем он, несомненно, верховодил, так это в сфере дворцовых и придворных событий – но это предполагала должность обер-камергера. И все же влияние временщика на большую политику было пускай не прямым, но весьма ощутимым. Ведь политику проводят конкретные лица, а их взлет и падение в значительной степени зависели от расположения Бирона.

Кроме того Эрнст-Иоганн исполнял при императрице роль личного секретаря, через которого проходила вся ее корреспонденция, – это очень важная аппаратная функция, а в России со времен петровского кабинет-секретаря Макарова еще и окруженная ореолом особой почтительности.

Чего было больше от бироновской закулисной режиссуры – вреда или пользы, тоже вопрос неочевидный. Щербатов, например, утверждает: «Хотя трепетал весь двор, хотя не было ни единого вельможи, который бы от злобы Бирона не ждал себе несчастия, но народ был порядочно управляем. Не был отягощен налогами, законы издавались ясны, а исполнялись в точности» – при этом, как мы видели, князь вовсе не был бироновским сторонником.

В чем граф-герцог точно был не повинен, так это в приписываемом ему хищническом казнокрадстве. И. Курукин подробно изучил бухгалтерию бироновских доходов и пришел к выводу, что фаворит не воровал, да и не имел в том надобности. У обер-камергера было высокое, по чину и должности, жалованье – 4 188 рублей 30 копеек (тогдашний губернатор получал в пять раз меньше); от своих личных и герцогских владений он имел без малого 300 тысяч талеров ренты;

и один раз, по случаю мира с Турцией, императрица подарила ему полмиллиона рублей.

Кроме Бирона близ Анны находились и другие немцы, разной степени полезности.

Во-первых, это, конечно, был Остерман, которому каким-то образом удалось откреститься от своей подписи под «кондициями» и продемонстрировать новой царице свою пресловутую незаменимость. Барон продолжает оставаться главным в государственной машине человеком. Благодаря уму и опытности его аппаратное влияние всё расширялось, что не могло не настораживать Бирона, хоть Андрей Иванович и очень старался не ссориться с временщиком. Зато Остерман находился в прекрасных отношениях с братьями Левенвольде, которых любила и отличала императрица.

«Левенвольдов», как их называли русские, было трое, но по-настоящему важной персоной следует считать лишь старшего, Карла-Густава, который стал обер-шталмейстером (главой придворного конюшенного ведомства) и командиром гвардейского Измайловского полка. Де Лириа пишет про Левенвольде-старшего, что он «имел дарования и был ловкий, смелый, отважный и лживый человек», а также «был великий игрок, и притом очень скуп, способен на подкуп, но благоразумен в советах».

Другой брат, Рейнгольд, красавец и бонвиван, в свое время успел побывать любовником императрицы Екатерины Первой, но та государыня, как уже говорилось, избранников сердца к государственным делам не допускала. При Анне этот вельможа состоял обер-гофмаршалом, то есть среди прочего ведал дворцовыми развлечениями, а стало быть постоянно находился близ ее величества. «Корысть всегда его руководствовала, и он был лжив, хитр, ненавидим народом, но в то же время благороден в обхождении, снисходителен, внимателен, хорошо служил своей Царице и умел придавать блеск ея праздникам; умен и довольно красив собою» – так характеризует его де Лириа.

Третий брат Фридрих-Казимир играл видную роль во внешней политике, выполняя важные дипломатические миссии.

Все трое получили графский титул и вместе представляли собой большую силу, с которой должен был считаться даже Бирон. Однако во

второй половине царствования значение «фракции Левенвольдов» сошло на нет, поскольку ее глава Карл в 1735 году умер, а Фридрих перешел на службу к австрийцам, и остался один никчемный Рейнгольд.

Всех этих немцев Ключевский купно именует «канальями», «сбродным налетом» и «стаей», которая «кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа» (можно подумать, что русские вельможи кормились чем-то другим). Однако в 1730-е годы на первые роли выходит один немец, которого даже этот строгий историк канальей не считает.

Речь идет о Бурхарде-Кристофе Минихе, главном военном деятеле аннинской эпохи. Этот ольденбуржец, по образованию военный инженер, начинал профессиональным наемником: поступал на службу в разные европейские армии и с 1721 года попал в Россию в качестве «иностранного специалиста», то есть без принятия подданства. Несколько лет он зарабатывал себе репутацию, постепенно продвигаясь по карьерной лестнице, и достиг должности командующего артиллерией (генерал-фельдцейхмейстера). Однако настоящий взлет Миниха случился при Анне, когда происходила замена высшего руководства армии. Три тогдашних фельдмаршала все были из русских княжеских фамилий (Михаил Голицын, Василий Долгорукий и Иван Трубецкой), а политика императрицы, как известно, состояла в том, чтобы уменьшить власть национальной аристократии. Поэтому в 1732 году Миних, еще до всех его батальных подвигов, был произведен в этот высший чин и стал главой российской армии – президентом Военной коллегии.

Это был человек большой храбрости, кипучей энергии и великой решительности. Его адъютант Манштейн, хорошо изучивший шефа, пишет про него: «Гордость была главным его пороком, честолюбие его не имело пределов, и чтобы удовлетворять его, он жертвовал всем… Он не знал, что такое невозможность; так как всё, что он ни предпринимал самого трудного, ему удавалось, то никакое препятствие не могло устрашить его». О невероятном самомнении фельдмаршала можно судить по тому, как он оценивал себя сам. «Русский народ дал мне два прозвища: «Столп Российской Империи» и «Сокол», у которого глаз зорок и всюду поспевает», – скромно пишет о себе Миних, а рассказывая о смерти Анны Иоанновны, утверждает, что последними в

ее жизни словами были: «Прости, фельдмаршал!» (хотя множество свидетелей приводят совсем другое высказывание, гораздо более интересное, о чем в свое время).

Всегда опасливый к честолюбцам Бирон терпел Миниха лишь потому, что тот, во-первых, выказывал себя верным приверженцем фаворита, а во-вторых, враждовал с Остерманом, которого Бирон боялся больше, чем солдафона (как мы увидим, напрасно).

«Инородческое засилие» в аннинские времена не было таким уж тотальным. Нельзя сказать чтоб царица окружала себя только немцами, в высший сановный круг входили и природные русаки – если государыня была абсолютно уверена в их преданности. «Можно ласкать и русских, людей неопасных, без претензий, – пишет Соловьев. – Таков князь Алексей Михайлович Черкасский, знатный человек и первый богач, но не опасный по личным средствам, способный удовольствоваться одним почетом; Салтыковы – родственники императрицы – также не опасны по личным средствам: великий канцлер граф Головкин и в молодости не отличался беспокойным характером…»

Опасных же, то есть слишком беспокойных, Анна Иоанновна с Бироном отдаляли вне зависимости от этнического происхождения. Непредсказуемого в своей пассионарности графа Ягужинского сплавили в Пруссию посланником. Старую лису барона Шафирова, которого при Меншикове отправили ловить китов на Белом море, теперь услали еще дальше – в Персию. (Оба, кстати говоря, по крови русскими не были).

И все же один бойкий человек, притом совершенно русский, обошел все препятствия и стремительно пошел в гору: Артемий Петрович Волынский. Он все время норовил оказаться на виду у высшей власти, продемонстрировать свою полезность, но каждый раз что-то срывалось. Молодым офицером, побывав с дипломатически-шпионской миссией в Персии, он стал инициатором Персидского похода, оказавшегося дорогостоящей и бессмысленной авантюрой. За это Петр поколотил Волынского дубинкой и прогнал с глаз долой. Еще дважды, уже после Петра, Артемий Петрович достигал губернаторской должности, и оба раза терял ее из-за чрезмерной алчности и неуемного интриганства. Вновь он выдвинулся благодаря соперничеству Бирона с

Остерманом. Фавориту нужно было провести в Кабинет министров своего клеврета, который оппонировал бы хитрому Андрею Ивановичу. Напористый Волынский казался идеальной кандидатурой. Так в 1738 году он сделался одним из трех кабинет-министров, высших чиновников государства (третьим был пассивный и никому не опасный Черкасский). К тому же Волынский еще и имел придворный чин обер-егермейстера, что при любви Анны к охоте имело огромное значение.

Бурхард фон Миних. *Г. Бухгольц*

Русским был и очень важный (в государственном смысле, может быть, даже важнейший) деятель «нервной» эпохи Андрей Иванович

Ушаков, глава Тайной канцелярии; этому интересному персонажу будет отведено много места в одной из последующих глав.

Наконец в последний год правления Анны близ нее появился еще один русский человек, которому было суждено в дальнейшем сыграть большую роль в политике: Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Анна его давно и хорошо знала, потому что это был сын ее прежнего возлюбленного Петра Бестужева-Рюмина, но Бирону такие воспоминания нравиться не могли, и Алексея Петровича держали вдали от России, на дипломатической службе. Однако в 1740 году, на самом исходе царствования, он сумел-таки умилостивить фаворита, доказав свою полезность (Бестужев-Рюмин в таких делах был мастер), и Бирон провел его в кабинет-министры вместо «не оправдавшего доверие» Волынского.

Таким образом, представление о 1730-х годах как о времени, когда в России хозяйничала какая-то зловредная «немецкая партия», является ложным. Оно было искусственно сформировано и раздуто при Елизавете Петровне, которой требовалось как-то легитимизировать свой переворот. Выигрышнее всего казалось сочинить миф про «плохих немцев», от которых страну спасла русская царевна, и свалить на предыдущие правительства вину за все тяготы. Этот сюжет – о вредоносных немцах и обижаемых русских – с идеологической точки зрения отлично смотрелся и в более поздние времена, потому что он выглядел патриотично и политически правильно.

Разумеется, ничего особенно хорошего во всех этих Биронах, Минихах, Остерманах и Левенвольдах не было, но, во-первых, природно русские притеснители вели себя не лучше, а во-вторых, никакой «немецкой партии» не существовало и существовать тогда не могло. Прежде всего, потому, что в XVIII веке немецкоязычные жители Европы не числили себя частью единой нации. Остерман был вестфалец, Миних – ольденбуржец, Бирон – курляндец, «Левенвольды» же вообще являлись русскими подданными. Не говоря уж о том, что все они между собой люто враждовали. И, кажется, даже никто из самых патриотичных историков не обвинял всех этих людей в измене российскому государству, которому они служили.

Надо сказать, что в антинемецкой риторике, столь привычной для отечественных исторических сочинений, поражает какая-то

удивительная неблагодарность. Вспоминают обычно всяких рвачей и проходимцев, которых, конечно, тоже хватало, но не говорят спасибо огромному количеству толковых, добросовестных, знающих людей, которые помогали модернизировать и просвещать сильно отставшую от Европы страну, создавали в ней регулярную армию, строили дома и заводы, развивали науку, обучали дворянских детей – и так далее, и так далее.

Одной из несомненных заслуг Петра Первого было то, что он призвал множество «иностранных специалистов» самого разного профиля, одновременно демократизировав принцип чинопроизводства: всякий дельный человек мог сделать большую карьеру – и европейцы хлынули в Россию потоком. Чтобы сделать службу привлекательной, им платили более высокое жалованье, чем своим. Между прочим, именно при Анне унизительное неравенство было упразднено – в армии эту реформу провел немец Миних.

Уж в жестокостях аннинского царствования иноземцы точно были неповинны – это был сознательный политический курс, проводимый и поощряемый царицей вплоть до самого конца ее жизни.

«Не бойсь!»

Пятого октября 1740 года государыне вдруг сделалось плохо, она слегла с жестоким приступом нефролитиаза. Удалять камни из почек тогдашняя медицина не умела, началось воспаление, и скоро стало ясно, что Анна умирает.

Вопрос о преемнике был решен заранее, поэтому здесь затруднений не возникло. В манифесте, подписанном царицей, объявлялось: «Назначиваем и определяем после нас в законные наследники нашего всероссийского императорского престола и империи нашего любезнейшего внука благоверного принца Иоанна».

Если быть точным, корона переходила не к внуку, а к внучатому племяннику Анны. Ее старшая сестра Екатерина, к тому времени уже умершая, имела от своего мужа герцога Мекленбургского дочь, тоже выданную за мелкого немецкого принца, герцога Брауншвейг-Беверн-Люнебургского. В этом браке два месяца назад родился мальчик, которого сразу же стали считать наследником престола.

Однако главным вопросом было не то, кому достанется трон, а то, кому достанется власть. Естественными кандидатами, конечно, являлись родители младенца, Анна Леопольдовна и Антон-Ульрих, но у молодой четы не было никакого политического влияния, а самый могущественный человек страны, Бирон, находился с ними в скверных отношениях. Дело в том, что в свое время он пробовал сосватать к Анне Леопольдовне своего сына, та с негодованием отказала, и с тех пор фаворит не ладил с племянницей государыни.

Не похоже, что Бирон так уж рвался к власти, он гораздо комфортнее чувствовал себя в роли теневого манипулятора, однако в создавшейся ситуации у герцога Курляндского, собственно, не было иного выхода кроме как становиться правителем. В противном случае его, оставшегося без высокой покровительницы, быстро уничтожили бы многочисленные враги.

Но угасающая самодержица по поводу регентства никакой воли не изъявляла, земные проблемы ее уже не заботили, а сам себя предложить в кандидаты Бирон не мог. Тут-то ему и пригодился полезный человек Бестужев. Когда фаворит, выйдя от умирающей, спросил кабинет-министров, кому быть регентом, Алексей Петрович сразу же ответил: кроме вас некому. Трусливый Черкасский и осторожный Остерман спорить не стали. Главный военачальник Миних был бироновским протеже. Не последовало возражений и от прочих сановников, потому что одни кормились от фаворита, другие боялись его мести.

Бирон стал отнекиваться, скромничать, его все уговаривали. Власть шла к нему в руки безо всякого сопротивления. Усердный Бестужев соорудил петицию от имени всей государственной элиты, двухсот старших чинов, и за день до смерти Анна подписала указ: «… Во время малолетства упомянутого внука нашего, великого князя Иоанна, а именно до возраста его семнадцати лет, определяем и утверждаем сим нашим всемилостивейшим повелением регентом государя Эрнста Иоанна, владеющего светлейшего герцога курляндского». То, что умирающая так долго тянула с подписью, кажется, объяснялось не сомнением в способностях фаворита, а тревогой за его судьбу. Императрица хорошо понимала анатомию власти и, должно быть, чувствовала, что добром для Бирона все это не кончится. «Надобно ли это тебе?» – спросила царица. Последние ее

слова были ободрением. «Не бойсь!» – прошептала Анна своему возлюбленному и потеряла сознание.

В российском государстве в очередной раз свершилось нечто странное: его возглавил безродный, чужестранный, никаких заслуг перед страной не имевший выскочка. Но после императрицы-полонянки Екатерины и диктатора-«конюха» Меншикова никто особенно не удивился. К тому же к Бирону за десять лет успели привыкнуть.

Умирающая Анна и Бирон. *И. Сакуров*

Однако умение взять власть и умение удержать ее – два разных таланта. Из хороших интриганов редко получаются хорошие правители. Правда, в том государстве, которое представляла собою Россия, власть не удержал бы и гений, если его не осенял бы ореол сакральности. Это не удалось ни ловкому Меншикову, ни, веком ранее, даровитому Годунову.

Нельзя сказать, что Бирон не попытался. Он совершил несколько вполне разумных поступков, которые должны были укрепить его положение.

В первом же манифесте «владеющего светлейшего герцога» народ извещался, что отныне правление будет правосудное, беззлобное, нелицемерное и избавленное от «противных истине проклятых корыстей». В подтверждение новых милосердных времен объявлялась амнистия всем нетяжким преступникам, снижалась подушевая подать, а также заявлялась решительная борьба с расточительством (бичом разгульного аннинского царствования) – подданным воспрещалось носить одежду из ткани дороже 4 рублей за аршин.

Милостивые начинания сочетались с предусмотрительными. Прекрасно сознавая опасность гвардии, регент назначил в гвардейские полки надежных командиров: в Преображенский – Миниха, в Конногвардейский – своего сына Петра, Измайловским и так командовал брат правителя Густав, а за Семеновским в качестве подполковника приглядывал начальник Тайной канцелярии Ушаков. Чтобы снискать расположение нижних чинов, караульным в зимнее время дозволили носить шубы.

Всё это было прекрасно, но недостаточно. Не освященный божественным сиянием правитель воспринимался как простой смертный, власть которого – дело случая. А случай можно повернуть и в свою сторону, были бы смелость и удача.

Рядом с Бироном находился человек, которому решительности было не занимать и который твердо верил в свою звезду – тот самый Миних, что помог герцогу прийти к власти. Фельдмаршал счел себя недостаточно вознагражденным (его не пожаловали в генералиссимусы) и обиделся.

Долго он не раздумывал, действовал по-солдатски, и дело свершилось с невероятной легкостью.

Седьмого ноября Анна Леопольдовна пожаловалась Миниху на то, что Бирон ее третирует и угнетает. Бравый вояка пообещал избавить ее от «тирана». Сказано – сделано. Следующей же ночью (благо стража дворца состояла из подчиненных фельдмаршалу преображенцев) Миних попросту арестовал регента. Для этого хватило двадцати человек. Бирона взяли в постели, поколотили, завернули в одеяло, кинули в повозку и увезли. Кроме регента арестовали еще двоих – его брата и Бестужева-Рюмина. Вот и весь переворот.

> Трехнедельного правителя империи предали суду, из приговора которого создается ощущение, что никаких реальных вин за подсудимым не обнаружилось. Его обвиняли в том, что он не хаживал в Божию церковь; на знатнейших персон «крикивал и так предерзостно бранивался, что все присутствующие с ужасом того усматривали»; нарочно вредил здоровью царицы – «побуждал и склонял к чрезвычайно великим, особливо оной каменной болезни весьма противным движениям, к верховой езде на манеже и другим выездам и трудным забавам»; «будто для забавы Ея Величества, а в самом деле по своей свирепой склонности, под образом шуток и балагурства такия мерзкия и Богу противныя дела затеял, о котором до сего времени в свете мало слыхано»; поминались «бесстыдные мужеска и женска пола обнажения» и какие-то «скаредные пакости», которые «натуре противно и объявлять стыдно и непристойно». За все эти не особенно страшные злодейства Бирона приговорили к четвертованию, но заменили казнь вечной ссылкой в далекий Пелым (позднее перевели в Ярославль).

Арест Бирона. *В. Якоби*

В неволе Бирон провел больше двадцати лет, а затем, уже стариком, по воле Екатерины II вдруг был возвращен на престол герцогства Курляндского, которым благополучно проправил еще целое десятилетие. Воистину судьба играла с этим человеком в какие-то причудливые игры.

К смертной казни приговорили и Бестужева-Рюмина, но тоже помиловали и ограничились ссылкой в собственное поместье. Скоро Алексей Петрович оттуда вернется и взлетит выше, чем прежде.

А самой сильной персоной державы теперь становился герой переворота (и просто герой) Бурхард фон Миних, мотивы которого лучше всего объясняет его собственный адъютант: «Фельдмаршал Миних арестовал герцога Курляндского единственно с целью достигнуть высшей степени счастья; …он хотел захватить всю власть, дать великой княгине звание правительницы и самому пользоваться

сопряженной с этим званием властью, воображая, что никто не посмеет предпринять что-либо против него».

«Он ошибся», – коротко прибавляет Манштейн.

Император-младенец

Если Бирону не хватило ловкости удержаться наверху, то у Миниха ее вообще не было.

Он чувствовал себя триумфатором. Сам составил список назначений и наград: себя поставил «первым министром»; великим канцлером – покладистого Алексея Черкасского; Антона-Ульриха, так и быть, согласился произвести в генералиссимусы. Надо было отодвинуть опасного Остермана, и Миних поступил с почти не поднимавшимся из инвалидного кресла Андреем Ивановичем довольно озорно: сделал калеку «великим адмиралом».

Никаких опасений касательно прочности своего положения у фельдмаршала не было, он не сомневался, что всем вокруг очевидны его величие и незаменимость.

Однако, как и при других временщиках, единственной опорой нового режима было покровительство монархии, которую теперь олицетворяла регентша Анна Леопольдовна. И опора эта была зыбкой.

Двадцатилетняя женщина, оказавшаяся осенью 1740 года титульной правительницей империи и при тогдашней младенческой смертности имевшая серьезные шансы стать в будущем Анной II, должна была считать себя игрушкой Фортуны – как многие деятели этого судорожного времени.

Ее родитель Карл-Леопольд Мекленбург-Шверинский лишился своего крошечного княжества и разошелся с женой, которая вернулась в Россию и существовала там на положении приживалки. Маленькая принцесса, родившаяся в этом несчастливом браке, несмотря на имя, была совершенно русской девочкой – из Германии ее увезли в четыре года и воспитывали по-отечественному, в Москве да в Измайлове. После перехода в православие она превратилась из Елизаветы-Катарины-Кристины в Анну Леопольдовну.

Положение принцессы заметно улучшилось с воцарением ее родной тетки Анны, которая была твердо намерена сохранить династическую преемственность за линией Иоанна (а не Петра). От

девушки требовалось произвести на свет наследника, поэтому ее выдали замуж – вопреки воле – за полезного в политическом смысле молодого человека, связанного родством с австрийским и прусским престолами. Этот Антон-Ульрих Брауншвейг-Беверн-Люнебургский был личностью довольно тусклой, но с главной своей миссией успешно справился. В августе 1740 года на свет появился наследник престола Иоанн Антонович, который в ноябре стал императором и самодержцем Иоанном VI. До его совершеннолетия, то есть до 1757 года, править должна была мать.

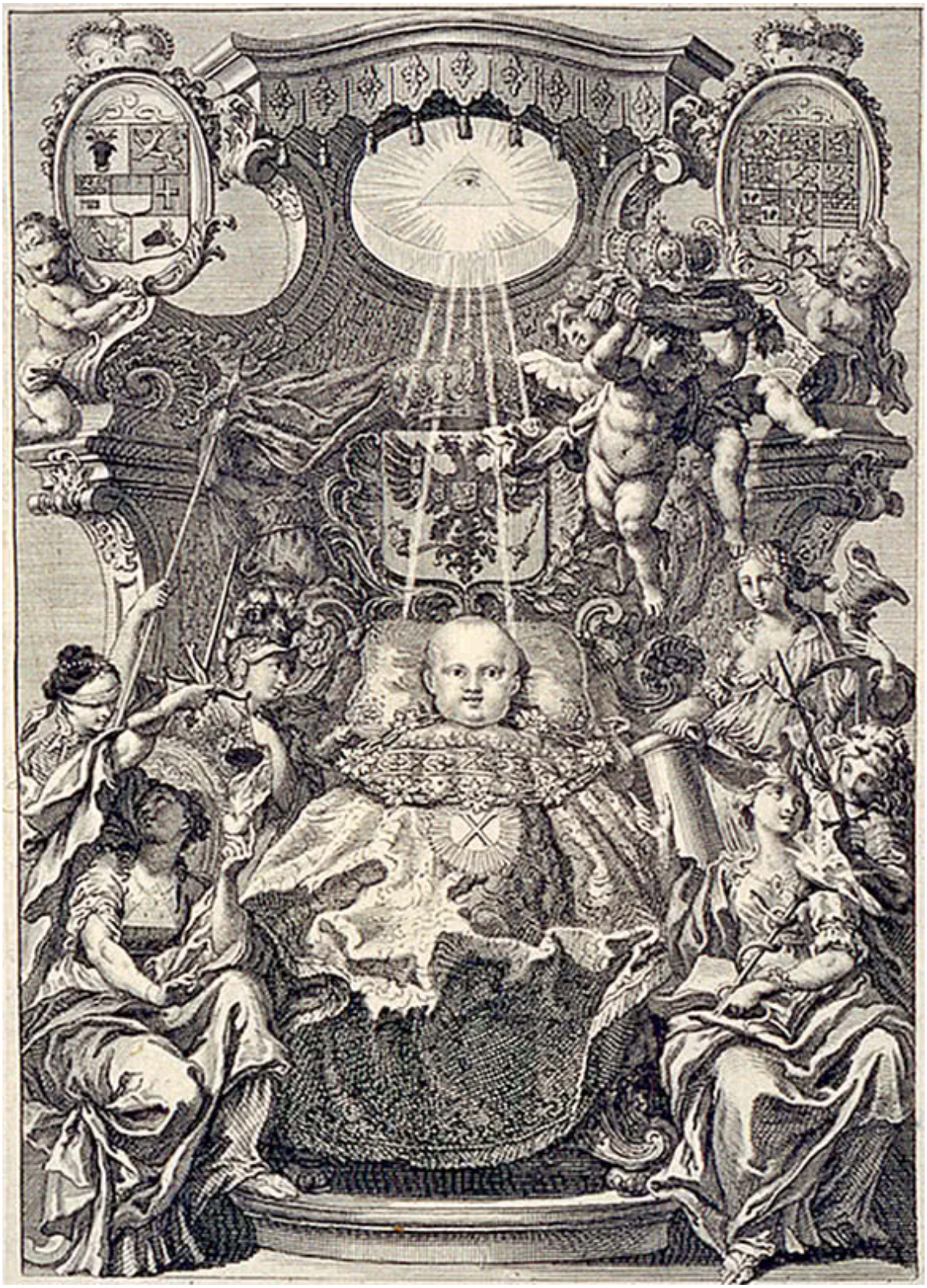
Про юную регентшу все пишут, что она была мало образованна и плохо воспитана («дика»), не любила выходить из своих покоев, где сидела целыми днями нечесанная и неприбранная, хорошо себя чувствуя лишь с сердечной подругой лифляндской баронессой Юлией Менгден, которая при новом режиме неминуемо должна была стать важной персоной. Супруга английского посланника характеризует регентшу следующим образом: «Она очень серьезна, немногословна и никогда не смеется; мне это представляется весьма неестественным в такой молодой девушке, и я думаю, за ее серьезностью скорее кроется глупость, нежели рассудительность».

Нечего и говорить, что в качестве правительницы Анна Леопольдовна ощущала себя крайне неуверенно и, вероятно, даже пребывала в панике. Ее пугал грозный фельдмаршал, а страх – более сильное чувство, чем благодарность. Ближайшее окружение принцессы, единственные люди, которых она хорошо знала, всячески раздували эти опасения. Все советовали опереться на опытного, мягкого Остермана, который никому не казался страшным.

Накануне падения Бирона многоумный Андрей Иванович, что-то почувствовав, по своему обыкновению тяжело заболел, но тут же немедленно выздоровел, явился с всеподданнейшими поздравлениями к Анне Леопольдовне – и был принят с распростертыми объятьями.

Скорее всего, именно Остерман и объяснил правительнице, что Миних вовсе не так уж грозен и что избавиться от него нетрудно, но действовать напрямую Андрей Иванович не стал, а использовал супруга регентши, новоявленного генералиссимуса. Несколько месяцев дожидались удобного момента, и в начале марта 1741 года, когда фельдмаршал захворал, ему вдруг доставили указ шестимесячного Иоанна, который поручал своему отцу-генералиссимусу уволить

Миниха от службы якобы по собственной его просьбе, «за старостию и что в болезнях находится». Больше ничего и не понадобилось – ни солдат, ни ареста. Фельдмаршала просто лишили всех рычагов власти, перестали пускать ко двору и на всякий случай установили за ним плотную слежку.



Царственный младенец. *Гравюра. XVIII в.*

Тихий переворот был осуществлен даже без ведома робкой Анны Леопольдовны – ее поставили перед фактом. Она, разумеется, возмутилась и всячески выражала оскорбленному Миниху сочувствие, но из отставки своего благодетеля не вернула.

Первым человеком в правительстве теперь стал Остерман, при котором состояли со всем согласные канцлер Черкасский и вице-канцлер Головкин. Большое влияние также приобрели близкие к правительнице люди: ее муж, ее любовник (так говорили) саксонский посланник граф Линар, Юлия Менгден и уцелевший во всех невзгодах обер-гофмаршал Рейнгольд Левенвольде. Толковых людей в этом кругу, кроме Остермана, не было.

Конструкция верховной власти, в которой от имени малютки-императора правила неумная регентша, подверженная влиянию своих неумных друзей, выглядела совершенно недееспособной.

И тем не менее в короткое правление новой Анны произошло несколько отрадных событий, которые современный историк А. Кургатников назвал «новоаннинской оттепелью».

В первый же день регентша уволила всех придворных шутов и навсегда упразднила этот постыдный обычай, что сильно повысило приличность и респектабельность русского двора.

Была объявлена амнистия – более широкая, чем бироновская. Свободу получили тысячи каторжников.

Появилась придворная должность рекетмейстера – чиновника, принимавшего жалобы от людей любого звания, а раз в неделю Анна Леопольдовна рассматривала прошения лично и помогала нуждающимся.

Наконец вышло постановление об ускорении судопроизводства, для чего создавалась специальная комиссия. Это было большое и нужное нововведение, поскольку тяжбы тогда тянулись годами, а дела подолгу ждали рассмотрения.

После напряженного, сурового десятилетия наступили иные, более благополучные времена, и здесь мы впервые сталкиваемся с интересным феноменом, который в пору следующего царствования проявится еще нагляднее.

Оказалось, что власти в России не обязательно быть деятельной и даже просто дееспособной. Достаточно быть нежестокой и давать

народу передышку. Страна – живой организм, который, если ему не мешать, обладает прекрасной адаптивной способностью.

Но в то же время власть должна быть политически расчетливой, а именно этого качества режиму Анны Леопольдовны не хватило. Он сам породил опасную ситуацию, которая его погубила.

Для «иоанновской» ветви определенную угрозу представляло наличие еще одной династической линии, идущей от Петра. К ней тяготели не только люди «петровской волны», прежде всего офицерство, но и вообще все недовольные и беспокойные.

Имелось два потенциальных претендента на престол. Главным являлся маленький сын Анны Петровны и Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского, которых, напомню, в 1727 году выставил из страны Меншиков. Дочь Петра рано умерла, но успела родить сына; его назвали в честь великого деда. Однако будущий Петр III, во-первых, еще не вырос, а во-вторых, находился в Германии и на такой дистанции был нестрашен. Зато рядом, под боком, существовала дочь Петра, тридцатидвухлетняя Елизавета. На нее и обратилась вся подозрительность неуверенной в себе Анны Леопольдовны.

Надо сказать, что эта враждебность была безосновательной. Царевна и не помышляла о короне. Это была особа легкомысленная, далекая от политики и заботящаяся лишь об увеселениях. Подтолкнуть ее к отчаянным действиям могли только отчаянные обстоятельства. Они вскоре и возникли.

Пока за Елизаветой Петровной просто следили, пока ее ущемляли и обижали, она, конечно, горевала и страдала, но о заговорах не помышляла. Для этого требовались серьезные помощники, в окружении же царевны преобладали люди вроде нее самой – легкомысленные. Единственным оппозиционным «тяжеловесом» тогда являлся отставной фельдмаршал Миних, но за ним тоже крепко присматривали, а кроме того старик не жаловал Елизавету и предпочитал ждать, пока Анна Леопольдовна вновь призовет его, такого великого и незаменимого, возглавить правительство.

Зато на политической сцене появился игрок доселе невиданной на Руси породы – коварный иностранец: французский посланник маркиз Жак-Жоакен де Шетарди. Впервые во внутреннюю жизнь страны начинают вмешиваться те самые «злокозненные закордонные силы», на

которые в последующие века так часто по поводу и без повода будет сетовать официальная пропаганда.

В данном случае «злые козни» были несомненны. Молодой француз действовал в традициях версальской дипломатической школы, которая весьма успешно манипулировала политикой другой восточной империи, Османской, меняя там неугодных везирей и даже султанов при помощи интриг и заговоров. Российская монархия выглядела такой же слабой, как турецкая, имелись здесь и собственные «янычары», почему же было не попробовать?

Впоследствии мы остановимся на тогдашней европейской политической ситуации более подробно, пока же достаточно сказать, что Россия состояла в традиционном союзе с Веной, извечным врагом Версаля. Шетарди рассчитывал, что лишив власти Брауншвейгское семейство, родственное австрийскому императору, он сумеет переориентировать и всю российскую внешнюю политику.

Маркиз де ля Шетарди. *Неизвестный художник. XVIII в.*

В инструкции, полученной от правительства, посланнику давали задание лишь «употребляя всевозможные предосторожности, узнать как можно вернее о состоянии умов, о положении русских фамилий, о значении друзей принцессы Елисаветы, о приверженцах дома голштинского, которые остались в России, о духе в разных отделах войска и командиров его, наконец, обо всем, что может дать понятие о вероятности переворота» – то есть собирать сведения, а не устраивать заговоры. Рискованная игра была личной инициативой маркиза, то есть относилась к разряду классических авантюр.

Шетарди был человек способный, ловкий, обаятельный. До Петербурга он служил посланником в Берлине, и наследный принц, будущий Фридрих Великий, писал Вольтеру про маркиза, что он «très aimable garçon» («очень приятный парень»).

Такому блестящему кавалеру было нетрудно завоевать симпатию и доверие великой княжны Елизаветы, не избалованной вниманием иностранных дипломатов. К тому же у Шетарди нашелся полезный союзник – личный врач царевны Жан-Арман де ль’Эсток (по-русски «Иван Иванович Лесток»), тоже француз и тоже очень приятный. Он поступил на российскую службу еще во времена Полтавы, давно обжился, знал весь свет, ко всем был вхож. Елизавета не имела от своего лекаря никаких тайн и очень любила его за веселый нрав. Лесток был человеком смелым, бесшабашным, вечно попадавшим в разные скандальные истории.

Два фактора, сулившие успех заговору, были налицо: во-первых, имелась недовольная своим положением претендентка; во-вторых, эта претендентка пользовалась любовью гвардии – как дочь великого Петра, как постоянная участница всяких офицерских праздников, как русская царевна, обижаемая немцами. Не хватало только искры, которая воспламенила бы порох.

Примечательно, что хваленая Тайная канцелярия весь комплот прозевала – тамошние мастера умели только хватать уличных болтунов да выведывать «подноготную» в пытошных застенках.

События ускорились из-за войны, которую на исходе лета 1741 года против России развязала Швеция (тоже не без французских интриг). Вялое правительство Анны Леопольдовны поначалу растерялось. Шведская армия наступала, добилась кое-каких успехов. Тут Шетарди предложил Елизавете Петровне вступить от собственного

имени в переписку с шведским командованием, дабы посодействовать заключению мира. Лесток присоветовал согласиться, и после некоторых колебаний царевна действительно начала тайные сношения с генералом Карлом Левенгауптом – из лучших намерений. (Приходится признать, что дочь Петра была не очень умна.)

Затем военная фортуна отвернулась от шведов, и контакты царевны стали выглядеть как государственная измена. 23 ноября правительница разговаривала с Елизаветой сурово. Еще не зная всей правды, Анна Леопольдовна потребовала, чтобы царевна перестала встречаться с Шетарди. А на следующий день вышел внезапный приказ: всей гвардии выступать в поход.

Лесток сказал перепуганной Елизавете, что она обречена, а гвардию удаляют из столицы специально, дабы та не заступилась за свою любимицу. Надо действовать, иначе все пропало.

В столь катастрофической ситуации Елизавета – кажется, единственный раз в жизни – проявила решительность. Если верить Лестоку, конец сомнениям бедной женщины положила наглядная агитация. Медик нарисовал две картинки, предложив выбирать: на одной царевну короновали на царство, на другой стригли в монахини. В монахини Елизавета не хотела.

Переворот Елизаветы. *Е. Лансере*

Гренадерская рота Преображенского полка, которой царевна покровительствовала (ходила к солдатам на свадьбы и крестины), пообещала ее не выдавать неприятелям. Елизавета надела поверх платья кирасу и сказала: «Ребята! Вы знаете, чья я дочь, ступайте за мною!». Все поклялись за нее умереть. Отправились к Зимнему дворцу.

Интересно, что начали не с регентши, а с людей более опасных: первым арестовали не занимавшего никакого поста Миниха, потом вице-канцлера Головкина, потом обер-гофмаршала Левенвольде. Не забыли и Остермана. Перед лицом прямой опасности Андрей Иванович проявил неожиданную твердость и попробовал запугать солдат, бранил Елизавету, но инвалида поколотили и доставили туда же, куда остальных.

Брауншвейгами царевна занялась сама. Часть дворцового караула попробовала оказать сопротивление, но, в конце концов, обошлось без кровопролития.

Победительница прошла прямо в опочивальню регентши и разбудила ее со словами: «Сестрица, пора вставать!» Взяли генералиссимуса Антона-Ульриха. Укутали маленького императора, посадили в сани, увезли. Царствование младенца закончилось.

Бессильная власть бессильно и рассыпалась. В манифесте Елизавета объявила, что занимает престол по единогласной всеподданнейшей просьбе духовных и светских лиц, «а особливо лейб-гвардии» ради пресечения «происшедших и впредь опасаемых беспокойств и непорядков» (хотя какой беспорядок может быть хуже государственного переворота в разгар тяжелой войны, непонятно). В качестве обоснования легитимности захвата власти царевна ссылалась на «близость крови к самодержавным нашим вседражайшим родителям, государю императору Петру Великому и государыне императрице Екатерине Алексеевне» – то есть подчеркивалось, что, в отличие от Анны Леопольдовны и Иоанна, у новой правительницы отец и мать были правящими монархами.

«Так удачной ночной феерией разогнан был курляндско-брауншвейгский табор, собравшийся на берегах Невы дотрепывать верховную власть, завещанную Петром Великим своей империи», – пишет Ключевский. (К этому можно прибавить, что в результате «феерии» на престоле через некоторое время утвердится гольштейн-готторпский «табор».)

У елизаветинского путча был один несомненно благой результат. «Нервное время» наконец закончилось.

Дела внутренние

Матросы заснули

Россия этого периода производит очень странное впечатление: все бури бушуют только на самой поверхности, где постоянно кто-то тонет, кто-то барахтается, кто-то друг друга топит, но основная толща моря почти не колышется. После многолетней петровской гиперактивности наступает почти абсолютная бессобытийность. Нет масштабных (да хоть бы и немасштабных) затей, прожектов, свершений. Как пишет князь Щербатов: «Дух благородной гордости и твердости упал в сердцах знатно рожденных россианех; …никто ни к чему смелому приступити не дерзал».

Страна выдохлась, страна обессилела. Теперь, когда страшного государя не стало, об этом заговорили в открытую.

Вернейший помощник Петра генерал-прокурор Ягужинский уже через три дня после смерти своего кумира подает новой царице докладную записку, в которой сетует, что обе «подпоры» государства, «земля и коммерция», пребывают в пагубном состоянии. Число крестьян сократилось, урожаи упали, купечество разорено. Надобно сокращать военные расходы и перестраивать систему управления.

В следующем году Меншиков, Остерман и кабинет-секретарь Макаров (то есть первые фигуры правительства) описывают положение дел следующим образом: «При рассуждении о нынешнем состоянии всероссийского государства показывается, что едва ли не все те дела, как духовные, так и светские, в худом порядке находятся и скорейшего направления требуют. И каким неусыпным прилежанием Его Императорское Величество ни трудился во установлении добропорядка во всех делах как в духовных, так и в светских и в сочинении пристойных регламентов в надежде, что уже весьма надлежащий порядок во всем следовать будет, однако ж того по сие время не видно».

Это звучит как суровый приговор всей деятельности Петра.

Усилия первых постпетровских правительств сводились к тому, чтобы «ослабить вожжи», пока загнанная кляча – народ – окончательно не рухнула. Надо покончить с эксцессами предыдущего периода: тратить меньше денег на армию и чиновничество, не терзать

чрезвычайными поборами и повинностями вконец измученное население, прекратить его запугивать жестокими расправами, от которых все устали и которые уже не действуют. Екатерина I издает знаменательный указ, символизирующий наступление новых, более расслабленных времен: «Которые столбы в Санкт-Петербурге внутри города на площадях каменные сделаны и на них, также и на кольях винных людей тела и головы потыканы, те все столбы разобрать до основания, а тела и взоткнутые головы снять и похоронить».

В мае 1726 года закрыли Тайную канцелярию, а затем упразднили и Преображенский приказ – из-за экономии и за ненадобностью: зачем тратить деньги на аппарат устрашения, если запугивать некого и незачем?

Главное содержание внутренней политики 1725–1730 годов может быть сведено к одной фразе: *ослабить вожжи*.

Но когда лошадь, которую перед тем долго хлестали кнутом, перестают погонять, телега останавливается. Именно это и произошло.

При Екатерине I никакого политического курса, собственно, не было. Сама государыня интересовалась лишь тем, что находилось непосредственно в поле ее зрения. Примеры ее государственной активности приводит И. Курукин: «В феврале [1725 г.] Екатерина не разрешила караулу пускать к ней людей «в серых кафтанах и в лаптях». Другое распоряжение государыни запрещало гофмаршалу и дежурным камергерам давать приходящим без их ведома посетителям доступ в царскую «уборную» и «передспальню» и играть в бильярд, поскольку «та забава имеетца для её величества»; придворным дамам не дозволялось уезжать домой без спроса».

При Петре II, который только и делал, что охотился, оживление в правительственных кругах продолжалось лишь до тех пор, пока все делили несметные богатства, конфискованные у Меншикова. В январе 1728 года двор перебрался из новой столицы в сонную Москву, и государство окончательно уснуло. Об этом красочно докладывает в своих депешах саксонский посланник П. Лефорт: «Стараясь понять состояние этого государства, найдем, что его положение с каждым днем делается непонятнее. Можно бы было сравнить его с плывущим кораблем: буря готова разразиться, а кормчий и все матросы опьянели или заснули. То же самое представляет собой и это государство:

огромное судно, брошенное на произвол судьбы, несется, и никто не думает о будущем».

Петербург начал приходить в запустение. Гвардия и коллегии переместились в Москву, насильно переселенные дворяне, купцы, ремесленники поразъехались. По заросшим травой мостовым бегали волки.

Вероятно, доставшийся такими жертвами и затратами город, «Петра творенье», так и сгинул бы, если б не «проклятое немецкое засилье». В 1732 году Анна Иоанновна вернулась из русской, старобоярской, ненадежной Москвы в Петербург, где ей и ее немцам было спокойней.

С воцарением Анны в действиях правительства наконец проступают признаки целенаправленного политического курса – жутковатого, но для государства «ордынского» типа совершенно логичного и даже неизбежного.

Реставрация сакральности

Самым важным свершением аннинского времени было последовательное, очень жестко проводимое восстановление пиетета перед особой монарха. Мы уже не раз говорили о том, что правление ордынского склада – максимально централизованное, концептуально неправовое, крайне требовательное к подданным – держится на благоговейном, почти религиозном почтении к государю. Только этим священным чувством можно оправдать жертвы и лишения, которые претерпевает народ. Однако непристойная чехарда постпетровского пятилетия сильно расшатала эту несущую опору. И обстоятельства, при которых Анна, принимая корону, чуть было вовсе не лишилась самодержавной власти, очень выпукло выявили эту тревожную тенденцию.

Обычно новые государи начинали царствование с амнистий, прощения долгов и прочих милостей. Анна Иоанновна повела себя иначе. Уже через полтора месяца после отмены «кондиций» императрица издает именной указ, в котором «злые и вредительные слова» о государыне объявлялись таким же тяжким преступлением, как «умышление на Наше Императорское Здоровье», и отныне карались смертной казнью. Доносить о подобных фактах вменялось в

обязанность каждому, и – еще одна эпохальная новация – недоносителям тоже грозила «смертная казнь без всякие пощады».

Уважение к особе монарха собирались прививать наиболее доходчивым и эффективным образом – через страх. Передышка, когда народ перестали пугать, закончилась.

В следующем году была воссоздана Тайная канцелярия, приобретшая еще большее значение, чем при Петре. Пожалуй, теперь она сделалась *самым* важным из ведомств. Ее целью было не столько обнаружение заговоров (как мы видели в случае с комплотом Шетарди-Лестока, этого канцелярия не умела), сколько внушение трепета перед властью.

Полное название этого нового-старого учреждения было «Тайная розыскных дел канцелярия», и подчинялась она напрямую царице. Анна могла пренебрегать всеми другими государственными заботами, но не этой.

Тайная канцелярия была одновременно и следственным органом, и судом, поскольку сама могла готовить приговоры, которые затем – обычно автоматически – утверждали императрица либо Кабинет министров.

Острая нехватка бюджетных средств не позволяла создать многолюдную структуру. В центральной, петербургской конторе трудились всего 14 чиновников, да палач с лекарем. Московская получилась чуть больше – 18 служителей, потому что город был крупнее. Вот и вся «спецслужба» – ни губернских филиалов, ни платных осведомителей.

Возникает вопрос: как же этакая малость могла держать в страхе колоссальную страну?

Очень просто. Во времена Анны Иоанновны государство сделало важное открытие: если ввести кару за недоносительство, подданные будут сами «стучать» друг на друга. Денег это не стоит, а эффект обеспечивает (если таковым считать вселение страха и почтения к власти).

Грозная формула «Слово и дело!», по которой виновного немедленно волокли на «розыск», звучала по всей России. В Тайную канцелярию отовсюду везли обвиняемых вместе с доносчиками и свидетелями – и допрашивали, пытали, ссылали, казнили.

Раз в неделю глава канцелярии отправлялся к императрице, докладывал о достижениях.

Этот человек, одно имя которого вселяло страх, заслуживает отдельного рассказа.

> Андрей Иванович Ушаков, родом мелкопоместный дворянин, ровесник Петра Первого, вышел из солдат Преображенского полка и пробивался наверх очень небыстро. К своему настоящему призванию, розыску, он впервые приблизился будучи не первой молодости, во время следствия над участниками булавинского восстания (1709), потом выискивал расхитителей казенного добра, рекрутов-«нетей» (то есть уклоняющихся от солдатской службы) и в конце концов добрался до политических дел: стал помощником Петра Толстого по первой Тайной канцелярии. Когда покровитель Андрея Ивановича проиграл аппаратную войну Меншикову и угодил в опалу, пострадал и Ушаков. Его выслали из столицы в провинцию. Казалось, что карьера старого служаки окончена.
>
> Но когда понадобилось восстановить грозное ведомство, в Петербурге вспомнили о ценном специалисте, и Ушаков оправдал доверие. Судя по воспоминаниям современников, он был большой психолог: с государыней деловит и краток (знал, что она не любит долгих докладов), с придворными мягок и загадочно-улыбчив, с подследственными негневлив – пытать пытал, но уговаривал покаяться. Очень набожен – в застенке у него висели иконы.
>
> Главным талантом Ушакова было умение демонстрировать свою полезность и незаменимость, поэтому он сохранял свой пост при всех режимах. Стал графом, генерал-аншефом и андреевским кавалером, сказочно разбогател и до последнего дня длинной жизни (умер в 1747 году) усердно занимался своей грязной, но государственно важной работой: держал страну в благоговейном страхе.

Возникает ощущение, что главной функцией Тайной канцелярии было соблюдение высокого градуса общественной нервозности. Указ о недоносительстве держал всех в напряжении. Огромное количество

расследований проходило по делам совершенно пустяковым: кто-то спьяну что-то ляпнул, кто-то сказал просто «Анна» (без «государыня» или «ее царское величество»), кто-то не выпил, когда поднимали тост за здоровье царицы, и так далее. Не донести на такое было страшно – самого затаскают. Современный историк Е. Анисимов пишет: «Знакомясь с хранящимися в архиве делами по “непристойным словам”, исследователь не может не поразиться чрезвычайной распространенности извета. Доносили все: дворяне и холопы, купцы и нищие, крестьяне и работные люди, монахи и солдаты, глубокие старики и 11-летние дети». Священники должны были докладывать о том, что слышали на исповеди, – иначе их тоже могли казнить.

Если арестованный запирался, его подвергали пытке: дыбой, кнутом, а то и раскаленным железом. Если попадался стойкий и не оговаривал себя – бывало, что и отпускали. Доносчика, который подтвердил свою правоту, иногда награждали деньгами, но давали не больше 30 рублей.

При малой «пропускной способности» Тайной канцелярии с ее тремя десятками сотрудников число жертв этой доносомании, как мы увидим ниже, было не столь уж велико, но эффект тотального страха достигался, во-первых, тем, что в застенок мог угодить каждый, а во-вторых, публичными расправами с «большими людьми». Подобные показательные судебные процессы происходили на протяжении всего царствования Анны Иоанновны.

Месть «верховникам» растянулась на годы. Никого из этих людей, покусившихся на самое святое, принцип самодержавия, оставить без наказания было нельзя. Однако Анна не торопилась. Она была злопамятна, но осторожна.

Начала императрица с тех, кого все не любили, – с семейства Долгоруких, которые при Петре II слишком многое себе позволяли.

Всего через четыре дня после указа об оскорблении величества и обязательном доносительстве появился новый рескрипт с перечислением вин бывшего фаворита Ивана Долгорукого и его отца Алексея Григорьевича. Они-де не блюли «его величества дражайшего здравия», отлучали его «от доброго и честного обхождения», хотели насильно женить на княжне Катерине, «заграбили» царского имущества на сотни тысяч рублей, и так далее, и так далее. Обвинялись и другие

Долгорукие, в особенности Василий Лукич, которому царица не могла простить унижений, перенесенных в Митаве и по дороге в Москву.

Для начала всех их просто отправили в ссылку, а фельдмаршала Василия Владимировича, пользовавшегося всеобщим уважением, до времени оставили в покое.

На следующем этапе, усевшись на троне попрочнее, Анна церемониться перестала: упекла ссыльных в Сибирь, фельдмаршала же по весьма сомнительному доносу (якобы за хулительные речи о государыне) посадила в крепость и не выпустила до конца своего царствования, невзирая на заслуги и почтенный возраст.

Но и этим расправа не закончилась. Восемь лет спустя, по новому доносу, сосланных Долгоруких привезли на допрос, подвергли пытке, и несчастный князь Иван, не выдержав мучений, рассказал об истории с поддельным завещанием Петра II. Следствие развернулось еще шире, всем на устрашение. Бывшего фаворита предали изуверской казни – колесованию, еще троих Долгоруких обезглавили, прочих вернули в заточение.

Случая расквитаться с инициатором «кондиций», почтенным Дмитрием Михайловичем Голицыным, императрица ждала шесть лет, пока и на князя не поступил донос от собственного слуги. Старого, больного Голицына несли для допроса на руках – он не мог идти сам. На следствии князь держался с достоинством, ни в чем не покаялся и был брошен в сырой каземат, где через три месяца скончался. Пострадали и другие члены этой знатной фамилии.

Репрессии против аристократии демонстрировали, что перед монаршей властью все подданные одинаково ничтожны и бесправны.

Генерал и преображенский подполковник Александр Румянцев, высоко ценимый Петром Великим за свои способности, угодил в опалу за то, что «много болтал про императрицу». Президент Адмиралтейств-коллегии Петр Сиверс по такому же доносу был отправлен в восьмилетнюю ссылку. Всего же за десятилетие, под подсчетам А. Кургатникова, преследованиям подверглась четверть всего генералитета и почти треть руководителей правительственных ведомств.

Но самым громким и памятным стало дело Артемия Волынского – вероятно, потому что оно произошло на самом исходе царствования Анны Иоанновны и к моменту переворота, произведенного Елизаветой Петровной, было еще

очень свежо в памяти. Для новой власти, объявившей себя врагом инородческого засилия, история о том, как злые немцы замучили русского патриота, была очень кстати. Хорошо смотрелась она и в последующие времена, чему очень поспособствовал популярный роман И. Лажечникова «Ледяной дом».

Романтический поэт Кондратий Рылеев прославлял Волынского как образец гражданина:

Стран северных отважный сын,
Презрев и казнью, и Бироном,
Дерзнул на пришлеца один
Всю правду высказать пред троном.
Открыл царице корень зла,
Любимца гордого пороки,
Его ужасные дела,
Коварный ум и нрав жестокий.

На самом деле все было негероично и несимпатично. Волынский являлся одним из участников судилища над Дмитрием Голицыным и несчастными Долгорукими. Он вовсе и не собирался «дерзать на пришлеца», а затеял интригу против Остермана, ради чего, собственно, и был проведен Бироном на пост кабинет-министра.

Назначенца погубила чрезмерная активность. Освоившись в новом положении, он захотел стать самостоятельной политической величиной и проявил инициативность, сильно встревожившую его патрона.

У Волынского был кружок приятелей, перед которыми он зачитывал прожекты о «поправлении государственных дел». Эти бумаги не сохранились, но, кажется, ничего особенно выдающегося в них не было. Зато там высказывалось мнение, что России нужны «природные министры» – то есть не иностранного, а русского происхождения (очевидно, вроде самого Артемия Петровича).

Пользуясь привилегией личного доклада у императрицы, Волынский подал ей составленную на основе этих

рассуждений записку, в которой содержались туманные обвинения против неких ближних к ее величеству людей, под которыми имелся в виду прежде всего Остерман. Копию записки Волынский предварительно отправил Бирону, из чего следует, что последний не являлся мишенью этой аппаратной атаки.

Но царице не понравилось, что кто-то смеет ей указывать, кого к себе приближать, а кого нет, «будто молодых лет государю». В действии кабинет-министра она усмотрела то, чего больше всего не выносила: недостаточное почтение к особе монарха.

Еще хуже для честолюбца было то, что акция очень не понравилась фавориту. Анна Иоанновна хворала, и было понятно, что долго она не протянет, а шустрый кабинет-министр вовсю обхаживал юную Анну Леопольдовну, явно надеясь заменить Бирона при следующем правлении. Кроме того Артемий Петрович стал слишком заноситься, позволяя себе публично спорить с герцогом курляндским.

На картине В. Якоби, добросовестно воспроизводящей легенду о героическом Волынском, он гордо противостоит коварным немцам. (Остерман – в инвалидном кресле, Бирон подслушивает за ширмой.)

Настроить против себя разом и Остермана, и Бирона было слишком неосмотрительно. От Волынского потребовали объяснений, каких это злодеев из царского окружения он имеет в виду. Очень скоро Волынский уже каялся, говорил, что «от глупости своей всё врал с злобы», вставал на колени, умолял не поступать с ним сурово.

Поступили с ним более чем сурово. Сначала изломали на дыбе, причем Волынский признался еще и в мздоимстве. Потом отрезали язык, отсекли руку и после этого отрубили голову. Покарали и ни в чем не повинных членов его кружка: двоих смертью, остальных – кнутом и ссылкой.

При всей показательной жестокости аннинской эпохи безэмоциональные исследователи «бироновщины» приходят к одному и тому же выводу: общий объем репрессий был не так уж грандиозен. Т. Черникова насчитала, что в 1730-е годы было вынесено 4 827 обвинительных приговоров, из которых политических (то есть связанных с оскорблением монархии) около двух тысяч. При милостивой Елизавете Петровне подобных дел обнаружено больше: 2 478 в сороковые годы и 2 413 в пятидесятые. Несколько иные, но сходные по пропорции данные приводит И. Курукин: «Всего от эпохи бироновщины до нас дошло 1 450 дел Тайной канцелярии, то есть рассматривалось в среднем 160 дел в год. От времени же «национального» правления «доброй» Елизаветы Петровны сохранилось 6 692 дела; следовательно, интенсивность работы карательного ведомства не уменьшилась, а выросла более чем в два раза – в среднем 349 дел в год». Таким образом, и во времена милостивой Елизаветы самодержавие продолжало блюсти свою сакральность.

Зловещая репутация Анны и Бирона объясняется не масштабом репрессий, а тем, что они были прежде всего обращены против высшего сословия, которое требовалось в первую очередь привести к покорности после политических пертурбаций предыдущего периода. Т. Черникова пишет, что из 128 громких судебных процессов 126 были дворянскими. Эта эпоха была страшной именно для дворянства, в особенности знатного.

Священный трепет перед властью достигается не только через страх, но и через восхищение ее пышностью и величием. Анна Иоанновна хорошо понимала и это правило. Ее упрекают в сумасбродной расточительности (как уже говорилось, расходы на содержание царского двора выросли по меньшей мере впятеро по сравнению с временами Петра Великого), но ничего сумасбродного в этих тратах не было.

Новые дворцы, на строительство которых не скупилась казна, были призваны явить величие монархии. Толпы нарядных слуг, поражающие роскошью празднества – всё это было важной частью государственной политики. Императорский двор, ранее очень простой и неформальный, превращается в сложно регламентированное ведомство; необычайно возрастает значение церемониальных чинов и должностей. «…Императрица Анна Иоанновна любила приличное своему сану положение и порядок, и тако двор, который ещё никакого учреждения не имел, был учреждён, умножены стали придворные чины, серебро и злато на всех придворных возблистало, и даже ливрея царская сребром была покровенна; уставлена была придворная конюшенная канцелярия, и экипажи придворные всемогущее блистание с того времени возымели. Италианская опера была выписана, и спектакли начались, так как оркестры и камерная музыка. При дворе учинились порядочные и многолюдные собрании, балы, торжествы и маскарады», – пишет князь Щербатов.

Высшая власть стала не только страшной (тут-то больших расходов не потребовалось), но и обрела не свойственное ей ранее великолепие.

Государственное управление

В этой важной сфере государственной жизни, в общем, ничего существенного не произошло, да и не могло произойти, поскольку верхи были слишком заняты другими заботами. Многие петровские новшества, введенные с целью более действенного контроля над страной (пускай и не особенно успешные), были редуцированы или вовсе упразднены в связи с общей «демобилизацией» военно-бюрократической империи. В отсутствие большой войны, с прекращением гигантоманских проектов напрягать все силы страны стало не для чего, все «крепежи» подразболтались, и чинили их кое-как, по мере необходимости.

Прежде всего расстроилось введенное реформатором устройство правительственного аппарата, где высшим органом был Сенат, надзиравший над министерствами-коллегиями и, в свою очередь, контролируемый «государевым оком» генерал-прокурором. Этот принцип, подстроенный под личность с утра до вечера работавшего Петра, утрачивал смысл при монархе некомпетентном или ленивом, каковыми были преемники первого императора.

Вместо чересчур многолюдного и, по сути, консультативно-исполнительного учреждения, каковым являлся Сенат, понадобился более компактный и полномочный орган, способный принимать решения, – Верховный Тайный Совет; должность генерал-прокурора обесценилась; коллегии с их сложным механизмом коллективного руководства утратили былое значение.

Анна попробовала восстановить «профильное» управление, но не путем укрепления коллегий, а через разделение довольно бесполезного Сената на пять отраслевых департаментов, которые были завалены текущими делами и плохо с ними справлялись. Ненавистный Тайный Совет императрица уничтожила, но, поскольку сама не правила, обойтись без высшего административного звена не смогла и учредила Кабинет для «порядочного отправления всех государственных дел». Из трех кабинет-министров триумвирата не получилось, поскольку лишь барон Остерман мог считаться дееспособным, но и он тратил основные усилия на аппаратную борьбу с новым «государевым оком» – фаворитом. Тот же ясных полномочий не имел, ни за что не отвечал, но во все вмешивался.

Крайне аморфную, плохо выстроенную систему подтачивала катастрофическая нехватка кадров. Грамотных, знающих чиновников

не хватало и при Петре, но с 1725 года был взят курс на сокращение штатов. «Умножение правителей и канцелярий во всем государстве не токмо служит к великому отягощению стата, но и к великой тягости народа», – докладывали Екатерине I ее ближайшие советники, но заботили их не народные тягости, а дефицит бюджета.

Стремясь сэкономить, одни ведомства ополовинили, другие объединили или вовсе закрыли. Оставшимся чиновникам сократили жалование, так что служитель самой низшей категории, копиист, стал получать всего 15 рублей в год – на такую сумму прожить было невозможно. В этом смысле воскрешалась допетровская практика, при которой мелкие приказные должны были «кормиться» сами, то есть за счет просителей. В указе 1727 года прямым текстом говорилось, что при «рассмотрении штата определение учинить по точному примеру прежних времен, а именно как было до 1700 году». Сокращение и оскудение чиновничества подрывало сам принцип заложенной Петром «канцелярской» империи, где все должно было регламентироваться и контролироваться.

Контролировать, впрочем, пытались, но безуспешно. Единственная сфера центрального управления, на которую не жалели средств, касалась сбора доходов и надзора за их распределением. Только это правителей «нервного» времени по-настоящему и заботило.

Анна вновь создала упраздненную было Ревизион-коллегию, продублировала ее Генеральной счетной комиссией, да еще и учредила Доимочный приказ, чтобы выколачивать из губернии накопившиеся задолженности. Эти контролирующие ведомства могли бы чего-то добиться, если бы существовала нормальная инфраструктура провинциальной власти, но областная администрация, слабая и при Петре, теперь пришла в совершенное убожество.

В целях экономии отменили разделение исполнительной и судебной властей. Единоличными уездными начальниками стали воеводы, губернскими – губернаторы. Им подчинили магистратов, и тем завершилась попытка ввести элементы городского самоуправления по европейскому образцу. Находившийся в столице Главный Магистрат закрыли. Но ослабили и «вертикаль». Под предлогом борьбы с волокитой сократили массу провинциальных чиновников, дав этой мере такое обоснование: «…Прежде сего бывали во всех городах одни воеводы и всякие дела, как государевы, так и челобитчиковы, також по

присланным изо всех приказов указам отправляли одни и были без жалованья, и тогда лучшее от одного правление происходило, и люди были довольны». Поскольку управленческой работы меньше не стало, от сокращения волокита могла только увеличиться, что и произошло.

Одним словом, страна управлялась из рук вон плохо – можно сказать, никак не управлялась. Прав был саксонский посланник, писавший: «Человеческий разум не может постигнуть, как такая огромная машина держится без всякой подмоги».

Экономика

Строительство военной империи обошлось стране очень дорого. Денежно-хозяйственная ситуация после Петра была совершенно удручающей.

«Торговля упала; обширные поля оставались необработанными по пяти и по шести лет; жители пограничных областей от невыносимого порядка военной службы бежали за границу», – пишет Ключевский. По самым сдержанным оценкам прямые налоги, и прежде высокие, при Петре поднялись в полтора раза, что не приводило к увеличению сборов, а лишь накапливало недоимки, потому что разоренному населению платить было нечем. В последний год жизни Петра недособрали чуть ли не треть налогов.

Финансовый беспорядок усугублялся из-за децентрализованного формирования бюджета: средства на содержание армии (главный расход) выколачивала из народа Военная коллегия, доходами от казенной торговли ведала Коммерц-коллегия, «винными» деньгами и таможенными пошлинами занималась Камер-коллегия.

Хуже всего дела обстояли со сбором подушной подати (74 копейки в год с каждого крестьянина), поэтому сразу же после смерти главного «погонщика» вышло постановление сократить это налоговое бремя на 4 копейки, и генерал-прокурор Ягужинский докладывал Екатерине, что надобно сбавить еще.

Поскольку вся подушная подать, главный источник бюджета, тратилась на содержание войска, предлагалось в мирное время перевести его на половинное жалованье, а офицеров поочередно отпускать в свои поместья присматривать за хозяйством, либо же освобождать от обязательной службы хотя бы одного мужчину в семье.

Эти меры дали некоторое улучшение. Собираемость подушной подати чуть увеличилась – вернее сказать, сократился (до 10 %) размер недоимок. Но в 1730-е годы снова начались войны, и задолженность населения опять выросла – как уже говорилось, пришлось даже создавать специальный Доимочный приказ. Общая сумма налоговых долгов достигла 7 миллионов рублей. Бюджет тогда выглядел следующим образом: 4 миллиона уходило на армию, 1,2 миллиона на флот и около 400 тысяч на царский двор. Все прочие статьи были пустяковыми (на две академии, например, тратилось 47 тысяч).

Торговля в несвободном государстве никогда не дает хороших прибылей, поскольку сама тоже несвободна, но Петр I свел ее до совсем жалкого состояния. Царь полагал, что сильно поможет развитию отечественной промышленности и коммерции, если избавит их от конкуренции с иностранцами, в связи с чем установил невозможно высокие таможенные тарифы на импорт. Следствием было развитие контрабанды и постоянный дефицит, поскольку русская частная промышленность не могла производить качественную продукцию в достаточном количестве, а русское купечество, слабое и беззащитное перед административным произволом, не умело обеспечить нормальный товарооборот.

Остерман учредил «Комиссию о коммерции», которая рассматривала прошения от коммерсантов о большей «воле» и до некоторой степени ослабила петровский протекционизм. Некоторые важные товары – например, соль и табак – были выпущены из казенного сектора в частный; значительно уменьшились пошлины (до 20 %). Но для серьезного оживления торговли этих мер было недостаточно. По данным Ключевского, в 1732 году, то есть уже после введения новых, более щадящих таможенных тарифов, торговые пошлины дали всего 187 тысяч рублей – вместо запланированных 2,2 миллионов. К 1740 году эта статья дохода поднялась до 400 тысяч, что все равно было немного. Российский экспорт по-прежнему, как в допетровские времена, весь состоял из сырья, разве что теперь стали вывозить много железа.

Что касается промышленности, при Петре она развивалась быстро, но неравномерно. Росли лишь те отрасли, которым государь «приказывал расти», то есть вкладывал деньги и обеспечивал рабочей силой. Казенное производство давало необходимую империи

продукцию (прежде всего военного назначения: железо, порох, пеньку для канатов, сукно для мундиров), но не обогащало, а, наоборот, истощало бюджет, поскольку заказчиком и плательщиком являлось государство.

И единственным важным нововведением постпетровского времени стала попытка изменить ситуацию в индустрии: были приватизированы казенные заводы.

Эта революция коснулась металлургической и горной отраслей, больше всего развившихся при Петре, и связана она с именем одного из проклятых потомками «бироновских немцев» – барона Курта Шёмберга. Опытный горный инженер, приглашенный из Саксонии на должность главы российской Берг-коллегии, Шёмберг был инициатором принятого в 1739 году Берг-регламента, нового закона, по которому государственные заводы могли переходить к частным собственникам.

Первое, что сделал Шёмберг, – воспользовался новыми правилами сам, забрав себе наиболее перспективные месторождения и промыслы, то есть стал первопроходцем великого чиновничьего промысла, которое в наши времена называется «приватизацией госимущества».

Счастье предприимчивого саксонца длилось недолго. Скоро его покровитель Бирон пал, и у Шёмберга всю добычу отобрали, но обратно в казну уже не вернули, а передали новым сильным людям, сплошь истинным русакам и патриотам. Честности в них было не больше, а профессиональных знаний меньше, так что ничего путного из реформы не вышло.

Невьянские заводы. *И. Люрсениус*

И все же, имея гарантированные правительственные заказы, чугунно-железное производство работало лучше всех прочих отраслей промышленности. Появлялись новые заводы, строились новые печи, так что к 1740 году Россия обогнала по выплавке Англию, сильно потеснив ее на европейских рынках.

Таким образом, адресное, государственное инвестирование в отдельную отрасль неплохо работало; там же, где такого не происходило, на одном частном финансировании и предпринимательстве промышленность развивалась медленно.

Сословия

Социальным итогом петровской эпохи было то, что главным российским сословием стало дворянство. Затем, на протяжении всего восемнадцатого века, происходило уточнение привилегий и обязанностей этого кадрового ресурса военно-бюрократической империи.

«Шляхетство» стало играть столь важную роль в государственной жизни, что это вступало в противоречие с абсолютным бесправием, на которое обрекала дворян суровая требовательность Петра. При нем они

оказались в еще более несвободном положении, чем крепостные крестьяне. Обязанные бессрочно состоять на тяжелой службе, постоянно оторванные от семей, лишенные возможности управлять своими поместьями и оттого разорявшиеся, русские дворяне были очень недовольны своей жизнью. Возникло даже поразительное явление, которое в наши дни назвали бы «дауншифтингом»: юноши дворянского звания, стремясь уклониться от службы (а начинать ее следовало с рядового солдата или матроса), стали переписываться в низшие сословия.

Однако после смерти грозного Петра «шляхетство» обрело голос и получило возможность напрямую давить на власть: кому будет принадлежать трон и надолго ли, теперь зависело от гвардейских полков, а основной их контингент был дворянским.

Монархия учитывала это обстоятельство и постепенно, шаг за шагом, отменяла петровские строгости.

Екатерина I отблагодарила доставивших ей корону дворян тем, что отпустила две трети офицеров в отпуск – привести в порядок их поместья.

Настоящие же послабления начались при Анне Иоанновне, которая не только стращала высший класс суровостью, но и повышала его лояльность потоком милостей. Императрица хорошо знала, что кнут эффективен лишь в сочетании с пряником.

В 1730–1731 годах был отменен плохо продуманный петровский закон о единонаследии, превращавший всех младших детей помещика в нищих. «Отцам не только естественно, но и закон божий повелевает детей своих всех равно награждать», – говорилось в манифесте, который дозволял раздел имущества «дать на волю» владельцам. Тогда же поместья (то есть государственные земли, выданные служащим дворянам во временное кормление) были переданы в вечное владение тем, кто ими пользовался. Два этих закона превратили дворян в настоящих собственников земли, стали гарантией их экономической независимости.

Затем, в том же 1731 году, возникла лазейка для избавления от самой тягостной повинности: тянуть солдатскую лямку. В столице открылся «Сухопутный шляхетский корпус», окончив который, юноша сразу получал офицерский чин – или гражданский, «понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна».

Настоящую революцию в состоянии дворянства произвел манифест 1736 года, ограничивший срок непременной службы. «… Всем шляхтичам от 7 до 20 лет возраста их быть в науках, а от 20 лет употреблять в военную службу, и всякий должен служить в воинской службе от 20 лет возраста своего 25 лет, а по прошествии 25 лет всех, хотя кто еще и в службу был годен, от воинской и статской службы отставлять с повышением одного ранга и отпускать в домы, а кто из них добровольно больше служить пожелает, таким давать на их волю», – объявлялось в указе. Еще важнее было то, что одного из помещичьих сыновей разрешалось оставлять дома для ведения хозяйства. Так в стране появилась новая, прежде небывалая прослойка неслужащих дворян-хозяев, пополнявшаяся за счет еще не старых, сорокапятилетних отставников.

Наконец, серьезным послаблением стала широко распространившаяся практика записывать в полки малолетних детей, которые считались солдатами от рождения и ко времени своего совершеннолетия могли выйти в сержанты и даже офицеры. Это была явная профанация петровского требования обязательной солдатской службы.

Повышение статуса дворянства достигалось не только умножением его прав, но и ущемлением прав других сословий. Так владение деревнями и крестьянами, ранее не обусловленное дворянским званием, теперь было закреплено только за «шляхетством» и, стало быть, превратилось в сословную привилегию.

Но дворяне, при всей государственной весомости этого класса, составляли лишь сотую часть населения страны, которая в основной своей массе была крестьянской. И политика монархии в отношении коренного российского сословия выглядела противоречиво. Экономические интересы империи требовали, чтобы главный донор державы окончательно не разорился и сохранял платежеспособность, для чего следовало сокращать податное бремя и облегчать жизнь деревни. Как мы видели, послепетровские правительства пытались это сделать, прощая недоимки и понижая подушный сбор. Однако укрепление дворянства могло происходить лишь за счет дальнейшего закрепощения крестьян, которые составляли единственную основу помещичьего благополучия.

Здание Сухопутного шляхетского корпуса (бывший дворец Меншикова)

Этот неизбежный процесс развивался постепенно, отнимая у крестьян последние крохи свободы.

При Петре можно было уйти из деревни, добровольно поступив на военную службу. Теперь это окошко закрылось.

Предприимчивые крестьяне могли, накопив денег, купить недвижимость, взять подряд или даже открыть фабрику – при Анне это запретили.

Знаменательной вехой, показавшей, что государство больше не рассматривает крепостных как граждан, стал манифест Екатерины I о восшествии на престол: это сословие теперь не должно было присягать монарху.

А в 1736 году вышел указ о новом виде крепостной зависимости – заводской. Все рабочие заводов, фабрик и мануфактур объявлялись приписанными к производству навечно. Заводские рабочие, лишенные собственной земли, стали самой бесправной частью населения. Это было плохо и для промышленности, поскольку упраздняло наемный

труд, а стало быть уничтожало рынок рабочей силы. К тому же известно, что у рабов производительность труда не бывает высокой.

Несколько десятилетий спустя именно эта категория крепостных станет самым активным элементом пугачевского восстания.

В жизни горожан мало что переменилось, а если и переменилось, то к худшему. Подчинение магистратов воеводам и губернаторам уничтожило даже те слабые начатки городского самоуправления, которое по европейскому образцу пытался ввести Петр I. Правда и то, что «посадских» в России по-прежнему было очень мало, примерно три процента населения. Города за исключением Петербурга (в 1737 году там жили 70 тысяч человек – для столицы немного) не развивались, а Москва даже начала хиреть: в конце царствования Анны в ней насчитывалось 140 тысяч жителей, на треть меньше, чем полувеком ранее.

Купечество оставалось немногочисленным и экономически слабым. Подрастеряло свой авторитет духовенство – как из-за превращения церкви в один из государственных департаментов, так и в результате подрыва тайны исповеди, одного из последствий закона о недоносительстве.

В целом же из-за бедности, голода, эпидемий население империи увеличивалось медленно и к концу аннинского царствования составляло примерно шестнадцать миллионов. Это была большая, но не самая многолюдная из тогдашних держав. В Священной Римской империи жило около семнадцати миллионов человек, во Франции – более двадцати, в Османской империи все тридцать.

Окраины империи и инородцы

Больше двух третей населения России в это время составляли русские, точнее «великороссы», как их тогда называли. Вторыми по численности были «малороссы»-украинцы (больше двух миллионов). Крупными этническими анклавами также были прибалтийцы – эстонцы, финны, латыши (примерно шестьсот тысяч), белоруссы (около четырехсот тысяч), татары (триста тысяч), башкиры и калмыки (примерно по двести тысяч человек).

Забот у правительства больше было с Украиной, присоединенной не столь давно и все еще сохранявшей рудименты автономности. Петр в 1722 году фактически упразднил там гетманство и осуществлял контроль над этой неспокойной областью через особый орган – Малороссийскую коллегию.

У нового правительства, занятого текущими проблемами, сил и внимания на управление Украиной не хватало. Поэтому, в целях сокращения штатов и экономии, решили поступить просто: назначить гетмана, и пусть сам руководит своим народом. К тому же, постоянно опасаясь войны с соседней Турцией, Петербург не хотел раздражать малороссов сбором податей и всякого рода повинностями. Казалось удобней возложить эти неприятные функции на украинскую старшину.

Гетмана избрали на раде, как положено, но это была формальность. Фактически правитель был назначен из центра. На эту должность поставили бесконфликтного и послушного старика, миргородского полковника Данилу Апостола, на всякий случай оставив его сына в заложниках.

Апостол вел себя тихо, потом впал в паралич, что не особенно отразилось на ведении дел, которые все равно оставались под российским надзором. Когда в 1734 году дряхлый гетман скончался, решили никого на это место не назначать. Анна Иоанновна учредила некое «правление гетманского уряда» (то есть типа), состоявшее из трех русских и трех украинцев под эгидой царского генерал-адъютанта князя Алексея Шаховского. В инструкции императрицы недвусмысленно говорилось: «Впрочем во всем тому Гетманскому уряду правления поступать по Нашим, Императорского Величества, указам».

Труднее и беспокойнее шли дела на юго-восточной окраине. В Петербурге ее воспринимали как открытые ворота Азии. Там, в широких степях, жили кочевые народы, не имевшие нужды в государственности и потому казавшиеся легкой добычей. Интерес для молодой российской империи представляли не сами эти племена, а путь в Бухару, Хиву и прочие богатые товарами земли. Ключ к торговому маршруту находился в руках казахов, которых русские называли киргиз-кайсаками.

Когда в 1731 году вождь одного из жузов (племенных объединений) хан Абулхаир, обратился к Анне с просьбой о

подданстве, рассчитывая получить взамен помощь против своих врагов, в Петербурге решили не отказываться от такой многообещающей возможности.

Для того чтобы утвердиться на новых землях, нужно было разместить там гарнизоны, а для этого требовалось построить крепости и учредить административный центр. Новый город по тогдашней моде назвали на немецкий лад – Оренбургом (то есть «город на реке Орь»). Предполагалось, что, опираясь на этот плацдарм, русские потом доберутся и до богатств Средней Азии. Для первого послепетровского масштабного дела затеяли Оренбургскую экспедицию, которая больше напоминала войсковую операцию.

Но экспансия сразу же пошла вкривь и вкось.

Абулхаир оказался союзником ненадежным, плохо понимавшим смысл понятия «подданство», однако главные проблемы возникли даже не из-за этого, а из-за башкиров, большого заволжского народа, который юридически давно уже входил в состав России, но на практике жил собственным укладом, на основе самоуправления.

Разнесся слух, что царские войска присланы, дабы в нарушение старинных договоров отобрать исконные башкирские земли, и весь край поднялся. Повстанцы смело нападали на правительственные войска, нанося им существенный урон. Жестокие репрессии, призванные внушить башкирам «потомственный страх», приводили лишь к новому ожесточению. Восстание продолжалось с 1735 до 1740 года, заставив Петербург отказаться от среднеазиатского проекта. Оренбург и несколько десятков степных крепостей так и остались пограничной линией, дорогостоящей и не слишком нужной. Власть России над казахскими жузами существовала только на бумаге, даже не найдя отражения в длинном титуле российских монархов.

Основную часть империи занимала огромная и богатая, но почти безлюдная Сибирь, управление которой до сих пор сводилось к сбору дани с небольших местных народов. Тут мало что изменилось. В 1736 году ради лучшего администрирования Сибирь поделили на две части – западную со столицей в Тобольске и восточную, Иркутскую. Вполне в духе эпохи было еще одно новшество: в 1739 году государыня Анна Иоанновна повелела назначать воеводами только «пожиточных людей из знатного шляхетства», тем самым закрыв карьерные возможности

для способных и деятельных представителей низших сословий – казачества и купечества.

Основные события, впрочем, происходили на «окраине окраины», то есть в самых дальних, доселе не исследованных областях сибирского субконтинента.

Еще Петр I перед смертью пожелал выяснить, соединяется ли Азия с Америкой. Екатерина не стала отменять уже подготовленное предприятие, и через месяц после кончины великого императора экспедиция двинулась в путь. Возглавил ее один из завербованных в Европе «специалистов», опытный датский моряк Витус Беринг. Его помощником был лейтенант Алексей Чириков.

Башкирский воин. *Г. Гайсслер*

Темпы исследований при тогдашних сухопутных коммуникациях были еще медленнее, чем во времена Колумба. У Беринга ушло два года на то, чтобы просто пересечь Сибирь; еще через полтора года выстроенный на месте корабль наконец поплыл вдоль Камчатки на север и достиг Ледовитого океана, нигде Америки не обнаружив. Так был открыт пролив, впоследствии названный Беринговым.

Обратно капитан вернулся уже при Анне и стал доказывать, что где-то в той стороне все же находится Америка, ибо море приносит оттуда древесные стволы.

Заполучить кусок континента, так обогатившего западные державы, в Петербурге очень хотели и потому снарядили новую экспедицию, намного масштабнее первой. Берингу было приказано привести в российское подданство все народы, которые он обнаружит, но ни в коем случае не покушаться на земли, уже принадлежащие иным державам, включая «китайского богдыхана» и «японского хана».

Корабли Беринга у берегов Камчатки. *Неизвестный художник. XIX в.*

Вторая экспедиция, заслуженно названная «великой», растянулась на целое десятилетие и заполнила множество белых пятен на географической карте.

Собственно, это было сразу несколько экспедиций.

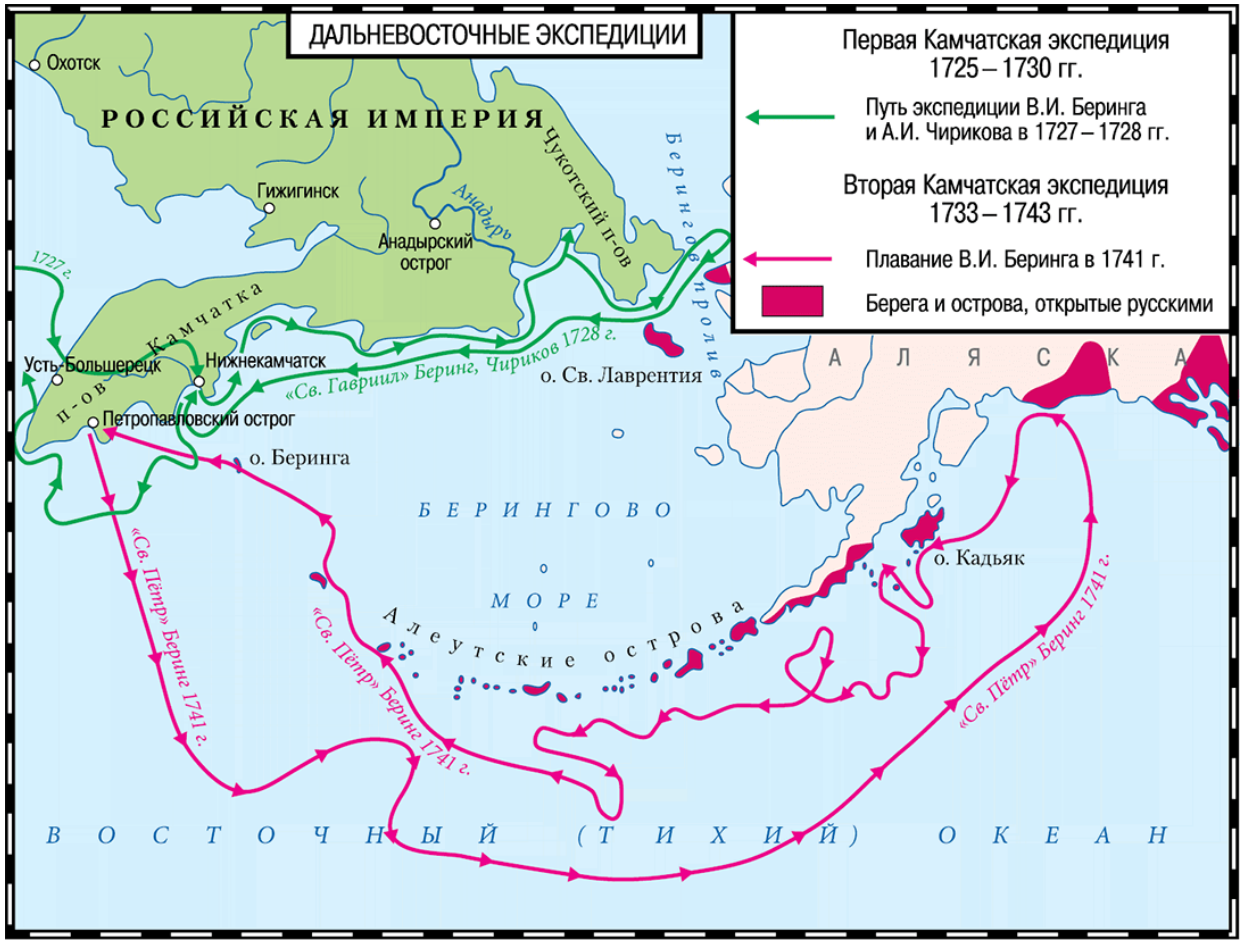
Сам капитан-командор Беринг достиг-таки Аляски, открыл Алеутские острова и умер во время тяжелой зимовки.

Один из его помощников, капитан Мартин Шпанберг, тоже датский уроженец, описал Курильские острова и проложил путь в Японию.

Лейтенант Дмитрий Овцын нанес на карту побережье Северного океана от Оби до Енисея.

Отряд лейтенанта Василия Прончищева и штурмана Семена Челюскина (возглавившего плавание после смерти начальника) исследовал берег Таймыра и достиг северной оконечности Евразии.

Лейтенант Дмитрий Лаптев в несколько приемов прошел весь огромный путь от Белого моря до Колымы. Его двоюродный брат лейтенант Харитон Лаптев в основном двигался не морем, а сушей, на собачьих упряжках, и сумел описать не только береговую линию, но и значительную часть материка.



Сибирские и дальневосточные экспедиции. *М. Романова*

Сражаться приходилось не только с суровой природой, но и с местным населением – там, где оно имелось.

Долгим и кровавым было завоевание Чукотки. Поход казачьего головы Афанасия Шестакова, слишком яро собиравшего ясак, привел к войне с чукчами. В 1730 году русский отряд был разгромлен, а Шестаков убит. Карательная экспедиция капитана Павлуцкого не положила конец сопротивлению. Колонизаторов было слишком мало для такой обширной территории. Туземцы бились отчаянно и признавать чужую власть не желали. Эта борьба, как мы скоро увидим, закончится нестандартно.

Империя есть империя, она не может не стремиться к расширению. Когда верховная власть не ведет последовательной завоевательной политики, экспансия происходит сама собой – в тех направлениях, где не сталкивается с серьезным сопротивлением.

Общество и нравы

Из чтения исторической литературы может возникнуть впечатление, будто послепетровские монархи с их приближенными только и делали, что предавались роскоши и легкомысленным забавам. Однако происходили и вещи в общественном отношении вполне серьезные, касавшиеся развития просвещения, культуры и, в меньшей степени, науки. Успехи были скромными, однако следует оценивать их не сами по себе, а с учетом того изначально низкого уровня, на котором пребывала в России вся эта сфера деятельности.

Петр Первый долго собирался открыть собственную академию наук, чтобы у него в империи всё было не хуже, чем в Европе, но за множеством других более насущных дел, так и не успел осуществить это намерение. Царь лишь составил инструкцию о финансировании будущего учреждения: «На содержание оных определить доходы, которые збираются с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга, таможенных и лицентных, 24 912 рублев».

Поскольку главный вопрос, денежный, был решен, дело продолжилось и без Петра. В декабре 1725 года императрица Екатерина открыла-таки Академию наук, причем в указе, довольно неопределенном по содержанию, выражалось пожелание, чтобы подданные «имели б тщание отдавать в разныя науки детей своих и свойственников», то есть получалось, что речь идет о каком-то учебном учреждении.

Путаница возникла из-за самого Петра, которому виделось некое странное заведение, отчасти научное, отчасти педагогическое, отчасти художественное, а в то же время еще и занимающееся разными курьезами. Царь и называл свое детище «академией наук и курьезных художеств». Еще его называли на французский лад «Десиянс-Академия».

Материальные вопросы решились быстро. Академии отдали дворец только что репрессированного барона Шафирова, постановили «академиков недели с три или с месяц невзачет кушаньем довольствовать, а потом подрядить за настоящую цену, наняв от академии, эконома, кормить в том же доме, дабы ходя в трактиры и другие мелкие домы, с непотребными обращаючись, не обучались их непотребных обычаев, и в других забавах времени не теряли бездельно». Президентом поставили надежного человека, лейб-медика Блументроста. На том государственное попечение над науками и закончилось.

За отсутствием собственных ученых мужей в Академии долгое время состояли почти сплошь одни иностранцы – как дельные, так и никчемные. К числу первых относились молодой швейцарец Леонард Эйлер, про которого в реестре 1737 года сказано: «профессор вышней математики, сочиняет высокие и остроумные математические вещи, которые по прочтении в конференции издаются в печать»; французский астроном и картограф Жан-Николя Делиль: «днем и ночью трудится в астрономических обсервациях и над генеральною картою Российского государства»; два выходца из Тюбингенского университета – зоолог Иоганн-Георг Дювернуа («ныне пишет историю о слоне, морже и ките») и физик Георг-Вольфганг Крафт («рассматривает натуру размышлениями и частыми экспериментами»).

Самым же ценным сотрудником оказался лейпцигский студент Герхард-Фридрих Миллер, настоящий полимат, занимавшийся лингвистикой, историей, географией, этнографией и статистикой. В 1730-е годы Миллер состоял в экспедиции, которая исследовала всю Сибирь, и впоследствии написал «Историю Сибири». Памяти этого замечательного ученого сильно помешала его вражда с Михайлой

Ломоносовым. В первом томе я рассказывал, как печально закончилась для немца попытка обосновать варяжскую гипотезу происхождения русской государственности (политически грамотный Ломоносов победил оппонента, нажаловавшись начальству на возмутительный непатриотизм подобной теории).

Первые русские сотрудники академии пока не поднимались выше адъюнктов, но объяснялось это не «бироновщиной» и не «засилием немцев», а нехваткой опыта. Скоро, впрочем, ситуация изменится.

Герхард Миллер (*Неизвестный художник. XVIII в.*) и Леонард Эйлер (*Я. Хандманн*)

Не без участия Академии открылся в 1732 году и Шляхетский корпус, который стал главным поставщиком кадров для военной и гражданской службы. Юных дворян обучали здесь не только «экзерциции» и фортификации, но также истории, географии, математике. Старшеклассники, «имеющие охоту к высшим гражданским наукам», имели в качестве учителей академических

профессоров. В корпусе обучалось всего двести недорослей – для большой страны совсем немного, но главное, что был задан некий стандарт образованности, служивший примером для всего дворянского сословия.

Другой новацией, тоже не слишком массовой и сугубо столичной, стала мода на театр. Великий Петр эту европейскую забаву не жаловал. Царю с его патологической гипердинамией было трудно долго оставаться в положении зрителя, он предпочитал действа, в которых мог участвовать сам. Иного склада была ленивая Анна Иоанновна. Не довольствуясь доморощенными шутами и шутихами, она завела в Петербурге театральные зрелища: оперу, балет, итальянскую комедию. Публика с воодушевлением впитывала новые художественные впечатления. Построенный при Зимнем дворце театр, где выступали заезжие труппы, всегда был полон. Спектакли считались царским развлечением и могли происходить только в присутствии ее величества. Если императрица почему-либо не приезжала, занавес не поднимался и зрители должны были расходиться по домам. Притом билетов не продавали, в театр пускали только по придворным приглашениям-«повесткам», которые обычно выдавались особам старших чинов. Всё это придавало чужестранному развлечению возвышенный статус и готовило почву для создания русского театра. Он появится уже при Елизавете Петровне.

К описываемому времени следует отнести и зарождение пока еще очень малочисленной прослойки профессиональных деятелей культуры. По социальному статусу находясь между высшим и низшим классами, эта «протоинтеллигенция» кормилась исключительно за счет своего образования, жадно впитывала новые европейские идейные и культурные веяния, переосмысливала их на свой лад и пыталась пересадить на местную почву. Признанием и уважением эти люди избалованы не были, но некоторая их полезность властями все-таки признавалась.

> Пращуром российских интеллигентов можно считать В. Тредиаковского, история которого хорошо демонстрирует условия, в которых возникало это почтенное в будущем сословие.

Василий Кириллович был сыном провинциального священника, вырос в захолустной Астрахани, где случайно, у заезжих капуцинов, выучился латыни. Главной страстью юноши была жажда знаний. Он сбежал в Москву, чтобы продолжить учебу в Славяно-греко-латинской академии. Постигнув всю невеликую сумму тогдашней русской церковной учености, Тредиаковский каким-то образом сумел перебраться в Европу, возмечтав попасть в Сорбонну. «С крайним претерпением бедности», пешком, дошел до Парижа и два года изучал там философию, математику и «свободные искусства».

Вернувшись на родину, Тредиаковский пристроился секретарем в недавно открытой Академии, однако известность приобрел не научными, а литературными занятиями, в особенности сочинением правильно рифмованных, ритмичных стихов, что тогда было внове и казалось очень ловким штукачеством.

Эта затейность привлекла внимание скучающей Анны Иоанновны, которая, как мы помним, специально собирала даже крестьянские частушки.

Василий Кириллович удостоился великой чести лично явить свой дар государыне. Первая встреча российской Высшей Власти с отечественной интеллигенцией произошла при обстоятельствах, которые сам поэт описывает следующим образом: «Имел счастие читать государыне императрице у камина, стоя на коленях перед ея императорским величеством; и по окончании онаго чтения удостоился получить из собственных ея императорскаго величества рук всемилостивейшую оплеушину».

Счастие Тредиаковского. *И. Сакуров*

Менее радостно закончилось для Тредиаковского приказание поучаствовать в знаменитом действе с Ледяным домом, живописно изображенное романистом Лажечниковым и другими авторами.

Чудесный дворец изо льда был выстроен на Неве зимой 1740 года для потешного бракосочетания старого шута князя Михаила Голицына-Квасника с пожилой шутихой Бужениновой. Одним из пунктов обширной программы развлечений значилась декламация скабрезного стихотворения, которое и поручили сочинить ученому пииту.

Кабинет-министр Волынский, находившийся тогда в зените могущества, обошелся с Василием Кирилловичем, как с последним холопом: сначала велел приволочь чуть ли не силой, в ответ на жалобные речи поколотил, а потом велел еще и выдрать.

Страдая от побоев и обиды (но, кажется, не от унижения, поскольку понятие личного достоинства у русских людей тогда еще не сформировалось), Тредиаковский тем не менее выполнил заказ.

Похабное стихотворение, начинавшееся строками «Здравствуйте, женившись, дурак и дура, ещё и блядочка, то-та и фигура», поэт зачитал перед царицей и вельможами в потешном платье и клоунской личине.

Впоследствии Василий Кириллович, правда, получил за свои обиды компенсацию – целых 360 рублей, так что остался не в претензии.

Вероятно, самая значительная перемена в русской жизни была подготовлена указом 1731 года, хотя на первый взгляд он не слишком примечателен. Речь в нем шла всего лишь об имущественных правах дворянских вдов, которым отныне по закону полагалась часть собственности умершего супруга. С этого момента женщины благородного звания получают юридическую самостоятельность, могут отстаивать свои интересы, судиться за свои права – век становится «женским» уже не только на уровне престола, но и в широком, общественном смысле. Это еще одно важное свершение столь непопулярной у историков аннинской эпохи.

Дела внешние

Страна, ставшая империей

Когда страна, прежде бывшая национальным государством, то есть жившая преимущественно внутренними интересами, превращается в империю, содержание и смысл ее внешней политики кардинально меняются. Империя взваливает на себя массу тяжелейших обязательств. Нужно постоянно расширяться; нужно сохранять и увеличивать свое международное влияние; нужно защищать сателлитов; нужно тратить основную часть доходов на вооруженные силы. Одним словом, на этой розе хватает острых шипов.

На первый взгляд позиция, на которую Петр Первый вывел свою страну, выглядит невероятно выигрышной. Россия вошла в ряд великих держав, стала владычествовать в Балтийском бассейне, приобрела множество земель, а еще большее количество сделала в той или иной мере зависимыми – Курляндию, Мекленбург, Голштинию, да, в общем, и огромную Речь Посполитую. Захват южного побережья Каспия гипотетически открывал дорогу в Индию. За юго-восточными степями и пустынями лежала аппетитная Средняя Азия. Где-то по ту сторону Сибири маячила Америка, куда Петр снаряжал экспедицию Беринга.

И каждое, буквально каждое из этих достижений влекло за собой проблемы.

Положение одного из главных политических игроков Европы требовало активного вмешательства в любые конфликты, сулившие изменение баланса сил между державами.

Северогерманская зона влияния сталкивала Россию с Данией и Англией (король которой одновременно являлся ганноверским курфюрстом).

В подконтрольной Польше вечно происходили потрясения, требовавшие дипломатического, а то и военного вмешательства.

А еще приходилось участвовать в политических интригах Швеции, потому что одна из тамошних партий являлась союзницей Петербурга, и как же было ей не помочь?

Ослабление Турции позволяло надеяться на то, что в следующий раз, может быть, удастся закрепиться на Черном море, а то и получить

заветный выход в Средиземноморье.

Таковы были искушения и соблазны новосозданной империи. Они определяли и ее дипломатию, которая становится чуть ли не самым первым из государственных дел, так что даже бездеятельная Анна, пренебрегавшая всеми другими сферами управления, считала своим долгом лично руководить внешней политикой.

Естественной союзницей России – по общей вражде с Турцией – была Австрия, и в 1726 году, при Екатерине I, две империи заключили договор о взаимопомощи: если на союзника нападет третья сторона, его следовало поддержать силой оружия. Архитектором этой геополитической конструкции был Остерман, самый дальновидный из российских деятелей этого межеумочного времени. В его докладе «Генеральное состояние дел и интересов всероссийских со всеми соседними и другими иностранными государствами» барон обосновал долгосрочную прочность и выгоды сближения с Австрией.

Насчет долгосрочности Андрей Иванович оказался прав, насчет выгод – не очень.

Дело в том, что у Австрии имелись враги и помимо Турции: прежде всего Франция, а также быстро крепнущее новое королевство Пруссия, соперничавшее с Веной за первенство в германском регионе. С Пруссией у Петербурга отношения будут эволюционировать по-разному, но Франция, первая держава Европы, станет вредить российским интересам всюду, где только сможет.

Важными европейскими странами тогда были Дания, Голландия и Швеция. Две первые традиционно дружили с Россией, третья очень сошлась с нею после Ништадтского мира. Однако неуклюжими, плохо продуманными действиями русское правительство настроило эти северные страны против себя. Причиной стал так называемый «голштинский вопрос», который будет проклятьем российской внешней политики на протяжении нескольких десятилетий.

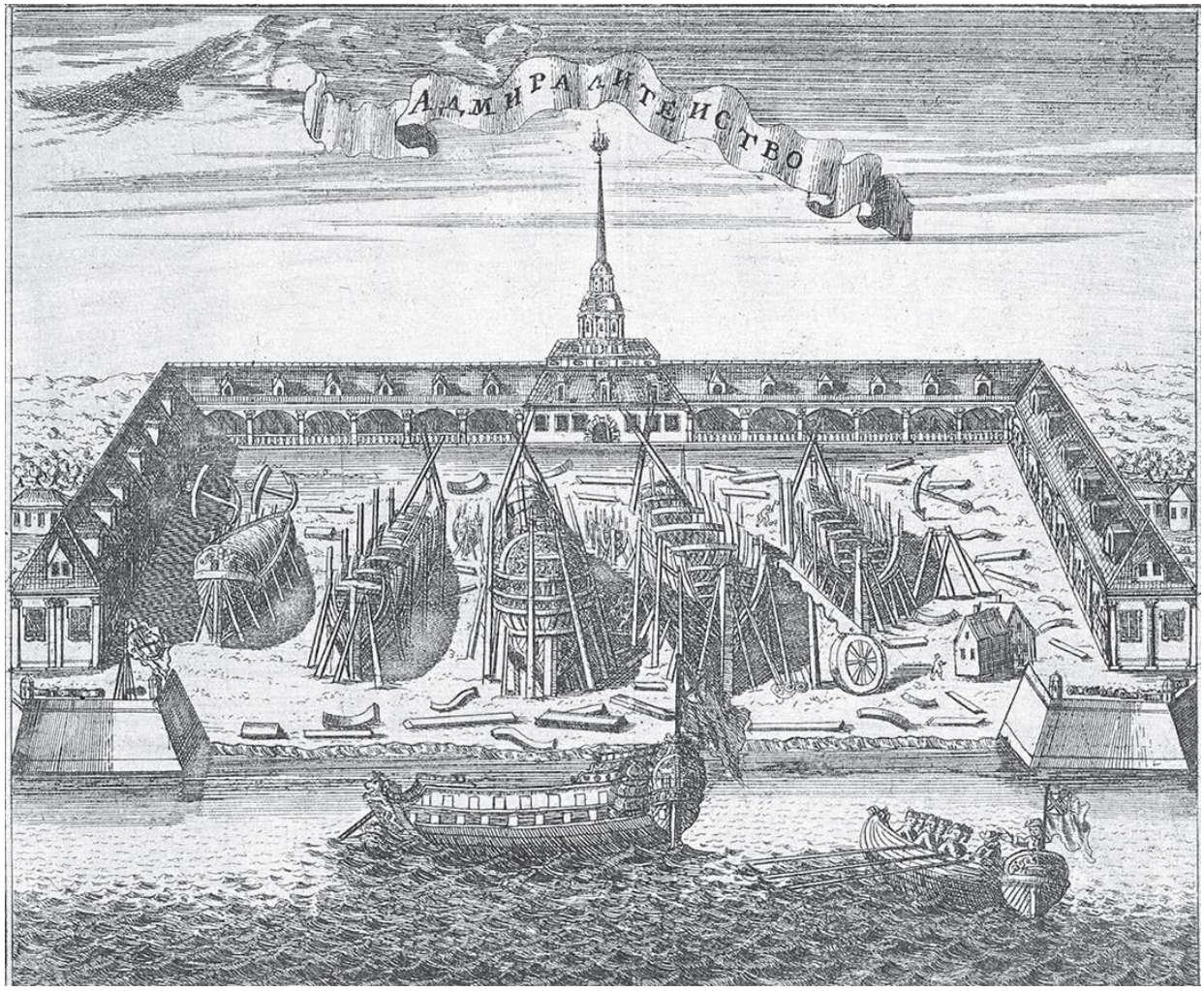
Началось всё с того, что Дания, союзница Петра по Северной войне, захватила владения герцога Фридриха Голштинского, воевавшего на стороне Карла XII. Сын Фридриха, знакомый нам Карл-Фридрих, перешел в противоположный лагерь (женился на дочери Петра), но отнятых владений назад не получил. При Екатерине молодой человек стал большой персоной в Петербурге и убедил тещу-императрицу идти на Данию войной.

Похода не получилось – Англия объявила, что не пропустит русские корабли к Копенгагену, но воинственный демарш настроил против России и Данию, и Швецию (Карл-Фридрих ведь еще и претендовал на шведский престол). Обе эти страны, а за ними и Голландия примкнули к антиавстрийской, а значит и к антироссийской коалиции.

При Екатерине войны так и не возникло, но на европейском небосклоне сгущались тучи – сразу в двух пунктах, и оба имели к России непосредственное отношение.

Вот-вот должен был умереть старый польский король Август II, в споре за трон которого русские никак не могли остаться в стороне. И еще назревал конфликт из-за наследства австрийского императора Карла VI, где схлестнулись интересы почти всех европейских держав – Россия же, по договору, должна была в случае войны драться на стороне Вены.

Тут-то и обнаружилась истина, с которой Россия будет вынуждена считаться вновь и вновь: внешние задачи империи приоритетны по отношению к внутренним. Мы видели, что после смерти Петра правительство очень хотело сократить траты на армию, разорявшие страну. Но частичная демилитаризация продолжалась всего несколько лет и вместо экономии привела лишь к худшим расходам.



Адмиралтейство в Санкт-Петербурге. *Гравюра XVIII в.*

Из-за небрежения флот пришел в совершенный упадок. В 1731 году выяснилось, что к выходу в море пригодны всего 12 кораблей. Пришлось ввиду грядущих баталий наскоро восстанавливать морские силы. Специальная комиссия отказалась от чересчур дорогих многопушечных кораблей, но была вынуждена найти деньги на строительство судов среднего размера – чтоб хотя бы защитить собственные берега. К 1740 году, когда флот понадобился, в строю было уже 40 кораблей, но лишь один крупный, стопушечный.

Не получилось сэкономить и на сухопутных войсках. После Петра регулярная армия мирного времени насчитывала 157 тысяч солдат. В 1736 году эта цифра возросла до 240 тысяч. По данным И. Курукина, за аннинское царствование пришлось забрать в рекруты пять процентов

всего мужского населения страны. Если считать только молодых мужчин, процент получится много выше.

Ничего не поделаешь: вооруженные силы – основной инструмент империи, и держать его всегда следует в боевой готовности. Со временем этот урок будет хорошо усвоен.

Очень коротко внешнеполитическое положение России после смерти Петра можно подытожить так: империя откусила больше, чем могла прожевать и тем более переварить, поэтому за некоторые куски пришлось сцепиться с другими хищниками, а кое-что и выплюнуть обратно.

Персидская ретирада

Самым проблемным из таких кусков были южные завоевания Петра, соблазнившегося царившей в Персии междоусобицей. В 1722 году русские войска без труда оккупировали большую территорию, протянувшуся вдоль Каспия на полторы тысячи километров, от Тарки до Астрабада. Это была плохо продуманная авантюра, которая России очень дорого обошлась: никакой прибыли, сплошные убытки, а главное – непонятно зачем нужен гипотетический плацдарм для экспансии в Индию, когда стране совершенно не до Индии.

Преемники Петра не знали, что делать с этой обузой: и отказаться от петровского наследия стыдно, и содержать накладно.

Размещенные в Персии гарнизоны так называемого Низового корпуса, двадцать батальонов, несли тяжелые потери – не столько в боевых действиях, сколько от гнилого климата, скверной воды и малярии. За один только 1725 год умерло больше пяти тысяч человек, и надо было все время слать новых рекрутов, не говоря уж о том, что снабжение и денежное довольствие корпуса ложились тяжким бременем на разоренную казну.

В уже поминавшейся записке генерал-прокурора Ягужинского, поданной сразу после смерти императора и ратовавшей за оптимизацию государственных расходов, впервые было высказано осторожное предложение как-нибудь отделаться от персидских владений, а вскоре уже весь Верховный Тайный Совет обратился к Екатерине с тем же. Императрица, неуверенно чувствовавшая себя на оставшемся после великого супруга троне, колебалась.

Надир. *Неизвестный художник. XVIII в.*

На первое время ограничились тем, что повелели командующему экспедиционными силами никаких новых земель не завоевывать, а удерживать то, что есть. Но эта полумера проблемы не решила. Деньги по-прежнему таяли, солдаты мерли.

Из Петербурга пришел новый приказ: попробовать найти в безначальной Персии какого-нибудь правителя, чтобы заключить с ним договор – и пусть заберет себе все захваченные области. Но и это оказалось непросто. Угадать, кто в Персии возьмет верх, было трудно.

> Прежний шах Солтан Хусейн, свергнутый кандагарским эмиром Мир-Махмудом, сидел в заточении. Мир-Махмуда убил другой военный вождь, Мир-Ашраф, который заодно казнил и пленного шаха, но сын последнего принц Тахмасп укрепился на севере страны и провозгласил себя шахом. При этом настоящим предводителем этой фракции был не Тахмасп, а его главный полководец Надир. Он выгнал Мир-Ашрафа из столицы, однако в сваре участвовали еще и турки. Они воевали с войсками Надира, но при этом вели тайные переговоры с Тахмаспом. Разобраться во всех этих хитросплетениях было трудно.

Территории, возвращенные Персии по Гянджинскому договору. *М. Романова*

Выбраться из осиного гнезда очень хотелось, но боялись, что Персия достанется главному оппоненту – Турции, и потому всё тянули с эвакуацией.

Наконец в 1732 году в Реште подписали с Тахмаспом договор, по которому шах получал назад все южное побережье Каспия в обмен на обещание не мириться с турками. С облегчением вывели оттуда гарнизоны, а Тахмасп немедленно обманул – помирился с Турцией, отдав ей соседствующую с российскими владениями часть Кавказа.

На счастье против шаха взбунтовался Надир, заклятый враг Турции, и война началась сызнова. В конце концов от нее устали и в Стамбуле.

Еще три года спустя пришлось подписывать новый договор, Гянджинский, теперь с Надиром. Отдали ему последнее, что оставалось от петровских побед: Баку с Дербентом, уже безо всяких дополнительных условий.

Получалось, что множество солдатских жизней (30 000, а то и 40 000 умерших) и миллионы рублей потрачены впустую. Попытка южной экспансии закончилась полным крахом.

Польская война

В начале 1733 года произошло событие, к которому активнее всего готовилась Франция: умер польский король Август Сильный. Интерес Версаля к неближней стране имел две причины – политическую и династическую. Во-первых, появилась возможность ослабить Австрию, посадив на освободившийся трон своего кандидата, а во-вторых, удобный кандидат был наготове. Несколькими годами ранее Людовик XV женился на дочери бывшего польского короля Станислава Лещинского, в свое время изгнанного из Варшавы русскими войсками.

Эта затея не могла понравиться ни Вене, у которой имелся свой претендент, ни тем более Петербургу, где к нежеланию выпускать из зоны своего влияния Польшу тоже присоединялись династические эмоции. Дело в том, что Людовик предпочел Марию Лещинскую русской царевне Елизавете Петровне – обидно.

Французская дипломатия, самая предприимчивая из европейских, завладела инициативой. Станислав появился в Польше первым и

заручился поддержкой большинства знати, в том числе примаса Потоцкого. Отсекая конкурентов, эта партия провела сейм, на котором было постановлено, что королем может быть избран во-первых, только этнический поляк, а во-вторых, ни в коем случае не владетель какой-то иной страны. Таким образом исключался русский кандидат, сын покойного Августа, тоже Август, курфюрст саксонский.

Но, как всегда бывало в Польше, решение не было единогласным, и недовольные обратились к России с документом, озаглавленным «Декларация доброжелательности», прося защитить шляхетские свободы. В Петербурге только этого и ждали. В дальнейшем лозунг защиты традиционных польских вольностей станет главным пропагандистским оружием России в борьбе за контроль над несчастной Речью Посполитой.

До избирательного съезда русские вмешаться не успели, но лифляндский губернатор Петр Ласси уже вел армию спасать «доброжелателей».

Правда, отвыкшие от боевых походов полки поспешали неважно, и в августе Станислав был-таки провозглашен королем, но это русских не остановило, тем более что от Смоленска двигался еще один армейский корпус. Всего на польско-литовскую территорию вторглось около 50 тысяч солдат, противостоять которым партия Станислава не могла.

В сентябре пророссийская шляхта выбрала королем Августа III Саксонского, а генерал-аншеф Ласси занял Варшаву, преподнеся новому монарху его столицу.

Фельдмаршал Пирс Эдмонд (Петр Петрович) Ласси. *Гравюра. XVIII в.*

Лещинский со своими сторонниками ушел в хорошо укрепленный Гданьск и стал дожидаться помощи от французов. Туда же явился и Ласси, но смог привести с собой всего 12 тысяч солдат – остальные сражались по всей Польше с врагами Августа. Осадной артиллерии не было вовсе, поэтому блокада растянулась на месяцы.

Разгоралась большая европейская война, но очень странная.

Австрия воевала с Францией и ее союзниками (испанцами, сардинцами и несколькими немецкими княжествами) в Германии и в Италии, но не в Польше. Россия, союзница Австрии, войны никакому иностранному государству не объявляла, но на деле сражалась с французскими отрядами Лещинского и обещала Вене прислать солдат на западный фронт.

Русское командование очень боялось, что Людовик пришлет к Гданьску флот с большим десантом, и торопилось взять город прежде, чем это произойдет. Поэтому в лагерь прибыл самый главный военный начальник фельдмаршал Миних. Как человек решительный, он не стал слушать осторожного Ласси и повел дело к генеральному штурму.

В конце апреля приступ состоялся – и был отбит с тяжелыми потерями. Из восьми тысяч солдат, участвовавших в штурме, полегла четверть. Решительности у Миниха было больше, чем военных талантов.

Это неудачное дело осталось единственным крупным сражением польской войны. Кампания закончилась бы плохо, если бы Людовик XV прислал тестю серьезную подмогу, но, когда французская эскадра наконец прибыла, с нее высадились лишь две с половиной тысячи солдат, которые не могли изменить ситуации. К этому времени к русским присоединилась большая саксонская армия, а затем прибыла и тяжелая артиллерия.

В конце июня Гданьск капитулировал. Лещинский еле спасся, переодевшись крестьянином. Он был староват для подобных приключений и впоследствии в Польше уже не появлялся.

Но на западном театре война продолжалась, австрийцы требовали выполнения условий союзного договора, и Ласси отправился в Германию с двадцатитысячной армией. Хватило одного ее появления, драться не пришлось.

Стороны приступили к долгим, трудным переговорам, которые завершились лишь три года спустя миром, более выгодным для

Франции, чем для Австрии. Россия удовлетворилась тем, что посадила на польский трон своего кандидата и в этих дипломатических баталиях напрямую не участвовала. У нее происходили иные сражения, кровавые.

Турецкая война

Взять реванш за Прутское поражение 1711 года, сведшее на нет все колоссальные усилия Петра утвердиться на Черном море, было заветной мечтой российского правительства. Для того и заключили союзный договор с Австрией, несмотря на все опасности и издержки этого альянса.

Относительно легкая победа в Польше придала Петербургу уверенности в своих силах. Казалось, и обстоятельства благоприятствуют новой войне. В Персии на турок наседал Надир; у союзницы Австрии, начавшей мирные переговоры с враждебной коалицией, вот-вот должны были освободиться руки; главное же – в Польше уже стояла в боевой готовности большая армия.

Из Константинополя русские резиденты доносили, что момент удачный, Порта слаба как никогда. «Дерзновенно и истинно донесу, – писал поверенный в делах Вешняков, – что в Турции нет ни начальников политических, ни руководителей военных, ни разумных правителей финансовых; все находится в страшном расстройстве и при малейшем бедствии будет находиться на краю бездны». (То же самое можно было бы сказать и о России, но издали собственная держава всегда кажется мощнее).

Аннинским кабинет-министрам во главе с Остерманом, а еще больше президенту военной коллегии Миниху идея компенсировать потерю персидских владений черноморскими приобретениями представлялась соблазнительной. За поводом дело не стало. Вассал и союзник султана крымский хан повел свои войска на Персию через Кабарду, которую в Петербурге считали российской территорией (с чем, впрочем, не соглашались в Стамбуле). Такое случалось и прежде, но дело ограничивалось дипломатическими протестами. Теперь же решили ответить на вторжение вторжением – мягко говоря, диспропорционально.

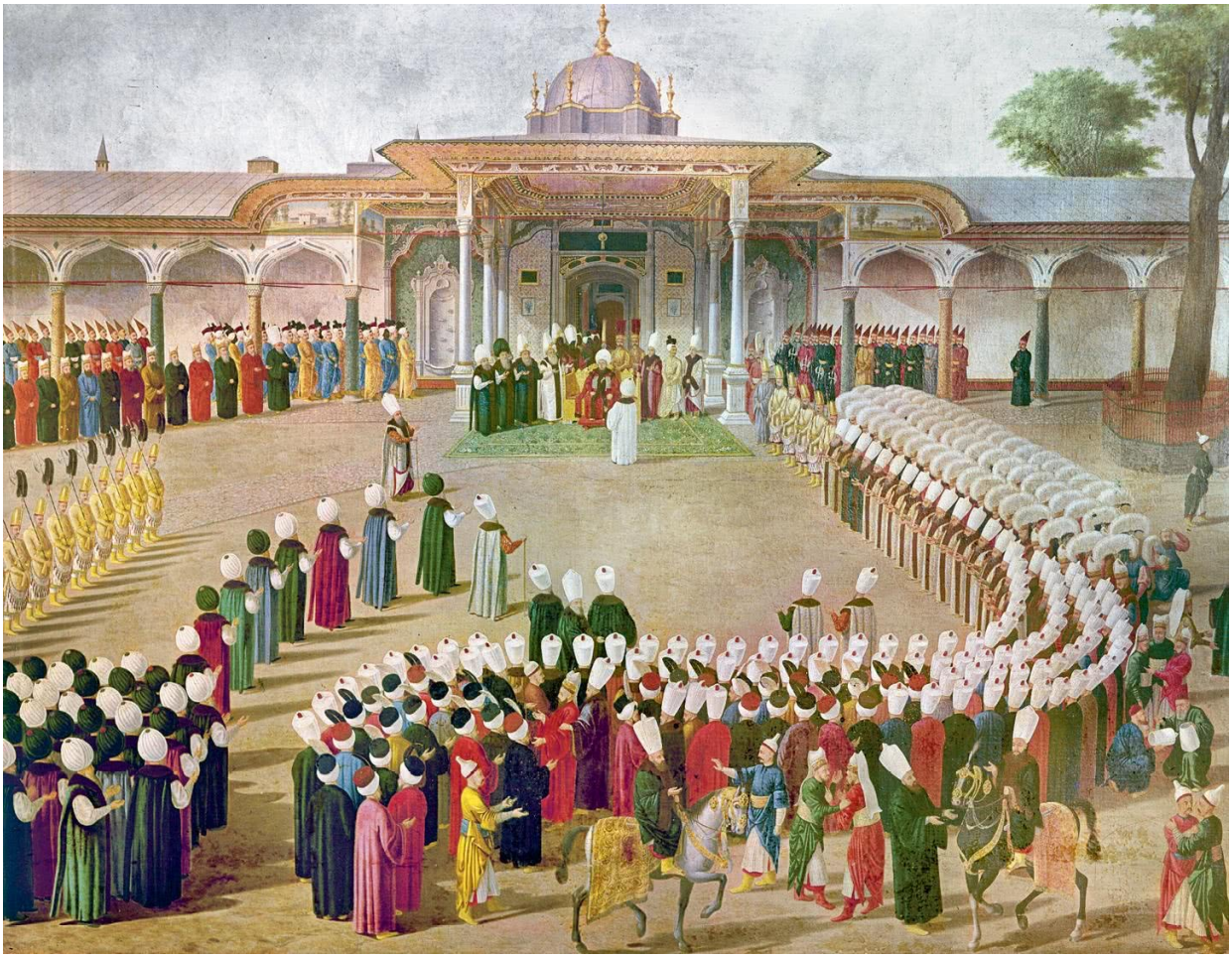
Генерал Леонтьев двинулся из Польши на Крым с большой армией; вторую армию, тридцатитысячную, повел к Азову недавно произведенный в фельдмаршалы Ласси.

Таким образом, если польская кампания может быть названа «вынужденной агрессией» – Россия не хотела выпускать Польшу из сферы своего влияния, то новая война была начата с завоевательными целями. Надеялись, что она будет недолгой, а победа быстрой. Особая хитрость заключалась в том, что с Турцией отношений не разорвали – всё это выглядело как акция возмездия против Крыма.

Благодаря этой уловке выгадали несколько месяцев, но безо всякого толку. Первая попытка вторгнуться в Крым осенью 1735 года закончилась неудачей – прорваться через Перекоп не удалось. А когда весной 1736 года боевые действия возобновились, Порта обнаружила, что часть русской армии нацелилась на османский Азов, и началась большая война. Посла Вешнякова выслали из страны, стали собирать войско.

Теперь в Крым шел уже сам фельдмаршал Миних – с такими силами, что хан противостоять им не мог. Крепость Перекоп капитулировала в мае, а в июне пала и крымская столица Бахчисарай, разграбленная и сожженная в отместку за все вековые обиды.

Боевые потери русских были невелики, и все же в этом походе Миних похоронил добрую половину своей армии. Адъютант фельдмаршала Манштейн объясняет ужасающие потери так: «И хотя я большой почитатель графа Миниха, однако я не могу вполне оправдать его ошибки в эту кампанию, стоившую России около 30 000 человек. … В обращении своем Миних был слишком суров; он часто без надобности изнурял солдат; в самое жаркое летнее время, вместо того чтобы выступать в поход ночью или за несколько часов до рассвета, армия, вместо того чтобы воспользоваться свежестью воздуха, почти всегда выступала часа два или три после восхода солнца. Это обстоятельство много содействовало распространению болезней в войсках».



Султан принимает европейских дипломатов. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Пришлось очистить только что захваченный полуостров без боя, чтобы вывести остатки армии на здоровое место, к берегу Днепра.

Тем временем командующий второй армией Ласси без особенного шума и потерь принудил к сдаче Азов, прежде чем туда прибыли турецкие подкрепления.

Таковы были итоги кампании 1736 года – вроде бы впечатляющие, но неокончательные, поскольку Турция по-настоящему воевать еще не начала.

Чтобы разделить ее силы, Петербург после долгих увещеваний наконец заставил Австрию исполнить свои союзнические обязательства. Армия императора Карла VI двинулась в наступление и действительно оттянула на себя значительную часть турецких войск.

Это позволило Миниху осадить мощную вражескую крепость Очаков. Как и под Гданьском, бравый фельдмаршал не стал рассусоливать и жалеть своих солдат. Тридцатого июня подошел к городу, а второго июля уже стал его штурмовать.

Поначалу всё пошло еще хуже, чем в Гданьске. Из-за плохой подготовки (нехватки фашин и длинных лестниц) солдаты застряли во рву, где турки два часа палили по ним сверху и уложили около четырех тысяч человек. Храбрый Миних носился среди толп с обнаженной шпагой, кричал, но сделать ничего не мог. В конце концов, люди побежали. Турки догоняли их, рубили. Побоище грозило превратиться в полный разгром, но ситуацию спасло чудо.

В охваченной пожаром крепости вдруг взорвались пороховые склады. Жертв было так много, а разрушения столь велики, что в гарнизоне началась паника. Турки бросились вон из пылающего города, и он достался победителям, которые только что считали себя побежденными.

Взятие Очакова в 1737 году. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Эта не слишком триумфальная виктория так и осталась единственной за всю кампанию. Фельдмаршал Ласси ненадолго заглянул в Крым и снова оставил негостеприимный полуостров, боясь «великого армии разорения» из-за безводья и эпидемий. Не порадовали и австрийцы, потерпевшие в Боснии поражение от турок.

В украинском Немирове начались было русско-австрийско-турецкие мирные переговоры, потому что затягивать разорительную войну никому не хотелось. Однако сразу же выяснилось, что стороны оценивают ситуацию по-разному. Гордясь разорением Бахчисарая, взятием Азова и Очакова, русские представители потребовали отдать им Крым и Кубань, а заодно и придунайские земли. Турецкие делегаты отвечали, что Азов был слабо укреплен, а за Очаков русские заплатили слишком дорогую цену и их армия обескровлена. Австрийцам же похвастать было нечем.

Демонстрируя силу, турки атаковали Очаков и едва не отбили его обратно, да тут еще очень некстати Ласси отступил из Крыма.

Шафирову, Неплюеву и Волынскому (в то время еще не кабинет-министру) пришлось умерить запросы. Они уже соглашались обойтись без Крыма и придунайских областей. Затем отказались и от Кубани, прося лишь Азов с Очаковым. Австрийцы вели себя еще покладистей – им эта война вообще была ни к чему.

Видя это, турки передумали мириться. Стало ясно, что противостояние будет долгим.

1738 год не принес России ничего хорошего. Очаков все-таки пришлось оставить, и не в результате неприятельских действий, а потому что в гарнизоне началась чума и люди умирали тысячами. Через полвека Очаков придется брать снова, с огромными жертвами.

Главной стратегической задачей Миних назначил взятие крепости Бендеры, но из-за нехватки фуража передохли лошади и быки, обозы остановились. Армия повернула обратно, даже не добравшись до места.

Австрийцы активности не проявляли и, наоборот, стали требовать русской подмоги. Единственным мало-мальски отрадным событием был очередной визит фельдмаршала Ласси в Крым, где он окончательно разрушил Перекопскую крепость – хотя, как известно, лучшим защитником полуострова была не она, а нехватка питьевой воды.

Русские дипломаты сделали султану совсем уже умеренное предложение: отдать один только Азов, а в Очакове и еще в одной

крепости, Кинбурне, просто разрушить укрепления. Но Стамбул не согласился и на это.

Делать нечего, пришлось копить силы для нового наступления. К кампании 1739 года Миних собрал все наличные войска и резервы: шестьдесят с лишним тысяч солдат, 250 орудий. Задача состояла в том, чтоб взять крепость Хотин, ключ к Дунайской области.

Двадцать восьмого (семнадцатого по русскому стилю) августа у местечка Ставучаны русская армия наконец одержала настоящую, ничем не омраченную победу. Турецкий главнокомандующий Вели-паша попытался окружить Миниха, но имел для этого недостаточно сил, которые к тому же плохо координировали между собой. Плотные массы регулярной русской пехоты легко отбивали атаки татарской конницы, постепенно продвигаясь вперед, и в конце концов охваченное паникой османское войско разбежалось. При том, что в сражении с обеих сторон участвовало около полутораста тысяч воинов, потери были микроскопическими: у русских пало всего 13 солдат, да и у наголову разгромленных турок убитых насчитывалось едва за тысячу.

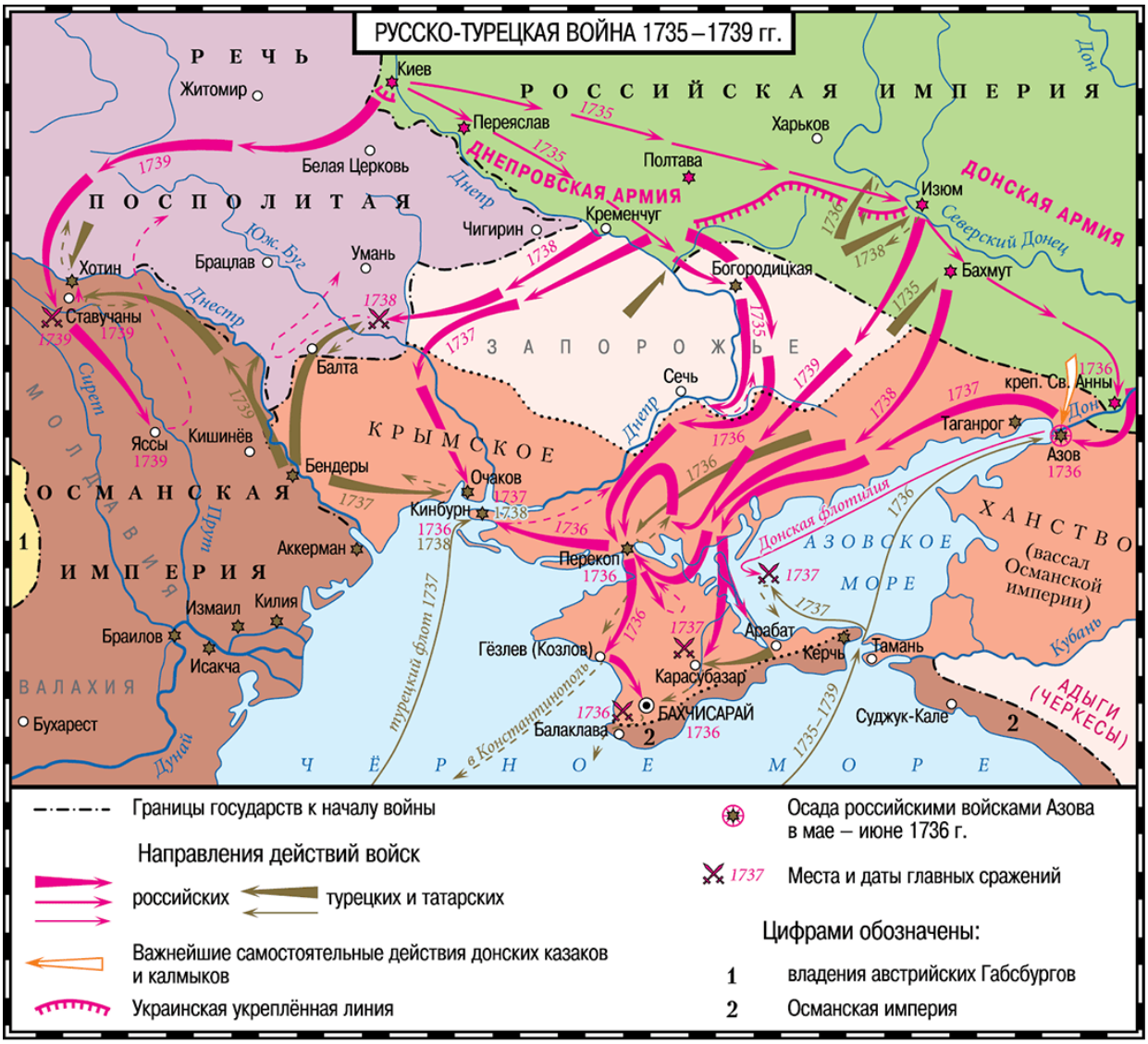
Крепость Хотин

Грозный Хотин после этого достался фельдмаршалу вообще даром – почти весь гарнизон сбежал, и паше пришлось сдаться. Молдавия немедленно признала власть императрицы Анны.

В Петербурге началось ликование. «Восторг внезапный ум пленил», гласила первая строка ломоносовской «Оды на взятие Хотина», где далее провозглашается:

Россия, коль счастлива ты
Под сильным Анниным покровом!
Какие видишь красоты
При сем торжествованьи новом!

Какие России могли видется «красотЫ» мы знаем из «Генерального плана войны», составленного Минихом для государыни еще в 1735 году. В этом документе, по-своему тоже весьма поэтичном, фельдмаршал предвещал, что Россия сначала подчинит себе Крым, Дон и Днепр, затем Кубань и Кабарду, далее Молдавию и Валахию (Румынию), после чего и «греки спасутся под крылами Российского орла», а закончится война как раз в 1739 году: «Знамена и штандарты ее императорского величества будут водружены… где? В Константинополе. В самой первой, древнейшей греко-христианской церкви, в знаменитом восточном храме Святой Софии в Константинополе она будет коронована как императрица греческая и дарует мир… кому? Бесконечной вселенной, нет – бесчисленным народам. Вот – слава! Вот владычица! И кто тогда спросит, чей по праву императорский титул. Того, кто коронован и помазан во Франкфурте или в Стамбуле? Вот слава! Вот владычица!»



Русско-турецкая война 1735–1739 гг. *М. Романова*

В 1739 году о Константинополе уже никто не мечтал, однако славная Ставучанская победа позволяла надеяться на выгодный мир.

Увы, Россию подвела союзница. От австрийской помощи, которой так упорно добивался Петербург, выходили одни беды.

В то самое время, когда Миних шел к Хотину, австрийцы потерпели сокрушительное поражение в Сербии, после чего были вынуждены сдать Белград – потеря позначительней Хотина. Хуже того, союзник заключил сепаратный мир, уступив Турции несколько областей.

Россия осталась один на один с Османской империей, окрыленной своей победой.

Четырехлетняя война вскоре за тем и закончилась. Турки отдали России – уже не в первый раз – обременительный Азов с окрестностями, но без прав строить там крепость. Платой за эти несколько десятков квадратных километров была гибель половины армии (113–114 тысяч человек) и миллион рублей дополнительных военных расходов.

«Россия не раз заключала тяжелые мирные договоры; но такого постыдно смешного договора… ей заключать еще не доводилось и авось не доведется», – пишет Ключевский в 1904 году (за год до совсем уж печального Портсмутского мира).

Шведская война

Но плата за «дорогую фанфаронаду», как обозвал Турецкую войну Ключевский, была еще не полной. Дряхлая Османская империя сопротивлялась натиску России и Австрии так упорно и долго, что у другого старинного врага, Швеции, возник соблазн взять реванш за Ништадтский мир. Шведам стало ясно, что русский сосед уже не так грозен, как при Петре Великом.

Северное королевство, само еще недавно пытавшееся стать империей, переживало тяжелые времена. Власть монарха, непререкаемая при Карле XII и его отце, превратилась в фикцию. Король Фридрих I (1720–1751) полностью зависел от Секретного комитета, представительного органа, где заседали 50 дворян, 25 священников и 25 горожан. В этом парламенте состязались две политические партии. Сторонники одной из них (оппоненты презрительно называли их «ночными колпаками» или просто «колпаками») выступали за то, чтобы Швеция приспособилась к новым условиям существования, покончила с воинственностью и занималась внутренними проблемами. Разумеется, «колпаков» всячески поддерживал Петербург, через своих послов активно влиявший на шведскую политическую жизнь.

Но в 1738 году, не в последнюю очередь из-за русских военных неудач в Турции, правительство «колпаков» пало, и его сменило новое, состоявшее из «шляп» – так именовалась антироссийская партия, ностальгировавшая по былому величию и мечтавшая о реванше. Возглавил новый кабинет Карл Юлленборг, двадцатью годами ранее

участвовавший в упорных и безрезультатных шведско-российских переговорах на Аландских островах.

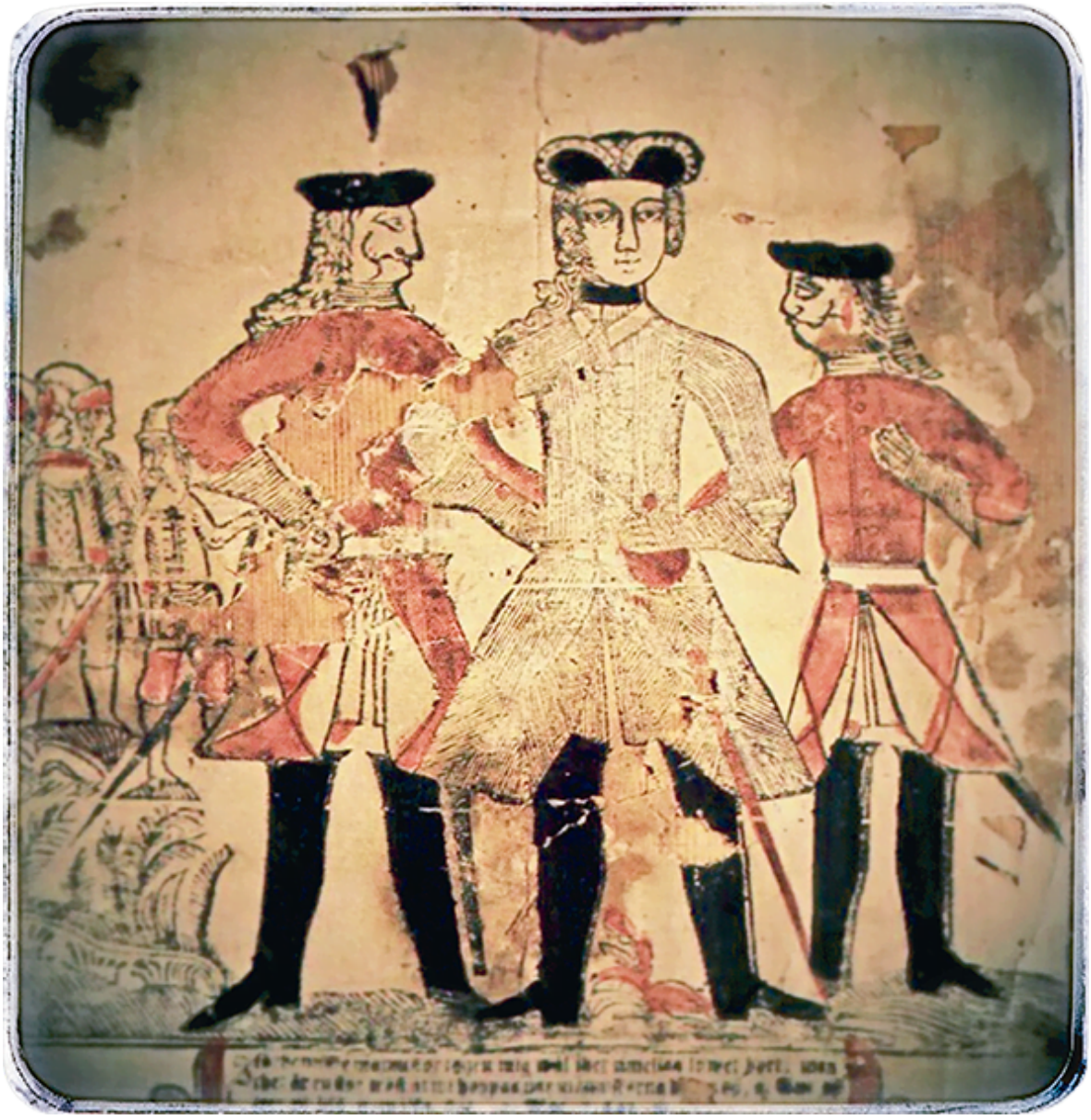
Швеция сразу начала готовиться к войне, целью которой был возврат всех утраченных в 1721 году областей, включая и Петербург. Завязались активные сношения с Турцией, сулившей Стокгольму финансовую поддержку, и с Францией, тоже обещавшей денег.

В октябре 1738 года Юлленборг заключил договор о дружбе и субсидиях с Версалем, а еще год спустя со Стамбулом, но всего лишь оборонительный, поскольку к этому времени турки уже помирились с русскими.

Однако в Швеции так разохотились воевать, что давать обратный ход было поздно. Дело оставалось за малым – за поводом. И Россия, совсем не желавшая осложнений, с медвежьей ловкостью предоставила отличнейший casus belli.

> В ходе тайных переговоров с Турцией член Секретного комитета майор Синклер курсировал между Стокгольмом и Константинополем. Об этом разузнал российский посланник Михаил Бестужев-Рюмин и сообщил в Петербург, посоветовав «анлевировать» (похитить) интересного эмиссара где-нибудь на обратном пути из Турции. Было известно, что Синклер будет иметь при себе послания от султана и великого везиря.
>
> Донесение попало к фельдмаршалу Миниху. Тот по своему обыкновению долго ломать голову не стал, а приказал трем бравым кавалерийским офицерам «старатца его [Синклера] умертвить или в воде утопить, а писма прежде без остатка отобрать». Это и было исполнено в июне 1739 года. Минихов адъютант рассказывает: «Русские офицеры, узнав через шпионов, какою дорогою он поехал, погнались за ним и догнали в одной миле от Нейштеделя [в Силезии]. Они остановили его, отняли оружие и, проводив его несколько миль далее, убили его в лесу. После этого подвига они обобрали его вещи и бумаги. Однако в бумагах не оказалось ничего важного».
>
> Исполнителей ради секретности на всякий случай арестовали и сослали в Сибирь, где несколько лет продержали в остроге, но следы замести не удалось, и разразился громкий

скандал. Россия, конечно, всё отрицала, но в слежке за Синклером участвовало слишком много народу, так что свидетелей хватало. Правительство «шляп» использовало этот инцидент для еще большего воспламенения реваншистских настроений. Общественное мнение (а оно в Швеции, в отличие от России, имело значение) было за войну. Того же требовала и армия.



Убийство майора Синклера. *Лубок. XVIII в.*

Возможно, скандал так и остался бы без последствий, но после смерти Анны Иоанновны, падения Бирона, а затем и Миниха, у шведов возникло ощущение (в общем, верное) что российская власть находится в кризисном состоянии. Регентша Анна Леопольдовна ничем не управляла, а французские дипломаты еще и давали понять, что возможен новый переворот и что Елизавета к шведским притязаниям будет благосклонна.

И вот в июле 1741 года, с довольно странным двухлетним опозданием, Швеция объявила России войну – в первую очередь из-за майора Синклера.

Битва двух скверно управляемых стран разворачивалась неуклюже.

Нападающие не сумели использовать фактор неожиданности. Удар планировалось нанести в Финляндии, поближе к Петербургу, но войска были рассредоточены и малочисленны, суммарно всего лишь 18 тысяч солдат.

Хоть русские и не были готовы к войне, а все же выступили быстрее – даже раньше, чем к театру боевых действий прибыл шведский главнокомандующий Карл Левенгаупт.

Опытный Петр Ласси нанес одному из неприятельских корпусов поражение у приграничного Вильманстранда, взял и сам этот город, но затем отошел обратно. Наступило трехмесячное затишье, когда обе стороны просто стояли на месте и копили силы, а силы, наоборот, таяли из-за болезней. В те антисанитарные времена такое происходило почти всегда, если армия надолго вставала лагерем.

Медлительность шведов объяснялась еще и тем, что они надеялись на переворот в Петербурге. Как раз в это время Шетарди с Лестоком уговаривали Елизавету Петровну вступить в переписку с Левенгауптом и посулить ему возврат отцовских завоеваний. Ничего подобного цесаревна обещать не стала, но все же скомпрометировала себя тайными сношениями с вражеским командованием.

Когда, уже в ноябре, Левенгаупт двинулся на Выборг и российское правительство приказало гвардейским полкам идти на шведов, Елизавета испугалась остаться в столице без верных ей офицеров и решилась-таки действовать.

Одним из первых шагов победившей партии было перемирие с шведами. Однако те зря надеялись на благосклонность новой

правительницы. Одно дело быть опальной царевной, и совсем другое – государыней. Императрица Елизавета согласиться на шведские условия не могла.

Война скоро продолжится.

Таким образом, начиная с 1733 года нервическая лихорадка сотрясала не только российскую верховную власть, но и всю страну, которая беспрерывно воевала или ждала войны, причем один конфликт порождал следующий. Победа в Польше побудила Петербург напасть на Турцию, а неудачи турецкой кампании привели к агрессии со стороны шведов. Все это выглядит какой-то цепочкой случайностей, но на самом деле, невзирая на сумбур российской внешней политики «нервного» времени, именно в этот период определились ее приоритетные цели, к достижению которых держава будет стремиться на протяжении всего XVIII столетия.

Стало очевидно, что на севере Европы возможности дальнейшей экспансии исчерпаны. Попытки вроде голштинской наталкивались на серьезное сопротивление европейских держав – Франции, Англии и быстро усиливающейся Пруссии. Юго-восточный вектор – персидский и среднеазиатский – был империи пока не по силам в силу чересчур высокой затратности. Но имелись иные, более выигрышные перспективы расширения: на западе – за счет пришедшей в окончательный упадок Речи Посполитой; на юге – к Черному морю, все еще остававшемуся внутренним озером хиреющей Турции.

Но к решению этих монументальных задач молодая, толком не вставшая на ноги империя еще была не готова. Сначала ей следовало укрепить собственную стабильность.

Часть вторая
Сонное время

Власть

Надокучливая Елисавет

Царей и царств земных отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!

Так восхваляет Ломоносов царствование Елизаветы I, и в данном случае это не просто льстивые похвалы придворного. Михайла Васильевич нашел самое точное определение для новой эпохи, наступившей после 1741 года: тишина. После трех десятилетий бешеных петровских понуканий и полутора десятилетий посттравматических судорог, после множества потрясений, переворотов, страхов и правительственной чехарды наступает долгий период отрадной малособытийности. Страна будто погружается в сон, восстанавливая подорванные силы.

Основная часть елизаветинской эпохи проходила спокойно, существенных происшествий было немного, перемен и того меньше, поэтому рассказ о ней получится недлинным.

Эта относительная безмятежность не в последнюю очередь связана с личностью монархини, к имени которой прочно приросло прозвище «кроткия Елисавет».

Почти все современники и историки пишут об этой государыне в одинаковом снисходительно-приязненном тоне, поскольку, по выражению де Лириа, «сердце ея было нежно». С. Платонов формулирует это отношение точнее, говоря, что новая императрица «принесла на престол только женский такт, любовь к своему отцу и симпатичную гуманность» – для русской истории совсем не мало.

Елизавета Петровна родилась в 1709 году, очень символично – в день, на который был назначен торжественный московский парад в честь Полтавского триумфа. И вся ранняя пора ее жизни была такой же праздничной. Давать хорошее образование царевнам, которые все равно

выйдут за какого-нибудь иностранного принца и уедут, в России тогда считалось излишним – их лишь немного обучали иностранным языкам. Петр надеялся обвенчать свою младшую дочь с юным Людовиком XV, а когда из этого ничего не вышло, восемнадцатилетнюю девушку просватали за того, кто подвернулся, – принца Карла Голштинского. Однако жених умер перед самой свадьбой, и Елизавета навсегда осталась в девицах.

Вот какой портрет этой женщины оставил ее младший современник князь Михаил Щербатов: «Сия государыня из женского пола в младости своей была отменной красоты, набожна, милосерда, сострадательна и щедра; от природы одарена довольным разумом, но никакого просвещения не имела, так что меня уверял Дмитрий Васильевич Волков, бывший конференс-секретарь, что она не знала, что Великобритания есть остров; с природы веселого нрава и жадно ищущая веселий; чувствовала свою красоту и страстна умножать ее разными украшениями; ленива и надокучлива ко всякому, требующему некоего прилежания делу, так что за леностью ее не токмо внутренние дела государственные многие иногда лета без подписания ее лежали, но даже и внешние государственные дела, яко трактаты, по несколько месяцев, за леностью ее подписать ее имя, у нее лежали…».

Елизавету Петровну часто противопоставляют Анне Иоанновне, делая сравнение не в пользу первой, но вообще-то эти царицы удивительно похожи.

Обе пренебрегали повседневными государственными обязанностями, но при этом очень зорко стерегли монаршескую власть. (Тот же Щербатов замечает, что, хотя Елизавета очень доверяла своим любимцам, «но однако такова, что всегда над ними власть монаршу сохраняла»).

Обе больше всего интересовались собственными удовольствиями, просто у Анны забавы были жестокие, а у Елизаветы добродушные. Но придворный аппарат обслуживал забавы милостивой государыни с такою же неукоснительной серьезностью.

> Читаем «Указ императрицы Елисаветы Действительному Тайному Советнику Чрезвычайному и Полномочному Послу Графу Александру Гавриловичу Головкину о высылке ко двору мартышки»:

«Здесь уведомленось чрез одного шкипера голландского, Клас Кемптес именуемого, что есть в Амстердаме у некоего купца в доме (которого имяни не знаем) мартышка, сиречь обезьяна, цветом зеленая, и толь малая, что совсем входит в индейский орех; и тако желательно есть, чтоб оную для куриозности ее бы ко Двору Нашему достать; …и дабы продавец не задорожал в цене: для того чрез третьи руки, якобы для своей партикулярной забавы, а отнюдь не для посылки сюда ко Двору Нашему сторговал и купил».

Особый фельдъегерь был отряжен в Голландию за зеленой мартышкой, которую благополучно приобрели и доставили ее величеству.

Пожалуй, по части «надокучливости» Елизавета даже и превосходила ленивую Анну Иоанновну. На заседаниях Сената она бывала еще реже: четыре раза за весь 1743 год, трижды в 1744 году и ни разу в 1745 году.

К лености присовокуплялась еще и суеверность, которой государыня была крайне подвержена. Ладно еще, когда это касалось ее обихода – все придворные знали, что при государыне ни в коем случае нельзя заговаривать о покойниках, болезнях, науках и в особенности о красивых женщинах. Хуже, если страдала политика. Французский посланник рассказывал, что однажды Елизавета должна была подписать документ о пролонгации Российско-Австрийского союзного договора и уже вывела три первые буквы, но тут на перо села оса, и царица сочла это дурным знаком. Ушло полгода (в разгар войны!) на то, чтобы уговорить ее все-таки подписать этот важнейший документ.

Аллегорический прижизненный портрет лучезарной Елизаветы Петровны. *Г. Каспар*

Впрочем, во всем, кроме государственных занятий, Елизавете энергии было не занимать. В погоне за развлечениями она могла сутками не вылезать из седла (однажды доскакала из Москвы в Петербург за два дня), могла ночь напролет танцевать, а потом пойти и отстоять заутреню. При дворе не прекращался праздник: приемы, балы, маскарады, спектакли, конные прогулки. Когда любительница увеселений умерла, в ее гардеробе оказалось пятнадцать тысяч платьев (вдвое больше, чем количество дней, которые она процарствовала).

При Елизавете век еще больше феминизируется. Впервые в русской истории мужчины словно бы становятся вместо «первого пола» вторым – мы увидим это, когда дойдем до главного фаворита, существа вполне декоративного. Вокруг императрицы возникло нечто вроде клуба, куда входили ее ближайшие подруги. На первых ролях там были Мавра Шувалова, возвысившая весь род Шуваловых, и Анна Воронцова, которая и вовсе вывела своего супруга в канцлеры. Помимо обычных салонных удовольствий – сплетен, обсуждения нарядов и прочего – дамы запросто решали вопросы ключевых кадровых назначений, а то и большой политики.

Зато Елизавета и относилась к женщинам суровей. В силу своей всеми восхваляемой мягкости она миловала приговоренных к казни мужчин, а вот с двумя светскими дамами, Натальей Лопухиной и Анной Бестужевой-Рюминой, обошлась с отвратительной жестокостью. Это были обычные злоязыкие сплетницы, говорившие про императрицу разные оскорбительные слова. Из пустой болтовни Тайная канцелярия соорудила целый заговор. Государственное преступление царица еще, может быть, и простила бы, но нелестных отзывов о своей персоне стерпеть не могла. Мнимых заговорщиц пытали на дыбе, потом публично высекли на эшафоте и, вырезав языки, сослали в Сибирь.

> Менее ужасны, но очень обидны были и мелкие тиранства, которым государыня подвергала придворных дам. Как уже говорилось, Елизавета Петровна даже разговоров о чужой красоте не выносила, а если уж наблюдала ее воочию, то сильно сердилась. Однажды увидела у жены обер-егермейстера Семена Нарышкина замысловатый букет из

лент и собственноручно отрезала его ножницами; у другой выдрала из волос розу и надавала пощечин. А когда государыне после болезни понадобилось обрить свои волосы, то же было приказано исполнить и всем дамам двора.

Екатерина Великая вспоминает в своих «Собственноручных записках», как прежняя императрица любила развлекаться «маскарадами навыворот», куда мужчин заставляли приходить в женских нарядах, а дам – в мужских: «Мужчины были в больших юбках на китовом усе, в женских платьях и с такими прическами, какия дамы носили на куртагах, а дамы в таких платьях, в каких мужчины появлялись в этих случаях. Мужчины не очень любили эти дни превращений; большинство были в самом дурном расположении духа, потому что они чувствовали, что они были безобразны в своих нарядах; женщины большею частью казались маленькими, невзрачными мальчишками, а у самых старых были толстыя и короткия ноги, что не очень-то их красило. Действительно и безусловно хороша в мужском наряде была только сама императрица, так как она была очень высока и немного полна; мужской костюм ей чудесно шел; вся нога у нея была такая красивая, какой я никогда не видала ни у одного мужчины, и удивительно изящная ножка».

Пока эпоха оставалась сонной, эти смешные злодейства казались деспотическими. Впоследствии они будут вспоминаться с умилением. «Елизавета была умная и добрая, но беспорядочная и своенравная русская барыня XVIII в., которую по русскому обычаю многие бранили при жизни и тоже по русскому обычаю все оплакали по смерти», – пишет Ключевский, а в другом месте резюмирует: «С правления царевны Софьи никогда на Руси не жилось так легко, и ни одно царствование до 1762 года не оставляло по себе такого приятного воспоминания».

Елизавета Петровна в Царском Селе. *Е. Лансере*

Управляющие

Меткое сравнение Елизаветы с барыней вызывает вопрос: что за управляющие распоряжались огромным хозяйством этой помещицы?

В этом отношении государыня опять-таки похожа на Анну Иоанновну, поскольку предпочитала полагаться на лично ей приятных людей, а среди них попадались как дельные, так и не очень.

Отличие же состояло в том, что новая властительница приближала только природных русских людей; единственным исключением был старый друг Лесток, но и он продержался недолго. Тем самым Елизавета противопоставляла себя обеим Аннам, и прежде всего Анне Иоанновне с ее сплошными немцами, демонстрировала свою настоящую русскость – хоть по крови, в отличие от императрицы Анны, была наполовину иноземкой.

Национальная окраска царствования была сразу же заявлена двумя акциями. Сначала наградили «хороших русских»: высшим орденом

Андрея Первозванного были пожалованы вельможи-русаки. Затем последовало наказание «плохих немцев».

Наконец завершилась извилистая карьера, казалось, неистребимого Остермана. Судьи (разумеется, все только русские) обвиняли его в возведении на престол Анны Иоанновны, и хоть барон Андрей Иванович отговаривался расстройством памяти вследствие тяжелой болезни, старика приговорили к смерти.

Не менее туманными были обвинения в адрес фельдмаршала Миниха, в свое время подсылавшего к царевне Елизавете шпионов. Он оказался нехорош и тем, что помогал Бирону, и тем, что посмел его свергнуть, а еще мало жалел русских солдат. Осудили на казнь и Миниха, и близких к Анне Леопольдовне обер-гофмаршала Рейнгольда Левенвольде с президентом коммерц-коллегии Менгденом. Из русских под приговор попал только вице-канцлер Михаил Головкин, имевший неосторожность письменно советовать свергнутой правительнице упечь Елизавету в монастырь.

Уже на эшафоте все они были избавлены от топора. Елизавета показывала, что, в отличие от тетки, проливать кровь не будет. «Плохие немцы» поехали в дальнюю ссылку, остались только «хорошие русские».

Самым приятным человеком для Елизаветы Петровны был главный фаворит (поговаривали, что и тайный супруг) Алексей Григорьевич Разумовский, вскоре граф и генерал-фельдмаршал.

> Про царских любимцев в восемнадцатом веке говорили, что они «находятся в случае», и Разумовского в заоблачные выси вознесла именно что игра случая. Он был сыном простого украинского казака, волшебно пел на клиросе, в деревенской церкви. Мимо по каким-то делам проезжал столичный офицер, ведавший придворным хором, и забрал обладателя чудесного баса с собой. Певчий Алешка Григорьев (так называли юношу) приглянулся царевне Елизавете Петровне, имевшей слабость к красивым мужчинам, а молодой украинец по канонам той эпохи был прекрасен: высокий, полный, румяный, пухлогубый, с «соболиными бровями».

С тех пор и до самой смерти Елизаветы этот ее любимец все время находился рядом. Человек он, по всем отзывам, был славный: незлобивый, веселый, отзывчивый, только немного драчливый во хмелю, так что запросто мог поколотить какого-нибудь министра, но в те негордые времена обижаться на фаворитов никому не приходило в голову.

Алексей Григорьевич Разумовский. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Однако при всем огромном придворном влиянии Разумовского никак нельзя отнести к числу «управляющих». Он был этакая мадам Дюбарри в штанах, отнюдь не мадам де Помпадур, то есть не лез в политику, ограничиваясь ролью сердечного спутника монархини, своего рода консорта, что не мешало Елизавете иногда приближать к себе и других красавцев.

Благодаря Алексею Григорьевичу очень поднялся и его младший брат Кирилл, в восемнадцать лет президент Академии наук, а в двадцать два украинский гетман и тоже генерал-фельдмаршал. Граф Кирилл Григорьевич тоже звезд с неба не хватал, да за ними и не гонялся, предпочитая жить в свое удовольствие.

Прочие доверенейшие особы, близкие новой государыне, тоже были сплошь свои, проверенные по прежней, скромной жизни.

Одно из первых мест после переворота занял уже знакомый нам лейб-медик Иван Иванович (вообще-то Жан-Арман) Лесток, человек тоже весьма приятный и веселый, с которым Елизавета никогда не скучала. Француза, вдохновителя ноябрьского переворота, в благодарность пожаловали чином действительного тайного советника, вторым после канцлера по старшинству. Этот любимец, в отличие от Разумовских, очень желал управлять государством и активно во всё вмешивался, хоть и занимал совершенно неполитическую должность директора Медицинской канцелярии. Положение личного врача обеспечивало ему постоянный доступ к царице, а при самодержавии это самый действенный ресурс влияния. Канцлер Бестужев-Рюмин описывает, как происходили изменения в российской внешней политике: «Недавно у государыни сделалась колика, как это с нею часто бывает; позван был Лесток, и чрез несколько времени ввели к императрице Шетарди, с которым у них было какое-то тайное совещание, а когда пришли министры, она начала им объявлять новые доказательства, почему дружба Франции полезна и желательна для России, стала превозносить Шетарди, его преданность и беспристрастие».

«Случай» Лестока продлился до 1748 года, а чем и как закончился, будет рассказано ниже.

К прежнему окружению царевны Елизаветы Петровны принадлежало и семейство Шуваловых. Самое большое влияние имела подруга государыни Мавра Егоровна. По принадлежности к женскому полу никаких постов она, естественно, занимать не могла, зато вывела в большие люди своего мужа Петра Ивановича, а вслед за ним и его братьев.

Петр Шувалов – одна из любопытнейших фигур середины восемнадцатого столетия. Мемуаристы с историками смотрят на этого деятеля очень различно. Кому-то он кажется гениальным новатором и мыслителем, кому-то завиральным и небескорыстным прожектером.

Жан-Арман Лесток. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Авторы сходятся в одном: это был человек невероятной активности и огромного круга интересов. Сама императрица очень его ценила, осыпая милостями и жалуя высшими должностями. Граф Петр Иванович стал сначала сенатором, потом конференц-министром, генерал-фельдцейхмейстером и занимал множество других важных постов.

Суждения о шуваловском вкладе в государственную деятельность поражают своей противоположностью. С. Платонов называет его «властолюбивым интриганом и нечестным стяжателем», а вот В. Ключевский разражается настоящим панегириком: «Финансист, кодификатор, землеустроитель, военный организатор, откупщик, инженер и артиллерист, изобретатель особой «секретной» гаубицы, наделавшей чудес в Семилетнюю войну, как рассказывали, Шувалов на всякий вопрос находил готовый ответ, на всякое затруднение, особенно финансовое, имел в кармане обдуманный проект».

Вот несколько примеров, дающих представление о разнообразных инициативах и новациях П. Шувалова.

Самая знаменитая его реформа была проведена в 1753 году, когда в России отменили все внутренние таможенные пошлины, введя вместо них повышенный единый сбор на импорт и экспорт товаров (13 % от стоимости). Ключевский восхищается этой мерой, облегчившей внутреннюю торговлю; Платонов же замечает, что самым крупным промышленником в стране был сам П. Шувалов и таможенная реформа была проведена прежде всего ради его собственной выгоды. Верно и то, что высокие тарифы способствовали чрезвычайному развитию контрабанды. Пополнения для казны во всяком случае не произошло.

Но ничего. Скоро Петр Иванович придумал, как решить эту проблему. Очень просто: поскольку монополия на соль у правительства, а без соли люди обходиться не могут, надо просто повысить цену, и никуда подданные не денутся, будут платить. В 1756 году так и сделали, повысили с двадцати одной копейки до тридцати пяти за пуд, а заодно подняли и цены на казенное вино, потому что пьяницы все равно пить не перестанут. Последнее предположение подтвердилось, но

опять-таки не пополнило бюджета, так как стали потреблять больше самодельного вина. С солью же вышло так: в приграничных областях ее стали ввозить контрабандой, а в остальной части страны просто начали меньше солить.

Еще Петр Иванович придумал солепровод: протянуть многоверстную трубу от солончаков до реки Волги, выпаривать там из воды соль и потом развозить по всей Руси. Нечего и говорить, что владельцем солончаков был автор проекта, а строить трубу должны были за казенные деньги. Но не стали – получалось слишком дорого.

С началом большой войны граф тут же изобрел еще один легкий способ пополнения доходов. А что если чеканить медную разменную монету вдвое легче? Оно и людям удобнее – тяжесть не таскать, и казне три с половиной миллиона прибытка (сразу подсчитал этот выдающийся финансист), а лишняя медь пригодится лить пушки. Должно быть, Шувалов совсем не учил историю, иначе знал бы, что сто лет назад аналогичный эксперимент закончился Медным бунтом. Не понравились легкие монеты народу и теперь, никто не хотел принимать их в обмен на старые, тяжелые.

Князь Щербатов, «исчисляя честолюбивые затеи сего чудовища», пишет: «Имя сего мужа памятно в России не токмо всем вредом, который сам он причинил, но и примерами, которые он оставил к подражанию. Умножил цену на соль, а сим самым приключил недостаток и болезни в народе. Коснувшись до монеты, возвышал и уменьшал ее цену, так что пятикопеешники медные привел ходить в грош, и бедные подданные на капитале медных денег, хотя не вдруг, но три пятых капиталу своего потеряли…»

Ну и два слова о знаменитых шуваловских «секретных» пушках, которыми все так восхищались. С одобрением этого изобретения трудностей не возникло, потому что артиллерийским ведомством сам Петр Иванович и руководил. Пушек отлили много и вовсю палили из них во время Семилетней войны, однако картечь плохо разлеталась из их щелеобразных дул и немедленно после смерти Шувалова производство чудо-орудий было прекращено.

Петр Иванович Шувалов. *Г. Шмидт*

Другим большим человеком «сонного» царствования был старший брат Петра Шувалова граф Александр Иванович, сенатор, конференц-министр и, что важнее всего, начальник Тайной канцелярии, сменивший на этом посту умершего в 1747 году старика Ушакова. Новому главному устрашителю было далеко до предшественника – отчасти из-за того, что времена перестали быть страшными, а отчасти по личным качествам. Александр Шувалов был вяловат, простоват и, кажется, не очень умен. По должности он участвовал во всех секретных государственных делах и подковерных интригах, но скорее в роли исполнителя. Из всех Шуваловых он слыл наименее бойким. «Александр Шувалов не сам по себе, а по должности, которую занимал, был грозою всего двора, города и всей Империи; он был начальником инквизиционного суда, который звали тогда Тайной канцелярией», – вспоминает Екатерина II, для которой граф, лицо которого дергалось от нервного тика, так и остался «человеком с отвратительной гримасой», не более.

Шуваловское изобретение

Имелся еще один Шувалов, Иван Иванович, кузен предыдущих, много их моложе. Он вышел в значительные персоны позже, с 1749 года, когда императрица взяла этого юного камер-пажа в любовники и привязалась к нему так крепко, что даже Разумовскому пришлось отодвинуться.

Новый фаворит повел себя необычно. Он отказался от графского титула и не пожелал расти в чинах, а вместо правительственной карьеры предпочитал покровительствовать наукам и искусствам. Это Ивану Шувалову страна обязана Московским университетом (1755) и Академией художеств (1757).

Ломоносов, чьим покровителем был Шувалов, воспел меценатскую деятельность вельможи в неуклюжих виршах:

Толь многи радости, толь разные утехи
Не могут от тебя Парнасских гор закрыть.
Тебе приятны коль российских муз успехи,
То можно из твоей любви к ним заключить.

Увы, вопросами государственной политики этот во всех отношениях приятный молодой человек занимался менее увлеченно, чем музами и просвещением, хоть и обладал очень серьезным влиянием, особенно в последние годы жизни Елизаветы.

Одним словом, милые сердцу ее величества люди либо не желали тащить бремя управления, либо не имели к тому настоящих способностей. С точки зрения внутренней политики, оно, вероятно, было только к лучшему – Россия неплохо существовала, когда ее предоставляли самой себе. Но главным направлением деятельности всякой империи является внешняя политика, и здесь без опытного штурмана обойтись было невозможно.

В этой сфере Елизавета опять пошла по стопам Анны Иоанновны, которая доверила иностранные дела человеку хоть и неблизкому, но полезному (барону Остерману). Завела себе собственного Остермана, только русского, и новая царица. Им стал Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, который, собственно, и был главным «управляющим» российской политики на протяжении многих лет.

Путь наверх у Бестужева был медленным и непрямым. Он лучше всех в России изучил извивы европейской дипломатии, потому что не только учился за границей, но и побывал на службе у английского короля Георга, от которого – случай почти небывалый – приезжал с миссией к собственному государю Петру Первому.

Когда отношения России и Англии испортились, Алексей Петрович предпочел вернуться на родину. Долгое время казалось, что он прогадал. Бестужев был резидентом то в Дании, то в германских землях, то снова в Дании, мечтал попасть в Петербург, где делались большие карьеры, изо всех сил старался демонстрировать полезность, подлещивался к Бирону, но всё никак не получалось. Наконец временщик все же оценил ловкого человека и сделал кабинет-министром, посадив его на место замученного Волынского.

Но долгожданная улыбка Фортуны обернулась зловещей гримасой. Когда пал Бирон, вместе с ним арестовали и Бестужева. На следствии он сначала клеветал на своего покровителя, потом, уличенный во лжи, каялся. Ничто не помогло: Алексея Петровича приговорили к четвертованию, и лишь благодаря добродушию Анны Леопольдовны он легко отделался – лишением имущества и ссылкой.

Зато Елизавета Петровна обиженного предыдущим режимом страдальца приблизила и возвеличила. Любить его царица не любила, но опыту и уму доверяла. Так, уже на пороге пятидесятилетия, Бестужев возглавил имперскую политику, а в 1744 году удостоился канцлерского звания.

Даже враги (а их у Алексея Петровича было множество) не подвергали сомнению его способности. «У него нет недостатка в уме, – пишет Манштейн, после падения своего шефа Миниха еле унесший ноги из России и не имевший причин любить елизаветинских министров. – Он знает дела по долгому навыку и очень трудолюбив, но в то же время надменен, корыстолюбив, скуп, развратен, до невероятности лжив, жесток и никогда не прощает, если ему покажется, что кто-нибудь провинился перед ним в самой малости».

Тем более не было у Бестужева недостатка в хитрости. Он по праву считался одним из первых интриганов этой интриганской эпохи.

Канцлер очень хорошо умел пользоваться настроениями и манипулировать слабостями царицы. Знал, когда лучше подсунуть нужный документ, как повернуть дело в свою пользу, нажав на те или иные клавиши ее души. На документе, который Елизавета, очень не любившая скучные бумаги, должна была прочесть во что бы то ни стало, Алексей Петрович делал завлекательные приписки вроде: «Ея Величеству не токмо наисекретнейшего и важнейшего, но и весьма ужасного содержания». Так и решались судьбы Европы.

Уловки уловками, однако Бестужев был человеком с идеологией, во всяком случае, с идеей, которую продвигал с неустанным упорством. В истории она получила название «Бестужевской системы».

Эта стратегия строилась на сдерживании Пруссии, нового активного игрока на европейской сцене. При короле Фридрихе II эта страна быстро наращивала военную мощь, и ее интересы начинали сталкиваться с российскими. Поэтому Бестужев крепко стоял за союз с Австрией, тоже враждебной Берлину, и вредил Франции, которая соперничала с Веной. Отсюда же, по мысли канцлера, проистекала необходимость дружить с Англией – вечной оппоненткой Версаля.

Впрочем, трудно сказать, до какой степени эта логика диктовалась интересами России, а до какой – личными выгодами Алексея Петровича. Известно, что он получал денежные «субсидии» и от австрийцев, и в особенности от англичан, плативших ему ежегодно по 12 тысяч рублей (жалование канцлера составляло 7 тысяч). А кроме того, антифранцузский курс Бестужеву нужен был еще и для того, чтобы избавиться от двух французов, под чьим влиянием первое время находилась императрица: от посланника де Шетарди и лейб-медика Лестока, инициаторов ноябрьского переворота.

Здесь-то граф в полной мере и проявил свои интриганские дарования, еще более впечатляющие, чем дипломатические. Он расправился с соперниками без спешки и по очереди.

> Шетарди помог Бестужеву сам. Первое время после переворота он был самой главной персоной при новой императрице. После поклона Елизавете придворные сразу же кланялись французу. Но посланнику этого было мало, он желал всем заправлять и во всем участвовать – например, руководить мирными переговорами с Швецией. Когда же увидел, что это невозможно, то обиделся и уехал, «наказав»

таким образом царицу. Она и вправду очень расстроилась – в отличие от Бестужева.

Однако канцлер рано обрадовался. Очень скоро Елизавета стала писать в Париж, прося дорогого друга вернуться. И тот сменил гнев на милость, в конце 1743 года приехал – без «характера» (без какого-либо официального статуса), то есть свободный для «трудоустройства». Государыня приняла его с восторгом, тем более что Шетарди прибыл не с пустыми руками: он сулил признание за российскими монархами императорского титула – в обмен на то, что Петербург отвернется от Вены.

Положение Бестужева оказалось под угрозой, и он перешел к активным действиям. За время отсутствия ловкого француза канцлер обзавелся мощным оружием, которым будет все время пользоваться и в дальнейшем. Он организовал тотальную перлюстрацию всех почтовых отправлений, включая дипломатическую корреспонденцию. Это, собственно, делалось и прежде, о чем иностранцы знали и для секретности использовали хитрые шифры. Однако канцлер нашел полезное применение для новообразованного ученого органа, Академии наук, действительный член которой почтенный математик Христиан Гольдбах разработал систему дешифровки.

Алексей Петрович подобрал выдержки из отчетов Шетарди, где тот откровенно раскрывал суть своих политических каверз (эти фрагменты Елизавету Петровну мало заинтересовали), а также нелицеприятно высказывался о лености, легкомыслии, тщеславии и прочих пороках царицы – и вот этого оскорбленная женщина простить уже не могла.

Раз уж Шетарди жил в России попросту, «без характера», с ним и обошлись просто, без церемоний. Рано утром к маркизу явился начальник Тайной канцелярии Ушаков и велел немедленно, в тот же день покинуть Россию. Навсегда.

Избавиться от Лестока было труднее, но и здесь помогли перлюстрация с расшифровкой. К лейб-лекарю хаживал прусский посланник граф Мардефельд, видя во французе естественного союзника по борьбе с бестужевским влиянием.

Рассказывая об этих контактах в переписке, дипломат чересчур увлекался подробностями (а Лесток был болтлив), и наконец, в 1748 году, в руках у Алексея Петровича набралось достаточно компромата на царского медика. Как и в случае с Шетарди, царицу разгневали не политические каверзы, а предательство: человек, которому она так доверяла, вел себя нелояльно!

В списке обвинений, предъявленных арестованному Лестоку, кроме политических пунктов, вроде тайных сношений с пруссаками и шведами, содержится один эмоциональный пункт, в котором явно слышится обиженный голос самой Елизаветы: «От богомерзкого человека Шетардия табакерки к тебе присланы… Любя Шетардия, такого плута на государя своего променял! Не мог ли ты себе представить, что ежели б и партикулярной даме, в ссоре находящейся, кто-либо подарок прислал, то оный ни от кого принят быть не может, кольми же паче чести ее величества предосудительно». Требуя признания в злодействах, Лестока подвергли пытке. Он мужественно вынес истязания, всё отрицая, но государыня более не желала видеть неблагодарного, и тот отправился в ссылку.

Справившись таким образом с французскими агентами влияния, хитроумный Бестужев уже безо всяких препятствий стал вести свою политику. Однако в конце концов именно эти два фактора: заветная «система» и чрезмерная пронырливость привели канцлера к падению.

Бестужев читает Елизавете письма Шетарди. *И. Сакуров*

О том, как сокрушительно провалилась концепция проанглийской ориентации, будет рассказано в соответствующей главе, пока же коротко скажем, что права была профранцузская фракция, а Бестужев ошибался. Разразившаяся в 1757 году большая война, где Англия оказалась союзницей ненавистного Фридриха, а Франция – России, сильно подорвала престиж великого умника.

Ну, а кроме того – и это главное – Алексей Петрович пересуетился. Елизавета Петровна делалась все слабее здоровьем, а в 1757 году совсем разболелась. Думали, что она уже не поднимется. У Бестужева были отвратительные отношения с наследником, великим князем Петром Федоровичем, который обожал Фридриха и пруссаков, поэтому канцлер затеял большую интригу, делая ставку на жену наследника – Екатерину. Но царица выздоровела, бестужевские враги донесли ей о маневрах старого интригана, и над тем разразилась гроза.

Его предали суду, осудили на смерть, потом, как водилось при кроткой Елисавет, помиловали и отправили в ссылку.

Интригой, погубившей прославленного хитреца, руководил другой хитрец – ближайший помощник и главный соперник Бестужева вице-канцлер Михаил Илларионович Воронцов. Это был еще один выдвиженец «женского клуба» при Елизавете, обязанный своим взлетом браку с царской наперсницей Анной Воронцовой.

Бестужев в зените могущества и в ссылке. *Неизвестные художники. XVIII в.*

Вице-канцлер долгое время находился в тени своего грозного начальника, который его опасался и против него интриговал, но приближение войны очень повысило престиж Воронцова, потому что он-то всегда ратовал за французскую ориентацию – и оказался прав.

После краха Бестужева (1758) и до самого конца елизаветинского царствования руководителем российской политики останется Воронцов.

Таковы главные деятели «сонного времени», которое к моменту воронцовского «случая», впрочем, уже перестало быть сонным.

Династическая проблема

Спокойствие царствования с самого начала омрачалось одним обстоятельством: у незамужней Елизаветы не могло быть потомства (незаконные дети, по слухам, были, но значения не имели). Отсутствовал и очевидный преемник, права которого считались бы

неоспоримыми, – как, скажем, Петр II после Екатерины I. Опыт показывал, что при таких условиях передача власти гладко не проходит.

Ситуация осложнялась еще и тем, что имелся маленький Иоанн VI, принадлежавший к старшей ветви царского дома, но свергнутый силой оружия. Это был сильный удар по сакральности престола, которую с таким жестоким упорством восстанавливала Анна Иоанновна.

Одним из первых актов новой царицы была попытка легитимизации переворота. Уже через три дня после захвата власти Елизавета выпустила манифест «с обстоятельством и с довольным изъяснением» случившегося.

В качестве юридического обоснования приводилось завещание Екатерины I, согласно которому в случае ранней смерти Петра II престол должен был перейти к его тетке Анне Петровне и ее потомству, если оно будет исповедовать православие. В том, что завещание оказалось нарушено, манифест винил (несправедливо) Остермана, который-де скрыл духовную и привел к власти сначала одну, а затем другую Анну.

С учетом того, что права самой Екатерины I выглядели крайне сомнительно, ссылка на ее последнюю волю большой убедительности не имела, но более сильную аргументацию взять было негде.

Поначалу Елизавета хотела выпроводить брауншвейгское семейство за границу, предав их «разные предосудительные поступки крайнему забытию», но кто-то более дальновидный делать это отсоветовал: зачем выпускать на волю опасного претендента?

По доброте натуры царица не могла поступить с Иоанном «по-годуновски» (если принять версию, что царевича Дмитрия убил Годунов) и обрекла ни в чем не повинного ребенка, а заодно и всю его родню на участь еще более ужасную.

> Несчастное семейство поселили в далеких Холмогорах, под крепкой охраной. Низложенного императора у родителей забрали. Бывшая правительница Анна Леопольдовна умерла 28-летней, родив еще несколько детей. Антон-Ульрих прожил в неволе тридцать три года и скончался. Дети выросли, потом постарели. Старшая дочь сошла с ума.
>
> Наконец, через сорок лет после переворота, милостивая Екатерина II, уже утвердившаяся на престоле и переставшая бояться соперников, отпустила ссыльных в Данию, к

тамошней королеве, их тетке, но с непременным условием, что их там тоже будут держать в изоляции. Условие было исполнено.

Последней из всех, уже в следующем веке, умерла принцесса Екатерина Антоновна. Н. Эйдельман цитирует ее письмо духовнику отцу Феофану (она, разумеется, была православной и русскоязычной): «Што мне было в тысячу раз лючше было жить в Холмогорах, нежели в Горсенсе. Што меня придворные датские не любят и часто оттого плакала… и я теперь горькие слезы проливаю, проклиная себя, что я давно не умерла».

Свергнутый законный император все время нервировал власть самим фактом своего существования. Тайная канцелярия доносила, что в народе августейшего младенца не забывают, жалеют. В разговорах недовольных чуть что всплывало имя Иоанна, и при том, что настоящих заговоров при Елизавете не возникало, правительство их очень боялось. Одной из причин неадекватно жестокой расправы со сплетницами Анной Бестужевой и Натальей Лопухиной было обвинение в сочувствии брауншвейгской фамилии.

Елизавете нужно было закрепить наследование за своей, петровской, линией, и вариант здесь мог быть только один. От покойной сестры Анны, герцогини Шлезвиг-Гольштейн-Готторпской, остался сын – родной внук Петра Первого. Правда, вопреки пресловутому завещанию Екатерины он принадлежал к другой вере, зато был круглым сиротой (его отец, амбициозный Карл-Фридрих, в свое время вытолканный Меншиковым из России, недавно очень кстати умер). Значит, Елизавета могла надеяться, что наследник окажется под ее полным контролем.

За отроком отправили гвардейского офицера, и тринадцатилетний Карл-Петер-Ульрих фон Шлезвиг-Гольштейн-Готторп, никогда не бывавший в России и не знавший языка своих будущих подданных, был доставлен в Петербург. Там его поскорее «русифицировали», перекрестив в православие и переименовав в Петра Федоровича. Однако очень скоро выяснилось, что надежда монархии слаб здоровьем и весьма малообещающ в смысле личных качеств (об этом будет рассказано позднее).

Что ж, решила Елизавета, тогда царевича нужно побыстрее женить и посмотреть, не окажется ли следующее поколение более удачным.

Выбор невесты для Петра Федоровича превратился в настоящую баталию, где столкнулись очень серьезные силы – ведь речь шла о будущем великой империи. Только что вступивший в должность Бестужев-Рюмин ратовал за дочь польского короля Августа III, враждебного Пруссии, но оппоненты еще не окрепшего Алексея Петровича взяли верх. Они уговорили императрицу остановить выбор на дочери принца Ангальт-Цербстского, который служил в армии Фридриха II. Если учесть, что юный наследник с детства преклонялся перед прусским монархом, который из Голштинии казался величайшим государем мира, получалось, что «прусская» партия одержала полную победу.

Юный Петр Федорович с юной супругой. *Г-К. Гроот*

В последующие годы канцлер Бестужев одолевал политических врагов, потихоньку достраивал свою направленную против Берлина «систему», но вся эта конструкция выглядела крайне ненадежной. Было ясно, что как только Елизавета умрет (а она в 1750-е годы стала часто болеть), курс Санкт-Петербурга развернется на 180 градусов, что будет скверно для национальных интересов России и произведет хаос в европейской политике.

Надежды на нового, более отрадного наследника оправдались не скоро. Молодая чета смогла произвести на свет сына лишь через десять лет после свадьбы, в 1754 году. Елизавета немедленно забрала маленького Павла Петровича к себе, но всем было очевидно, что подрасти он не успеет.

Тогда-то Бестужев и затеял рискованную игру, делая ставку на жену наследника Екатерину, которая была умнее мужа, сильнее характером, а главное – в отличие от него давно отошла от немецких интересов. (Нет, главным, конечно же, было то, что Бестужев рассчитывал стать при такой государыне истинным правителем страны). Чем эта интрига закончилась, мы знаем: всемогущий канцлер пал, и сама Екатерина еле уцелела.

В последние годы царствования Елизаветы ее держава вела затяжную войну с Пруссией, а в Европе все гадали, сколько еще протянет императрица и что будет, когда она умрет и воцарится наследник.

В ноябре 1761 года государыня стала совсем плоха. Судя по симптомам, она страдала сердечной недостаточностью. Несколько раз совсем уже отходила – и дипломаты союзных держав слали в свои столицы панические донесения; потом царице становилось лучше – все немного успокаивались. Наконец 25 декабря Елизавета скончалась.

По крайней мере, она добилась того, что корона перешла к следующему монарху без потрясений. Никто прав нового государя не оспаривал.

Потрясения, впрочем, все равно произошли. Скучные времена закончились, начинались новые – турбулентные и непредсказуемые.

Дела внутренние

«Малые приключения»

Несколько пренебрежительный тон, в котором многие пишут о Елизавете и ее матриархальных временах, объясняется не только личностью самодержицы, но еще и тем, что ее правление отличалось чрезвычайной пассивностью. Оно, по выражению С. Платонова, «не оставило потомству ничего своего». Знаменитый деятель ранней екатерининской поры Никита Панин, личность совсем другого калибра, нежели Алексей Бестужев и тем более Петр Шувалов, несколько лет спустя отзовется о своих предшественниках весьма презрительно: «Сей эпох заслуживает особливое примечание: в нем все было жертвовано настоящему времени, хотениям припадочных людей и всяким посторонним малым приключениям в делах».

Однако подобная репутация как раз и была создана Екатериной II и ее соратниками, которым, как в свое время Елизавете по отношению к Анне, хотелось возвыситься по контрасту с предыдущим режимом. Это вообще очень распространенное в политике явление, а в русской историографии, в силу ее извечной «государственности», такие оценки часто прирастали намертво.

На самом деле пассивность и консервация, кажется, являлись совершенно сознательной стратегией елизаветинского правления. Пожалуй, в тогдашней ситуации этот путь был наиболее разумным. Стране требовался период спокойствия, залечивания ран, переваривания всей той пищи, которую она без разбора, огромными кусками проглотила при Петре Великом.

С самого начала новая царица заявила именно об этом со всей определенностью: что будет «наикрепчайше содержать» петровские заветы. Развивать и продвигать их дальше она не обещала.

Прежде всего Елизавета постаралась восстановить контуры системы государственного управления, существовавшей в 1725 году.

Она упразднила Кабинет, тем более что двое из его членов, кабинет-министры Остерман и Головкин, оказались злодеями и преступниками. Высшим органом власти был вновь провозглашен Сенат (в нем ни одного немца, все сплошь русские). Воскресли

коллегии, получив точно те же, что при Петре названия. Во всех центральных учреждениях и губерниях вновь обрели силу прокуроры – с той же, что прежде функцией «государева ока». Вернулся из бытия даже Главный магистрат, центральная инстанция над городским самоуправлением.

Но реставрация была сугубо формальной. Городское самоуправление так и осталось на зачаточном уровне (при «ордынском» принципе государственной организации иного быть и не могло); прокуроры никого не подгоняли; коллегии ничего нового не затевали. Что же касается Сената, то он приобрел иной смысл, чем при Петре. Первый император отводил этому органу лишь функцию контроля за исполнением законов, теперь же Сенат совместил с судебно-административной властью еще и законодательную. Справляться с таким объемом работы он не мог, и через некоторое время (в 1756 г.) пришлось учредить «Конференцию при Высочайшем дворе» – собственно правительство, состоявшее из десяти конференц-министров. В их число ради пущей важности был включен и наследник престола. Тон в этом совете задавали Петр Шувалов и Алексей Бестужев-Рюмин, а после падения последнего его преемник Михаил Воронцов.

Единственная сфера управления, которую «курировала» сама императрица, следуя в этом примеру Анны Иоанновны, касалась вопросов государственной безопасности. При всем легкомыслии Елизавета Петровна не была беспечной и крепко держалась за власть. Генерал Ушаков, начальник Тайной канцелярии, сохранил свой пост и влияние, более того – получил приказ находиться при особе ее величества «безотлучно». Он подчинялся не Сенату, а непосредственно царице. После смерти Ушакова место занял верный человек А. Шувалов.

Как уже говорилось, Тайная канцелярия при мягкосердечной Елизавете работала еще активнее, чем при жестокой Анне. Доносчики ябедничали, вопли «Слово и дело!» не умолкали, застенки работали, дознаватели выискивали крамолу. Количество рассматриваемых дел по сравнению с «бироновщиной» сильно увеличилось – по меньшей мере вдвое.

В остальном же вклад государыни в управление был невелик. Ее личное заинтересованное участие угадывается лишь в принятии указов

о том, какой длины носить кружева (ни в коем случае не длиннее трех пальцев), какому сословию можно и нельзя одеваться в шелка, да еще чтоб никто не разряжался в золото и серебро (очевидно, кроме самой императрицы).

> Зато во всё вмешивался неутомимый Петр Шувалов, плодовитый на масштабные проекты. Из этих гор – и то не всегда – обычно рождались мыши.
>
> Скажем, граф выступал в Сенате с эмоциональной речью о том, что российские законы народу непонятны в силу своей запутанности и трудных формулировок, отчего и происходит всё зло в стране. Вот если б составить простые и ясные законы, всё бы наладилось. Государыне идея понравилась, сенаторы немедленно постановили написать новые законы, ясные и всем понятные. Собралась комиссия, долго работала, в 1755 году составила Уложение, которое еще больше всё запутало. Десятилетие спустя придется составлять новое.
>
> В другой раз граф Петр Иванович разразился трактатом «О разных государственной пользы способах», где совершенно справедливо писал, что главной силой страны является народ, а обязанностью правительства – «приведение народа… в лутчее ево состояние». В качестве первой меры для сохранения народа Шувалов предлагал учредить по всей границе форпосты «не менее пяти человек драгун при одном капрале или унтер-офицере», чтобы народ не сбегал за границу. Предлагались и другие меры, но, кажется, выполнили только первую.

Одним словом, «приключения в делах» действительно были невеликие, но все же меж ними попадались и полезные. Провели большую и крайне важную для живущей хлебопашеством страны работу по размежеванию земельных владений. Упомянутая выше отмена внутренних таможенных пошлин все же способствовала некоторому оживлению торговли и развитию купечества, хоть оно оставалось немногочисленным и в целом небогатым. Для сохранения и преумножения народа гораздо полезнее форпостов с унтер-офицерами оказалась забота о рождаемости. При Елизавете Петровне появляются первые профессиональные акушерки – «повивальные бабки»,

проаттестованные докторами и даже получающие казенное жалованье. Их пока хватало только на Петербург и Москву, а в остальные города обещали посылать, только «если будут лишние», но уже появились первые акушерские школы и даже особые врачи, называвшиеся «профессорами бабичьего дела».

Главным же благом было то, что народ предоставили самому себе, не мучая начальственными гиперпроектами, чрезмерным регламентированием и экстренными поборами. Наоборот, в 1752 году были прощены недоимки за двадцать с лишним лет – огромное облегчение. Предоставленная сама себе, Россия оказывалась весьма жизнеспособной и даже успешной страной. В манифесте о прощении долгов объявлялось: «Империя так силою возросла, что лучшего времени своего состояния, какое доныне ни было, несравненно превосходит в умножившемся доходе государственном и народа, из которого состоит и комплектуется высокославная наша армия, ибо как в доходах, так и в упомянутом народе едва не пятая часть прежнее состояние превосходит».

Получается, что «сонное время» для обычных людей оказалось легче и здоровее не только «нервных» лет, но и великих петровских, а затем екатерининских побед, меж которыми хронологически расположен этот период.

В том, что касается окраинных и инородных (по отношению к титульному этносу) областей империи, правительство никакого осмысленного курса не проводило – лишь реагировало на возникающие там проблемы.

Единственной административной акцией на этом фронте было внезапное и странное восстановление гетманства на Украине. В этом Елизавета уж точно не следовала заветам отца, потратившего немало сил на то, чтобы ослабить и вовсе отменить этот атрибут малороссийской автономии. Анна, не клявшаяся в верности петровской политике, с 1734 года держала место гетмана пустым, приучая юго-западную окраину империи к прямому управлению. Провинцией руководил российский чиновник, именовавшийся министром.

И вдруг в 1747 году вышел царский указ гетману снова быть, притом с прежними правами, то есть на положении полусамостоятельного вассала. Малороссийские дела передавались в

ведомство Иностранной коллегии, тем самым область официально как бы выходила из состава метрополии и превращалась в протекторат.

Этот противный имперской логике шаг объяснялся двумя субъективными причинами. Во-первых, незадолго перед тем государыня совершила поездку на Украину, и повсюду ее встречали депутации, чередовавшие лесть с верноподданнейшими просьбами о восстановлении старинной привилегии. Добрая Елизавета Петровна смилостивилась. А во-вторых, она хотела сделать приятное фавориту Алексею Разумовскому, чей брат Кирилл и получил гетманскую булаву (назначение выглядело как выборы, но сути это не меняло).

К тому времени Кирилл Разумовский имел уже множество почетных званий (в том числе президента Академии наук), а гетманский титул возносил его на еще большую высоту, но молодой, блазированный вельможа, уже забывший, что в детстве пас на Украине коров, такой чести не обрадовался. Он попытался завести в своей резиденции европейские обычаи с балами и спектаклями, но все же очень томился в глухом Глухове по столичному блеску и при первой возможности надолго сбегал в Москву или Санкт-Петербург.

Восстановление гетманства нисколько не прибавило Украине вольностей и осталось не более чем временной аберрацией. Эволюция империи обратного хода не знает.

Если украинские события были скорее комичными, то в заволжских лесах в 1755–1756 годах развернулась настоящая трагедия.

Там вновь разгорелось башкирское восстание, более кровавое, чем в 1735–1740 гг. Причиной возмущения стали отмена права местных жителей на добычу соли, грубое миссионерство и попытки перевести часть податного населения в крепостные.

Восставшие убивали чиновников и солдат, жгли почтовые станции и казенные заводы.

Мятеж вспыхнул в разных местах, но не слился в единое движение, поэтому правительственные отряды гасили очаг за очагом – с крайней жестокостью. Из центральных губерний слали новые и новые войска, число которых в конце концов достигло пятидесяти тысяч (при том что всех башкиров с женщинами и детьми насчитывалось тысяч двести). В итоге примерно четверть народа попросту ушла от притеснений за границы империи – в казахскую степь.

Кирилл Григорьевич Разумовский. *П. Батони*

Война начала затихать, когда правительство отказалось от самых непопулярных мер вроде принудительной христианизации или прикрепления крестьян к земле.

> Героем башкирского восстания был мулла Габдулла Галиев по прозвищу Батырша. Главным его оружием было слово. Батырша выпустил воззвание ко всем башкирам и мусульманам не поддаваться власти христиан и объявить им священную войну. Этот идеолог сопротивления в конце концов был выдан врагу своими соплеменниками – теми, кто остался верен властям.
>
> Поскольку милостивая Елизавета Петровна на смертную казнь никого не отправляла, Батыршу иссекли кнутом, вырвали ноздри и посадили в Шлиссельбургский каземат, а потом, чтобы не дерзил, еще и вырвали язык. Но мулла не смирился и онемев. Однажды он напал на тюремщиков, убил четверых и погиб сам.
>
> Скоро башкиры станут одной из главных ударных сил Пугачевской войны.

Сибирские и американские экспедиции приостановились, но колонизация продолжалась, такая же непродуманная, как при Анне Иоанновне. На дальнем северо-востоке континента, на Чукотке, коренное население никак не смирялось с попытками завоевания. Все мужчины были охотниками и быстро научились владеть огнестрельным оружием. В отличие от Башкирии, отправить туда, на край света, большие контингенты войск было невозможно, и у империи не хватало сил справиться с упрямыми туземцами. Ожесточение было невероятное. Если чукотские воины видели, что враг одолевает и отступить некуда, они предпочитали убить собственных жен и детей, а самим «прирезаться», но не сдаваться.

В 1747 году главный русский каратель майор Павлуцкий был разгромлен в большом бою и убит. В 1752 году пленные коряки захватили здание тюрьмы в Охотской крепости, перебив охрану, и какое-то время выдерживали осаду, а потом сожгли себя, но не сдались. После этого солдаты на всякий случай перебили вообще всех коряков

Охотска, потому что «их было слишком много, а русских слишком мало».

В начале 1760-х годов власти подсчитали приход-расход, и оказалось, что за время присутствия на Чукотке казна получила дани на 29 тысяч рублей, а потратила почти миллион четыреста тысяч. Овчинка явно не стоила выделки. После этого, уже при Екатерине II, произошло редкое в мировой истории колониальных захватов событие: конкистадоры оставили туземцев в покое, срыли свои форпосты и ушли. Империя проиграла.

Рост населения и доходов

Об экономическом развитии рассказывать почти нечего. Все двадцать лет правительство занималось почти исключительно финансами, чтобы как-то сводить концы с концами. Но и в этом отношении сделано было немногое.

Для оживления торговли помимо отмены внутренних таможен был еще учрежден заемный банк для негоциантов, который под небольшие проценты выдавал кредиты на проведение коммерческих операций, однако купеческое сословие по-прежнему оставалось малочисленным и даже еще не оформилось в отдельное сословие.

Как уже говорилось, государство проводило не слишком удачные эксперименты с ценами на два стратегических казенных продукта, вино и соль.

В 1746 году Елизавета велела в столице убрать все кабаки, находившиеся на «больших знатных улицах» – наверное, ее величеству было неприятно смотреть из кареты на пьяных.

Однако от этого запрета случился большой убыток, и кабаки вернули обратно. В целом по стране «пьяная торговля» приносила 1,2–1,3 миллиона рублей в год, а косвенные убытки от алкоголизма никто не подсчитывал.

Другая поощряемая сверху вредная привычка, табакокурение, пока не оправдывала надежд, которые возлагал на этот новый источник дохода Петр Первый. Русские потихоньку обзаводились трубками, и за 1750-е годы стоимость табачного откупа (монополия продавалась частным лицам) выросла почти вдвое, но это все еще были мизерные деньги – 70 тысяч за год.

Несравненно важнее был стабильный доход от казенной соли, приносивший миллиона три.

Но и он уступал по важности главной статье бюджетного наполнения – подушному налогу. В хозяйственном смысле Россия того времени фактически была моноэкономикой: ее основным финансовым ресурсом являлись крестьяне. Потому-то Петр Шувалов и прочие государственные мужи так заботились о приросте населения. Сколько душ, столько и денег.

В этом отношении народ охотно помогал правительству: плодился и размножался, чему способствовали улучшившиеся условия жизни. В царствование Елизаветы проводилось две переписи («ревизии»), поэтому демографическая динамика хорошо известна.

В 1743 году Сенат известил царицу, что за предыдущее царствование податное население сократилось на миллион человек, что привело к серьезному падению доходов. Мужских душ, с которых брали налоги, насчитали 6 миллионов 643 тысячи. С них собиралось пять миллионов триста тысяч рублей.

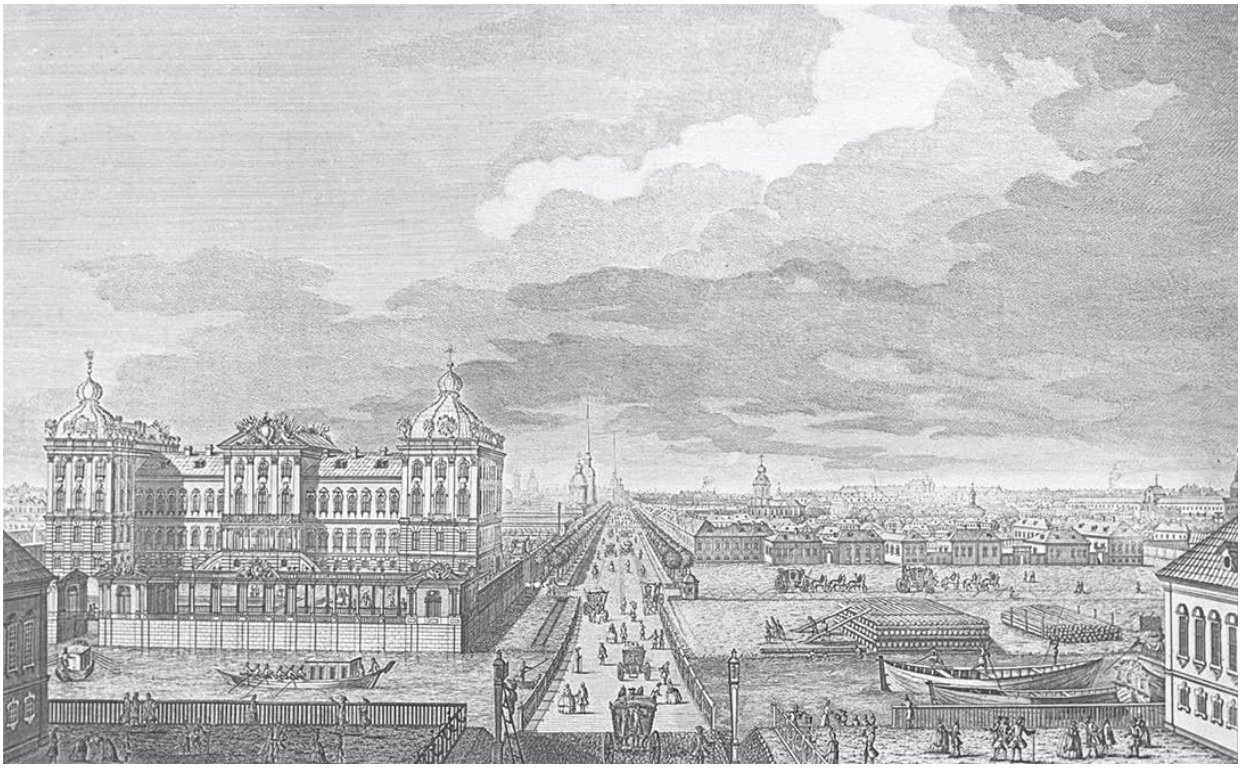
Перед самым концом царствования, в 1761 году, опять прошла ревизия, и оказалось, что теперь в стране 7 363 348 податных душ, что вызвало соответственное пополнение ежегодного бюджета на одиннадцать процентов. То есть ключевой сектор экономики – живые люди – благополучно расширялся.

Общее население России с учетом женского пола, инородцев и неподатных сословий в это время составляло что-то около двадцати трех миллионов (по сравнению примерно с пятнадцатью миллионами на исходе петровского времени).

Высшее сословие, дворянство, насчитывало около полумиллиона человек, духовенство – тысяч триста, чиновников разного звания было тысяч двести, солдат и матросов перед началом Семилетней войны – под двести тысяч (по спискам; на самом деле значительно меньше). Стало быть, все неподатные сословия суммарно составляли пять процентов от общего числа россиян.

Курс на расширение прав дворянства за счет других классов сохранялся и при Елизавете. В 1746 году вышел новый указ, окончательно запретивший всем прочим сословиям покупать «души» как с землей, так и без земли. Процесс превращения дворян из

государственных слуг, обремененных множеством обязанностей, в прослойку, обладающую особенными привилегиями, продолжался. Крестьяне же попадали во все большую полную зависимость от помещиков. Важной вехой стал указ 1760 года, давший право барину по собственной воле ссылать неугодных крепостных в Сибирь, то есть фактически наделивший его судебными полномочиями.



Невский проспект. *Я. Васильев*

Смягчение нравов

Самым отрадным, да, пожалуй, и самым исторически значимым результатом елизаветинского времени был не рост населения и даже не некоторое облегчение народных тягот (к тому же закончившееся в 1757 году с началом большой войны), а довольно заметная гуманизация общества и некоторые успехи просвещения. До этой государыни Россия была страной очень жестокой, человеческая жизнь здесь стоила дешево, казни и изуверские истязания считались чем-то обыденным. И вот за двадцать лет не было исполнено ни одного смертного приговора!

Лишение жизни как высшая мера наказания в законе сохранялось, но императрица неизменно миловала осужденных. Само прекращение публичных казней, доселе зрелища вполне обычного, было на пользу нравственному здоровью народной массы.

Неоднократно проводились амнистии, по которым заключенных выпускали на волю, а сосланных возвращали из дальних мест. Допросы с пристрастием не вовсе исчезли, но теперь пытка применялась гораздо реже. Сначала, в 1742 году, запретили пытать несовершеннолетних – большой прорыв для эпохи, когда малолетним преступникам не делали никакого снисхождения даже и в Европе. Затем пошли еще дальше. В указе 1751 года было вообще высказано сомнение в целесообразности пыток как способа выяснения истины, и рекомендовалось от них воздерживаться, «чтобы, не стерпя пыток, не могли на кого и напрасно говорить, и те б, на кого станут говорить, и невинные не могли подпасть напрасному истязанию». Нет, вовсе этот метод дознания не запретили, но на практике стали применять лишь в особо серьезных случаях.

Ты суд и милость сопрягаешь,
Повинных с кротостью караешь,
Без гневу злобных исправляешь,
Ты осужденных кровь щадишь.

Такими словами славил Ломоносов царицу в день ее тридцатисемилетия.

Столь милосердных времен Русь никогда не видела, но более существенно другое. Впервые – пока еще очень слабо, едва-едва – стало проступать доселе неведомое явление, которое С. Соловьев замечательно определяет следующим образом: «К человеку начинают относиться с бóльшим уважением». Для России это было чем-то невиданным.

На то имелись, конечно, и объективные причины. В Европе наступил Век Просвещения, его благотворный отсвет доходил до всех окраин континента, от Испании до России. Но все же первая заслуга несомненно принадлежала самой монархине. При всей своей поверхностности, безалаберности, комичности Елизавета Петровна безусловно была человеком милосердным и, как тогда говорили, *доброклонным*.

В сущности, от верховной власти зависит не столь уж многое. Даже если она безраздельна, пространство ее маневра всегда ограничено, а если правитель не понимает пределов возможного, наступает расплата. (Главный урок русского восемнадцатого века именно в этом, о чем пойдет речь в разделах, посвященных Екатерине Второй и Павлу Первому). Но верховная власть может задавать тон и подавать пример, создавать общественную атмосферу, поощрять один стиль поведения и порицать другой. Если она груба и жестока, такими же становятся и нравы; если великодушна и сострадательна, добреет и общество.

И вот в 1753 году уже не царица просит свой Сенат, а наоборот, Сенат просит царицу смягчить суровость законов – заменить калечащее наказание (отсечение руки у воров) клеймением. Елизавета охотно соглашается, а кроме того проявляет заботу о семьях осужденных, оставляя женам и детям часть имущества для пропитания.

Во многих указах царицы звучит искреннее печалование о неправдах и желание их исправить. Эти порывы отдают маниловщиной, и все же они прекрасны. «С каким мы прискорбием по нашей к подданным любви должны видеть, что уставленные многие законы для блаженства и благосостояния государства своего исполнения не имеют от внутренних общих неприятелей, – обращается Елизавета к Сенату в 1760 году. – …В таком достойном сожаления состоянии находятся многие дела в государстве и бедные, утесненные неправосудием люди, о чем мы чувствительно соболезнуем, как и о том, что наша кротость и умеренность в наказании преступников такое нам от неблагодарности приносят воздаяние. Повелеваем сим нашему Сенату как истинным детям отечества, …все свои силы и старания употребить к восстановлению желанного народного благосостояния; хотя нет челобитен и доносов, но по самым обстоятельствам, Сенату известным, зло прекращать и искоренять. Всякий сенатор по своей чистой совести должен представить о происходящем вреде в государстве и о беззаконниках, ему известных, без всякого пристрастия, дабы тем злым пощады, а невинным напрасной беды не принесть».

Внешние перемены были незначительны, поскольку в стране вообще мало что происходило, и сосредоточивались главным образом в новой столице, где находился двор. Там возводили пышные дворцы в стиле высокого барокко, строили каменные мосты, разбивали парки и

сады, соседствовавшие с еще не осушенными болотами. Жизнь Санкт-Петербурга почти целиком зависела от того, где находится императрица. Когда она отсутствовала (Елизавета надолго, иногда на полгода уезжала в Москву), с нею отправлялся весь двор, и странный город будто замирал. Екатерина II в своих записках рассказывает: «В отсутствие двора петербургския улицы зарастали травой, потому что в городе почти не было карет».

Пренебрегая государственными делами, Елизавета очень заботилась о том, как выглядит ее столица. Я уже рассказывал, что царица пыталась придать «знатным улицам» приличный вид, изгнав оттуда питейные заведения, и чем это закончилось. Государыня вообще придавала большое значение благопристойности, что было очень невредно для общественных нравов после разгула и похабств предыдущих царствований, от Петра с его всепьянейшими празднествами до Анны Иоанновны с ее скабрезной шутовской свадьбой в Ледяном Доме. Вместо кабаков в Петербурге учредили «герберги» (от немецкого Herberge, «постоялый двор»), устроенные по европейскому образцу: с кофеем, виноградными винами и бильярдом. Запретили старинный обычай, шокировавший иностранцев, – чтобы мужчины и женщины вместе мылись в бане. В городе все чаще появлялись с гастролями иностранные театральные труппы.

Возник наконец и русский театр, первоначально созданный в Ярославле купеческим сыном Федором Волковым, а затем по особому постановлению Сената переведенный в Петербург. Появились и первые авторы, писавшие комедии и трагедии для русской сцены.

> Основоположником отечественной драматургии считается Александр Сумароков. Первая его пьеса «Хорев», согласно тогдашней моде на патриотизм, была посвящена древней русской истории – высоким придворным страстям времен легендарных киевских князей. У персонажей были звучные, никогда не бывавшие имена – Оснельда, Астрада, Завлох. Между собой они разговаривали примерно таким языком:
>
> Молчи, не представляй мне браков,
> Несчастной мне к тому ни малых нет призна́ков.
> Довольно! Я хочу из сих противных мест.

О жалостна страна! О горестный отъезд!

Непривычной к новому зрелищу публике эти представления нравились, национальный театр прижился, а имя первого собственного драматурга заняло почетное место в истории русской литературы. Правда только имя. С. Соловьев с почтительной витиеватостью пишет: «Так как Сумароков не обладал сильным талантом в изображении природы человеческой и не мог успешно бороться с языком, не вышедшим еще из хаотического состояния, то и не предохранил своих произведений от забвения».

ХОРЕВЪ

ТРАГЕДІЯ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

Представлена въ первый разъ въ началѣ 1750 году на Императорскомъ театрѣ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Печатано въ другой разъ при Императорской Академіи Наукъ 1768 года.

Скромное начало русской драматургии

Театральные изыски облагораживали жизнь весьма небольшого круга столичных жителей, но шире был слой, затронутый развитием учености.

К началу Елизаветинской эпохи в военной империи на более или менее достойный уровень было поставлено лишь военное образование. Существовали Шляхетский кадетский корпус (выпускавший и некоторое количество гражданских чиновников), две морские академии (по одной в обеих столицах), артиллерийская и инженерная школы.

Из «мирных» учебных заведений имелись только старинная Славяно-греко-латинская академия, где преподавали монахи, и петровская Десиянс-Академия, официальная оценка деятельности которой в указе 1747 года звучит довольно безжалостно: «По сие время Академия Наук и Художеств плодов и пользы совершенно не произвела».

В сороковые и пятидесятые годы, в значительной степени стараниями Ивана Шувалова, состояние российского просвещения значительно улучшилось.

Пагубное положение флота, обнаружившееся во время шведской войны, побудило правительство заняться не только ремонтом и постройкой кораблей, но и кадрами. Вместо прежних академий, влачивших довольно жалкое существование, была создана новая, хорошо устроенная, – Морской академический шляхетский корпус на Васильевском острове. Там обучались 500 гардемаринов.

Обновилась и Славяно-греко-латинская академия, в которой кроме богословских дисциплин теперь стали преподавать физику, метеорологию и даже основы психологии.

Очень повысился статус Академии наук. Ее возглавил большой вельможа – Кирилл Разумовский. Мы видели, что в качестве украинского гетмана он ничем выдающимся себя не проявил – но от символического правителя символической автономии инициативы и не требовалось. Зато в качесте президента Десиянс-Академии, пускай тоже номинального, юный Кирилл Григорьевич сделал немало полезного.

> Этот бывший деревенский мальчишка, по прихоти Фортуны, безо всяких личных заслуг взлетевший к самому подножию трона, еще в четырнадцать лет пас коров, а в семнадцать уже был сиятельным графом и одним из

образованнейших вельмож своего времени. Второе обстоятельство здесь еще удивительнее первого. Объяснялось оно тем, что перед тем, как быть выпущенным в большой свет, брат фаворита прошел курс учения в Европе, куда его сопровождал личный ментор, академический адъюнкт Григорий Теплов. Юноша поучился в Германии, Италии и Франции, набрался европейских привычек и по возвращении в Санкт-Петербург, всего восемнадцати лет от роду, возглавил главное (собственно, единственное) научное учреждение империи.

Польза, которую граф приносил Академии наук, состояла не в мудрых наставлениях и великих открытиях, а просто в том, что своим именем он прибавлял статуса этому пока непривычному институту, ну и, конечно, делился со своей нестандартной «вотчиной» частью несметных личных богатств.

Первое здание Московского университета (на месте нынешнего Исторического музея)

Академия стала процветать: получила новый регламент и щедрое финансирование, обрела стройную и осмысленную структуру. Очень поднялся престиж членов Академии, каковых могло быть не более двадцати – десять действительных, то есть присутствующих, и десять почетных, иностранных. Вскоре лучшие умы Европы стали добиваться

этого звания, поскольку к нему прилагалось еще и солидное денежное вознаграждение.

Академия пока сохраняла дополнительную функцию учебного заведения, при ней существовала гимназия на двадцать студентов (тех, кто оказывался невосприимчив к знаниям, сплавляли в Академию художеств, что по-своему тоже демонстрировало новое уважительное отношение к наукам).

Однако самое примечательное событие произошло не в Петербурге, а в Москве. В 1755 году, по предложению академического профессора Михайлы Ломоносова, поддержанному Иваном Шуваловым, там открылся университет. Самой старой высшей школой империи мог бы считаться Дерптский университет, основанный еще в 1632 году, но при завоевании Прибалтики царю Петру было не до педагогики, поэтому профессора со студентами разбежались кто куда, и университет закрылся. Таким образом детище Ломоносова и Шувалова стало первенцем российского высшего образования.

Правда, сначала в Московском университете было всего три факультета (юридический, медицинский, философский) и только десять профессоров, а также две гимназии – для «благородных» и для «простых».

Подобные успехи просвещения могут показаться скромными, но это были ростки, из которых со временем поднимутся великая наука и блистательная культура – лучший вклад России в эволюцию человечества.

Великий Петр лишь изобразил из своей державы Европу: побрил, нахлобучил парик с треуголкой, научил маршировать в ногу под барабан. При невеликой дочери Петра страна начала приобретать не поверхностные, но сущностные черты европейской цивилизации, а затем приступила и к формированию своей собственной. В этом и заключается благотворность елизаветинского времени.

Дела внешние

Желание мира

Захватившей престол Елизавете досталась по наследству шведская война. В 1741 году стало уже ясно, что реванша у Стокгольма не получится, но и мириться шведы не собирались.

Сначала новая царица попыталась остановить конфликт без дальнейшего кровопролития и через своего друга Шетарди, посредника в сношениях с шведами, предложила неприятельскому командующему Левенгаупту заключить перемирие. Шетарди стал объяснять, что надобно компенсировать королю Фредерику затраты и потери какими-нибудь территориальными уступками – ведь, по сути дела, шведы сражались ради Елизаветы и очень ей помогли. Однако поступаться отцовскими завоеваниями императрица не желала и велела армии готовиться к сражениям.

Итоги шведской войны по Абоскому миру 1743 г. *М. Романова*

Кампания 1742 года показала, что силы не равны. Русские всюду наступали, шведы пятились. Был взят Борго (современный Порвоо), потом основные шведские силы угодили в окружение близ Гельсингфорса (Хельсинки) и подписали капитуляцию, по которой оставили победителям всю артиллерию. Затем пала и финская столица город Або (Турку).

После этих поражений шведы наконец запросили мира, который и был заключен в следующем 1743 году. Теперь уже Стокгольму

пришлось компенсировать победителям их затраты, и России достался изрядный кусок шведской Финляндии «в совершенное непрекословное вечное владение».

Покончив с северной проблемой, Елизавета больше ни с кем воевать не собиралась. На словах провозглашая верность заветам отца, она, в отличие от Петра, не вынашивала никаких экспансионистских планов и желала со всеми жить в мире. Это стремление на долгое время стало главным мотивом российской внешней политики.

А между тем стране, которая считала себя империей, в тогдашней международной ситуации не воевать было трудно. Начиная с 1740 года на континенте все шире разворачивалась очередная, уже третья с начала столетия большая драка за передел Европы. В 1701–1714 гг. великие державы бились за испанское наследство, в 1733–1735 гг. – за польское, а ныне шел спор за наследство австрийское.

Для того чтобы понимать действия российской дипломатии, нам придется разобраться в подоплеке и развитии этого запутанного конфликта.

Изначально это было все то же противостояние двух главных континентальных лидеров – Франции и Австрии. Последняя оказалась в уязвимом положении, потому что император Карл VI умер, не оставив сына. Права его молодой дочери Марии-Терезии выглядели сомнительно и оспаривались. Впервые с 1556 года возникла вероятность, что корона Священной Римской империи уйдет из австрийских рук. Немедленно явились претенденты на те или иные габсбургские владения, разбросанные по всей Европе. Составились два лагеря, где у каждого были свои интересы.

Острее всего противостояние обозначилось на территории самой империи, то есть в германских землях. Там среди множества мелких княжеств существовали три довольно больших государства: самое близкое к Вене – Бавария, самое зажиточное – Саксония и самое военизированное – Пруссия. Баварский и саксонский курфюрсты оба возжелали занять освободившийся императорский престол и для начала объединились, но первую роль в германском альянсе взяла на себя Пруссия, где только что воцарился Фридрих II, энергичный, изворотливый,

воинственный и склонный к авантюрам. В последующие десятилетия он будет главным возмутителем европейского спокойствия.

Молодому королю досталась от отца Фридриха-Вильгельма (1713–1740) большая и сильная армия, на содержание которой тратилась львиная доля бюджета. Искушение воспользоваться этим оружием для обогащения за счет ослабевшей Австрии было слишком велико.

К сложившемуся антиавстрийскому союзу, разумеется, присоединилась и Франция.

Пока другие готовились к войне, прусский король ударил первым (так он будет всегда действовать и в дальнейшем). В октябре 1740 года скончался император Карл VI, а уже в декабре пруссаки оккупировали австрийскую Силезию.

В следующем 1741 году удары посыпались на Австрию со всех сторон. Сначала их разбил в сражении Фридрих II, оказавшийся еще и выдающимся полководцем; затем начали наступление французы и баварцы; саксонцы вошли в Богемию; осенью к альянсу присоединилась Испания, зарившаяся на итальянские владения Габсбургов. Баварский курфюрст был избран императором под именем Карла VII. Казалось, Австрия обречена, ничто не спасет ее от сокрушительного разгрома.

Но тут обнаружилось, что 24-летняя Мария-Терезия, которую никто всерьез не воспринимал, – правительница умная и сильная. Она заключила с пруссаками тайное перемирие и направила все свои силы против французов, баварцев и саксонцев, повсюду их тесня. Тогда Фридрих Прусский разорвал перемирие, снова перешел в наступление, опять разбил австрийцев и подобрался к самой Вене. Австрия во второй раз очутилась на пороге краха – и Мария-Терезия вновь вывернулась. Она заключила с Пруссией сепаратный мир, пожертвовав Силезией, но освободив себе руки для дальнейшей борьбы.

Начался новый этап войны, во время которого удача сопутствовала уже австрийцам. Они одержали несколько побед и даже захватили Мюнхен, столицу нового императора.

Побеждали австрийцы и на итальянском театре, где перетянули на свою сторону сардинского короля. Перебежала в противоположный лагерь Саксония. Еще важнее было то, что к Марии-Терезии присоединилась Англия, очень встревоженная французской активностью. Боевые действия теперь велись и на севере, во Фландрии. Корабли враждующих держав бились на морях, что совершенно парализовало торговлю. Когда умер Карл VII, новым императором стал муж Марии-Терезии – Франц Первый.

Фридрих II прекрасно играл на флейте и пытался так же солировать в европейской политике. *А. Фон Менцель*

Но затем события опять развернулись на сто восемьдесят градусов. Видя, что Австрия чрезвычайно усилилась и побеждает, прусский король забеспокоился, не отберут ли у него Силезию обратно. Он сызнова сыграл на опережение: без объявления войны напал на австрийцев и нанес им

несколько поражений подряд. Марии-Терезии пришлось подписать мир, уже окончательно закрепивший Силезию за прусским королевством. Взамен Фридрих признал Франца императором.

В Германии после этого воевать перестали, но на остальных фронтах – во Фландрии, Италии, на морях, в заморских колониях – борьба продолжалась. Австрия, Англия, Голландия и Сардиния сражались с Францией и Испанией. Обе стороны одерживали победы и терпели поражения. Конца кровопролитию было не видно.

Таким образом, шведско-русская война в Финляндии была не более чем мелким эпизодом большой европейской свары и произошла вследствие весьма эффективных усилий французской дипломатии, которой удалось оставить Австрию без помощи российского союзника. (Это занимало Версаль гораздо больше, чем волюнтаристская интрига Шетарди по устройству переворота).

В 1743 году Петербург наконец избавился от шведской угрозы, однако вмешиваться в европейский конфликт Россия не стала. Елизавета Петровна не хотела воевать, хотя как раз в это время Австрия брала верх и присоединиться к ней было бы небезвыгодно.

С точки зрения национального благоденствия, мирная политика была прекрасна; с точки зрения имперских интересов – не очень. Россия теряла международное влияние и вес.

Это противоречие станет константой всей последующей российской истории: правителям вновь и вновь придется выбирать между интересами народа и интересами империи. Всякий раз предпочтение будет отдаваться вторым. Руководитель внешнеполитического ведомства Бестужев-Рюмин убеждал царицу не мешкая поддержать Австрию, но в 1743 году Елизавета Петровна воевать не стала и затем целых полтора десятилетия воздерживалась от вооруженных конфликтов.

Но в конце концов имперская целесообразность все же возобладала. Одолев Шетарди и Лестока, французских агентов влияния, Бестужев выстроил свою «систему» сдерживания Фридриха Прусского, который всех очень пугал непредсказуемостью и напористостью. В 1746 году Петербург и Вена подписали оборонительный договор, направленный прежде всего против Пруссии.

Хоть Пруссия в это время уже не воевала, Австрия и ее союзники уговаривали императрицу прислать войско против французов. Англия сулила заплатить за это большие деньги российской казне, а пока подкармливала взятками-«субсидиями» канцлера Бестужева, и тот очень усердствовал.

В конце концов императрица уступила – дала разрешение отправить к Рейну 36-тысячный экспедиционный корпус, но войны Франции так и не объявила. Отпала необходимость.

Изменение баланса сил побудило Францию отказаться от продолжения борьбы. В 1748 году война за австрийское наследство наконец завершилась. Единственным, кто извлек из нее пользу, оказался король Фридрих. России же в конечном итоге удалось поддержать свой международный престиж без существенных затрат. В тот раз дело ограничилось военной демонстрацией.

Неизбежность войны

«Бестужевская система» была обоснована в главном своем тезисе: опасливом отношении к Пруссии. Король Фридрих действительно вынашивал планы превращения своего королевства в империю, которая соберет вокруг себя всю Германию и станет первой державой Европы. (Этот проект осуществится век спустя, а в XX столетии приведет к двум мировым войнам.)

Но многоумный российский канцлер просчитался в стратегии. Он исходил из того, что старинная вражда Франции с Австрией непреодолима, поэтому во всем старался противодействовать Версалю. По той же логике Бестужев считал естественным союзником России извечно антифранцузскую Британию. К тому же английский король, являясь владетелем немецкого Ганновера, тоже опасался прусской агрессии. В 1750-х годах между британским и русским правительствами шла долгая торговля из-за того, сколько денег заплатят англичане Петербургу за содержание на прусских границах большого контингента войск. Наконец договорились: за 100 тысяч фунтов в год Россия расквартирует в Прибалтике 40 тысяч пехоты, 15 тысяч конницы и галерный флот. В случае нападения Фридриха на Ганновер вся эта сила должна ударить по пруссакам, за что будет аккордно выплачено еще полмиллиона. Конвенцию подписали в сентябре 1755

года, а четыре месяца спустя – гром среди ясного неба – Англия и Пруссия вдруг заключают военный союз и становятся лучшими друзьями.

Это событие, получившее в истории название «Дипломатической революции», повлекло за собой распад всех сложившихся альянсов, что в свою очередь привело к новой большой войне не только за европейское, но и за колониальное господство.

Истоки конфликта находились очень далеко от России – в Северной Америке, где французские интересы столкнулись с британскими. Стычки между колонистами обеих держав и их индейскими союзниками до того обострились, что в мае 1756 года Англия объявила Франции войну.

Для того чтобы решиться на такой шаг, Англии требовалось прикрыть свои немецкие владения от французского вторжения, и британские дипломаты разыграли смелую комбинацию. Чем платить большие деньги русским за защиту от Фридриха, не дешевле ли и надежнее договориться с самим Фридрихом? Предложение было сделано и с удовольствием принято. Пруссия объявила себя гарантом безопасности Ганновера.

Дешевле и надежнее, правда, не получилось, потому что англо-прусское сближение привело в панику все европейские дворы. Уже воевавшая Франция полностью поменяла свой курс и пошла на сближение с Веной. Еще больше заволновались в Петербурге – вся «бестужевская система» разваливалась. Фридрих II рассчитывал, что русский канцлер с его проанглийской ориентацией сумеет удержать Россию от вмешательства в войну, но британский демарш сильно подорвал позиции Бестужева. Англия, которую он всегда поддерживал и от которой получал деньги, оказывалась врагом, а злодейская Франция, с которой Россия в 1748 году даже разорвала дипломатические отношения, – другом. Горше всего для Алексея Петровича было то, что выходили правы его главный аппаратный враг вице-канцлер Воронцов и Шуваловы, всегда выступавшие за сближение с Версалем.

Единственное, в чем сходились обе придворные партии – во враждебном отношении к королю Фридриху. И с этого момента Россия резко меняет свою дипломатическую стратегию: раз мирное

сдерживание не сработало, нужно готовиться к войне. Империя на то и империя, чтобы отстаивать свои интересы при помощи оружия.

Из сочинений некоторых отечественных историков может сложиться впечатление, что в 1756 году «скоропостижный» Фридрих («великим» его тогда еще не называли) ни с того ни с сего развязал агрессивную войну против своих соседей. С одной стороны, так и было – он ударил первым. С другой стороны, прусский король прав, когда пишет в своих мемуарах, что ему не оставили иного выхода. Фридрих пока не стремился к дальнейшей экспансии, он желал лишь удержать захваченную Силезию, благодаря которой его королевство стало в полтора раза больше и в два с половиной раза населеннее. С трех сторон окруженный враждебными странами – Австрией, Россией, Саксонией, а теперь еще и Францией, – он остро чувствовал уязвимость своего положения. Прусская армия была хороша, но по размеру втрое уступала объединенным силам противника, да и сражаться ей пришлось бы сразу на нескольких театрах. На английскую поддержку надеяться не приходилось – островная держава была сильна флотом, но не сухопутными войсками.

Активную подготовку к войне с весны 1756 года начал не Берлин, а Петербург, где наконец твердо решили покончить с «прусской проблемой». Правительство Елизаветы предложило австрийцам напасть на Фридриха II с тем, чтобы Вена вернула себе силезские земли. К прусской границе один за другим потянулись полки, из которых должна была составиться 80-тысячная армия.

Австрийцы, помня о поражениях предыдущей войны, колебались, просили отсрочки до следующего лета, а тем временем обсуждалось заключение тройственного российско-австрийско-французского союза.

Все эти небыстрые, но зловещие приготовления, конечно, отслеживались Фридрихом, который называл зарождающийся антипрусский альянс «Союзом трех шлюх» (Metzen), имея в виду Елизавету, Марию-Терезию и маркизу де Помпадур, фаворитку Людовика XV, которая в значительной степени определяла французскую политику.

Однако шутки шутками, но перспектива войны на всех направлениях сильно тревожила короля, и он решил опередить

неприятелей, чтобы, по крайней мере, сократить число потенциальных фронтов.

Сначала он все же попробовал избежать столкновения, задав через своего посла прямой вопрос императрице австрийской: зачем она перемещает войска к границе и не собирается ли напасть на Пруссию? Когда же австрийцы ответили, что слухи об антипрусском союзе ошибочны, Фридрих, зная, что это ложь, перешел к действиям. Как обычно, он не озаботился объявлением войны. «При обычном течении дел не надобно удаляться от этих формальностей, – напишет он впоследствии, оправдывая свою нерыцарственность, – однако нельзя подчиняться им в случаях чрезвычайных, где нерешительность и медленность могут все погубить и где можно спастись только быстротою и силой».

Фридрих даже завел себе трех охотничьих собак: Елизавету, Марию-Терезию и Маркизу Помпадур. *И. Сакуров*

Операция, направленная против Саксонии, была проведена блестяще, в стиле будущих германских «блицкригов». Пока отдельный прусский корпус отвлекал на себя австрийцев, король с основными силами захватил Дрезден и разоружил саксонскую армию. Все это заняло полтора месяца – поразительная скорость при медленности тогдашних войсковых передвижений.

Одним врагом у Фридриха стало меньше, зато пришли в движение остальные. Конфликт расширялся во все стороны, и скоро война приняла воистине планетарный размах. В ней примут участие с одной стороны Пруссия, Англия, Португалия и несколько немецких княжеств, с другой кроме Австрии, Франции и России еще Швеция с Испанией. Сражения будут происходить не только в Европе, но и на морях, в Северной и Южной Америке, в Индии и даже на Филиппинах. Погибнет, по разным оценкам, от полутора до двух миллионов человек.

В этой семилетней эпопее нас прежде всего интересуют события, в которых непосредственно участвовала Россия. На них мы и остановимся подробнее, кампания за кампанией, лишь в общих чертах следя за ходом войны на других европейских фронтах и вовсе не касаясь колониальных территорий.

Кровавая и нелепая

1756 год

Быстро присоединиться к войне у русских не получилось – и не только из-за географической отдаленности. После долгих лет мира армия пришла в довольно запущенное состояние. Полки были недоукомплектованы, дисциплина расшаталась, поход в осеннюю распутицу всем представлялся делом невыполнимым (а вот Фридриха это не останавливало). Плохо было и с боевыми генералами. Полководцев аннинской поры, Миниха и Ласси, уже не было: первый томился в ссылке, второй умер. Елизавета назначила главнокомандующим Степана Апраксина, креатуру канцлера Бестужева. Фельдмаршал состоял президентом Военной коллегии, но армиями никогда не командовал. Хорошо маневрировать он умел только при дворе.

Одним словом, в этом году русские пока еще запрягали и воевали с Пруссией лишь словесно. С. Соловьев цитирует публицистику, печатавшуюся в «Санкт-Петербургских ведомостях» – возможно, это первая в России попытка воздействовать на общественное мнение, которое, стало быть, уже начинает иметь значение. О Фридрихе газета писала с витиеватой суровостью: «…Может статься, что мы еще и

такого времени доживем, когда все европейские державы устрашатся видеть такого принца, который под ложными виды и закрытыми намеряется вместо праведных законов такие от себя правила ввести, которые, кроме ненасытного желания и зависти или кроме ложного мнения о славе, другого основания себе не имеют. А сия страсть в таком монархе крайне опасна, который свою власть и силу на зло употребляет». Раньше напечатали бы лубок, обозвали «антихристом», и дело с концом. Все-таки нравы при Елизавете заметно усложнились.

Тем временем Фридрих увеличил свою армию за счет саксонских солдат, а британцы собрали на севере, в Ганновере, войско немецких наемников.

1757 год

Но и в следующем году русская армия очень долго раскачивалась. Общая сонливость эпохи сказывалась и на манере воевать. Поэтому основные события разворачивались на других фронтах, где Фридриху II приходилось туго.

> Он попробовал использовать тот же прием во второй раз: вслед за Саксонией быстро вывести из борьбы Австрию. Но без элемента неожиданности затея не сработала, да и противник был посерьезней.
>
> В начале года пруссаки вторглись на неприятельскую территорию сразу с четырех направлений, разбили одну австрийскую армию и захватили Прагу, но Вена прислала свежее войско, и оно заставило Фридриха попятиться.
>
> Тут наконец завершила военные приготовления Франция и вторглась в Ганновер, разгромив нанятые Англией войска и угрожая коренным прусским землям.
>
> Фридрих кинулся на север, в битве при Росбахе нанес французам поражение, но в это время перешли в наступление австрийцы, а их союзники шведы высадились в Померании.
>
> Прусскому королю пришлось, не добив французов, торопиться в обратном направлении. Он победил австрийцев и помчался к Балтике отгонять шведов.

Надо сказать, что во всей этой сумбурной войне носился и спешил один Фридрих, все остальные участники действовали медленно и неповоротливо. Только за счет этого Пруссия как-то и держалась.

Самыми вялыми оказались русские. Фельдмаршал Апраксин дождался, когда закончится весенняя распутица и двинулся с места лишь в мае, причем небольшое расстояние от Курляндии до Пруссии одолевал почти два месяца, ссылаясь на узость дорог и «сильные жары». Многие (вероятно, небезосновательно) считали, что Апраксин тянет нарочно. Императрица хворала, наследник симпатизировал пруссакам, и многоумный фельдмаршал глядел в будущее.

Все же наступление развивалось и почти не встречало сопротивления, поскольку противник был занят другими фронтами. Русская армия при поддержке флота заняла важный порт Мемель (современная Клайпеда).

В конце концов, пришлось и сражаться, потому что навстречу ускоренным маршем двигался корпус старого фельдмаршала Иоганна фон Левальда. У него имелось вдвое меньше солдат, но пруссаки рассчитывали на легкую победу, потому что были очень невысокого мнения о боевых качествах российской армии.

На рассвете 19 (30) августа у восточнопрусской деревни Гросс-Егерсдорф под прикрытием густого тумана Левальд внезапно атаковал русские колонны пехотой и кавалерией с обоих флангов и с тыла. Одни части приняли удар стойко, другие в беспорядке отступили, и неизвестно, чем кончилось бы дело, если б не решительные действия молодого генерал-майора Петра Румянцева (будущего победителя турок). Со своими четырьмя полками он без приказа ударил в штыковую и повернул ход несчастно начавшейся битвы. Прусские полки смешались, стали отступать. Их план провалился.

Но после этой удачи Апраксин вдруг повернул обратно к реке Неман, ссылаясь на нехватку провианта, изнурение кавалерии и изнеможение пехоты. Считается, что фельдмаршала побудило к отступлению письмо его покровителя Бестужева-Рюмина, который со дня на день ждал Елизаветиной кончины и желал отличиться перед новым императором. Но, как уже говорилось, царица поправилась, а Бестужев угодил под суд. Вместе с ним пал и Апраксин, смещенный с

командования и заточенный в тюрьму, где он через несколько месяцев умер.

Нового главнокомандующего не прислали из Петербурга, а взяли из находившихся в армии генералов. Виллим Фермор, родом шотландец, отличился в турецкую войну и слыл человеком храбрым, но как бывший адъютант опального Миниха не пользовался доверием при дворе.

В целом же кампания 1757 года при множестве кровопролитных боев ни одной стороне перевеса не дала и лишь продемонстрировала, что борьба будет долгой.

1758 год

Союзники требовали от Петербурга, чтобы Россия активнее участвовала в войне, и Фермор, в отличие от Апраксина не имевший тайных политических мотивов, повел себя деятельно. Он не стал дожидаться лета, а начал наступление еще в январе. Впрочем, и при новом командующем русская армия оставалась не особенно стремительной. Почти не защищенную Восточную Пруссию, протяженность которой составляла лишь триста километров, войска завоевывали почти пять месяцев. Потом двинулись в сторону Берлина, в среднем преодолевая пять километров за день, но застряли у крепости Кюстрин.

Порядку в полках стало немного больше, но состояние армии продолжало оставаться неважным. Участник похода князь Александр Прозоровский, будущий фельдмаршал, рассказывает в своих записках, что «дисциплина приняла некоторый вид», «выключая малые солдатские шалости, по-французски marode называемые».

Хуже всего с дисциплиной было в так называемом Обсервационном корпусе, составлявшем значительную часть армии. Создание этого контингента было очередным прожектом неутомимого Петра Шувалова. Осенью 1756 года он придумал некое элитное тридцатитысячное войско, которое будет особенным образом экипировано и вооружено невиданным количеством пушек (разумеется, шуваловских). На эту затею граф получил из казны огромную сумму, больше миллиона рублей. Полки Обсервационного корпуса, наскоро

укомплектованные, почти не обученные и в конечном итоге очень скверно вооруженные, были самой слабой частью армии. Положение усугублялось еще и тем, что Петр Иванович командовал корпусом лично – но с дистанции, из Петербурга, эпистолярно.

И вот навстречу этому рыхлому, медлительному войску, спасая свою столицу, отправился сам король Фридрих. Он быстрым маршем прошел пол-Германии, за одну ночь форсировал Одер чуть ниже Кюстрина и немедленно атаковал Фермора.

Четырнадцатого (25) августа у деревни Цорндорф развернулась хаотичная и чрезвычайно кровопролитная баталия.

Несмотря на численное преимущество, русские вели себя пассивно, и Фридрих наскакивал на них со всех сторон, энергично используя свою знаменитую конницу. Шуваловский корпус, как и следовало ожидать, проявил себя неважно. Все правое крыло обороны пришло в расстройство, причем шуваловцы даже не побежали, а кинулись грабить повозки с вином, перепились, стали бить собственных офицеров. Однако центр и левое крыло русской армии держались и не отступали.

Ветер в сочетании с галопирующей кавалерией окутали поле боя огромным облаком пыли, в которой ничего не было видно. До темноты все рубились и резались в рукопашную. Потери были ужасающими: русские потеряли почти половину личного состава, пруссаки – треть. (Пропорционально это больше, чем при Бородине). В неразберихе попали в плен пять русских генералов, зато Фридрих лишился части своих пушек.

Хотя сражение, в общем, завершилось безрезультатно, Фермор решил, что оно проиграно, снял осаду Кюстрина, а затем вообще отступил на север, отказавшись от наступления на Берлин, так что прусский король смог спокойно заняться другими фронтами.

> Там борьба шла с переменным успехом. Сначала Фридрих попытался наступать в Австрии, но для успеха ему не хватило сил, и он отступил. В сентябре австрийцы захотели воспользоваться тем, что король воюет с русскими, и вторглись в Саксонию. Фридрих за семь дней добрался туда от Цорндорфа, но его тридцатитысячная армия не смогла удержаться против восьмидесятитысячной австрийской. Зато

и австрийцы не сумели воспользоваться победой – они вернулись на свою территорию.

Таким образом, на юге и востоке пруссаки в основном сдерживали более сильного противника, но на северо-западе, действуя против французов вместе со своими английскими и германскими союзниками, они добились серьезных успехов: отвоевали Ганновер и трижды побеждали в сражениях.

1759 год

Всю зиму русская армия бездействовала и зашевелилась только на исходе весны. В июне она наконец приблизилась к прусским рубежам – и тут Виллима Фермора заменили шуваловским ставленником Петром Салтыковым, который ранее командовал проблемным Обсервационным корпусом. С. Соловьев пишет: «Фермор почему-то славился искусством военным. Петр Семенович Салтыков ничем не славился».

Но Семилетняя война выявила одно замечательное качество русской армии: хоть командование у нее никуда не годилось, рядовые солдаты отличались стойкостью и упорством. В этом отношении российское войско являлось прямой противоположностью прусскому. Фридрих Великий делал ставку на инициативных военачальников, отводя нижним чинам функцию покорных автоматов. Поэтому пруссаки с легкостью пополняли свои ряды за счет пленных – какая разница, кого гонять палками в сражение? В результате полки Фридриха отлично проявляли себя в маневрировании и регулярном бою, но, когда ломался строй, легко поддавались панике. Русские же хорошо дрались и предоставленные сами себе – особенно в обороне.

Вот почему даже при «ничем не славном» командующем оказалась возможна победа при Кунерсдорфе, главный успех русского оружия в этой войне.

В августе на Одере силы союзников соединились; в совместной русско-австрийской армии насчитывалось 64 тысячи солдат – не столь уж значительное превосходство перед пятидесятитысячной армией Фридриха. Этот искусный полководец одерживал победы и при худшем соотношении сил.

Салтыков, разумеется, готовился только отбиваться: расположил свои войска на укрепленных высотах. Инициатива все время была у Фридриха.

Битва при Кунерсдорфе. *А. Коцебу*

Первого (12) августа он навел мосты через Одер, идеально провел переправу. Ловко расставленная артиллерия легко подавила русские батареи, расположенные бестолково, в низине. Потом король, собрав силы в кулак, обрушил удар на левый фланг обороняющихся (где по несчастью находился все тот же шуваловский корпус), разметал его, потеснил и центр, взял 180 пушек и пять тысяч пленных. Казалось, битва триумфально выиграна.

Но там, где всё зависело не от распоряжений начальства, а от солдатской стойкости, коса нашла на камень. На одной из высот русские встали намертво, и сбить их с места оказалось невозможно, сколько пруссаки ни пытались. Когда атакующая конница, понеся тяжелые потери, опрокинулась на пехоту, та побежала, и остановить охваченную паникой толпу, которой уже никто не управлял, было

невозможно. Русская и австрийская кавалерия рубила бегущих. Под Фридрихом убили трех лошадей, он сам еле унес ноги.

Разгром был ужасающим. У короля от всей армии осталось не более трех тысяч человек. Невозвратные потери обеих сторон были примерно одинаковыми (по 15–20 тысяч), но многие прусские солдаты служили подневольно и теперь предпочли дезертировать. «Я не переживу этой жестокой неудачи, – писал Фридрих графу фон Финкенштайну, который в случае гибели монарха должен был стать регентом. – Хуже самой битвы будут ее последствия. У меня не остается резервов, и – признаюсь честно – я думаю, что всё пропало. Гибели отечества я не переживу. Навсегда adieu!».

А дальше произошло нечто очень странное – то, что Фридрих в одном из следующих писем назовет «Mirakel des Hauses Brandenburg» («Чудо, спасшее Бранденбургскую династию»).

Союзники перессорились между собой и вместо того, чтобы пойти на беззащитный Берлин, разошлись в противоположные стороны: русские на север, австрийцы на юг.

Самым ценным качеством Фридриха Великого был даже не полководческий талант, а кипучая энергия. Справившись с отчаянием, он наскоро собрал новую армию и продолжил борьбу, хотя после Кунерсдорфа сил на масштабные предприятия у него уже не хватало.

Не менее важные события происходили на франко-английском театре войны, где всё складывалось прямо противоположным образом: союзники Фридриха все время побеждали.

Год начинался с того, что французы готовились высадиться десантом в Англии, но потерпели несколько тяжелых поражений на морях и остались почти без флота. Это дало Фридриху надежду на заключение не слишком убыточного мира. Британия тоже была не против окончания дорогостоящего конфликта. Не хотела продолжать войну и сильно потрепанная Франция.

Но у Австрии и России после Кунерсдорфского триумфа разыгрался аппетит: первая требовала Силезию, вторая – Восточную Пруссию. На такие условия Фридрих согласиться не мог.

Война продолжилась.

1760 год

В этом году сняли и Салтыкова, потому что он предложил чересчур робкий план кампании: ни в коем случае не вступать в генеральную баталию, ежели не будет «гораздо превосходнейших сил», и вообще подождать, пока прусская армия сама собой придет в полнейшее изнеможение.

Государыне такой план не понравился. Она велела наступать, но насчет генеральных сражений согласилась – рисковать незачем.

Со столь двусмысленной инструкцией в командование вступил фельдмаршал Александр Бутурлин, про которого участник похода, впоследствии автор известных «Записок» Андрей Болотов пишет: «Сие известие привело нас всех в изумление, и мы долго не хотели верить, что сие могло быть правдою. Характер сего престарелого большого боярина был всему государству слишком известен, и все знали, что не способен он был к командованию не только армиею, но и двумя или тремя полками. Единая привычка его часто подгуливать и даже пить иногда в кружку с самыми подлыми людьми наводила на всех и огорчение, и негодование превеликое. А как, сверх того, он был неуч и совершенный во всем невежда, то все отчаивались и не ожидали в будущую кампанию ни малейшего успеха, в чем действительно и не обманулись».

Единственное значимое событие произошло, когда Бутурлин еще не добрался до ставки: русские взяли Берлин. Это звучит очень пышно по ассоциации с 1945 годом, но на самом деле происшествие было не особенной важности. Во-первых, для Фридриха столицей было место, где находилась его походная палатка, а городом Берлином он не слишком дорожил. Во-вторых, Берлин в этой войне один раз уже брали австрийцы и потом ушли оттуда, взяв с жителей контрибуцию. В-третьих, точно так же повели себя и русские: 9 октября приняли капитуляцию, собрали с горожан 200 тысяч талеров (больше, чем австрийцы), а сразу после этого ретировались, поскольку к Берлину двигался Фридрих.

Прусский король был занят восстановлением армии и довел ее до 200 тысяч солдат, в основном необученных рекрутов и военнопленных. Несмотря на низкое качество своих войск он сумел одержать победу над австрийцами в Силезии, но лишился Саксонии и поспешил туда, чтобы отвоевать эту важную область обратно.

Главная битва 1760 года состоялась между пруссаками и австрийцами 3 ноября при Торгау, где Фридрих опять победил, но, не имея привычки щадить «пушечное мясо», положил чуть не половину своих солдат. Зато вернул себе почти всю Саксонию.

Семилетняя война. *М. Романова*

1761 год

Шестой год войны все участники встретили сильно истощенными. Относительно спокойные времена для российской казны остались в

прошлом. На армию требовалось два с лишним миллиона рублей, а казна могла выделить меньше полутора. В этих условиях матушка государыня проявила высокую самоотверженность: объявила, что не сложит оружия, даже если будет вынуждена продать половину своих бриллиантов и платьев (а последних у нее, напомню, имелось до пятнадцати тысяч).

Но обошлось без таких жертв. Нехватка снабжения армии компенсировалась скудостью ее действий. Фельдмаршал Бутурлин по большей части стоял на месте. Лучше всех проявил себя Румянцев, герой Гросс-Егерсдорфа: он осадил и взял порт Кольберг, очень важный по своему расположению – туда могли прибывать морем подкрепления и припасы.

> Фридриху II приходилось проявлять виртуозную маневренность, чтобы затыкать дыры на всех своих фронтах. Пруссаки два раза – в июле в Силезии, потом в октябре в Саксонии – били австрийцев и два раза в западной Германии французов, но, несмотря на это, их дела были плохи. Война явно клонилась к несчастливому для Фридриха финалу.
>
> В прусской армии суммарно оставалось чуть больше ста тысяч человек, а надо было держаться на востоке против 90 тысяч русских, на юге против 140 тысяч австрийцев и на западе против 140 тысяч французов. Может быть, осторожный Салтыков был не так уж и не прав, когда призывал дождаться вражеского изнеможения.

И вдруг всё, словно по мановению волшебной палочки, переменилось. Двадцать пятого декабря в Петербурге скончалась императрица Елизавета. В тот же самый день от ее преемника Петра III к Фридриху помчался гонец с предложением «возобновления, распространения и постоянного утверждения между обоими дворами к взаимной их пользе доброго согласия и дружбы». Россия выходила из войны сепаратно, без каких-либо условий, из одного лишь преклонения нового самодержца перед великим героем.

Прусский король справедливо нарек этот подарок судьбы «вторым чудом Бранденбургской династии».

Теперь для Пруссии открывались новые перспективы.

Война после этого длилась еще много месяцев, но, поскольку Россия в ней больше не участвовала, ограничимся лишь подведением итогов.

Победа досталась англо-прусской коалиции, причем в первую очередь Англии, потому что Фридрих всего только – ценой огромных потерь и полного разорения – сумел сохранить за собой Силезию, Британия же присоединила обширнейшие колонии в Америке и Индии. Собственно говоря, именно Семилетняя война превратила островное государство в настоящую мировую империю.

Россия, потеряв сто тридцать восемь тысяч солдат, никаких территорий не обрела, но все же, как ни странно, главная цель войны была ею достигнута: истощенная Пруссия временно оставила имперские амбиции и уже не представляла опасности для больших соседей (только для маленьких).

Места для новой империи в Европе пока не хватило. Эти времена настанут позже.

Часть третья
Великое время

Власть

Грустная сказка

Чтобы период национальной истории оказался великим, то есть сопровождался бы грандиозным рывком в развитии, необходимы два условия: во-первых, готовность и даже насущная потребность страны к подобному прорыву и, во-вторых, наличие лидера или лидеров, способных возглавить и направить это движение.

Первое условие к началу 1760-х годов в России вполне созрело, а, пожалуй, что и перезрело. Бывшее московское царство превратилось в империю уже несколько десятилетий назад, и за это время новая государственная система, изжив петровские эксцессы и залечив травмы, вполне утвердилась. Империя немного пошаталась, но в конце концов твердо встала на ноги и теперь могла шагать дальше. Если марш не состоялся, то лишь из-за того что вторая нога хромала: русские самодержцы, а вернее самодержицы, по масштабу личности мало соответствовали потенциям великой державы, раскинувшейся от Балтики до Берингова пролива и окруженной либо слабыми соседями, либо весьма условными границами.

Изменение произошло, когда во главе государства наконец оказалась правительница пускай не петровской энергии, но зато гораздо большего здравомыслия, главное же – чей ум был устремлен не на мелкое, как у Анны или Елизаветы, а на грандиозное. Екатерина II *хотела быть великой*, и ее амбиции совпали с вектором, на который была нацелена модернизированная евразийская империя.

Эта женщина не обладала ни выдающимися талантами, ни предвидением, ее планы сплошь и рядом оказывались непродуманными, но она *высоко целила* и умела, промахнувшись, скорректировать прицел – этих качеств для величия оказалось достаточно.

Следует лишь оговориться, что применительно к стране величие вовсе не означает счастья и благополучия жителей. Во всяком случае не в России. Исторически это всегда была довольно странная великая держава, в которой обогащение государства вполне могло сопровождаться обнищанием населения, а громкие военные победы не

сопровождались материальными выгодами. Екатерининское величие продемонстрировало эту грустную истину не менее наглядно, чем величие петровское, и привело к огромному народному восстанию, настоящей крестьянской войне.

Верно и другое: в «великие времена» тяжело жить, но про них интересно рассказывать.

Повесть о том, как дочь мелкого немецкого князька стала великой государыней великой империи, – это очередная волшебная сказка, на которые так щедра русская история XVIII столетия. Судьба второй Екатерины по-своему не менее удивительна, чем судьба первой. Та, конечно, начинала совсем уж из ничтожества, зато вторая взлетела на куда бóльшую высоту и оставила неизмеримо более глубокий след в истории.

Фортуна вела с Софией-Августой-Фредерикой Ангальт-Цербстской (так звали принцессу) какие-то очень непростые игры. Ее отец, владетель карликового северогерманского княжества площадью в тысячу квадратных километров, был небольшим начальником в армии тогда еще очень скромного королевства Пруссия. Эта отцовская служба и стала первопричиной последующих событий.

В начале 1740-х годов антипрусская «система» Бестужева-Рюмина в российской политике еще не утвердилась, и Елизавета Петровна подумывала женить своего юного наследника Петра Федоровича на сестре нового прусского короля Фридриха II. Но, по выражению С. Соловьева, «Фридриху жаль было расходовать свою сестру на русских варваров», и взамен он предложил прислать в Петербург дочь одного из своих генералов, фюрста Ангальт-Цербстского. Помогло то, что девочка были племянницей несостоявшегося мужа Елизаветы, Карла Гольштейн-Готторпского, умершего накануне свадьбы – для сентиментальной императрицы это имело значение. Она согласилась взглянуть на захудалую принцессу, и София-Августа-Фредерика в сопровождении матери отправилась за тридевять земель на смотрины. Вот и всё, что сделала для четырнадцатилетней немки Фортуна. Дальнейшее – заслуга самой девушки.

В то время как мать настроила против себя царицу и двор своей сварливостью и мелочностью, юная Фикхен (уменьшительное от Фредерики) совершенно очаровала Елизавету, и прежде всего тем, что всячески демонстрировала истовое желание перестать быть

иностранкой и сделаться русской. То ли по природной сметливости, то ли в силу врожденного такта девочка выбрала самый правильный для тогдашнего Петербурга стиль поведения. Она старательно учила язык и молитвы, а когда тяжело заболела и ее хотели причастить, попросила позвать православного священника и тем окончательно завоевала сердце государыни. Ее такая невеста вполне устраивала, а жениха никто не спрашивал.

Интересно, что уже в этом возрасте Екатерина Алексеевна (так принцессу стали звать после перемены религии) мечтала не о романтической любви, а совсем о другом. «В ожидании брака сердце не обещало мне много счастья. Одно честолюбие меня поддерживало; у меня в глубине сердца было что-то такое, что никогда не давало мне ни на минуту сомневаться, что рано или поздно я сделаюсь самодержавной повелительницей России», – рассказывает она в своих «Записках». Так всё и будет: мало счастья, но много величия.

Портрет юной Екатерины в охотничьем костюме. *Г.-Х. Гроот*

Семнадцатилетнего жениха и шестнадцатилетнюю невесту обвенчали в августе 1745 года. Принц, доставшийся ангальтской Золушке, оказался совсем не сказочным.

> Бывший Карл-Петер-Ульрих, а ныне Петр Федорович может считаться классической жертвой антипедагогического воспитания, в котором все было перепутано: в годы, когда ребенку требуются любовь и ласка, мальчика держали в ежовых рукавицах и всячески унижали, а начиная с переходного возраста, когда нужна дисциплина, его окружили раболепным почтением и вконец испортили.
>
> В одиннадцать лет он остался круглым сиротой и попал под опеку грубого, неумного воспитателя голштинского обер-гофмаршала Отто Брюммера. Тот при малейшей провинности бил своего подопечного по щекам, лупил хлыстом, ставил коленями на горох, прицеплял ослиные уши и так далее. В то время никто не помышлял, что Карл-Петер может унаследовать российский престол, поэтому учили его не русскому языку, а шведскому – принц ведь считался претендентом на шведскую корону. Но и она ему не светила. Маленькое, бедное, ополовиненное Данией голштинское княжество – вот все, на что он мог рассчитывать.
>
> Когда же четырнадцати лет отрок вдруг был объявлен наследником великой империи и переселился в Петербург, всё переменилось. Петр словно кинулся наверстывать свое непрожитое детство, да так в этом состоянии и зафиксировался. По меткому выражению В. Ключевского, «на серьезные вещи он смотрел детским взглядом, а к детским затеям относился с серьезностью зрелого мужа».

Попытки приобщить наследника к российским государственным делам были тщетными. В восемнадцать лет он был введен в состав Конференции, высшего правительственного органа, но скучал в нем – зато с большим увлечением, дважды в неделю, заседал с министрами своего крошечного герцогства, которым управлял с расстояния в 2000 километров.

Имея возможность командовать настоящими армейскими соединениями, Петр предпочитал муштровать на прусский манер свою

карманную голштинскую воинскую команду, а еще лучше – играть в солдатики с дворцовыми лакеями. Он обожал всякие мелкие шалости и проказы, в церкви передразнивал священников, скакал по дворцу на одной ножке, эпатировал своими выходками придворных дам, а однажды провертел в стене дырку, чтобы подглядывать за императрицей. Та, рассказывают, горько плакала, видя, каков у нее наследник.

Впрочем безжалостные оценки Петра Федоровича, каковых сохранилось великое множество, не следует воспринимать с абсолютным доверием. Почти все они относятся уже к времени Екатерины, которой было выгодно изображать свергнутого супруга ничтожеством и идиотом. Как мы увидим, действия Петра III в качестве императора не соответствуют этому установившемуся образу. И все же нужно сильно постараться, чтобы выудить из воспоминаний современников что-то положительное об этом царе-неудачнике. Князь Щербатов пишет, что Петр был «одарен добрым сердцем»; еще он отличался хорошей памятью и мог без запинки перечислить всех русских государей, начиная с Рюрика; знал несколько языков (хоть по-русски изъяснялся неважно); не любя отвлеченные науки, охотно изучал дисциплины практические вроде фортификации или баллистики, в чем был очень похож на своего великого деда. Вот, пожалуй, и все достоинства мужа, который достался Екатерине.

Сначала он пытался превратить жену в соучастницу своих ребяческих забав: учил делать манипуляции с ружьем, стоять на карауле, играл с нею в карты и в солдатики. Если бы целью Екатерины было супружеское счастье, она, вероятно, отнеслась бы ко всему этому с умилением, но, как мы помним, целью честолюбивой девушки являлась не любовь, а величие. Инфантилизм мужа вызывал у великой княгини только презрение. Меж ними возникло отчуждение, постепенно перешедшее во враждебность. Понадобилось чуть ли не десять лет, чтобы этот брак выполнил свою династическую задачу – произвел наследника. В 1754 году родился мальчик (ходили и до сих пор ходят слухи, что настоящим отцом был камергер Салтыков). Императрица велела назвать младенца Павлом и забрала его к себе. Екатерине разрешалось видеться с сыном редко, в присутствии государыни. Таким образом, ни настоящей жены, ни настоящей матери из молодой женщины не получилось. Рождение сына не улучшило, а

ухудшило ее положение. Теперь она исполнила свою функцию и стала никому не нужна. Третируемая мужем и царицей, окруженная наушниками и ябедниками, она вела печальное, полное унижений существование – и так длилось целых 18 лет.

Единственным утешением Екатерины (пока она не научилась заводить любовников) было чтение книг, питавшее ее ум и стимулировавшее, казалось, несбыточные мечты о великих деяниях. Начинала она с романов, потом перешла к чтению серьезному, сформировавшему ее взгляды. Это были в первую очередь сочинения французских просветителей: Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро, Д'Аламбера. «Никогда без книги и никогда без горя», – так описывала она свою уединенную жизнь.

Вела себя при этом великая княгиня очень умно – старалась со всеми ладить, была скромна и тактична, скрытна, осторожна, демонстративно набожна и патриотична. Сама она пишет об этом следующим образом: «Я не обнаруживала предпочтения ни в какую сторону, ни во что не мешалась, показывала всегда ясный вид, много предупредительности, внимания и учтивости ко всем, и так как я от природы была очень веселого нрава, то с удовольствием видела, что день ото дня приобретала более привязанности в публике, которая смотрела на меня как на интересную и неглупую молодую особу. Я оказывала большое почтение к моей матери, беспредельную покорность императрице, глубокое уважение к великому князю и прилагала величайшее старание снискать любовь публики».

Неудивительно, что со временем у супруги наследника появились серьезные союзники, рассчитывавшие ее использовать в политических целях. Царица постоянно болела, и большие люди тревожились за свое будущее. Шуваловы делали ставку на Петра; враждовавшие с ними Разумовские стали ориентироваться на Екатерину. Уже тогда, во второй половине 1750-х, многим приходило в голову, что она больше пригодна для роли монарха, чем легкомысленный голштинец. Бестужев-Рюмин, зная о пропрусских симпатиях наследника, развернул целую интригу в пользу Екатерины, что, как уже рассказывалось, закончилось для хитроумного канцлера политическим крахом. Попала в немилость и великая княгиня, чуть было не высланная из России. Свое положение Екатерина сохранила лишь благодаря ловкости и присутствию духа, но с тех пор постоянно находилась под подозрением и надзором. От своих

честолюбивых планов она, впрочем, не отказалась и стала заводить новых сторонников, о которых речь впереди. Была надежда на то, что Елизавета, очень недовольная своим беспутным наследником, передаст корону маленькому Павлу Петровичу, а Екатерина станет регентшей.

Возможно этим бы и закончилось, но царица умерла раньше, и на престол без каких-либо осложнений взошел давно утвержденный преемник.

Со смертью Елизаветы Петровны болезненная династия Романовых, ни один мужчина которой не дожил до старости, пресеклась окончательно (из десяти монархов двое, Екатерина I и Иоанн VI, строго говоря, не были Романовыми). На русском престоле утвердился Гольштейн-Готторпский дом, который во имя преемственности взял себе прежнее имя. Отныне и до самого конца империи страной правили самодержцы, доля русской крови у которых постоянно уменьшалась. Последний царь Николай II будет русским на полтора процента (что, впрочем, не сильно отличалось от ситуации с другими европейскими династиями, где было принято женить наследников на иностранных принцессах).

Короткое царствование Петра III

Репутация пустоголового ничтожества настолько приросла к супругу Екатерины, что, непредвзято рассматривая его действия в качестве самодержца, испытываешь некоторое удивление. За шесть месяцев своего правления Петр III успел не так уж мало, причем его решения и указы выглядят совсем не глупо.

Начнем с единодушно осуждаемого отечественными историками замирения с Фридрихом II. Принято считать, что из-за одного ребяческого преклонения перед великим полководцем новый русский император свел на нет все жертвы и траты четырех лет войны, отказавшись от территориальных приобретений и избавив Пруссию от неминуемого разгрома. Однако тут возникают вопросы. Курляндия, которую желала присоединить Елизавета Петровна, и без того находилась в зоне российского влияния (впоследствии она войдет в состав империи безо всякого кровопролития). Что же касается Пруссии, то ее силы и так уже были подорваны, опасности это королевство более не представляло, а вот окончательное его уничтожение чрезмерно

возвысило бы Австрию и изменило баланс европейских сил. Вряд ли это было бы на пользу Российской империи. Самым убедительным доказательством разумности выхода русских из конфликта является то, что, захватив власть, Екатерина и не подумала возобновить боевые действия, хотя европейская война еще не завершилась.

Таким образом, Петр III дал своей державе мир и обеспечил ей на будущее очень выгодные позиции в Европе: ближайшие соседи, Австрия и Пруссия, во-первых, обе теперь находились в неплохих отношениях с Россией, а во-вторых, гораздо больше ослабленные войной, должны были относиться к ней как к старшему партнеру (чем вскоре и воспользуется Екатерина при разделе Польши). Чем же тогда, даже с имперской точки зрения, была дурна мирная инициатива Петра Федоровича?

Начал он свое правление еще и с того, что помиловал многих, кого репрессировали при Елизавете, то есть оказался милосерднее своей восхваляемой за доброту предшественницы. Вернулись из заточения и ссылки Бирон и Миних, изломанный на пытке Лесток, лишенные языка светские сплетницы Наталья Лопухина с Анной Бестужевой, равно как и многие другие. Единственный, кто не был прощен, – интриговавший против Петра Федоровича бывший канцлер Бестужев, но никаким новым гонениям его не подвергли. Опал вообще не было. Фаворит скончавшейся царицы Алексей Разумовский, враждебный Петру Федоровичу, просто переселился в свой дворец; его брат Кирилл остался при всех своих должностях.

В правительстве было несколько дельных людей: Иван Шувалов, Михаил Воронцов, тайный секретарь Дмитрий Волков. Последнего считают автором изданных в это время постановлений, среди которых не было ни одного вздорного, а несколько представляются почти революционными.

Одним из первых указов император отменил высокие цены на соль, установленные по инициативе прожектера Петра Шувалова, что сильно облегчило жизнь народа. Затем была упразднена зловещая Тайная канцелярия, причем в документе говорилось: «Ненавистное выражение, а именно “слово и дело”, не долженствует отныне значить ничего, и мы запрещаем: не употреблять оного никому». Поистине эпохальное событие! Отменялись преследования против старообрядцев, которым дозволялось беспрепятственно следовать

своей вере и обычаям, а тем, кто эмигрировал, дозволялось вернуться на родину. Был учрежден Государственный банк, которому поручалось напечатать бумажные деньги «яко самое лучшее и многими в Европе примерами изведанное средство» – важная веха в истории российского финансового дела.

Император Петр III. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Главное же – были приняты два закона, имевшие огромное историческое значение: о дворянской вольности («Дворянам службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают») и о секуляризации церковных земель, отчуждавшихся в пользу государства. Эти меры были подхвачены и реализованы уже при Екатерине, которая всю заслугу забрала себе, поэтому подробнее мы остановимся на них позднее.

Н. Павленко пишет, что за полгода этого царствования новых законов было обнародовано едва ли не больше, чем за двадцатилетнее правление Елизаветы. Когда же обрадованное предоставленной вольностью дворянство выразило желание собрать деньги на золотую статую благодетелю, Петр ответил: «Сенат может дать золоту лучшее назначение, а я своим царствованием надеюсь воздвигнуть более долговечный памятник в сердцах моих подданных».

Нет, этот человек в государственных делах определенно не был тем беззаботным дурачком, каким его изображают. Если же он не сумел воздвигнуть себе «долговечного памятника», то причина здесь состояла в беззаботности иного рода – неумении удержать на голове корону.

В качестве чуть ли не основной причины непопулярности Петра III поминают подготовку войны с Данией за чуждые русскому солдату голштинские интересы, но можно подумать, солдаты понимали, ради чего они прежде воевали с Пруссией. Ради того, чтобы Австрия вернула себе Силезию? К тому же до сражений дело скорее всего не дошло бы. Дания очень испугалась противостояния с Российской империей, которой к тому же обещал поддержку Фридрих, и выразила готовность участвовать в «негоциях» по голштинскому вопросу.

Причина краха заключалась в ином: Петр недооценил опасность своей жены и размеры ее честолюбия.

В записках Екатерины много написано про то, как ее унижал отвратительный супруг, заведший себе любовницу (племянницу канцлера Воронцова) и публично оскорблявший свою жену, кроткую овечку. И всё это правда. Но правда и то, что кроткая овечка, во-первых, тоже имела любовника, а во-вторых и в главных, замышляла свергнуть своего мужа. Вокруг нее возник заговор – даже два заговора. В первом участвовали большие персоны: граф Кирилл Разумовский и Никита Панин, видный дипломат, воспитатель наследника. Они ждали момента, когда царь отправится в датский поход, чтобы возвести на

престол маленького Павла Петровича. Скорее всего, из этого плана ничего не вышло бы, поскольку возглавляли его персоны неторопливые и очень осторожные. Но существовал и другой кружок, состоявший из людей несановных, обычных офицеров, зато решительности у них было в избытке, а опыт прежних гвардейских переворотов показывал, что горстка смельчаков вполне может захватить власть, если объединится вокруг хорошего претендента. Во главе тайного общества стояли братья Орловы, очень популярные в офицерской среде – прежде всего Григорий, возлюбленный Екатерины, и Алексей, самый предприимчивый и активный из всего этого напористого семейства. Они готовили свое отчаянное предприятие и все время расширяли круг сторонников, так что к концу заговорщиков набралось сорок человек и даже возникло нечто вроде правильной структуры из четырех «отделов».

Принято считать, что столь обширная организация осталась нераскрытой из-за беспечности Петра, очень некстати распустившего Тайную канцелярию, но вряд ли это так. Основной функцией упраздненного учреждения было внушать подданным трепет перед властью, а не защищать ее от покушений. С настоящими угрозами этот орган справлялся плохо. Напомню, что в 1741 году Тайная канцелярия не обнаружила еще более неряшливый заговор Елизаветы Петровны против тогдашнего правительства.

Петр III ускорил назревавший конфликт тем, что не скрывал своего намерения так или иначе отделаться от опостылевшей супруги. До Екатерины доходили тревожные слухи, что царь собирается не то посадить ее в крепость, не то упечь в монастырь – одним словом, развестись. Эти разговоры побуждали молодую женщину к действию. Как и в случае с Елизаветой, главной причиной переворота стал страх за будущее.

Молодые офицеры тоже торопили события. Петр неосторожно себя вел не только с женой, но и с гвардией, которой совершенно справедливо не доверял, называл ее «янычарством» и вслух сетовал, что она держит правительство в заложниках. Поговаривали, что император собирается вовсе отменить эти привилегированные части. Гвардейская среда была сильно раздражена – не в последнюю очередь еще и тем, что государь отдавал явное предпочтение чужакам, голштинским выходцам. Если уж Петр хотел провести реформирование

гвардии, надо было делать это быстро и твердо, а так получилась лишь игра со спичками.

Огонь вспыхнул неожиданно, в незапланированный момент. Столь широкий заговор, в котором участвовало множество не привычных к конспирации молодых людей, рано или поздно должен был по какой-нибудь случайности обнаружиться даже и без тайной полиции. Это и произошло 27 июня (8 июля), когда капитан Пассек, руководитель одного из четырех «отделов», вдруг был арестован. О заговоре начальство пока не знало, но кто-то сболтнул лишнее, и возникли подозрения.

Остальные офицеры пришли в страшное возбуждение, и Орловы взялись за дело, не спрашивая Екатерину – по сути дела поставили ее перед фактом.

События завертелись с невероятной скоростью.

В это время супруги жили порознь: Петр – в любимом загородном дворце Ораниенбаум, с фавориткой и своими любимыми голштинцами, Екатерина – в Петергофе. Туда рано утром следующего дня примчался Алексей Орлов, сержант-семеновец, и разбудил императрицу, сказав, что Пассек арестован и что «всё готово», надо ехать. Следует отдать Екатерине должное – в этот роковой миг она не отступилась, да и поздно было отступаться.

«Всё готово» означало лишь, что в Петербурге, в одной из гвардейских казарм, собралось два десятка заговорщиков. Они сначала подняли Измайловский полк, ничего толком солдатам не объяснив, а лишь заставив их кричать «Да здравствует императрица!». Отправились в следующий полк, Преображенский, где возникла было заминка – нашлись офицеры, не желавшие участвовать в бунте, но они оказались в меньшинстве, общее недовольство Петром возобладало.

Дальше пошло легче. Восстание росло, как снежный ком. Гвардейские части присоединялись к нему одна за другой, и к полудню Екатерина стала хозяйкой положения в столице. Она устроила нечто вроде сбора близ Казанского собора, куда явились уже и некоторые вельможи – в том числе гетман Разумовский и Никита Панин. Наскоро призванное духовенство отслужило молебен, Екатерину тут же провозгласили самодержавной императрицей. Сразу после этого в Зимний дворец истребовали всех наличных сенаторов и членов Синода, стали приводить их к присяге.

И всё же до победы пока было далеко. Поднялся лишь Петербург, а вооруженные силы заговорщиков ограничивались четырьмя гвардейскими полками. Законный император находился в безопасности, в окружении верной ему голштинской охраны, вся огромная империя и вся армия по-прежнему повиновались его воле. Прояви Петр твердость, и большинство сторонников Екатерины немедленно ее покинули бы.

Однако император сначала ничего не знал о происходящем, а когда узнал – растерялся. Он стал отправлять к супруге придворных с увещеваниями. Вельможи, прибыв в столицу и осмотревшись, немедленно перебегали в другой лагерь.

Тогда царь придумал отправиться в крепость Кронштадт, базу военного флота, но пока он метался и колебался, первыми туда добрались посланцы Екатерины, и Петру высадиться на острове не позволили.

Окончательно пав духом, он вернулся в Ораниенбаум. Предложил Екатерине править вместе, но вместо ответа прибыл отряд заговорщиков, и Петр без сопротивления сдался. Так же покорно он подписал отречение от престола: «…Помыслив, я сам в себе беспристрастно и непринужденно чрез сие объявляю не только всему Российскому государству, но и целому свету торжественно, что я от правительства Российском государством на весь век мой отрицаюся». С момента, когда Алексей Орлов разбудил Екатерину страшным известием, до финала прошло ровно 24 часа.

Переворот 1762 года. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Отрекшегося императора поместили под караул в имении Ропша. Долго оставлять в живых такого пленника было нельзя – ведь он был законный государь и внук Петра Первого.

Екатерине не пришлось отягощать свою совесть злодейскими распоряжениями. Достаточно было назначить начальником охраны понятливого и не склонного к чистоплюйству Алексея Орлова. Он всё и устроил.

Через несколько дней царица получила от своего распорядительного помощника такую записку: «Матушка, милосердная государыня, как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка, готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете, но никто сего не

думал, и как нам задумать поднять руки на государя! Но, государыня, совершилась беда. Он заспорил за столом с князем Федором; не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты. Помилуй меня, хоть для брата. Повинную тебе принес – и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил: прогневили тебя и погубили души навек».[2]

Кто именно убил пленника – двадцатилетний князь Федор Барятинский (впоследствии обер-гофмаршал) или кто-то еще – неизвестно, да и неважно. Датский дипломат Андреас Шумахер писал, что императора задушили ружейным ремнем. Наверное, так и было, потому что лицо покойника опухло и почернело, как бывает при удушении. Для похорон понадобилась косметическая обработка, потому что в официальном сообщении объявлялось (еще одно, уже посмертное глумление), что Петр умер от геморроидальной колики.

Судьба жестоко обошлась с так и не повзрослевшим любителем играть в солдатики. Не пожалела его и память потомков. Даже кумир бедного Петра Федоровича, облагодетельствованный им Фридрих проводил убитого презрительной ремаркой: «Он позволил свергнуть себя с престола, как ребенок, которого отсылают спать».

Легкость, с которой Петр лишился короны, а Екатерина ее обрела, в сущности, объясняется очень просто. Екатерина поставила всё на карту – и победила. Ее муж испугался – и заплатил не только престолом, но и жизнью. Таков уж был русский восемнадцатый век: сильным полом в ту эпоху были женщины.

Екатерина в жизни: достоинства

Набор личных качеств, убеждения, взгляды, пристрастия и фобии, которыми обладает абсолютный правитель, конечно же, всегда влияют на ход событий и, если правление оказывается долгим, влияние это может быть колоссальным. В восемнадцатом веке у России было два таких монарха, оба правившие больше трех десятилетий и оба нареченные «великими»: Петр Первый и Екатерина Вторая. На их

примере очень интересно изучать сакраментальный вопрос о роли личности в истории, потому что оба понимали эту роль очень по-разному и действовали в соответствии со своим самоощущением. Петр, если так возможно выразиться, пытался приспособить страну к особенностям своей натуры; Екатерина, наоборот, была готова менять себя, если чувствовала, что этого требуют обстоятельства. Она все время устанавливала границы достижимого методом проб и ошибок и всякий раз отступалась, если видела, что хочет невозможного. По действиям императрицы можно было бы составить руководство для самодержавных властителей, обучая их, в каких ситуациях допустимо проявлять свою личность, а в каких нельзя. (Как мы увидим, своему преемнику эту трудную науку Екатерина преподать не сумела.)

Поэтому наблюдать за личностной эволюцией царицы полезно еще и для лучшего понимания духа эпохи, за которым старательно следовала монархиня, осаживая себя всякий раз, когда начинала опережать историю или видела, что поворачивает в рискованном направлении. Таким образом, ее величие было совсем иного рода, чем у Петра, вечно действовавшего напролом, за что стране порой приходилось платить огромную цену.

Даже не любивший Екатерину князь Щербатов (ему вообще все русские монархи не нравились) сдержанно признает: «Не можно сказать, чтобы она не была качествами достойна править толь великой империей, естли женщина достойна поднять сие иго, и естли одних качеств довольно для сего вышнего сану». Французский же посол де Сегюр, тесно общавшийся с царицей, хорошо знавший (и перечисливший) все ее недостатки, в общей оценке почти восторжен. «Екатерина отличалась огромными дарованиями и тонким умом; в ней дивно соединились качества, редко встречаемые в одном лице», – пишет он. Приведу еще одно мнение, интересное тем, что оно принадлежит портретистке Элизабет Виже-Лебрен, смотревшей на императрицу взглядом художницы: «Прежде всего, я была страшно поражена, увидев, что она очень маленького роста; я рисовала ее себе необыкновенно высокой, такой же громадной, как и ее слава. Она была очень полна, но лицо ее было еще красиво: белые приподнятые волосы служили ему чудесной рамкой. На ее широком и очень высоком лбу лежала печать гения; глаза у нее добрые и умные, нос совершенно

греческий, цвет ее оживленного лица свежий, и все лицо очень подвижно…».

Как у всякого человека, у Екатерины были свои сильные и слабые стороны; о тех и других подробно рассказывают многочисленные мемуаристы – к царице всегда было приковано жадное и необязательно доброе внимание современников. Я опущу всякие любопытные, но несущественные подробности, (например, что от нее «сыпались искры», то есть у нее был аномально высокий уровень статического электричества; что она не понимала музыки, ибо не различала часть звуков, и прочее подобное), остановившись лишь на тех качествах, которые важны для главы государства.

Начну с позитивных.

Мнение французской художницы тем ценнее, что заказа писать государыню она не получила. Этот портрет – кисти англичанина Ричарда Бромптона

К их числу, прежде всего, относится трудолюбие. От своих венценосных предшественниц – ленивых, праздных, расслабленных – Екатерина отличалась исключительной работоспособностью, притом не лихорадочно-судорожного, как у Петра Первого, а ровного и систематического свойства. Она вникала во все дела, всем интересовалась, постоянно присутствовала на правительственных заседаниях, участвовала в составлении законов, а то и сама их писала. За свой рабочий день (невообразимое словосочетание для Анны или Елизаветы) Екатерина Алексеевна успевала сделать очень многое.

Ее обычный распорядок выглядел следующим образом.

Вставала она в шесть и два с половиной часа занималась у себя в кабинете одна: читала и писала. Потом еще два часа работала с секретарями. Далее следовал туалет – долгая и сложная процедура, но императрица и тут времени даром не теряла. Пока ее одевали, причесывали, пудрили и так далее, она принимала посетителей – по ее собственным словам, «болтаю с теми, которые в моей комнате», но случайных, без дела явившихся людей в покоях государыни, разумеется, не бывало. Трапеза Екатерины была всегда недлинной и простой, царица не отличалась привередливостью в еде (любимое кушанье – соленый огурец). Затем царица выслушивала доклады, обсуждала новые образовательные и благотворительные проекты с верным помощником Бецким, одновременно вышивая. Кажется, это было ее любимое время дня, но постоянно приходилось прерываться, когда приходила важная корреспонденция или поступало какое-то неотложное сообщение. Обычно Екатерина заканчивала дела часам к шести и остаток дня развлекалась – одним из ее симпатичных природных свойств была постоянная веселость. В число обыкновенных забав входили театр, прогулки по парку, биллиард и салонные беседы под карточную игру с умеренными ставками (причем государыня любила проигрывать партнерам). Спать она ложилась не поздно.

Постарев, Екатерина вставала позже, часов в восемь, и начала тратить много времени на воспитание внуков, что, собственно, тоже являлось делом первостепенной важности.

Новым явлением государственной жизни стали длительные ознакомительно-инспекционные поездки правительницы по стране. Петр I тоже постоянно носился из конца в конец своего царства, но для того, чтоб всё везде переделывать по-своему. Екатерина же хотела знать страну, которой правит; она никогда не торопилась, всех выслушивала, быстрых решений не принимала. «Мой девиз – пчела, которая, летая с растения на растение, собирает мед для своего улья», – писала она Вольтеру.

Всего царица совершила семь подобных турне, объехав почти всю европейскую часть России. Мы знаем, какое впечатление на Екатерину производили разные местности ее обширной державы, потому что государыня делилась впечатлениями со своими многочисленными корреспондентами. Симбирск, например, она сочла «городом самым скаредным», а про Нижний Новгород сообщила, что он «ситуациею прекрасен, а строением мерзок».

Согласно тогдашней моде на легкомыслие, императрица всячески подчеркивала развлекательность этих путешествий, но состояние российских коммуникаций и многочисленные дорожные неудобства, от которых не была защищена даже и государыня, превращали всякую поездку в утомительное испытание. Поэтому в последнее десятилетие жизни начавшая прихварывать царица далеко уже не ездила.

Самую привлекательную черту Екатерины я бы назвал старинным словом «благонамеренность». Эта государыня искренне намеревалась творить благо, как его трактовали философы «Века просвещения», ее кумиры. Всем этим чудесным планам не было суждено осуществиться, что дает повод многим авторам обвинять императрицу в лицемерии, но причина заключалась совсем в ином. Екатерина II была в высшей степени наделена чрезвычайно важным для правителя качеством: практицизмом. Она долго прикидывала, что будет полезно, а что вредно, что возможно и что невозможно, семь раз отмеряла, а потом не отрезала. Осторожность, всегда полезная в управлении государством, была для императрицы почти что идеей фикс.

Крайняя предусмотрительность Екатерины вполне понятна. Захватив власть посредством авантюрного переворота, эта немка, убившая своего мужа, законного государя и отнявшая корону у своего сына, законного наследника, чувствовала себя очень неуверенно. «Я

должна соблюдать тысячу приличий и тысячу предосторожностей», – признавалась она в частном письме. В первые год-два новая императрица почти ничего не предпринимала, заботясь только о том, чтобы попрочнее утвердиться на троне. Все время помня о том, что она – иностранка в не слишком расположенной к чужеземцам стране, Екатерина долгое время окружала себя только природными русскими, от вельмож до личных служанок. Весьма патриотичен всегда был и выбор любовников – упаси боже, никаких Левенвольдов или Бирона.

И лишь убедившись, что власть крепка и что оппозиции нет, Екатерина начала осуществлять свои «благие намерения» – как мы увидим, до того осторожно, что в результате от них почти ничего не осталось. В своих записках она горько сетует: «Недостаточно быть просвещенну, иметь наилучшие намерения и даже власть исполнить их». И совершенно права: недостаточно.

Она мечтала постепенно упразднить крепостное рабство, ибо «противно христианской вере и справедливости делать невольниками людей (они все рождаются свободными)» – но это настроило бы против царицы дворянство, опору престола, и Екатерина отступилась. Хотела заменить на заводах подневольных рабочих наемными – и тоже не решилась.

Иногда из опасения за свою популярность ей даже приходилось поступаться государственными интересами. Так, боясь рассориться с духовенством, она отменила совершенно разумный указ Петра III о секуляризации церковных земель, а страшась потрясений, отказалась и от бумажных денег, хотя эта мера очень оживила бы финансовую жизнь страны.

Однако эти отступления были временными. Твердо убедившись в необходимости той или иной меры, Екатерина воплощала ее в реальность, когда чувствовала, что почва созрела. Так произошло и с секуляризацией, осуществленной полтора года спустя – уже не волей перекрещенной немки-царицы, а по решению особой комиссии, сплошь состоявшей из русских, истинно православных людей. И все прошло тихо. Еще четыре года спустя были пущены в обращение и бумажные ассигнации.

Вряд ли стоит осуждать царицу за то, что она не отменила крепостное право. В тогдашней России это неминуемо привело бы в лучшем случае к очередному перевороту, в худшем – к тотальному

коллапсу. Весь государственный механизм империи держался только на дворянстве, а оно на утрату главного своего источника существования, крепостного труда, никогда не согласилось бы. Екатерина запретила помещичьим крестьянам даже жаловаться на господ. Она твердо для себя решила, что при ее жизни рабство отменено быть не может – и закрыла для себя эту тему.

> Решение было принято с нелегким сердцем, после долгих колебаний и консультаций с лучшими европейскими умами. Эта любопытная история очень хорошо показывает, до чего осторожной и обстоятельной бывала императрица, когда дело касалось рискованных проектов.
>
> В 1765 году Вольное экономическое общество, созданное Екатериной прежде всего для развития сельского хозяйства, затеяло международный конкурс (беспрецедентная для России инициатива!) на тему прав крестьянства. Автор задания считался анонимным, но все знали, что это сама императрица. Была объявлена солидная премия за лучший трактат, и в конкурсе приняли участие более 160 авторов, почти сплошь иностранцы, в том числе самые именитые – Вольтер и очень модный тогда писатель Жан-Франсуа Мармонтель, но золотую медаль получило рассуждение молодого и малоизвестного французского юриста Беарда де ль’Аббея, по-видимому, совпавшее со взглядами царицы. Автор писал, что хотя человеческое достоинство и государственная польза безусловно требуют освобождения крестьян и наделения их собственной землей, но поспешать с этим так же опасно, как спускать с цепи неприрученного медведя. Прежде нужно воспитать рабов, постепенно приучить их к восприятию свободы, а на это потребно время. Такая логика была Екатерине хорошо понятна.

В 1787 году, умудренная опытом, она пишет: «В одно и то же время хотят образовать третье сословие, развить иностранную торговлю, открыть всевозможные фабрики, расширить земледелие, выпустить новые ассигнации, поднять цену бумаге, основать города, заселить пустыни, покрыть Черное море новым флотом, завоевать соседнюю страну, поработить другую и распространить свое влияние

по всей Европе. Без сомнения, это значит предпринимать слишком многое». Приходилось определять приоритеты, руководствуясь прежде всего практичностью и осторожностью.

За 34 года было сделано много великого, но не много «благого». У империи свои запросы, и улучшение качества жизни народа в их число, увы, не входит.

Безусловным талантом Екатерины являлось умение обращаться с людьми, очень важный дар для правителя. Она относилась к числу монархов, которые предпочитали вызывать любовь, а не страх – не самое плохое качество для самодержавной властительницы. Помимо природной легкости характера и добродушия (отчасти напускного, но злой и мстительной эта женщина не была) Екатерина располагала к себе людей, руководствуясь хорошо продуманной системой. Мы знаем это благодаря ее собственным запискам: «Я со всеми обращалась как можно лучше и тщательно изучала средства приобрести дружбу, или по крайней мере уменьшить вражду тех, кого могла подозревать в недоброжелательстве к себе. Я не обнаруживала предпочтения ни в какую сторону, ни во что не мешалась, показывала всегда ясный вид, много предупредительности, внимания и учтивости ко всем».

Известный адмирал Шишков, собиравший устные рассказы современников о Екатерине Великой, пишет, что Екатерина мечтала вывести из употребления старинную русскую поговорку «Близ царя – близ смерти» и мечтала заменить ее другой: «Близ царицы – близ счастья». И это ей вполне удалось.

При Екатерине особа монарха стала восприниматься прежде всего как некое солнце, изливающее золотые лучи на всякого, кто удостоится августейшего внимания. Государыня была великодушна, милостива и щедра. Она награждала, возвышала и возносила – а наказывали, карали и казнили при необходимости другие.

Новый дух и стиль были заданы с самого начала. Екатерина осыпала милостями всех, кто помог ей захватить власть, и это было привычно, неудивительно. Однако ко всеобщему изумлению она не стала карать своих врагов из ближнего круга Петра Федоровича.

Первый фаворит убитого, генерал Андрей Гудович, однажды публично оскорбивший Екатерину (царь приказал ему обозвать ее «дурой»), получил предложение остаться на

службе, но предпочел уехать за границу, а потом спокойно доживал свой век в пожалованных Петром III поместьях.

Елизавета Воронцова, на которой император собирался жениться, избавившись от постылой жены, всего лишь была выслана из столицы с пожеланием «чтоб она на Москве жила в тишине, не подавала людям много причин о себе говорить». Девице даже купили во второй столице дом за счет казны. (Вспомним, как обошлась Анна Иоанновна с несчастной Екатериной Долгоруковой, виноватой лишь в том, что в нее влюбился Петр II).

Фельдмаршал Миних, до последнего остававшийся с Петром Федоровичем и побуждавший его подавить мятеж силой оружия, не только не пострадал, но был сделан генерал-директором портов и каналов – согласно своей первоначальной инженерной специальности.

Самый толковый помощник покойного, его личный секретарь и вероятный автор смелых нововведений 1762 года Дмитрий Волков тоже не остался без дела: его отправили управлять стратегически важным Оренбургским краем. Этот даровитый человек станет одним из ключевых деятелей екатерининского царствования.

Обласканный Петром III генерал Петр Румянцев со сменой власти счел своим долгом подать в отставку, но Екатерина отправила ему собственноручное письмо: вы напрасно думаете, писала она, «что бывший ваш фавор ныне вам в порок служить будет». Румянцев был оставлен на службе и затем принес России немало громких побед.

Екатерина не была мстительна и не была жестока. Она умела ценить в подданных не личную преданность, а личные качества – достоинство, свойственное всем великим правителям.

Совершенно новым, поистине революционным для российской высшей власти стало сделанное Екатериной открытие: при управлении пряник много эффективнее кнута. Человек лучше работает не когда его запугивают, тем самым подавляя инициативность, а когда его поощряют. «Мое правило хвалить громко вслух и бранить тихо, на ушко», – говорила Екатерина, которая была незаурядным психологом. Однажды она сказала, что руководить людьми очень просто: «Первое

правило: делать так, чтобы люди думали, будто они сами именно этого хотят».

В. Ключевский пишет про императрицу: «Она обладала в высокой степени искусством, которое принято называть даром внушения, умела не приказывать, а подсказывать свои желания, которые во внушаемом уме незаметно перерождались в его собственные идеи и тем усерднее исполнялись. Наблюдательное обращение с людьми научило ее узнавать их коньки, и, посадив такого дельца на его конька, она предоставляла ему бежать, как мальчику верхом на палочке, и он бежал и бежал, усердно подстегивая самого себя. Она умела чужое самолюбие делать орудием своего честолюбия, чужую слабость обращать в свою силу».

> Тактичной и вежливой Екатерина была не только с вельможами, но и с самыми простыми людьми, даже с собственными слугами, что по тем временам казалось чудачеством, а царица еще и любила щегольнуть своим мягкосердечием. Рассказывают, например, что один из лейб-поваров очень плохо готовил, но государыня его не выгоняла и даже не попрекала, а говорила придворным: потерпим неделю его дежурства, зато на следующей отъедимся. В другой раз Екатерина увидела, как дворцовые лакеи утаскивают из царской оранжереи экзотические фрукты, и свернула в сторону, чтобы не смущать воров, а своим спутникам сказала: «Хоть бы блюда-то мне оставили!».

Подобных «анекдотов» о милостивой царице сохранилось множество, все их с удовольствием пересказывали и приукрашивали, на что, несомненно, и рассчитывала Екатерина, в которой простодушия на самом деле было немного.

Еще одним сильным приемом, которым императрица владела в совершенстве, было опять-таки революционное для той эпохи новшество – сегодня мы назвали бы его «пиар стратегией». Екатерина умела создавать себе очень выгодную репутацию не только внутри страны, но и за ее пределами. Причем если в России она разыгрывала добрую и щедрую «матушку», то перед европейцами представала правительницей мудрой, возвышенной и просвещенной, образцом для других монархов, прямо-таки «философом на троне».

Деликатная самодержица. *И. Сакуров*

Кто бы усомнился в правомочности этого звания, если его признавали, да в общем и создали сами философы, первые умы эпохи: Вольтер, Дидро, Д’Аламбер, барон Гримм?

Рецепт, при помощи которого Екатерина завоевала расположение лучших людей Европы, в сущности, был очень прост. Даже прославленному мудрецу лестно, когда столь великая монархиня

оказывает ему – весьма тактично – знаки уважения и доверительного внимания, откровенничает с ним в собственноручных письмах, просит совета и так далее. Одни корреспонденты увлекались идеей провести в жизнь свои благие идеи. (Царица писала, например: «Прошу вас сказать Д'Аламберу, что я скоро пришлю ему тетрадь, из которой он увидит, к чему могут служить сочинения гениальных людей, когда хотят делать из них употребление; надеюсь, что он будет доволен этим трудом; хотя он и написан пером новичка, но я отвечаю за исполнение на практике».) Другие философы охотно пользовались щедростью императрицы – а Екатерина умела делать деликатные, нисколько не вульгарные подарки, к тому же очень красиво смотревшиеся.

> Зная, что весьма небогатый Дидро, готовя приданое для любимой дочери, намерен продать главное свое достояние – библиотеку, которую он собирал всю жизнь, Екатерина приобрела это собрание книг за хорошие деньги (15 тысяч ливров), однако разрешила философу пользоваться теперь уже царской библиотекой до конца жизни, да еще и назначила старика ее хранителем, выплатив жалованье за 50 лет вперед. Изяществом и неслыханной щедростью этого жеста восхищалась вся Европа – хотя по сравнению с миллионами, которые Екатерина тратила на подарки своим никчемным любовникам, это был сущий пустяк.

Философы платили августейшей корреспондентке прочувствованными комплиментами и, что важнее, создавали ей славу истинно великой монархини. «…Надобно, чтобы все глаза обращались к северной звезде, – писал Вольтер. – Ваше императорское величество нашли путь к славе, до вас неведомой всем прочим государям… Вы действительно сделались благодетельницею Европы и приобрели себе подданных величием вашей души более, чем другие могут покорить оружием». Екатерина не очаровала лишь Жан-Жака Руссо, называвшего себя «врагом царей», но Руссо слыл чудаком.

На переписку с европейскими просветителями царица тратила много времени, но это, во-первых, доставляло ей удовольствие и льстило ее самолюбию, а во-вторых, приносило немало пользы империи, которой правила столь возвышенная и мудрая государыня. Эти эпистолы были рассчитаны на публичность и действительно

прочитывались всем образованным обществом того времени. Барон Гримм рассказывал о них в своем популярном журнале, Вольтер – в своих знаменитых брошюрах. В Европе тогда уже существовало общественное мнение, и его благосклонность сильно помогала внешнеполитическим акциям Екатерины, которые часто нарушали баланс сил между державами и без подобной поддержки встретили бы гораздо более сильное сопротивление. Когда известный своей независимостью митрополит Платон упрекнул царицу за то, что она поддерживает отношения с вольнодумцем и безбожником Вольтером, Екатерина ответила: «Восьмидесятилетний старик старается своими, во всей Европе жадно читаемыми сочинениями прославить Россию, унизить врагов ее и удержать деятельную вражду своих соотчичей, кои тогда старались распространить повсюду язвительную злобу против дел нашего отечества, в чем и преуспел. В таком виду письмы, писанные к безбожнику, не нанесли вреда ни церкви, ни отечеству».

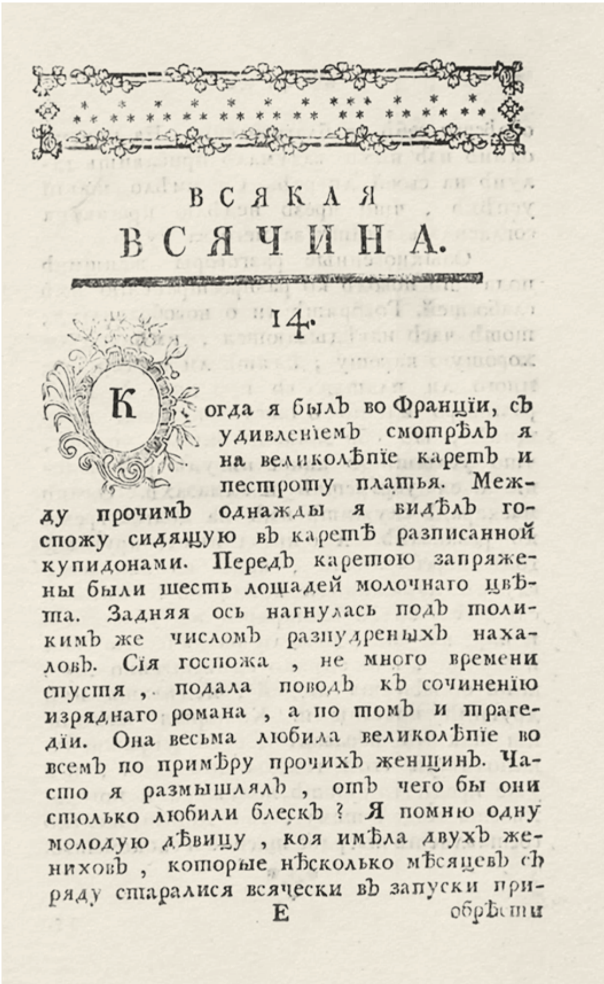
Пожалуй, никакому российскому официальному ведомству ни в какие времена и никакими затратами не удавалось добиться бóльших пропагандистских успехов, чем Екатерине II при помощи гусиного пера и чернил.

Большим счастьем для России было то, что самодержица почитала культуру делом важным. На русском престоле вообще впервые оказалась личность, которую, пожалуй, можно было причислить к интеллектуальной элите. Не без оговорок, конечно, поскольку настоящего образования у Екатерины не было, но в восемнадцатом веке оно мало чем отличалось от начитанности, а эта женщина в молодости очень много читала, притом внимательно и вдумчиво. Ее искренне занимали высокие материи и большие идеи, ум ее был масштабен и открыт. Впрочем, иначе с Екатериной, будь она хоть сто раз императрицей, не вели бы заинтересованную переписку великие философы и энциклопедисты. Заслуга здесь принадлежит не только самой царице – философствовать в ту эпоху считалось модным, и в Европе «просвещенных монархов» (либо желавших таковыми слыть) насчитывалось немало, но ни перед одним из них не стояло столь неподъемной задачи, как перед Екатериной. Россия была темна, неграмотна, вовсе лишена образованного сословия и отчаянно нуждалась в просвещении.

Нельзя сказать, чтобы Екатерина сделала в этом смысле очень уж многое (мы об этом позднее поговорим), но уже то, что она поощряла культурные занятия и сама им увлеченно предавалась, многое значило. Личные пристрастия императрицы, если угодно, ее хобби, ввели в России моду на литературу и вообще на умствование, а это для нации всегда благо.

Царица любила книги и желала, чтобы ее подданные тоже много читали. Поэтому с конца 1760-х годов, то есть с того момента, когда Екатерина стала чувствовать себя более или менее уверенно, в России начался настоящий бум литературных периодических изданий.

> Пример подала сама государыня, начавшая выпускать журнал «Всякая всячина» – вроде бы анонимно, но особенным секретом ее участие не являлось. Статьи она печатала под разными говорящими псевдонимами, вроде «Патрикея Правдомыслова». Журнал называл себя сатирическим и обличал общественные пороки, впрочем, в основном сетуя на недостатки человеческой натуры, нежели на злоупотребления должностных лиц.


ВСЯКАЯ
ВСЯЧИНА.

14.

Когда я былъ во Францїи, съ удивленїемъ смотрѣлъ я на великолѣпїе каретъ и пестроту платья. Между прочимъ однажды я видѣлъ госпожу сидящую въ каретѣ разписанной купидонами. Передъ каретою запряжены были шесть лошадей молочнаго цвѣта. Задняя ось нагнулась подъ толикимъ же числомъ разпудреныхъ нахаловъ. Сїя госпожа , не много времени спустя , подала поводъ къ сочиненїю изряднаго романа , а по томъ и трагедїи. Она весьма любила великолѣпїе во всемъ по примѣру прочихъ женщинъ. Часто я размышлялъ , отъ чего бы они столько любили блескъ ? Я помню одну молодую дѣвицу , коя имѣла двухъ жениховъ , которые нѣсколько мѣсяцевъ сряду старалися всячески въ запуски при-

Е обрѣсти

Первые литературно-публицистические журналы

Пример оказался заразительным. Немедленно возникло множество других изданий, уже самопроизвольно: «И то, и сё», «Ни то, ни сё», «Поденщина», «Смесь», «Адская почта», «Трутень». Некоторые были уже по-настоящему острыми, осмелившимися критиковать российские суды и даже крепостное право.

Довольно скоро эксперимент со свободной прессой закончился.

Когда независимые журналисты начали полемизировать с официозной «Всячиной», Екатерина поначалу охотно включилась в новую игру. Корреспондентка великих философов, должно быть, считала, что легко заткнет за пояс оппонентов. Патрикей Правдомыслов с важным видом писал,

что с судами в России, слава богу, все в порядке и «мы все сомневаться не можем, что нашей великой государыне приятно правосудие, что она сама справедлива». Но «Смесь» не спасовала и зубасто отвечала: «Знаете ли, почему она увенчана толикими похвалами, в листках ея видными? Я вам скажу. Во-первых, скажу, потому что многия похвалы сама себе сплетает; потом по причине той, что разгласила, будто в ея собрании многие знатные господа находятся». В виду имелась вроде бы «Всячина», но звучало это двусмысленно и крайне дерзко. «Трутень» же нахально писал, что «с улыбкою взирает он на брань “Всякия всячины”». Долго такое безобразие, конечно, продолжаться не могло. Насмешек над собой императрица позволить не могла.

Осторожная Екатерина поняла, что гласность разрушает одну из основ самодержавия, сакральность высшей власти, а это чревато потрясениями, и непочтительные журналы были закрыты. Однако джинн уже вырвался из бутылки: русские люди получили вкус к писательству и публицистике. Через некоторое время это станет для власти серьезной проблемой.

Но другие, более невинные виды литературной деятельности государыня по-прежнему поощряла – прежде всего, опять-таки, собственным примером.

Ей хотелось попробовать себя во всех жанрах, и сочинения августейшей писательницы поражают своим разнообразием. Тут и произведения для театра, и проза, и стихи, и даже переводы (ни более, ни менее, как Шекспира).

Екатерина написала множество пьес – по преимуществу нравоучительных комедий и исторических драм. Комедии не особенно смешны, весь юмор там заключен в фамилиях персонажей: госпожа Ворчалкина, господин Фирлюфюшков, Громкобай, Горебогатырь, Кривомозг и так далее. Драмы невыносимо дидактичны. Например, пьеса «Из жизни Рюрика», где описывается мятеж мифического новгородца Вадима, заканчивается тем, что бунтовщик встает на колени и восклицает: «О, государь, ты к победам рожден, ты

милосердием врагов всех победишь, ты дерзость ею же обуздаешь… Я верный твой подданный вечно!»

Стихи императрицы и того хуже. В них особенно чувствуется, что русским языком Екатерина владела не вполне безупречно:

Расторглись крепи днесь заклепны,
Сам Буг и Днестр хвалу рекут,
Струи Днепра великолепны
Шумняе в море потекут.

(Это сочинено по случаю взятия Очакова.) А вдохновленная путешествием в Крым, Екатерина излила такие строки:

Лежала я вечор в беседке ханской
В средине басурман и веры мусульманской.
Против беседки той построена мечет,
Куда всяк день иман народ влечет.

Венценосную сочинительницу можно было бы считать классической графоманкой, если б не ее мемуарная проза, пускай недостоверная в фактическом смысле (Екатерина многое там искажает и утаивает), но написанная живо и увлекательно. В этих текстах есть и острота ума, и чувство, и понимание людей.

Впрочем, не важно, насколько сильны художественные произведения Екатерины Алексеевны. Важно, что на российском троне оказалась монархиня-литератор. Как выразился Ключевский: «Век нашей истории, начатый царем-плотником, заканчивался императрицей-писательницей». Это случайное, частное обстоятельство дало толчок мощному творческому импульсу, из которого в следующем веке возникнет великая русская литература.

Екатерина в жизни: слабости и пороки

То, какою царица хотела выглядеть в глазах современников и потомков, можно понять по полушутливой эпитафии, которую царица сама себе составила на шестидесятом году жизни: «…Вступив на российский престол, она желала добра и старалась доставить своим подданным счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни к кому ненависти. Милостивая, обходительная, от природы весёлого нрава с душою республиканскою и с добрым сердцем, она имела друзей. Работа ей легко давалась. Она любила искусства и быть на людях». Всё это за исключением разве что «республиканской души» – правда, но не вся правда. В императрице было довольно и других черт, недостойных, а подчас даже отталкивающих, притом речь сейчас идет лишь о тех личностных качествах, которые сказывались на государственной политике.

Обычно Екатерину винят в поверхностности и любви к лестному самообману. Щербатов пишет, что она была «самолюбива до бесконечности, и не могущая себя принудить к таким делам, которые ей могут скуку наводить, принимая все на себя, не имеет попечения о исполнении и, наконец, толь переменчива, что редко и один месяц одинакая у ней система в рассуждении правления бывает». Тот же автор рассказывает, что императрица замечала лишь то, что желала заметить («видела и не видала»), приведя в пример историю о том, как ловкий московский губернатор, зная эту особенность государыни, перед ее приездом удалил из города всех нищих – чтоб не расстраивать ее величество. То же происходило во время путешествия Екатерины в Поволжье, когда довольная царица писала: «Здесь народ по всей Волге богат и весьма сыт, и хотя цены везде высокие, но все хлеб едят и никто не жалуется и нужду не терпит. …Одним словом, сии люди Богом избалованы». Эти самые избалованные люди через несколько лет, доведенные до крайности, будут жечь усадьбы и под предводительством Пугачева биться насмерть с царскими войсками.

Легендарный вояж 1787 года на юг можно считать первой широкомасштабной отечественной операцией по втиранию очков начальству и зарубежным гостям. Впоследствии это искусство достигнет в России высоких степеней мастерства, но основы закладывались при Екатерине.

Вот как описывает пресловутые потемкинские эффекты французский посол де Сегюр: «Города, деревни, усадьбы, а иногда

простые хижины так были изукрашены цветами, расписанными декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебно созданными замками, великолепными садами. …Когда мы подъезжали к большим городам, то перед нами на определенных местах выравнивались строем превосходные полки, блиставшие красивым оружием и богатым нарядом… По лугам паслись многочисленные стада; по берегам располагались толпы поселян; нас окружало множество шлюпок с парнями и девушками, которые пели простонародные песни, – одним словом, ничего не было забыто».

Не все иностранцы оказывались столь доверчивы. Князь де Линь, лучше знакомый с русскими обыкновениями, пишет, что в чудесных городах не было улиц, на улицах не было домов, «а у домов не было ни крыш, ни дверей, ни окон». Заметил он и то, что императрица любовалась всеми этими красотами исключительно из экипажа, то есть была обманываться рада.

Австрийский император Иосиф, человек умный и проницательный, быстро раскусил, как надо вести себя с русской царицей. Он говорил: «Надо ее пощекотать: ее божество – тщеславие; необыкновенное счастье и утрированное поклонение Европы избаловали ее». Так он и поступал во время встреч с Екатериной, и совершенно ее очаровал, добившись многих важных уступок, то есть превосходно проманипулировал опытной манипуляторшей. Тем же нехитрым способом – ловкой лестью, восхищенным почтением, демонстративным обожанием – завоевывали расположение и покровительство императрицы вечно окружавшие ее придворные ловкачи. Екатерина ценила истинные заслуги, но сердце ее принадлежало тем, кто умел ей понравиться, и чаще всего это оказывались персонажи малополезные.

Желание окружать себя приятными, но никчемными людьми было серьезной слабостью великой императрицы. Проблема заключалась не в любвеобильности Екатерины, а в том, что, влюбляясь, она превращалась из царицы в обычную женщину, что по-человечески, возможно, и симпатично, но для государства выходило и накладно, и вредно. В следующей главе мы увидим, как немного толковых людей было среди екатерининских фаворитов (собственно, только один), так что брюзга Щербатов прав: «Ее пороки суть: любострастна, и совсем

вверяющаяся своим любимцам… можно сказать, что каждый любовник, хотя уже и коротко их время было, каким-нибудь пороком за взятые миллионы одолжил Россию».

Упреки в чрезмерной расточительности, обычно предъявляемые Екатерине, не вполне справедливы. В своих личных расходах императрица была довольно умеренна и тратила на себя гораздо меньше денег, чем Елизавета или Анна. Сравнивая два первых двора тогдашней Европы, петербургский и версальский, К. Валишевский пишет, что русскую монархиню обслуживал штат всего из 36 придворных, а в свите французского короля насчитывалось около четырех тысяч человек; что содержание двора в самые пышные времена этого царствования стоило России примерно три миллиона рублей ежегодно, а Франции король обходился в двенадцать раз дороже. И все же «любострастие» Екатерины было для страны тяжелым бременем. В книге французского дипломата и путешественника маркиза Кастерá, вышедшей сразу после смерти русской царицы, утверждалось, что в общей сложности она израсходовала на фаворитов девяносто два с половиной миллиона рублей! Про точную сумму можно спорить, но хуже другое: царица еще и награждала этих красавцев, средь которых попадались абсолютно никчемные личности, высокими государственными должностями.

Всё это относится к категории человеческих слабостей, но репутация Екатерины запятнана и преступлениями. Несмотря на добродушие и природную нежестокость, эта правительница совершила несколько отвратительных злодейств.

Когда Екатерина чувствовала себя в опасности, когда что-то угрожало ее власти, императрица не останавливалась ни перед чем. Во-первых, на ее совести смерть несчастного Петра Федоровича. Хоть Екатерина напрямую и не приказывала умертвить мужа, но то, что начальником караула при свергнутом императоре она назначила страшного человека Алексея Орлова, было равносильно лицензии на убийство. О том, что Орлов правильно понял смысл задания, свидетельствуют высокие награды, которыми Екатерина удостоила исполнителя: из сержантов он был пожалован сразу в генералы.

Другим зловещим эпизодом царствования был трагический конец бедного Иоанна VI, венценосного младенца, лишившегося короны в

1741 году. Жизнь этого ни в чем не повинного страдальца была настоящим кошмаром. При Елизавете его изолировали от семьи и держали в Шлиссельбургской крепости, под крепким караулом и в строжайшей изоляции. Из живых людей он видел только приставленных к нему двух офицеров. Мальчика ничему не учили, с ним почти не разговаривали, и он вырос совершенным идиотом: целыми днями ходил взад-вперед по камере, сам с собой разговаривал, хохотал. Охранники со скуки над ним издевались. Петр III, кажется, жалел сумасшедшего и собирался его освободить, но успел лишь назначить более гуманных охранников.

Петр был законным государем и мог позволить себе великодушие. Для Екатерины же с ее сомнительным статусом узник представлял нешуточную угрозу. Известно, что вскоре после переворота она посетила Иоанна в темнице, не обнаружила в нем «разума и смысла человеческого», и все же на следующий день распорядилась вернуть прежних суровых приставов, причем выдала им недвусмысленную инструкцию: «Буде же так оная сильна будет рука, что спастись не можно, то и арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать». Это опять была лицензия на убийство, и тоже реализованная.

Недоброжелателям Екатерины из числа вельмож (а только они могли представлять опасность для новой царицы) было хорошо известно состояние Иоанна, и никому из них не пришло бы в голову устраивать переворот в пользу безумца. Но в среде рядового офицерства знали лишь, что в Шлиссельбурге держат низложенного императора. Эти слухи будоражили воображение отчаянных голов. Предыдущие перевороты доказали, что в России захватить власть нетрудно – нужны лишь смелость да удача. И в конце концов, два младших офицера, поручик Аполлон Ушаков и подпоручик Василий Мирович составили дерзкий план: освободить Иоанна, посадить его на престол и тем самым вознестись не хуже Орловых. Идея возникла из-за того, что Мировича время от времени назначали в шлиссельбургскую стражу, так что внутренний распорядок крепости ему был известен.

Замысел был бесшабашен и прост. Когда Мирович заступит на дежурство, Ушаков приплывет в Шлиссельбург

под видом курьера и привезет фальшивый манифест о возвращении Иоанна на престол, после чего Мирович прикажет своим солдатам разломать двери тюрьмы, а дальше все как-нибудь само собой устроится.

Смерть Иоанна VI. *И. Творожников*

Разумеется, затея была совершенно дурацкая и ничего бы из нее не вышло, даже если удалось бы Иоанна освободить. Два безвестных, ни с кем не связанных субалтерна поддержки ни от кого не получили бы. К тому же один из заговорщиков, Ушаков, накануне дела утонул. Но второго это не остановило. Нехватку ума Мирович с лихвой компенсировал смелостью.

Ночью 5 июля 1764 года он выстроил солдат и попросту приказал им идти на приступ тюрьмы, чтобы вызволить законного государя. Комендант попробовал вмешаться –

получил от подпоручика удар прикладом по голове. Привычные к дисциплине солдаты кинулись к тюрьме. Караульные стали отстреливаться, но сложили оружие, когда предприимчивый поручик прикатил к воротам пушку. Однако, войдя в темницу, Мирович увидел, что Иоанн зарезан – приставы выполнили инструкцию Екатерины.

Поняв, что дело проиграно, Мирович сдался и после расследования, не обнаружившего никаких соучастников, был принародно обезглавлен. Так в России после двадцатилетнего перерыва восстановилась смертная казнь.

Убийцы Иоанна получили по 7000 рублей наградных и дали подписку о неразглашении, причем им предписывалось друг с другом не общаться и жить вдали от столиц.

Таким образом, мягкосердечная матушка-царица умертвила двух императоров – и, кажется, впоследствии не слишком терзалась по этому поводу. Страшнее был страх за корону, которая досталась Екатерине не по праву, а была украдена у мужа, у Иоанна, у сына. Тень собственного «самозванства» преследовала узурпаторшу, насылая все новые призраки. Всякий раз Екатерина реагировала с предельной жестокостью, не миндальничала. Во время восстания Пугачева, объявившего себя чудесно спасшимся Петром Федоровичем, карательные отряды Екатерины расправлялись с мятежниками, проявляя весьма непросвещенную жестокость, которую не одобрили бы Дидро с Вольтером.

Но даже и при отсутствии настоящей опасности, а всего лишь при *опасении*, что кто-то за границей может усомниться в легитимности ее царствования, Екатерина проявляла чрезвычайную нервозность, и тут уж было не до сантиментов. Я имею в виду знаменитый инцидент с «княжной Таракановой», когда владычица великой державы повела себя неадекватно ситуации и взяла еще один грех на душу.

Восемнадцатый век в Европе изобиловал крупными и мелкими авантюристами. Женщина, так сильно напугавшая императрицу, принадлежала к числу последних. Ее настоящее имя, возраст, происхождение и даже национальность под вопросом. Вероятнее всего, она была немкой. Ранняя пора

жизни этой особы известна только с ее слов, и все эти сведения доверия не вызывают.

Поначалу она выдавала себя за персидскую принцессу и, кажется, действительно провела какое-то время на Востоке, потому что знала по-персидски и по-арабски. Девица вообще была способна к языкам, кроме немецкого она говорила на французском, английском и итальянском. Русским, впрочем, не владела, что не помешало ей в 1772 году изменить версию августейшего происхождения. Теперь она объявила себя дочерью Елизаветы Петровны и претенденткой на российский престол. Никакая из европейских держав эту комедиантку, именовавшую себя то княжной Влодимерской, то княжной Азовской, то княжной Таракановой, всерьез, конечно, не принимала, и она кормилась за счет разных мелких князьков, пленявшихся ее чарами.

Но Екатерину крайне встревожили слухи о том, что у «княжны Таракановой» есть при себе некое завещание Елизаветы, составленное в пользу «истинной наследницы». Когда гастролерша оказалась в Италии, где в то время по случаю турецкой войны находился русский флот, Екатерина поручила все тому же Алексею Орлову, мастеру грязных дел, захватить претендентку, причем в случае неудачи велела даже подвергнуть город, где та обитала, бомбардировке.

Орлов с охотой исполнил поручение, действуя с присущим ему бесстыдством: изобразил влюбленность и даже инсценировал обручение с несчастной мошенницей, попавшейся в зубы к куда более крупному хищнику.

Молодую женщину увезли в Россию, подвергли там суровому допросу, и «княжна Тараканова» с какой-то подозрительной быстротой, всего через несколько недель, умерла – якобы от «грудной болезни».

Плутовской роман закончился трагедией.

Эти злодейства, продиктованные «комплексом легитимности», конечно, омрачают блеск царствования Екатерины, но еще прискорбнее – и в историческом смысле неизмеримо значительнее – метаморфоза, которая произошла с ученицей просветителей под конец царствования. Эта личная эволюция была драматичной. Оппортунизм и

страх за корону постепенно привели радетельницу свободы к полному отказу от убеждений и идеалов, к которым она стремилась вначале. Подробнее о попытках Екатерины облагодетельствовать Россию будет рассказано позднее, сейчас же остановлюсь лишь на печальном финале этих поползновений.

Система взглядов, с которой Екатерина пришла к власти в 1760-е годы, рухнула вследствие двух тяжелых ударов, камня на камне не оставивших от романтического прекраснодушия.

Первым был ужасный пугачевский бунт, начисто разрушивший буколические представления царицы о простом народе. Екатерина пришла к выводу, что давать крестьянской массе права и свободы очень опасно. Может быть, для просвещенной Европы оно и правильно, а в России простонародье следует держать в строгости и никакой воли ему не давать.

Но затем произошла французская революция, и Екатерина убедилась, что плебсу нельзя давать свободу и в Европе – это приводит к распаду и кровавому хаосу. Сначала парижские события лишь неприятно удивили императрицу, она преуменьшала их значение и винила во всем бесхарактерность Людовика XVI. Но на всякий случай велела всем русским, жившим в Париже, немедленно возвращаться в Россию – чтобы не заразились бунтарским духом.

По мере того как нарастали революционные события, Екатерина тревожилась все больше. Узнав о казни короля, она слегла. «Равенство – чудовище! – воскликнула царица. – Оно желает само быть королем!». Что плохого в равенстве, она объясняла в письме барону Гримму: «Французские философы, которых считают подготовителями революции, ошиблись в одном: в своих проповедях они обращались к людям, предполагая в них доброе сердце и таковую же волю, а вместо того учением их воспользовались прокуроры, адвокаты и разные негодяи, чтоб под покровом этого учения (впрочем, они и его отбросили) совершать самые ужасные преступления, на какие только способны отвратительнейшие в мире злодеи».

Не все русские были согласны, что равенство – чудовище, но в 1790-е годы общественная полемика в России стала совершенно невозможна, и вольнодумцы, посмевшие ратовать за свободу, дорого за это заплатили. К концу царствования режим Екатерины стал почти параноидально реакционным. Кажется, и сама монархиня от страха

перед мятежом отчасти утратила психическое здоровье. У нее появилась идея уничтожить вообще всех французов, чтобы само имя этого народа исчезло. В пределах ее власти находилось довольно много представителей этой нации, живших в России, и императрица повелела изгнать всех, кто публично не заявит о своем отвращении к революции.

В эти годы особенное значение приобрело учреждение, заведенное Екатериной еще в самом начале правления, – Тайная экспедиция, прямая преемница Тайной канцелярии, которую торжественно упразднил Петр Третий. Даже тогдашняя Екатерина, еще полная высоких идей, считала необходимым иметь секретную полицию, которая будет оберегать ее шаткий престол от заговоров.

Сначала это ведомство вело себя довольно тихо, то есть подглядывало и подслушивало, но большой силы не имело. Его начальник Степан Шишковский долгое время прямого доступа к царице не имел и удостоился первого генеральского чина лишь через 17 лет службы (вспомним, что глава Тайной канцелярии Ушаков был графом и генерал-аншефом).

> Шишковский и сам был человеком негромким: вежливый, благостный, великий молитвенник, однако не гнушался и пачкать руки в застенке (притом, что официально пыток в России в то время уже не существовало).
>
> Степан Иванович слыл большим психологом и знатоком человеческих душ. О его хитроумии и ловкости ходили легенды. Одна из них, поведанная в книге начала XIX столетия, с восхищением рассказывает, как Шишковский «расколол» молчавшего на допросах Пугачева. «Г-н Шишковский, начальствующий в Тайной Канцелярии, узнавши от соумышленников Пугачева, что он охотник до чесноку и луку, дал приказ изготовить обед. Когда ж сели за стол, то первое кушанье было подано, холодная солонина с чесноком… По окончании стола, Пугачев встал, и чтоб более изъявить свою признательность г-ну Шишковскому за его к нему снисхождение, он открыл ему все то, примолвив: “За твое угощение чувствительно благодарю, и открою тебе то, чего бы не открыл и тогда, когда бы вся моя жизнь была истощена в пытках”».

Со знатными особами, чем-то провинившимися перед государыней (главным образом из-за длинного языка) Шишковский вел себя еще затейнее, чем с бунтовщиком. Рассказывают, что у него в кабинете имелось какое-то хитрое кресло, которое до половины опускалось под пол, и палач сек виновного (или виновную) плетью, пока Степан Иванович произносил нравоучение. Дворянское достоинство при этом не страдало, поскольку палач не знал, кому принадлежит секомая часть тела, а Шишковский экзекуции вроде бы и не видел.

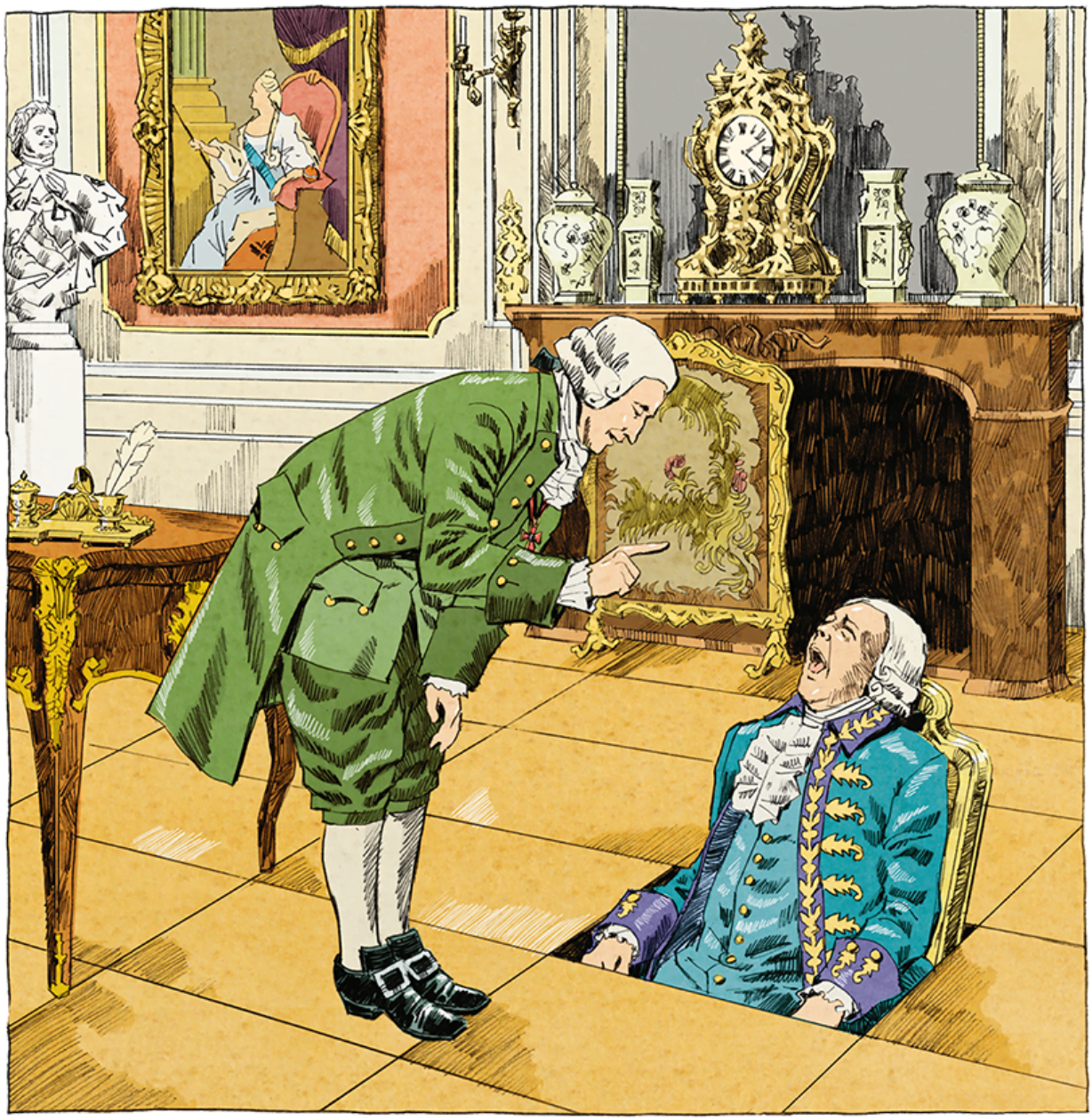
Но все эти церемонии закончились, когда государыня устрашилась революции. Тут уж Тайная экспедиция развернулась во всю ширь. Система слежки и доносительства была расширена, перлюстрация почты стала нормой. Начались и политические репрессии, причем нового для России типа – не за антиправительственные действия или замыслы, а за «преступления мысли». И делом Радищева, и делом Новикова (о которых будет отдельный разговор) Тайная экспедиция занималась под личным контролем императрицы.

Путь, пройденный Екатериной, можно проиллюстрировать двумя цитатами.

Первая относится к 1760-м годам: «Свобода, душа всего, без тебя все мертво. Я хочу, чтобы повиновались законам, но не рабов. Я хочу общей цели делать счастливыми, но вовсе не своенравия, не чудачества и не тирании, которые с нею несовместимы».

Вторая – к 1790-м: «Столь великая империя, как Россия, погибла бы, если бы в ней установлен был иной образ правления, чем деспотический, потому что только он один может с необходимой скоростью пособить в нуждах отдаленных губерний, всякая же иная форма парализует своей волокитой деятельность, дающую всему жизнь».

Это классическое обоснование «ордынской» государственной модели. Великая просветительница превратилась в великую ханшу.



Отеческое внушение в кабинете Шишковского. *И. Сакуров*

Фавориты и помощники

Вернемся к «любострастию», за которое осуждал Екатерину князь Щербатов и о котором с таким увлечением пишут многочисленные мемуаристы и биографы императрицы. Проблема здесь не в безнравственности и распущенности. Екатерина вела себя точно так же,

как многие монархи-мужчины, не считавшие нужным скрывать свои любовные увлечения. Пожалуй, свобода, с которой держалась эта женщина, даже вызывает некоторое уважение. Но у влюбленной Екатерины чувство затмевало разум, а при самодержавной власти это может обернуться бедой для всей страны. Как это часто бывает с женщинами умными, Екатерину в мужчинах главным образом привлекал экстерьер. В более молодом возрасте она испытывала слабость к статным красавцам, в пожилом – к изящным керубино, и чем старше делалась императрица, тем юнее становились ее избранники.

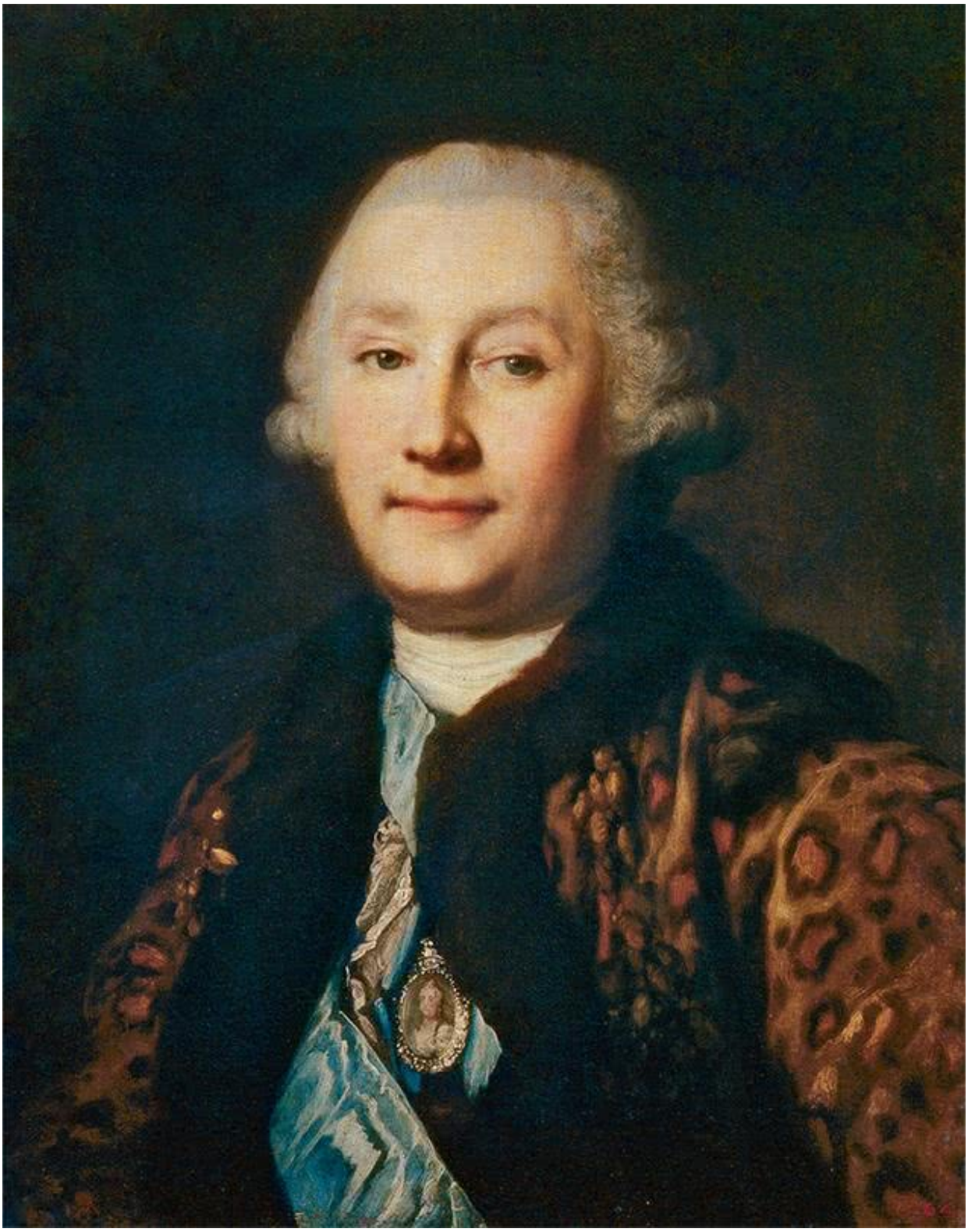
Сама Екатерина писала: «Если б я в участь получила смолоду мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась; беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви». И это, кажется, правда. Долгое время все ее романы происходили, по ее собственным словам, «не от распутства, к которому никакой склонности не имею», а исключительно по любви. Связи были долгими и более напоминали замужество. Лишь в зрелом возрасте, уже сильно за сорок, царица дала волю своей чувственности.

Ходили и до сих пор ходят слухи, возможно правдивые, что первого «галанта» Екатерине, еще великой княгине, чуть ли не навязали, поскольку ее брак с Петром Федоровичем всё не давал потомства. Когда родился сын (в сущности, неважно, от мужа или нет), придворного красавца Сергея Салтыкова, к которому молодая женщина не на шутку привязалась, услали за границу.

Тогдашние нравы не возбраняли даме иметь сердечные привязанности, если при этом соблюдалась конфиденциальность, и следующего кавалера великая княгиня уже выбрала себе сама. Это был молодой польский вельможа князь Станислав Понятовский, как и Салтыков, примечательный более внешними, нежели внутренними качествами. (У него «глаза были отменной красоты», будет потом вспоминать Екатерина). Впоследствии, взойдя на престол, она вознаградит бывшего возлюбленного, сделав его королем польским, и Станислав приведет свою страну к гибели, о чем в своем месте мы поговорим подробнее.

Всех возлюбленных Екатерины никак не могли сосчитать позднейшие авторы: то ли двадцать один, то ли двадцать три. Высокое положение «официального» фаворита в разное время занимали десятеро. Но след в истории оставили только трое, которые и заслуживают рассказа.

На тридцатом году жизни Екатерина влюбилась в Григория Орлова. Это было сильное чувство. Связь длилась долго, целых тринадцать лет. Как мы знаем, Орлов и его приятели-гвардейцы добыли Екатерине корону. К. Валишевский пишет: «Екатерина полюбила Григория Орлова за его красоту, смелость, за его громадный рост, за его молодецкую удаль и безумные выходки. Но она полюбила его также и за те четыре гвардейских полка, которые он и его братья, по-видимому, крепко держали в своих железных руках».



Григорий Орлов. *В. Эриксен*

Оказавшись на престоле и избавившись от постылого мужа, Екатерина даже хотела сочетаться с Орловым законным браком, но советники, да и собственная осторожность удержали ее от столь опрометчивого шага.

Григорий Орлов был хорош для лихого дела вроде подготовки переворота, но не для управления страной. Екатерина осыпала его чинами и должностями, он стал генерал-аншефом, генерал-фельдцейхмейстером, директором Инженерного корпуса и прочее, и прочее, однако государственные заботы навевали на фаворита скуку. На важных заседаниях он обычно лишь поддерживал мнение императрицы.

За десять лет граф Григорий Григорьевич оказался полезен всего единожды: когда в 1772 году в Москве разразился чумной бунт и потребовалось срочно принимать меры. Заслуга Орлова в усмирении беспорядков была не столь уж велика, но обрадованная Екатерина объявила его великим героем. В честь графа была даже воздвигнута триумфальная арка и выбита медаль с надписью «И Россия таковых сынов имеет».

Но очень скоро после этого «случай» Григория Орлова закончился. Причиной тому, кажется, было поведение самого фаворита, изводившего царственную возлюбленную изменами, вспышками своего бешеного нрава и оскорблениями. Позднее Екатерина сокрушалась: «Сей [Орлов] бы век остался, если б сам не скучал».

В конце концов, когда граф надолго отлучился из столицы (с почетным дипломатическим поручением), императрица «с дешперации», то есть от отчаяния, влюбилась в другого красавца, корнета Васильчикова. «Выбор кое-какой», позднее напишет об этом молодом человеке Екатерина, однако прежний властитель сердца получил решительную отставку с запрещением показываться на глаза, а в утешение – сто тысяч годового пенсиона. Всего же за годы фавора Орлову было пожаловано 17 миллионов рублей и 45 тысяч крепостных душ. В последние годы граф находился в полном помешательстве рассудка и умер сорока восьми лет, всеми забытый еще при жизни.

Из многочисленных избранников Екатерины крупным государственным деятелем можно считать только одного – Григория Александровича Потемкина.

По складу натуры этот человек во многом напоминал Орлова – такой же взрывной, с резкими перепадами настроения, попеременно то искрящийся энергией, то впадающий в депрессию. Очевидно Екатерина испытывала слабость к мужчинам с признаками биполярного расстройства. Однако Потемкин выгодно отличался от ленивого, тугодумного Орлова предприимчивостью, честолюбием и острым умом.

Потемкина всю жизнь бросало из крайности в крайность. Сначала он поступил в Московский университет и считался там одним из даровитейших студентов, потом вдруг сделался истово религиозен и собрался в священники, а сразу вслед за тем перешел на военную службу, где ему, небогатому и незнатному дворянчику, на большую карьеру рассчитывать не приходилось.

Двадцатидвухлетним унтер-офицером Потемкин принял участие в перевороте, но не на главных ролях, и получил скромную сравнительно с другими награду: 400 душ и десять тысяч рублей. С этого момента его карьера пошла вверх, а главное – его запомнила Екатерина. Еще лет десять он находился на разных не первой важности должностях, но, когда царице наскучил Васильчиков, Потемкин напором и везением пробился в высочайшую опочивальню. Екатерина была совершенно очарована этим «величайшим, забавнейшим и приятнейшим чудаком». Милости посыпались на нового фаворита, как из рога изобилия. Год спустя он был уже графом, еще через год – князем. Денежные подарки и поместные жалования сделали Потемкина одним из первых богачей страны.

Но этот временщик разительно не походил на своих предшественников. Его привлекали не удовольствия, а величие.

> Современники оценивали Григория Александровича очень по-разному. Князь Щербатов, которому человек такого типа, разумеется, нравиться не мог, вменяет в вину Потемкину «властолюбие, пышность, подобострастие ко всем своим хотениям, обжорливость и, следственно, роскошь в столе, лесть, сребролюбие, захватчивость и, можно сказать, все другие знаемые в свете пороки».
>
> Французский посол де Сегюр не столь категоричен: «Он представлял собою самую своеобразную личность, потому что в нем непостижимо смешаны были величие и мелочность,

лень и деятельность, храбрость и робость, честолюбие и беззаботность… То, чем он обладал, ему надоедало; чего он достичь не мог – возбуждало его желания. Ненасытный и пресыщенный, он был вполне любимец счастья, и так же подвижен, непостоянен и прихотлив, как само счастье».

Особого внимания заслуживает мнение князя де Линя, который служил непосредственно под началом Потемкина и потому знал его лучше многих: «Показывая вид ленивца, трудится беспрестанно; не имеет стола, кроме своих колен, другого гребня, кроме своих ногтей; всегда лежит, но не предается сну ни днем ни ночью; беспокоится прежде наступления опасности, и веселится, когда она настала; унывает в удовольствиях; несчастлив от того, что счастлив; нетерпеливо желает и скоро всем наскучивает; философ глубокомысленный, искусный министр, тонкий политик и вместе избалованный девятилетний ребенок; любит Бога, боится сатаны, которого почитает гораздо более и сильнее, чем самого себя; одною рукою крестится, а другою приветствует женщин; принимает бесчисленные награждения и тотчас их раздает; лучше любит давать, чем платить долги; чрезвычайно богат, но никогда не имеет денег; говорит о богословии с генералами, а о военных делах с архиереями; по очереди имеет вид восточного сатрапа или любезного придворного века Людовика XIV и вместе изнеженный сибарит. Какая же его магия? Гений, потом и еще гений; природный ум, превосходная память, возвышенность души, коварство без злобы, хитрость без лукавства, счастливая смесь причуд, великая щедрость в раздавании наград, чрезвычайно тонкий дар угадывать то, что он сам не знает, и величайшее познание людей».

Последнее качество – знание человеческой психологии, по-видимому, было самой сильной чертой Потемкина. Уж императрицу, от которой зависело его положение, он изучил в доскональности. И через два года связи принял рискованное, но, как оказалось впоследствии, очень верное решение. С одной стороны, светлейшему было скучно бесконечно оставаться на положении комнатной собачки, его тянуло к большим делам. С другой, он не мог не понимать, что рано или поздно

царица увлечется кем-нибудь помоложе и покрасивее, после чего «случай» закончится.

И Потемкин ускорил события. В 1776 году он выбил себе назначение управителя недавно отвоеванного южного края – Новороссии, а Екатерине, чтоб она не подпала под чье-то опасное влияние, подсунул красавца, в безвредности которого был абсолютно уверен. Так оно пошло и дальше. Даже находясь вдали от Петербурга, Потемкин через своих лазутчиков приглядывал за интимной жизнью императрицы и время от времени менял своих «назначенцев».

Таким образом князь перестал быть царским любовником, но не лишился своего влияния, а, наоборот, расширил его. Екатерина сохранила к нему самые теплые чувства, состояла с ним в постоянной переписке и научилась ценить в Потемкине не постельные, а государственные таланты. Так продолжалось целых пятнадцать лет, до самой смерти этого удивительного человека.

Деятельность генерал-фельдмаршала, генерал-губернатора, президента Военной коллегии, главноначальствующего над армией и флотом светлейшего князя Таврического (это еще не полный перечень потемкинских титулов) и сейчас поражает своей обширностью, а в те времена, при невероятном умении Григория Александровича пускать пыль в глаза, представлялась чем-то фантастическим. Екатерине казалось, что это волшебник, по мановению которого заселяются пустынные области, вырастают прекрасно обустроенные города, сами собой появляются многовымпеловые эскадры и превосходно экипированные полки. Во время своей знаменитой поездки 1787 года, виртуозно срежиссированной наместником, Екатерина видела это собственными глазами. Она желала верить, что всё это существует на самом деле, хотя фасады были декорацией, нарядные жители – ряженными, а корабли наскоро срублены из сырого дерева и непригодны к дальним плаваниям.

Значит ли это, что Потемкин был всего лишь показушником? Нет. Он действительно многого добился.

Пустые степи, безопасные после разгрома крымского ханства, в самом деле активно заселялись – население там увеличилось вчетверо. Появились новые города: Екатеринослав, Херсон, Николаев, Никополь, Павлоград. Был основан Севастополь, будущая база Черноморского

флота. Да и сам флот, пускай далеко не совершенный, возник из ничего и в следующей войне неплохо себя проявит.

Немало сделал Потемкин и для колонизации присоединенного Крыма, почти опустевшего, так как татары массово оттуда уезжали. Во-первых, светлейший остановил эмиграцию, запретив обижать местных жителей, и добился включения татарской знати в число российского дворянства. Он давал землю и кров переселенцам из России и отставным солдатам, привечал старообрядцев и беглых крестьян, даже завозил невест, чтобы появлялись семьи.

При этом у Потемкина еще и хватило времени на проведение армейской реформы, хотя в столице он бывал редко и в Военной коллегии президентствовал дистанционно. Без этих нововведений, о которых еще будет рассказ, не было бы громких побед Суворова (кстати говоря, потемкинского протеже и выдвиженца).

> Когда светлейший князь, подорвав здоровье беспорядочным и распутным образом жизни, скончался, Екатерина была безутешна. Ее секретарь Храповицкий в дневнике пишет:
>
> «12 [октября 1791 года]. Курьер к 5 часам пополудни, что Потемкин повезен из Ясс и, не переехав сорока верст, умер на дороге 5-го октября, прежде полудня… Слезы и отчаяние. В 8 часов пустили кровь, в 10 часов легли в постель.
>
> 13. Проснулись в огорчении и слезах. Жаловались, что не успевают приготовить людей. Теперь не на кого опереться».
>
> Здесь, конечно, примечательнее всего, что Екатерина скорбит не об утрате любимого человека, а о потере ценного помощника. Собственно, о себе самой: не на кого опереться.

Скоро, впрочем, царица нашла, на кого опереться, и выбор этот был жалок, да и весь последний, постпотемкинский период царствования Екатерины, связанный с новым временщиком, выглядит тускло.

Вообще-то фаворит был не таким уж и новым. Молоденький конногвардеец Платон Зубов к тому времени уже года два как пользовался особой милостью государыни, но Потемкина побаивался и вел себя тихо. Царица писала светлейшему: «Твой корнет непрерывно продолжает свое похвальное поведение, и я ему должна отдать

истинную справедливость, что привязанностью его чистосердечной ко мне и прочими приятными качествами он всякой похвалы достоин». И еще так: «Это очень милое дитя, имеющее искреннее желание сделать добро и вести себя хорошо. Он не глуп, сердце доброе, и я надеюсь, он не избалуется».

Григорий Потемкин. *Неизвестный художник. XVIII в.*

С исчезновением Потемкина милое дитя, конечно, быстро избаловалось и стало претендовать на участие в управлении – а стареющая Екатерина только умилялась и считала пустого мальчишку выдающимся талантом.

Все мемуаристы отзываются о Зубове самым уничижительным образом. Он был неумен, вздорен, невежествен, капризен и относился к той породе людей, которые чувствуют свою значительность, лишь унижая окружающих. В желающих поунижаться недостатка не было, ведь от всемогущего фаворита зависели карьера и всяческие блага. «Всё ползало у ног Зубова, он один стоял и потому считал себя великим. Каждое утро многочисленные толпы льстецов осаждали его двери, наполняя его прихожие и приемные», – пишет Шарль Массон, в то время секретарь будущего царя Александра. Посетители, в том числе крупнейшие сановники, смиренно, иногда несколько часов, дожидались, пока Платон соизволит к ним выйти в халате. Подойти к временщику с просьбой можно было, только пока его причесывали и напудривали – да и то лишь если подзовут.

Платон Зубов. *И.-Б. Лампи-Старший*

Хуже всего было то, что ничтожный молодой человек лез во все государственные дела – внутренние, внешние, военные, а старая императрица ему потакала. И продолжалось это целых пять лет, вплоть до смерти Екатерины. Платон Зубов стал графом и князем, генерал-фельдцейхмейстером, сменил Потемкина на посту Новороссийского наместника, даже возглавил Черноморский флот – всё не покидая дворцовых покоев.

Под конец Зубов втянул Екатерину в совершеннейшую авантюру с походом в Персию, чтобы оттуда через всю Малую Азию идти на Константинополь. Армию, посланную на Кавказ, возглавил брат фаворита Валериан, ради такого случая произведенный в генерал-аншефы несмотря на свои 25 лет. Сразу после кончины Екатерины эту затею пришлось срочно сворачивать.

Последнюю главу любовных приключений великой государыни можно было бы по-водевильному назвать «Беда от нежного сердца», когда б эта нежность не стала бедой для всей России.

Таким образом, среди фаворитов императрицы была только одна значительная личность – Потемкин. Удивительно, однако, другое. Эта великая эпоха вообще оказывается скудна на крупных государственных деятелей. Мы видим вокруг Екатерины, во всяком случае, во второй половине ее царствования, лишь скромных помощников. Обстоятельного рассказа почти никто из них не заслуживает. Причина заключается в том, что, укрепившись на престоле, Екатерина желала править сама и нуждалась не в соратниках, а в исполнителях. При обилии ярких людей на периферии (в армии, в провинции, во флоте) непосредственно около престола таковых не наблюдалось.

Исключением являлся разве что граф Никита Иванович Панин (1718–1783), позволявший себе отстаивать собственную линию и перечить императрице, но Екатерина терпела это лишь до поры до времени, и чем дальше, тем меньше.

Почти случайно захватив власть, она совершенно растерялась, не зная, как управлять империей. Будучи женщиной умной, Екатерина, конечно же, понимала, что ее друзья-гвардейцы для этого непригодны. Она щедро их наградила, но в правительство не позвала. Деятелям прежней эпохи – Бестужеву, Воронцову, Шуваловым – она не доверяла. Единственным зрелым, знающим и притом «своим» человеком для нее

был Панин, опытный дипломат, а в последние два года главный воспитатель наследника.

> Долгое время прожив в Европе, Никита Иванович проникся идеями Просвещения, что делало его единомышленником Екатерины (чуть ли не единственным в тогдашней России). Как и она, он верил в полезность правового государства, в свободу торговли, любил порассуждать о вреде крепостного права. Человек это был достойный, с принципами и обладал эксцентричной для своей среды чертой – неалчностью. Когда царица пожаловала Панину девять с половиной тысяч крестьян, тот почти половину передарил своим подчиненным, что невероятно поразило современников.
>
> Недостатком Никиты Ивановича были леность и сибаритство. Французский автор Жан-Шарль Лаво, один из первых описателей екатерининской эпохи, рассказывает про графа: «Он очень любил еду, женщин и игру; от постоянной еды и сна его тело представляло одну массу жира. Он вставал в полдень; его приближенные рассказывали ему смешные вещи до часу; тогда он пил шоколад и принимался за туалет, продолжавшийся до трех часов. Около половины четвертого подавался обед, затягивавшийся до пяти часов. В шесть министр ложился отдохнуть и спал до восьми. Его лакеям стоило большого труда разбудить его, поднять и заставить держаться на ногах. По окончании второго туалета начиналась игра, оканчивавшаяся около одиннадцати. За игрой следовал ужин, а после ужина опять начиналась игра». Пишут, что государственными делами Панин занимался не более часа в день.

И тем не менее в течение двух десятилетий Никита Иванович вполне успешно руководил российской дипломатией, а также довольно активно – по крайней мере вначале – пытался влиять на внутреннюю политику империи. Это он уберег Екатерину от рискованного шага – брака с Григорием Орловым. Когда вопрос обсуждался на Государственном Совете и никто не решился перечить царице, Панин сказал: «Императрица может поступать, как ей угодно, но госпожа

Орлова никогда не будет императрицей российской». И Екатерина послушалась: совет был мудр.

Но вскоре Панин стал убеждать ее учредить новый правительственный орган, Императорский совет, в который входили бы несколько «статс-секретарей», полномочных министров. Екатерина сначала подписала указ, однако, поразмыслив, его разорвала, сказав, что такой кабинет «со временем поднимется до значения соправителя, слишком приблизит подданного к государю и может породить желание поделить с ним власть» (чего, несомненно, и добивался Панин). Его вера в верховенство закона и формальных установлений противоречила принципу самодержавия, и Екатерина с ее осторожностью всё дальше расходилась с былым единомышленником. «Когда хочешь рассуждений и хороших общих принципов, – писала она, – нужно советоваться с Паниным, но отнюдь не в делах частных, ибо тут он начинает увлекаться и так как он очень упрям, то он только введет вас в заблуждение. Его доля – дела иностранные».

Никита Панин. *В. Боровиковский*

Но со временем и в иностранных делах меж царицей и ее ментором стали обнаруживаться разногласия. Панин был убежденным

сторонником союза с Пруссией, Екатерина же с 1780 года (пообщавшись с австрийским императором Иосифом, который, как уже говорилось, сумел найти ключ к ее сердцу), предпочитала ориентироваться на Вену. К этому времени Панин давно уже ее раздражал, и она была уверена, что понимает европейскую политику гораздо лучше. К тому же Екатерину тревожило, что Никита Иванович близок к наследнику: не замыслит ли старый интриган привести давно уже совершеннолетнего Павла к власти?

В 1781 году граф «испросил себе отпуск» (эвфемизм для отставки) и удалился в свое поместье, а вскоре после этого умер.

В восьмидесятые и девяностые годы Панина заменил деятель совсем иного калибра и свойства, более соответствовавший требованиям зрелой, уверенной в себе правительницы. Это был человек одаренный, огромной работоспособности и аккуратности, но лишь исполнявший приказы государыни и не помышлявший о самостоятельности.

Александр Андреевич Безбородко (1747–1799), родом украинец, попал к императрице в личные секретари около 1775 года и поразил ее двумя ценными качествами: феноменальной памятью и даром быстро составлять любые официальные бумаги, вплоть до самых сложных.

Это был идеальный для Екатерины помощник: он умел коротко и ясно излагать суть дела, схватывал на лету сказанное императрицей и затем придавал этой мысли чеканные формулировки.

> Рассказывают, что однажды его истребовали во дворец с указом, который Безбородко обещался составить. На беду секретарь запил (была у Александра Андреевича эта неоригинальная слабость) и документа не приготовил. Он кое-как протрезвился, окатившись ледяной водой и пустив себе кровь, нарядился, понесся к царице. Та спросила, готов ли указ. Безбородко с поклоном достал бумагу и прочитал вслух текст, вызвавший у Екатерины полное одобрение. Но когда она велела дать ей бумагу, чтобы взглянуть еще раз глазами, оказалось, что лист пуст. Секретарь импровизировал.

Поначалу Безбородко был только секретарем, затем докладчиком, а после отставки Панина стал главной фигурой дипломатического

ведомства. Екатерина рассудила, что ей там нужен не генератор идей, а добросовестный чиновник.

И, тем не менее, не следует считать Александра Андреевича всего лишь безвольной тенью императрицы. Безбородко был человеком весьма непростодушным, сильно отличаясь этим от знаменитого петровского кабинет-секретаря Макарова.

Во всякой единовластной системе истинное влияние чиновника определяется теснотой общения с властителем, а тут с Безбородко не мог соперничать никакой фаворит. Другая истина состоит в том, что лицо, подбирающее для правителя рабочую повестку и докладывающее о насущных делах, часто становится хвостом, который вертит собакой. Нет сведений о том, что Безбородко проводил ту или иную политическую линию, но он, безусловно, использовал «близость к телу» для укрепления своего положения и во времена Потемкина считался второй по важности персоной империи. Взяток Безбородко не брал, да в установленной Екатериной системе стимулирования, в том и не было необходимости. Будь мил государыне – и получишь больше, чем наворовал бы. Поэтому Александр Андреевич имел и чины, и графский титул, и десятки тысяч крепостных, и огромное богатство – всё было обретено самым что ни на есть легальным образом.

А. Безбородко. *И.-Б. Лампи-Старший*

Однако в последние годы положение Безбородко сильно пошатнулось, потому что фаворит Зубов не желал терпеть подле матушки-царицы других конфидантов, а Екатерина своему любимому «резвуше» ни в чем не отказывала. Осторожный украинец не стал открыто конфликтовать с временщиком, а принялся ждать своего часа. И час этот со временем пришел.

Алексей Орлов. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Наконец, перечисляя соратников Екатерины, нельзя пропустить Алексея Орлова, тем более что этот энергичный честолюбец очень стремился вершить государственные дела. Императрица его ценила, но

не слишком приближала. Во-первых, несколько побаивалась (Алексей Григорьевич действительно был человек опасный), а во-вторых, видимо, самый его вид навевал на ее величество неприятное воспоминание об убитом муже.

Заслуги этого Орлова перед царицей были велики. Он более всех способствовал успеху переворота; расчистил для нее престол, не убоявшись злодейства; позднее с той же нещепетильностью избавил Екатерину от самозванки Таракановой. Но всё это были подвиги закулисные, которые пристойная власть предпочитает публично не превозносить.

Однако во время первой турецкой войны на долю Алексея Орлова нечаянно выпала большая слава. Граф выпросил себе у государыни очередное трудное задание: поднять в Греции антитурецкое восстание. По своему положению он был назначен номинальным командующим русской эскадры, отправившейся в Средиземное море, чтобы тревожить врага с тыла, притом что кораблями Орлов командовать не умел и, кажется, вообще на море до того не бывал. С восстанием у графа ничего не вышло, но по счастливому стечению обстоятельств русский флот (которым на самом деле руководили два боевых адмирала – Спиридов и Эльфинстон) одержал блестящую победу при Чесме. Вся заслуга досталась Алексею Григорьевичу. Он получил имя Орлова-Чесменского и на время сделался главным героем империи. Французский дипломат Сабатье де Кабр в то время писал: «Граф Алексей Орлов – самое важное лицо в России… Екатерина его почитает, любит и боится… В нем можно видеть властителя России».

Но удачливости и напора в этом человеке было больше, чем ума. Понаблюдавший за ним император Иосиф счел графа «нахрапистым, прямолинейным и ограниченным». Скоро чесменский герой утомил царицу своими претензиями, и она сочла за благо держать его подальше от двора, так что «властителем России» он не стал.

Вот, собственно, и вся екатерининская плеяда главных государственных деятелей. У Петра соратники были и многочисленней, и ярче. Вероятно, дело в том, что тому государю не приходило в голову считаться с кем-то величием и славой, а тщеславная Екатерина желала сиять одна.

Дела внутренние

Реформы: великие планы и скромные результаты

Еще не придя к власти, а лишь мечтая о ней, молодая Екатерина собиралась перевернуть горы. «Я желаю, я хочу лишь добра стране, куда бог меня привел; слава страны – моя собственная слава; вот мой принцип; была бы очень счастлива, если бы мои идеи могли этому способствовать. Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты, – вот принцип, от которого я отправляюсь. Власть без народного доверия ничего не значит для того, кто хочет быть любимым и славным; этого легко достигнуть: примите за правило ваших действий, ваших уставов благо народа и справедливость, неразлучные друг с другом, – свобода, душа всех вещей, без тебя все мертво. Я хочу, чтоб повиновались законам, а не рабов; хочу общей цели сделать людей счастливыми, а не каприза, не странностей, не жестокости». В сущности, история этой правительницы, исполненной самых лучших намерений, трагична, ибо представляет собою цепь сплошных разочарований и полный отказ от всех идеалов. Деяния Екатерины, направленные не на величие империи (о котором в вышеприведенной сентенции ни слова), а на «благо народа и справедливость», были немногочисленны и, в общем, малозначительны. Гора родила мышь.

А между тем огромная, бедная, плохо устроенная страна очень нуждалась в переустройстве. В ней ничто нормально не работало. Порядка и стройности в этом государстве было меньше, чем в империи Чингисхана, которую когда-то брал за образец для подражания Иван Третий. Даже высшая власть, главный и единственный стержень этой рыхлой конструкции, не имела ясных полномочий и правила страной в «ручном режиме», часто хватаясь за второстепенные дела и упуская важные.

Центрального правительства как такового не существовало. Исполнительная и законодательная функции не были толком разделены, не имелось и единой системы законов. Суды работали плохо, не справляясь с потоком дел. В начале екатерининского царствования Юстиц-коллегия докладывала, что нерассмотренных дел накопилось за шесть тысяч, причем некоторые «висели» уже более полувека.

Еще хуже было на периферии, где царили произвол и беспорядок. А ведь держава была обширной и подавляющее большинство населения жили под властью местного начальства, почти не контролируемого сверху.

Военно-бюрократическая империя, созданная Петром Великим, сильно хромала на вторую ногу: была недостаточно и бестолково бюрократической.

Таким образом, неотложными задачами для России – даже если оставить в стороне «общую цель сделать людей счастливыми» – были реформы в области центральной власти, местной администрации и правовой системы.

Екатерина очень хорошо это сознавала и в первом же своем манифесте – о восшествии на престол – торжественно заявила, что установит «законы к соблюдению добраго во всем порядка».

Я уже коротко упоминал об административном проекте Никиты Панина, разработанном вскоре после переворота. Граф Никита Иванович справедливо указывал, что монарх не может справляться со всем объемом работы по управлению империей, и предложил реорганизовать правительство по шведскому образцу, который хорошо изучил, будучи послом в Стокгольме.

Идея состояла в том, чтобы учредить Императорский Совет, «верховное место», где заседали бы отраслевые министры (само слово тогда еще не вошло в обиход и этих высших чиновников именовали «статскими секретарями» либо «императорскими советниками»). Второй ветвью высшей власти являлся бы Сенат, который сконцентрировался бы на законодательной деятельности и тоже был бы разделен на профильные департаменты.

Если бы проект осуществился, Россия все равно осталась бы неограниченной монархией, но государственные решения разрабатывались бы не царицей с очередным временщиком, за закрытыми дверями, а уполномоченными на то лицами. Панин деликатно называл это мерой «оградить самодержавную власть от скрытых иногда похитителей оныя».

Однако подобного «ограждения» Екатерина как раз и не хотела. В главной своей части, касавшейся Императорского Совета, проект был похоронен, и осуществилось только разделение Сената на шесть департаментов, притом довольно странное. Главное значение

приобрели первый департамент, ведавший всеми политическими делами, и четвертый, занимавшийся армией и флотом. Идея о сугубо законотворческой функции Сената не была реализована, и этот орган остался чем-то промежуточным. Реальной властью он не обладал, и со временем императрица почти перестала в нем появляться.

Этим, собственно, вся реформа центрального управления и ограничилась. Нормально работающее правительство с отраслевыми министерствами появится в России уже после Екатерины.

Очень возможно, что одной из причин неуспеха панинской затеи было честолюбие молодой царицы, которой не хотелось ни с кем делиться славой великого реформатора. Дело в том, что у Екатерины возник гораздо более грандиозный план преобразований, но он требовал осторожности и долгой подготовки. И осмотрительности, и трудолюбия, и терпения у императрицы хватало. Она не торопилась.

Как уже говорилось, первые несколько лет у нее ушли на то, чтобы попрочнее усесться на престоле. Наконец, уверившись, что опасности нет, Екатерина взялась за работу и сделала это со всей своей немецкой обстоятельностью.

Не приводить в логическую взаимосвязь старые законы, а разработать новое законодательство, построенное на принципах гуманизма и европеизма, – вот в чем состояла идея, действительно величественная.

Екатерина собственноручно, втайне от всех, написала программу, которую назвала «Наказом». Имелось в виду, что монархиня даст будущим законодателям свой наказ: какого взгляда придерживаться, а те уже разработают кодекс.

«Россия есть европейская держава, – писала ученица Вольтера и Монтескье, – Петр I, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобности, каких он и сам не ожидал». Из этого делался вывод, что рецепт благоденствия для России – стать европейской державой не только по одежде, но и по сути. Обширный документ был проникнут духом либерализма и вольномыслия.

Впрочем, революционность «Наказа» начала усыхать еще до его опубликования. Всегдашняя осторожность побудила царицу проверить свое сочинение, как мы выразились бы теперь, на «референтной группе» из числа людей, с чьим мнением она считалась. Всем было

дозволено высказывать критические замечания без опаски. И здесь выяснилось, что русские рецензенты многих положений «Наказа» не разделяют и не поддерживают. Екатерина приняла это к сведению и, по ее собственным словам, больше половины пунктов убрала, но на этом не остановилась и вскоре подвергла текст еще одной проверке, собрав группу других, «вельми разномыслящих» рецензентов. Программа сократилась еще вдвое. Но и в окончательной редакции «Наказ», состоявший из двадцати двух разделов, производит сильное впечатление. Когда он был напечатан, о нем заговорила вся просвещенная Европа, а на родине великих философов, во Франции, эту брошюру даже запретили.

Императрица высказывала пожелание, чтобы все граждане были равны перед законом. (Правовое государство!).

Предлагала отменить уголовную ответственность за высказываемые суждения: «Слова не вменяются никогда во преступление, разве оные приуготовляют, или соединяются, или последуют действию беззаконному». (Свобода слова!).

О религии писала: «В толь великом государстве, распространяющем свое владение над толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок – запрещение или недозволение их различных вер». (Свобода совести!).

Автор «Наказа» высказывался против пыток и против смертной казни, ибо «при спокойном царствовании законов и под образом правления, соединенными всего народа желаниями утвержденным, в государстве… не может в том быть никакой нужды, чтоб отнимати жизнь у гражданина».

Об отмене крепостного права в тексте ничего не говорилось, но в качестве первого шага к выводу крестьян из рабского состояния Екатерина требовала уважения к их труду. «Не худо было бы давать награждение земледельцам, поля свои в лучшее пред прочими приведшим состояние». Пассажи на эту тему даже трогательны: «В Китае богдохан ежегодно уведомляется о хлебопашце, превозшедшем всех прочих во своем искусстве, и делает его членом осьмого чина в государстве. Сей Государь всякий год с великолепными

обрядами начинает сам пахати землю сохой своими руками». Здесь вам и модная «шинуазери», и немножко Жан-Жака Руссо – одним словом, прекрасный литературный текст.

Я даю выдержки из великого плана Екатерины мелким шрифтом, потому что эти достохвальные прожекты остались только на бумаге. Но даже и в документе все свободомыслие программы сразу перечеркивается декларацией о незыблемости самодержавной власти с логическим обоснованием этого принципа: «…Никакая другая, как только соединенная в его [монарха] особе власть, не может действовати сходно со пространством столь великого государства. Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление, отдаленностию мест причиняемое. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно. Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим».

Оставив в стороне сомнительность этой аргументации, замечу лишь, что Екатерина, как многие последующие российские либеральные реформаторы, явно не понимала, что введение каких бы то ни было элементов правового государства и личных свобод ставит под угрозу самое «ордынскую» государственность, подрывая ее несущие опоры, и грозит стране потрясениями. Тут или одно или другое. Вместе – и удерживать всю полноту власти, и либеральничать – не получится. Российские государи-реформаторы следующего столетия убедятся в этом на горьком опыте, а освободивший крестьян Александр II даже поплатится жизнью.

В самом конце 1766 года Екатерина издала указ, приведший в изумление всю умевшую читать Россию: велела прислать в древнюю столицу Москву со всей страны депутатов (новое для русских слово), «для того, дабы лучше нам узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа». После этого общественные представители должны были принять свод справедливых законов «понеже наше первое желание есть видеть наш народ столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и довольствие могут на сей земле простираться». Еще одно

поразительное новшество состояло в том, что депутатов предписывалось *избирать*, да не только из числа привилегированных сословий, но и из государственных (то есть лично свободных) крестьян, казаков, мещан, даже инородцев. Чтоб депутаты не страшились говорить смело и обладали материальной независимостью, им предоставлялась пожизненная неприкосновенность и щедрое жалованье.

По спущенной сверху квоте выходило, что дворян и чиновников в составе созываемой Комиссии окажется непропорционально много (больше трети), но и это было очень умеренно для страны, которой доселе безраздельно управлял лишь один класс – помещичий.

31 июля следующего 1767 года избранные депутаты, 460 человек, торжественно приступили к работе, предварительно ознакомившись с «Наказом» императрицы.

Из громкого, монументального начинания ничего не вышло, да и не могло выйти.

Первая причина заключалась в том, что из-за отсутствия практического опыта организации подобных форумов деятельность Комиссии сразу же оказалась парализована. Согласно желанию императрицы, депутаты привезли с собой встречные наказы от своих избирателей. Представлялось логичным сначала ознакомиться с этими петициями и предложениями. Слушали их всем собранием. Каждое выступление вызывало вопросы и дискуссии, а всего наказов имелось около тысячи… На московском съезде успели обсудить двенадцать, а продолжили лишь в следующем году, уже в Петербурге.

Но главная проблема заключалась даже не в логистике – в конце концов, рано или поздно научились бы, приспособились. Хуже было другое.

Встреча лучших людей страны обнаружила, что русское общество середины XVIII века совершенно не готово к свободам и не хочет их. В Англии семнадцатого века королевский эксперимент с созывом парламента закончился революцией. То же произойдет в 1789 году, когда Людовик на свою голову соберет во Франции Генеральные Штаты. Когда народу позволяют открыто обсуждать проблемы абсолютной власти, для нее это обычно плохо заканчивается.

Аллегория, изображающая дарование «Наказа». *П.-Ф. Шоффар*

В России же екатерининский «протопарламент» начал с того, что всеподданнейше попросил государыню принять титул Великой и Премудрой Матери отечества. Екатерина от такого раболепства даже разгневалась: «Я им велела сделать Российской империи законы, а они делают апологии моим качествам».

В стране, где отсутствовали средний класс и буржуазия, где горожане составляли только 3 % населения, где ни одно из сословий, даже дворянское, еще толком не сформировалось, идея общественного участия в управлении государством (хотя бы на уровне законотворчества) пока была утопией.

Екатерина, не решившаяся затронуть тему крепостного права, надеялась, что депутаты поднимут этот вопрос на заседаниях – хотя бы в качестве отдаленной перспективы. И это действительно произошло, но совсем не так, как мечталось царице. Дискуссия о крепостничестве получилась весьма бурной. Однако депутаты спорили не о том, как и когда освободить крестьян, а о том, как их еще больше закрепостить. Недворянские сословия – купцы, священники, казаки – обижались, что лишены права тоже владеть «душами».

Никакого свода законов все эти люди, рассматривавшие съезд как площадку для отстаивания своих узких интересов, не выработали. Единственная польза от великой екатерининской инициативы состояла в том, что из депутатских наказов императрица узнала о многих местных проблемах. А еще – о том, что Россия пока совсем не Европа и править здесь надобно по-другому. «Комиссия Уложения, быв в собрании, подала мне свет и сведение о всей империи, с кем дело имеем…», – напишет она впоследствии.

Разочаровавшись в Комиссии, царица стала ею тяготиться и воспользовалась начавшейся турецкой войной, чтобы прекратить съезды «доколе от нас паки созваны будут». «Паки» так никогда и не наступило.

После этого неудачного эксперимента матушка-государыня правила и издавала законы по-старинному, по-самодержавному, избегая резких перемен.

Основные реформы были осуществлены в семидесятые и восьмидесятые годы, в относительно тихий период между двумя большими войнами. Эти преобразования были лишь бледной тенью первоначальных великих замыслов, да и к таким, весьма умеренным шагам императрицу подтолкнуло кровавое народное восстание, показавшее, что оставаться в прежнем виде государство более не может.

Самым слабым местом империи была периферийная власть, оказавшаяся беспомощной перед пугачевщиной. В несколько этапов, очень не быстро, Екатерина произвела существенную перестройку всех нижних этажей административной пирамиды.

Прежде всего было упорядочено и перебалансировано территориальное разделение империи. Ранее губернии очень сильно различались по населению (самая большая была в пять раз больше самой маленькой). Теперь же все области стали примерно равны, в каждой по 300–400 тысяч жителей. Московская губерния, например, разделилась на шесть самостоятельных частей. Всего же к концу царствования Екатерины таких административных округов насчитывалось пятьдесят один. Губернии делились на уезды – тоже примерно одинакового размера.

Другим важным событием стала реорганизация местных органов управления. Вводилась довольно сложная система разграничения полномочий. Административная «вертикаль» осталась неприкосновенной – полномочным хозяином по-прежнему оставался губернатор, которого Екатерина именовала «истинным опекуном *врученной от нас ему*» области, тем самым подчеркивая непререкаемость власти своего назначенца. Но отныне при губернаторе появилось несколько бюрократических органов, ведавших каждый своим делом. Казенная палата занималась финансами; уголовная палата – преступлениями; гражданская палата – тяжбами. Тот же принцип разделения властей вводился и на уездном уровне, только там высшей инстанцией являлся капитан-исправник.

В губернских городах кроме того учреждались новые институты: совестной суд как первая инстанция для внесудебного разрешения споров и, что было особенно важно, ведомство «общественного призрения», занимавшееся устройством школ, больниц, приютов и богаделен.

В общем и целом эта екатерининская система сохранилась вплоть до конца монархии, а стало быть, оказалась разумной и эффективной. Дополнительным плюсом было существенное увеличение числа городов: более двухсот сел были объявлены уездными центрами и теперь начали жить городской жизнью, по особым установлениям, определенным «Уставом благочиния» (1782) и «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» (1785). Это значило, что в стране существенно возрос процент горожан, а кроме того за счет казенного строительства и размножения провинциального чиновничества понемногу стала меняться глубинная Россия, до которой раньше почти не доходили столичные европейские веяния.

Но это не вызвало настоящего оживления провинциальной жизни, потому что все движения по-прежнему контролировались сверху. Наоборот, центральный контроль стал еще жестче, для чего, собственно, и затевалась перетряска. Но с точки зрения «ордынского» устройства эти меры были совершенно логичны.

Из других существенных свершений нужно упомянуть секуляризацию церковных владений, которую провозгласил еще Петр III, а Екатерина отменила, боясь враждебного отношения духовенства к немке. Но мера была нужная, давно назревшая. За монастырями (а их в России насчитывалась почти тысяча) числились богатые земельные угодья и миллион с лишним крестьян. Государство забрало все это живое и неживое имущество себе, взамен выделив духовенству и монастырям казенное содержание. От этой акции доходы бюджета очень возросли, а священническое сословие превратилось в платных служителей престола, своего рода чиновников, что для самодержавия тоже было выгодно.

Отказавшись от намерения наделить подданных свободами и правами, вместо этого Екатерина время от времени *одаривала его царскими милостями* – она пришла к выводу, что при самодержавии такая форма благодетельствования более уместна. Эти высочайшие подарки, как и административная реформа, начинаются с 1775 года. После пугачевщины нужно было показать народу, что помещики, может быть, и плохие, но государыня-то хорошая.

Первая подобная акция формально была приурочена к победоносному окончанию тяжелой турецкой войны. Всемилостивейшим манифестом императрица «по склонной всегда к благодетельству воле нашей» объявляла амнистию участникам восстания и беглым крестьянам, отменяла все дополнительные налоги военного времени, а также упраздняла множество мелких поборов, существовавших с давних времен: на цирюльни, харчевни, салотопни, кузни и прочие ремесленные промыслы. Дохода в казну от них все равно было мало, а раздражения много. Этот указ иногда называют манифестом о свободе предпринимательства, поскольку всякий подданный мог теперь заниматься «рукоделиями» без специального разрешения.

Купечество отныне возводилось в отдельное сословие с особыми привилегиями и правами, но носить это звание могли лишь торговцы, кто имел более 500 рублей капитала. Их освобождали от подушной подати, заменяя ее легким налогом (1 % с годового оборота), а вскоре избавили и от рекрутской службы – при условии выплаты взноса в 360 рублей.

В 1779 году, помня о том, как охотно примкнули к восстанию бесправные заводские крестьяне, Екатерина повысила им плату за труд и несколько ограничила произвол заводовладельцев.

Таким образом, самыми полезными из екатерининских реформ были: во-первых, толчок к росту городов; во-вторых, развитие купечества, торговли и ремесел (из-за общей несвободы малозначительное); в-третьих, упорядочение местной администрации. Итог довольно скромный, притом последняя мера дала и некоторые побочные эффекты.

Она затормозила перемены в центральном правительстве, поскольку императрице стало казаться, что она отлично может управлять губернаторами сама, не делегируя властные полномочия никаким министрам. По формулировке С. Платонова, «центр тяжести всего управления был перенесен в области, и в центре оставалась лишь обязанность руководства и общего наблюдения». Правительственный аппарат при Екатерине был почти расформирован. Из коллегий значение сохранили только три: военная, адмиралтейская и иностранная. В последние, мрачные годы царствования, по мере того

как Екатерина старела и сдавала, а бездарный фаворит Зубов делался всё могущественней, слабость высшего звена власти стала для страны серьезной проблемой.

Бюрократизация областного управления укрепила властную «вертикаль», но платой за это стала новая напасть, доселе в России неведомая. Многократно увеличившееся чиновничество легло тяжкой нагрузкой и на бюджет, и на бесправное население. В бюрократической, бумажной державе казенные функционеры стали ощущать себя истинными хозяевами страны. Пресловутый «чиновничий произвол», на который будут сетовать все последующие поколения россиян, зародился при Екатерине Великой.

Где произвол, там и коррупция. Желая искоренить застарелую болезнь взяточничества, императрица впервые в российской истории стала платить чиновникам достаточное жалование и обеспечивать их пенсией за выслугу лет (раньше считалось, что приказные прокормятся за счет подношений). Прекраснодушия в царице оставалось еще много. Она писала: «…Мы особливо ныне надеемся, что все наши верноподданные, чувствуя материнское наше определением достаточного им жалованья милосердие, не прикоснутся к толь мерзкому лакомству, прелестному только для одних подлых и ненасытным сребролюбием помраченных душ». Но коррупция, как известно, совершенно неистребима там, где над исполнительными органами нет контроля со стороны общества, и чиновники, охотно получая жалование, лихоимствовали всё так же и даже хуже. Скоро Н. Карамзин даст свою знаменитую лаконичную дефиницию общему состоянию российских дел: «Крадут».

Население

В этой империи всё было диспропорционально.

Девяносто девять процентов населения обитало на трети территории, и всего один процент находился на огромных азиатских просторах за Уральским хребтом.

Хотя из-за учреждения уездных центров горожан стало вдвое больше, 94 % россиян все равно жили в деревне.

Большинство подданных, почти 60 %, являлись крепостными, то есть не обладали никакими правами и могли быть проданы, как

домашная скотина.

Духовных лиц в стране было в десять с лишним раз больше, чем купцов – молились здесь много усерднее, чем торговали.

Все управление сосредотачивалось в руках сотой части населения. Но к концу века из двухсот тысяч дворян мужского пола на службе состояла лишь небольшая доля: около 15 тысяч в военных чинах и примерно столько же в гражданских.

Самые существенные перемены произошли именно с этим одним процентом высшей прослойки российского общества. Превращение в военно-бюрократическую империю вызвало усложнение «вертикали», и теперь самодержавие нуждалось в более широкой опоре своей власти. Монархия окончательно выпустила дворян из петровских «ежовых рукавиц»; ей требовались не просто слуги, а кровно заинтересованные сторонники. Именно этим объяснялся поток милостей, излившихся на благородное сословие при Екатерине Второй.

Манифестом от 18 февраля 1762 года дворянам даровалось право не служить, свободно ездить за границу и даже поступать в иностранные армии. В следующем десятилетии российские дворяне дополнительно получили еще и механизм самоуправления. Указом 1775 года им разрешалось выбирать своих представителей в местные казенные учреждения и даже капитан-исправника, главу уездной администрации. Из разрозненных землевладельцев, живущих по соседству, дворяне превращались в своего рода «партийную ячейку», объединенную общими интересами и держащую в своих руках исполнительную, судебную, полицейскую власть.

Еще через десять лет вышла «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», законодательно предоставившая ему дополнительные привилегии: защиту от бессудной расправы и освобождение от телесных наказаний. Кроме того, утверждалась система выборов уездных и губернских дворянских предводителей, что завершило процесс консолидации сословия. Вводились губернские родословные книги, куда должны были записываться все благородные фамилии, – это еще больше повышало статус дворянского звания.

Божиею поспѣшествующею милостію
МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА
ВСЕРОССІЙСКАЯ.
Московская, Кіевская,
Владимирская, Новгородская,
Царица Казанская, Царица
Астраханская, Царица Сибир-
ская, Царица Херсониса Таври-
ческаго, Государыня Псковская

«Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства»

Имущественные различия внутри аристократии были огромны. Среднее помещичье семейство владело сотней душ, беспоместные дворяне могли вообще не иметь «живой собственности», а, скажем, у известного сибарита и покровителя искусств графа Петра Борисовича Шереметева (сына петровского фельдмаршала), имелось почти сто тысяч крепостных – больше, чем подданных у иного германского государя. И все же пропасть между последним прапорщиком и графом Шереметевым была неизмеримо меньше, чем между прапорщиком и его денщиком. Потому что граф и мелкий дворянчик перед законом были *личностями* с одинаковым набором прав, а денщик – живой вещью и никакими правами не обладал.

При Екатерине самодержавная форма правления преобразовалась в самодержавно-дворянскую. Из людей подневольных и, в общем, бесправных, какими они были в Московском царстве, а тем более при Петре I, дворяне фактически стали соправителями империи – во всяком случае на уровне провинций. Выражаясь языком современного бизнеса, они превратились из наемной рабочей силы в «миноритарных акционеров» корпорации, хотя «контрольный пакет» по-прежнему оставался у главного собственника.

В короткой перспективе эта реформа безусловно укрепила империю, но это была бомба замедленного действия, которая сдетонирует позднее. Наличие лично свободного, обладающего некими незыблемыми правами сословия нарушило два коренных условия «ордынской» модели. Во-первых, этот тип государства не предполагает никаких прав личности, ибо воля «великого хана» всегда должна быть выше закона, а во-вторых, все жители классической «ордынской» империи обязаны быть слугами государства.

С конца XVIII века самый деятельный и образованный класс перестает вписываться в эту систему координат. Сама идея свободы выбора (служить или не служить), право не подвергаться произволу и унижению, наконец просто праздность, которая людям умственно активным давала время для образования и размышления, пробудили – пусть у крошечной части населения – тягу к еще большей свободе. В

девятнадцатом веке именно в дворянском классе зародятся ростки движения, которое в конце концов погубит самодержавную монархию.

Но, по меньшей мере, девять из десяти россиян были крестьянами, и для этих людей жизнь менялась в прямо противоположном направлении: становилась еще несвободней и бесправней. Государственные, то есть лично свободные землепашцы по прихоти щедрой царицы раздаривались частным лицам, то есть переходили в крепостное состояние (она сделала 800 тысяч таких «живых подарков»); помещичьи же «души» все больше превращались в движимое имущество.

Этот процесс в глазах народа выглядел вопиюще несправедливым по контрасту с тем, как облегчилось существование господ. В прежние времена в тотальной несвободе, пронизывавшей общество сверху донизу, была своя логика: крестьяне служили своим барам, потому что те так же безропотно и пожизненно служили государству.

Ученица Вольтера и Дидро, желавшая облагодетельствовать русский народ (то есть, собственно, крестьян, которые и были русским народом), на всем протяжении своего царствования последовательно и неумолимо затягивала крепостнический ошейник.

В 1765 году помещики получили право отправлять своих крепостных «за предерзостное состояние» без суда на каторгу.

Еще через два года было воспрещено жаловаться на господ властям под угрозой кнута и Сибири, то есть отменялся древний обычай челобитных на высочайшее имя, единственная возможность сыскать управу на помещика.

Когда-то молодой крестьянин, желавший вырваться из рабства, мог добровольно записаться в солдаты – закрыли и эту возможность.

Обычной практикой стала продажа крепостных как любой другой собственности, в том числе и без земли – «на вывоз». Официально эта практика осуждалась, но газеты были полны объявлений о продаже людей, причем цена все время возрастала – товар пользовался высоким спросом. В начале царствования средняя стоимость «души» с землей составляла тридцать рублей, в конце – не меньше ста. Цена на слуг, в зависимости от их здоровья и умений, могла быть как много ниже, так и много выше – точно так же, как по-разному стоили рысак и простая кляча.

Чтобы оправдать крепостничество в глазах иностранцев, а возможно, и в собственных (она ведь любила самообманываться), Екатерина поздних лет изображала его в виде некоей патриархальной идиллии, которую впоследствии логически обосновали русские юристы. «…Общество гражданское не вдруг достигает своего совершенства, – писал один из них, доктор права М. Грибовский. – Бывает время, что часть членов его находится в состоянии, подобном детству; и пока государство не достигнет той степени совершенства, что действия всех членов его не могут уже поколебать общественного порядка, до тех пор рабство и власть господ необходимы».

Отзвук разглагольствований императрицы на эту тему можно услышать и в глубокомысленных рефлексиях французского посла де Сегюра, часто внимавшего императрице: «Русское простонародье, погруженное в рабство, не знакомо с нравственным благосостоянием, но оно пользуется некоторою степенью внешнего довольства, имея всегда обеспеченное жилище, пищу и топливо; оно удовлетворяет своим необходимым потребностям и не испытывает страданий нищеты, этой страшной язвы просвещенных народов». То есть, выходило, что нищета является следствием просвещения.

Не будем касаться нравственной стороны дела, которая очевидна. Но и с точки зрения государственной целесообразности, экономической конкурентоспособности, укрепление рабства в конце восемнадцатого века, когда по всей Европе происходил или подготавливался процесс прямо противоположный, было чудовищным анахронизмом. Оно сулило огромные проблемы в будущем – и с дефицитом рабочей силы, и с производительностью труда, и с развитием частной инициативы. Пока западные страны рвались к индустриальной революции и капитализму, Россия все прочнее увязала в архаике.

Продаются за излишествомъ дворовые люди: сапожникъ 22 лѣтъ женажъ его прачка, цѣна оному 500 руб., другой рѣщикъ 20 лѣтъ с женою, а жена его хорошая прачка, также и бѣлье шьетъ хорошо, и цѣна оному 400 руб., и все оные люди хорошего поведенія и трезвого состоянія. Видѣть ихъ могутъ на Остоженкѣ, подъ №309.

Продаются 3 девушки видные 14 и 15 лѣтъ и всякому рукодѣлію знающие, кошелѣки с вензелями вяжутъ и одна изъ нихъ на гусляхъ играетъ. Видѣть и о цѣне узнать Арбатской части 1 кв. №117.

Продаются шесть сѣрыхъ молодыхъ лошадей легкихъ породъ, хорошо выѣзжанныхъ в хомутахъ, которымъ последняя цѣна 1200 руб. Видѣть ихъ можно на Малой Никишской в приходѣ Стараго Вознесенія в домѣ князя Бориса Михайловича Черкасского.

Обычное газетное объявление

Не многим лучше была ситуация и в городах, которые в Европе той эпохи повсеместно становились локомотивами экономического и социального прогресса. В России они оставались всего лишь административными центрами. Из намерения молодой Екатерины завести собственное сословие «среднего рода людей» мало что вышло, да и не могло выйти. Уездная реформа переписала из крестьян в мещане несколько сотен тысяч человек, но большинство новоиспеченных горожан никак не относились к «среднему классу», это были все те же старомосковские «посадские».

«Грамота на права и выгоды городам Российской империи» 1785 года, определившая новое устройство городской жизни, наделила некоторыми правами лишь людей состоятельных: имевших капитал, владевших недвижимостью или занимавшихся какой-нибудь респектабельной профессией (медиков, архитекторов, художников и так далее). Они теперь заседали в городской думе, выбирали городского голову и пользовались рядом почетных привилегий. Но в количественном отношении это была очень малочисленная группа, не имевшая общественного веса. С европейской буржуазией ее нечего было и сравнивать. К тому же объявленное городское самоуправление носило скорее декоративный характер, как при Петре I, и истинным хозяином города являлся чиновник-городничий.

По-настоящему больших городов в империи было только два: Москва и Санкт-Петербург. В первой к концу века насчитывалось 250 тысяч жителей, во втором – 220 тысяч. Третьей по размеру была недавно присоединенная литовская Вильна, но там проживало всего 50 тысяч.

Иными словами, Россия по-прежнему была страной деревень и маленьких городов.

С точки зрения российского народонаселения, самая значительная перемена заключалась в том, что в результате экспансии страна окончательно превратилась в транснациональную империю, где иноязычные, инокультурные и иноконфессиональные элементы начали составлять изрядную часть подданных.

Обрусевшей немке Екатерине хотелось, чтобы все российские народности стали как-то пооднообразнее. Она говорила, что их надобно

«привести к тому, чтоб они обрусели бы и перестали бы глядеть, как волки в лесу». В этом духе царица и действовала.

Прибалтийские провинции постепенно утрачивали всякие признаки автономности, сделавшись Лифляндия – Рижским наместничеством, а Эстляндия – Ревельским.

На Украине императрица тоже решила больше не изображать, будто это некий протекторат. В 1764 году послушный гетман Кирилл Разумовский подал прошение об отставке – «о снятии столь тяжелой и опасной должности». Екатерина постановила, что гетманское правление «с интересом государственным весьма несходно», упразднила его, и Украиной стало руководить обычное государственное ведомство – Малороссийская коллегия. В 1775 году прекратила свое существование и некогда прославленная, но давно захиревшая Запорожская Сечь.

В результате разделов Польши держава приобрела новых подданных в лице правобережных украинцев, белоруссов, литовцев и поляков. Крестьяне этих новых земель тоже попали в крепостную зависимость, записанные в ревизские ведомости и потерявшие право свободного перемещения.

Присоединение обширных земель Речи Посполитой привело в российское подданство издавна обитавших там евреев, и русское правительство долго не могло придумать, как себя вести с этим народом, упорно державшимся за свою веру и обычаи. Обрусевать евреи совершенно не желали.

С этих времен постоянной головной болью российского правительства делается «национальный вопрос», вернее целый букет национальных вопросов: и еврейский, и польский, и украинский.

Но самый болезненный национальный конфликт екатерининской эпохи остался почти незамечен современниками.

В степях к востоку от нижнего течения Волги обитали калмыки, скотоводческий народ монгольского корня – довольно большой, около четверти миллиона человек. Они жили своим укладом, исповедовали буддизм, имели собственных правителей-ханов, вассальных по отношению к России. Калмыцкая конница исправно участвовала во всех больших войнах русских царей в качестве иррегулярных

частей, охраняла юго-восточные границы от набегов степных разбойников.

В восемнадцатом веке положение подобных национальных анклавов все время ухудшалось. Причиной тому были бесцеремонные попытки христианизации, постепенный захват земельных угодий русскими переселенцами и вмешательство чиновников во внутренние дела инородцев. При Анне и Елизавете бунтовали и пытались уйти за пределы империи башкиры. При Екатерине поднялись калмыки.

Этому предшествовала природная катастрофа – очень холодная зима, приведшая к падежу скота. Когда власти запретили свободную продажу хлеба, начался страшный голод.

Вместо того, чтобы нападать на царских чиновников, как это делали башкиры, кочевой народ просто решил покинуть столь неласковую страну. «Русские приставы, пользуясь их простотою и отдаленностию от средоточия правления, начали их угнетать, – пишет А.С. Пушкин, который один из первых исследовал эту трагическую историю. – Жалобы сего смирного и доброго народа не доходили до высшего начальства: выведенные из терпения, они решились оставить Россию и тайно снестись с китайским правительством».

В 1771 году хан Убаши увел основную часть народа прочь, чтобы переселиться в далекую Джунгарию. Русские войска пытались остановить исход, но не смогли.

Поход длился семь месяцев и превратился в настоящую катастрофу. От голода, лишений, стычек с враждебными племенами, погибли девять десятых людей.

В российском подданстве осталось не более четверти калмыков, которых Екатерина в том же году лишила права иметь собственных правителей.

Очень полезным обретением для России стали иностранные, прежде всего немецкие поселенцы, которых правительство приглашало на плодородные, но малонаселенные земли южной России, ставшие безопасными после прекращения крымских набегов. Этим предложением, в частности, охотно пользовались приверженцы сект и

учений, подвергавшиеся на родине гонениям (например, за отказ нести военную службу), а также просто семьи, желавшие бесплатно получить большие участки – по тридцать гектаров на семью.

Немцы селились колониями близ Волги и в Причерноморье, получая множество привилегий: тридцатилетнее освобождение от налогов и рекрутчины, денежную помощь, право жить по собственным обычаям и свободно исповедовать свою веру.

Между Волгой и Доном возникли сотни немецких колоний. Эти аграрные хозяйства, счет которых в следующем веке пойдет уже на тысячи, были зажиточными и отличались высокой производительностью труда, что и естественно, ведь там свободные люди работали сами на себя, а не на барина.

За восемнадцатый век Россия превратилась из почти моноэтнической страны, где в 1700 году собственно русские составляли по меньшей мере три четверти населения, в многонациональную империю. Титульная народность перестала быть большинством. К концу екатерининской эпохи 51 % жителей уже инородцы, хотя тогдашняя официальная статистика вела подсчеты иначе, записывая православных украинцев и белоруссов тоже в русские. Ассимиляция, форсированное «обрусение» слишком пестрого населения станет одной из главных забот правительства в девятнадцатом веке, однако с этой задачей многонациональная евразийская империя так и не справится.

Финансы и экономика

Приоритетной заботой империи всегда является увеличение государственных доходов. Имея статус великой державы и начиная претендовать на первенство в Европе, Россия в 1760-е годы сильно отставала от лидеров, Франции и Англии, по своим материальным возможностям. Если считать в тогдашних рублях, французский король распоряжался бюджетом в девяносто миллионов, Британия – в пятьдесят миллионов, российское же государство имело чуть больше пятнадцати.

К тому же финансы страны находились в чудовищном беспорядке. Правительство даже в точности не знало, сколько денег оно получает и сколько тратит.

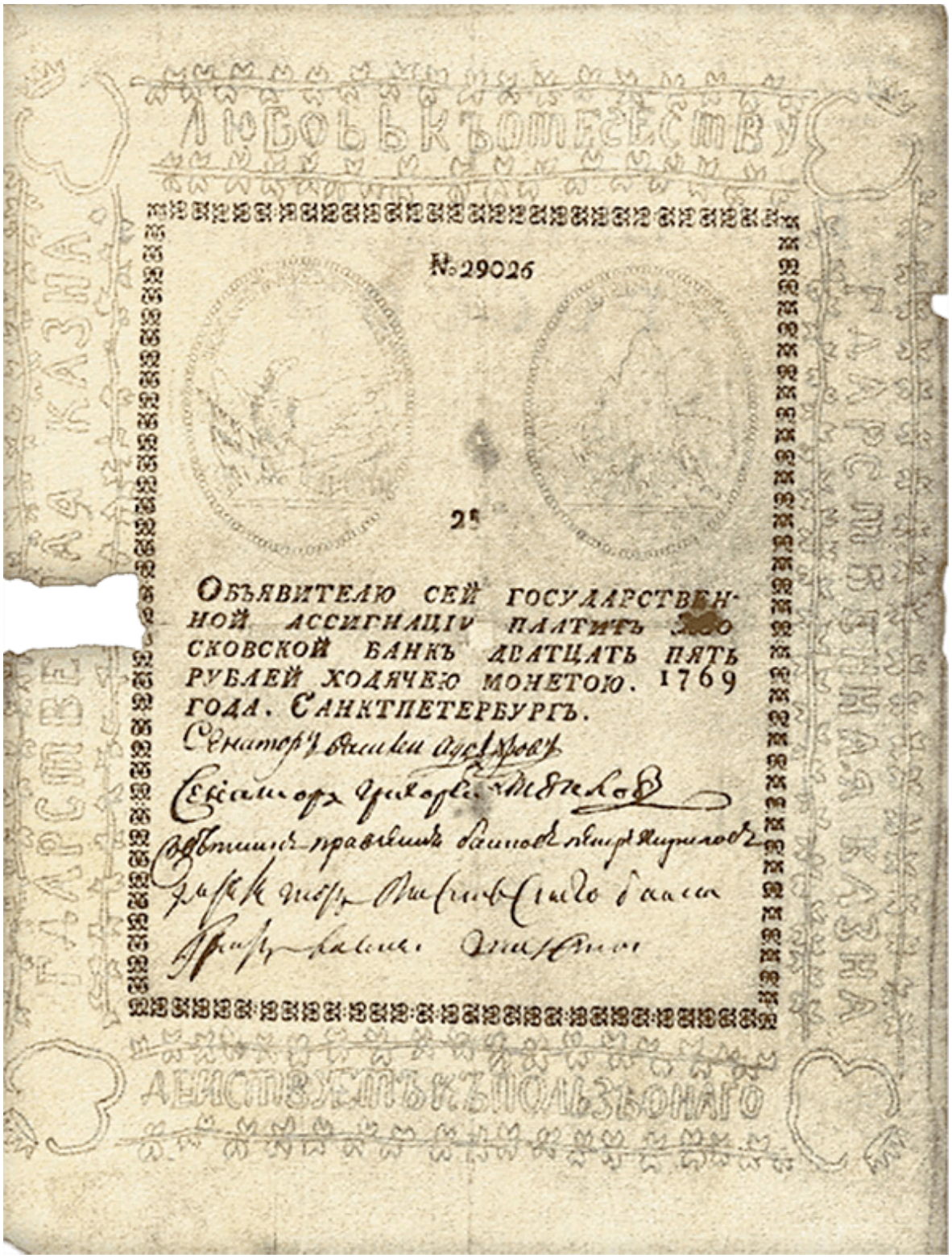
Придя к власти, Екатерина застала ситуацию, которую позднее описывала так: «Я нашла сухопутную армию в Пруссии, за две трети жалования не получившею. В статс-конторе именные указы на выдачу семнадцати миллионов рублей не выполненные. Монетный двор со времени царя Алексея Михайловича считал денег в обращении сто миллионов, из которых сорок миллионов почитали вышедшими из империи вон. Почти все отрасли торговли были отданы частным людям в монополии. Таможни всей империи сенатом даны были на откуп за два миллиона…» Одним словом, денег ни на что не хватало.

Новой государыне очень хотелось поразить народ своим великодушием, и начала она с того, что понизила цену на казенную соль, а образовавшуюся от этого недостачу бюджета велела покрыть из собственных «комнатных» денег. Кроме того Екатерина наложила временный запрет на экспорт зерна, что привело к удешевлению хлеба.

Однако скоро императрице пришлось покончить с подобного рода милостями, опустошавшими и так небогатую казну. Империя – очень дорогая государственная модель, требующая огромных средств на вооруженные силы, на бюрократию, на оплату казенных военных заказов, на содержание пышного двора, сакрального атрибута высшей власти.

И в екатерининскую эпоху бюджет рос год от года. В 1763 году он составлял 16,5 миллионов; в 1765 году – 21,6 миллиона; в 1766 – 23, 7 миллиона и так далее. В конце правления Екатерины государственная казна получала уже 68 миллионов, то есть доходы выросли вчетверо.

До некоторой степени столь колоссальный прирост объяснялся присоединением новых территорий и увеличением податного населения, но дело было не только в этом.



Одна из первых ассигнаций

Милостивая государыня норовила выжать из своего нищего народа всё больше и больше денег. Подушевая подать увеличилась, хотя крестьяне с посадскими богаче не стали. Еще больше, в три с лишним раза, вырос «питейный сбор», то есть, по выражению В. Ключевского, «каждая душа в сложности стала пить в пользу казны более чем в три раза, это значит, что она во столько же раз стала менее способной работать и платить». Официальная цена ведра вина (до продажи в розлив) на 71,5 % состояла из налога, шедшего в казну. Спаивание народа приносило государству ежегодно всего четыре миллиона рублей в начале царствования Екатерины и почти семнадцать миллионов в 1790-е годы.

Новым источником доходов стал государственный кредит, придуманный еще при Петре III, но на практике введенный только в 1768 году из-за необходимости оплачивать турецкую войну. Был учрежден ассигнационный банк и – под предлогом «тягости медной монеты» – выпущены бумажные деньги. Поначалу они ходили по номиналу, но государство, не знакомое с законами инфляции, тиражировало купюры безо всякой меры. За несколько лет ассигнаций было напечатано на фантастическую сумму в 150 миллионов рублей, так что на металлические деньги их стали обменивать по курсу 2:1.

Кроме того при Екатерине у правительства вошло в обычай брать деньги взаймы за границей, и к середине 1790-х годов внешний долг достиг 44 миллионов рублей. Общая же задолженность государства, если прибавить ассигнационный кредит, превышала четверть миллиарда. Никогда еще Россия не была в такой финансовой яме, как в эту великую эпоху.

Если учесть, что турецкие войны обошлись почти в 140 миллионов и даже в мирное время на вооруженные силы приходилось ежегодно расходовать по двадцать пять миллионов, удивляться нечему. Во время первой войны пришлось даже учредить экстренные налоги, приносившие по 630 тысяч в год. Закончилось это пугачевским восстанием, убытки от которого были во много раз больше.

Конец восемнадцатого века – время, когда в развитых странах Европы, прежде всего в Англии, разворачивалась индустриальная революция. Быстрее всего развивались металлургическая и текстильная промышленность, огромный рывок сделала торговля.

Росли эти производства и в России, где, благодаря богатым месторождениям руды, почти втрое увеличилась выплавка чугуна и почти вдвое выплавка стали. Появилось множество хлопчатобумажных фабрик, полотняных мануфактур.

Но рост промышленности мог бы быть гораздо значительнее, если б не тормозился двумя хроническими недугами: слабым развитием городов и нехваткой рабочих рук. Основная масса работников была прикреплена к земле или обслуживала господ в качестве «дворовых», из-за этого приходилось повсюду использовать малопроизводительный подневольный труд – на заводах, стройках, рудниках.

Но даже и таких, лично несвободных «фабричных» в России к концу века насчитывалось всего 100 тысяч, то есть меньше одного процента всех занятых. В Англии же к этому времени сельским хозяйством жила лишь треть работающих – основная часть трудовой силы перетекла в промышленность.

Что касается торговли, то, с одной стороны, ввоз и вывоз товаров при Екатерине очень увеличился (в значительной степени благодаря появлению черноморских портов). В 1790 году, то есть накануне больших европейских войн, разрушивших коммерцию, стоимость российского экспорта составляла двадцать семь с половиной миллионов рублей, что приносило казне большие прибыли от таможенных сборов. Однако до Британии, экспорт которой в том же году равнялся 125 миллионам, и Франции (более 100 миллионов), России было далеко, а кроме того, существовала огромная диспропорция между внешним и внутренним товарооборотом.

Внутри страны товарно-денежные отношения едва теплились. У населения было очень мало наличности, повсеместно преобладало натуральное хозяйство. Русские крестьяне сами себя кормили, одевали, обували, сами же изготавливали орудия своего труда. В конце столетия средний подданный империи тратил за целый год всего 17 копеек, да и то, вероятно, преимущественно на выпивку.

Держава была великой в военном отношении, но не в промышленном и не в торговом. В этом смысле при Екатерине II мало что изменилось.

Приближение грозы

В царствование Екатерины разразился самый обширный народный бунт за всю русскую историю. Непосредственным толчком к нему, как и во всех предыдущих подобных случаях (восстания под предводительством Болотникова, Разина, Булавина), стали лишения, вызванные затяжной войной, но причины следует искать во внутриполитическом курсе, который проводило правительство. За предшествующее десятилетие положение крестьян все время ухудшалось. Желая заручиться поддержкой дворянства, Екатерина делала это за счет крепостных, которые теперь не могли даже пожаловаться на свои обиды. Кроме того, освободившись от обязательной службы, многие дворяне стали жить дома, по деревням, и злоупотребляли своей помещичьей властью, что сильно обостряло отношения между господами и их рабами.

Активными участниками народной войны стали еще три группы населения, тоже очень недовольные своим положением: заводские крестьяне, влачившие совершенно каторжное существование; приволжские нехристианские народы, и прежде не раз восставшие против притеснений; наконец, городские низы, на которые тяжелым грузом легло введение временных военных налогов.

Положение усугублялось тем, что из-за войны с турками внутри страны оставалось мало войск.

При этом нельзя сказать, чтобы пугачевское восстание грянуло внезапно, как гром среди ясного неба. Большой грозе предшествовали тревожные раскаты грома, которым правительство не придало должного значения.

Первым таким предупреждением был московский Чумной бунт.

Страшная зараза стала проникать в страну после того, как русские войска вошли в охваченную эпидемией Молдавию. В старой столице небольшая вспышка болезни случилась в январе 1771 года, но из-за холодов скоро прекратилась, и престарелый московский генерал-губернатор граф Салтыков (победитель при Кунерсдорфе) не озаботился никакими превентивными мерами.

С приходом тепла чума стала набирать силу, так что к концу лета ежедневно умирало по несколько сотен человек. Надо было оцепить город кордонами, но у Салтыкова не хватало на это солдат, а организовать заставы каким-то иным образом он не умел и лишь

набивал больницы и карантины заразившимися. Смертность от этого лишь возрастала. Из двенадцати тысяч московских домов в половине кто-нибудь болел, а в трех тысячах домов умерли все, кто там жил.

В городе царили ужас и паника, причем больше всего люди боялись именно больниц и карантинов. Из-за отсутствия всяких представлений о гигиене эпидемия все время расширялась: кто-то грабил умерших и заражался от них, больные сбегали от врачей. Власть выглядела совершенно беспомощной.

Самая эпидемоопасная ситуация сложилась близ Кремля, где у Варварских ворот висела икона Богоматери. Прошел слух, что она творит чудеса исцеления, и вокруг все время толпился народ, целуя образ и суя в ящик для пожертвований деньги. Здесь же, прямо в толпе, падали и умирали больные, но это никого не останавливало.

Пятнадцатого сентября, когда разразился бунт, в городе не было никакого начальства. Почти все богатые люди, кто мог себе это позволить, давно уже покинули проклятое место, а тут еще и уехал в свою усадьбу генерал-губернатор.

Самой значительной персоной оказался митрополит московский Амвросий. Он приказал наряду солдат опечатать и забрать денежный ящик, чтобы устранить источник заразы.

Горожане, недовольные властями и напуганные эпидемией, ящик не отдали и кинулись в Кремль, чтобы расправиться с митрополитом. В тот день Амвросий избежал гибели, вовремя перебравшись в пригородный Донской монастырь, но толпа разгромила архиерейское подворье, а заодно взломала винный погреб, после чего пришла в еще большее буйство.

Назавтра бунтовщики добрались и до монастыря, где прятался митрополит, выволокли старика прямо из церкви и забили кольями до смерти.

Чумной бунт. *Э. Лисснер*

В отчаянной ситуации, когда большой город погрузился в полную анархию, а никого из больших начальников не было, решительность проявил управляющий Главной соляной конторы Петр Еропкин. Он собрал всех имевшихся в Москве солдат (набралось лишь 130 человек), выкатил две пушки и устроил настоящее побоище у Боровицких ворот, положив на месте около ста бунтовщиков.

Но мятеж не стих и теперь. На третий день собрались новые толпы и опять двинулись к Кремлю. К этому времени наконец появился генерал-губернатор Салтыков с полком регулярной армии. Лишь увидев значительный воинский контингент, восставшие рассеялись.

Напуганная московскими событиями императрица отправила в старую столицу своего фаворита Григория Орлова. Тот произвел следствие, трех человек повесил, многих перепорол, но зачинщиков не обнаружил. К этому времени в связи с наступлением холодной погоды

эпидемия пошла на убыль. Екатерина уволила с должности Салтыкова, объявила Орлова великим победителем чумы и на том успокоилась.

А через несколько месяцев вспыхнул новый мятеж – на сей раз далеко от столиц, на окраине, но в регионе очень опасном.

Здесь, на реке Урал, которая тогда называлась Яик, обитало Яицкое казачество, созданное для обороны границ и освоения степных земель. Власти вели себя с этими своенравными, хорошо вооруженными людьми весьма неосмотрительно, раздражая их всякими несправедливостями, назначая новые поборы и покушаясь на старинные привилегии.

Поводом для мятежа стал слух, что пятьсот казаков, назначенные для отправки на Северный Кавказ, будут там записаны в гусары с непременным бритьем бород. В Яицком городке, столице округа, начались беспорядки. Казаки отказывались повиноваться атаману Тамбовцеву и войсковой старшине, шумели, протестовали, но до кровопролития пока не доходило.

Масла в огонь подлило прибытие солдатской команды генерал-майора Рауш фон Траубенберга. Он отказался вести какие-либо переговоры, арестовал зачинщиков, а когда собралось большое скопище народа, велел палить картечью, многих убив и ранив. Но казаки – не безоружная московская толпа. Они взялись за оружие и перебили чужаков, а заодно и почти всю верхушку войска, включая атамана.

После этого, 13 января 1772 года, казаки выбрали на кругу трех «поверенных» и постановили отправить к императрице делегацию с объяснением, что мятеж произошел по вине самого генерала Траубенберга. Не очень рассчитывая на царскую милость, бунтовщики стали готовиться к обороне.

Предосторожность оказалась не лишней. Делегацию в Петербурге арестовали, а к Яицкому городку отправили генерал-майора Фреймана с большим отрядом драгунов, егерей и верных правительству казаков – всего 3 700 человек с двадцатью пушками.

Третьего – четвертого июня произошел двухдневный бой, в котором регулярные войска одержали победу. Тогда большинство населения, около тридцати тысяч человек, погрузившись на повозки, попытались уйти в степь, но солдаты их догнали и вынудили вернуться.

Следствие и суд растянулись на целый год. В июле 1773 года пятьдесят четыре казака после телесного наказания были сосланы в Сибирь, еще несколько десятков отданы в солдаты.

К прежним обидам и репрессиям прибавился огромный штраф в 35 тысяч рублей, который расписали по семьям. При этом основная масса участников восстания осталась там же, где была, и сохранила оружие. Скоро казаки обретут сильного вождя и снова поднимутся.

Но прежде чем рассказать о Емельяне Пугачеве, остановимся на самом феномене русского самозванства.

Авантюристы или безумцы, объявлявшие себя августейшими особами, обычно возникали в те исторические периоды, когда ослабевала сакральность высшей власти, одна из главных несущих опор «ордынского» государства. Впервые это произошло, когда пресеклась линия Рюрика и был избран Годунов – царь «не от Бога». Не переводились самозванцы и в семнадцатом веке, пока династия Романовых еще не обрела священного ореола. Потом это явление постепенно сходит на нет, но после Петра Первого вновь возрождается из-за того, что на троне раз за разом оказываются очень странные монархи: безродная «чухонка», сын изменника, любовница курляндца, непонятный младенец с нерусскими родителями, дочь «чухонки», неверная жена, избавившаяся от законного мужа. Какая уж тут сакральность!

Яицкие казаки. *К. Гесс*

Лже-Петров Первых, кажется, не было – тот царь был слишком колоритен и приметен, зато «царевичи Алексеи» не переводились лет двадцать. В какой-то момент, в 1724 году, их было сразу два, беглый солдат и астраханский извозчик. Обоих казнили. Последний по времени, послушник Киевской лавры Иван Миницкий затеял смуту уже в конце царствования Анны Иоанновны. Тайна царского происхождения открылась ему в видении. Он сумел увлечь за собой некоторое количество солдат и даже собрался походом на Петербург. Был посажен на кол. Казнили и всех его соратников. Чем неувереннее чувствовала себя монархия, тем свирепее реагировала она на самозванцев.

Потом пошла «мода» на чудодейственно уцелевшего Петра Второго. Таковых известно по меньшей мере трое, причем последний по счету зарегистрирован через 45 лет после смерти юного монарха. Беглый рекрут Иван Евдокимов рассказывал, что злые бояре увезли его в Италию и

продержали там в «каменном столбе» двадцать лет и четыре года (в хронологии дезертир путался).

Интересно, что удобный для фантазий младенец Иоанн «воскресал» только однажды – очевидно, он народу не особенно запомнился. Примечательно также, что в «век цариц» не появилось ни одной сколько-нибудь заметной самозванки (иностранная княжна Тараканова не в счет). В глазах населения женщина в качестве монарха выглядела несолидно, так что нечего было и претендовать на эту сомнительную честь.

Большое впечатление на людей произвела подозрительная кончина Петра Третьего, о которой зачитывали манифест по всей стране. Этот император правил совсем недолго, но успел выпустить несколько милостивых указов. Ходили слухи, что он собирался вовсе освободить крестьян, за что злые дворяне во главе с немкой задумали батюшку извести, да он от врагов сбежал и до поры до времени скрывается.

«Петры Третьи» объявлялись один за другим, их едва успевали вылавливать и ссылать на каторгу (Екатерина в это время еще пыталась обходиться без смертной казни). За десятилетие, предшествующее восстанию, произошло по меньшей мере семь подобных случаев. Почти все самозванцы говорили о воле для крестьян, об отмене ненавистной рекрутчины, об освобождении от податей – вот то, чего жаждал народ.

К шестому году трудной турецкой войны положение стало взрывоопасным, не хватало только искры. «Недоставало предводителя. Предводитель сыскался», – лаконично пишет в «Истории пугачевского бунта» Пушкин.

Внутренняя война

Биография предводителя восстания хорошо известна, причем из первоисточника: на допросах Пугачев рассказал о своей ранней жизни в деталях.

«Родиною я донской казак Зимовейской станицы Емельян Иванов сын Пугачев, грамоте не умею, от роду мне тритцать два года», – так начинаются эти показания, данные

осенью 1774 года. Из чтения этого пространного документа складывается впечатление о Пугачеве как о человеке живом, сметливом, пожалуй, хитроватом, но очень мало развитом. С 17 лет поступивший на военную службу, Емельян много где побывал и много что повидал, но имеет весьма туманное представление обо всем, что не касалось его непосредственного круга интересов. Например, о Семилетней войне, участником которой он был, сказано: «Наряжон был в Пруский поход. Сие было в котором году не помню, также и которая была кампания».

Судя по тому, что он, рядовой казак, выбился в хорунжие, воевал Пугачев умело, однако в 1771 году его царская служба закончилась. Он заболел какой-то кожной болезнью, от которой на груди остались шрамы (они свою роль еще сыграют). Главное же – Емельяну опостылело Донское войско, где у казаков к этому времени мало что осталось от прежних вольностей. Вероятно, тяготила Пугачева и семейная жизнь. Так или иначе, он собрался уйти на Терек, где казакам жилось вольготней. На него донесли, он сбежал из-под караула. С этого момента бывший хорунжий переходит в разряд людей беглых. Несколько раз он попадался, снова вырывался на свободу, забирался все дальше от родного Дона и примерно год спустя после всяких малоинтересных злоключений оказался в Яицком городке, где казачья среда вся бурлила после недавнего бунта.

По складу характера вождь народной войны был человеком непутевым и непоседливым, постоянно ввязывавшимся в какие-то плохо обдуманные авантюры – отнюдь не бывалый ветеран Болотников, не лихой богатырь Разин и не боевой атаман Булавин. Просто Емельян оказался в критическом месте в критическое время – и стал искрой, попавшей в порох.

Великие события начинались почти комически. Однажды в ноябре 1772 года пришлый человек, моясь в бане, на вопрос о том, что-де у тебя за знаки на груди, важно отвечал: царские. «Я вить государь Пётр Фёдорович, меня Бог и добрые люди сохранили». Сказано это было, кажется, без особенного умысла. Возможно, что и спьяну. Точно так же

незадолго перед тем он наврал жене, что его на Тереке выбрали атаманом.

Надо сказать, что в народе бытовало верование, будто у царей на теле есть какие-то особенные отметины. В том же году другой «Петр Федорович», беглый солдат Федотка, тоже показывал всем желающим «царские знаки», но поскольку места были спокойные, Федотку быстро забрали. У Пугачева же, кроме того, на левом виске имелась круглая вмятина, след перенесенной золотухи, и при большом желании можно было принять ее за царскую печать (многие потом чуть ли не двухглавого орла там различали).

Попарившись, Пугачев отправился себе дальше, успел снова попасться и снова сбежать, а в следующий раз попал на Яик лишь в августе 1773 года. И тут оказалось, что за минувшие месяцы весть о явления государя разнеслась по всем казацким селениям. Мужик, которому Емельян сообщил свою сокровенную тайну, судя по прозвищу (Еремкина Курица), умом не блистал, принял всё за чистую монету, а казакам так хотелось найти управу на местные власти, что долго их убеждать не пришлось.

Увидев, как его встречают, Емельян долго не раздумывал. Он объявил уже довольно большому сборищу казаков (их было несколько десятков), что так и есть: он – законный государь, несколько лет странствовал в Польше, Египте, Ерусалиме и на Терек-реке, а ныне хочет помочь своим верным яицким казакам в их беде. Собравшиеся поверили, потому что хотели поверить.

Это было 16 сентября 1773 года. Дальнейшие события разворачивались с невероятной быстротой, и в них ничего комического уже не было.

На следующий день небольшой отряд двинулся в сторону Яицкого городка – торжественно, с войсковыми знаменами. Во все стороны понеслась поразительная весть о воскресшем государе, примкнуть к которому – не бунтарство, а долг всякого подданного.

Это действительно был не просто бунт. Начиналась гражданская война, которая продлится целый год и которую можно разделить на три сущностно разные стадии.

На первой, продолжавшейся шесть месяцев, восстание оставалось почти исключительно казачьим, фактически – продолжением

предыдущего войскового мятежа. В первом своем «манифесте» Пугачев жаловал местных жителей «рекой, землею, травами, денежным жалованьем, свинцом, порохом и хлебом» – то есть всем тем, чем обычно цари награждали казаков. Ни о помещиках, ни о крепостном праве даже не упоминалось, потому что в оренбургских степях крестьян не было.

«Царские знаки». *И. Сакуров*

Когда Емельян подошел к Яицкому городку, у него было две или три сотни людей, а в крепости втрое больше, но гарнизонные казаки стали перебегать к мятежникам, поэтому комендант Симонов не решился дать бой и лишь велел палить из пушек. Не имея средств для осады, Пугачев поступил наиболее рациональным образом: оставил город в покое и двинулся вдоль линии фортов, поставленных на границе с азиатской степью.

Марш был триумфальным. Почти все крепостцы открывали «государю» ворота. Тамошние казаки и солдаты сами хватали офицеров, если те пытались оказать сопротивление. Казаков сразу включали в отряд, солдат предварительно остригали по-казачьи, снимали со стен пушки и двигались дальше. В считаные дни отряд разросся в настоящую армию.

Через две недели Пугачев набрал такую силу, что двинулся прямо на Оренбург, столицу всего обширного края. У губернатора Рейнсдорпа в хорошо укрепленном городе было три тысячи войска, много артиллерии, но численность восставших в октябре уже превышала двадцать тысяч. К ним присоединились башкиры, к которым «Петр Федорович» отправил грамоту, зная, что этот народ измучен притеснениями царских чиновников.

Второго ноября восставшие попытались взять крепость штурмом, но им не хватило оперативного опыта. Пока они бились во рвах и на валах, Рейнсдорп произвел довольно простой маневр – предпринял фланговую атаку отрядом регулярной пехоты, и атакующие в панике отступили.

Полководческое искусство Пугачева – вопрос дискуссионный. На счету командующего повстанческой армии имелись и победы, и поражения. Однако, если их разобрать, видно: все боевые победы были небольшими, а неудачи – крупными. Про Емельяна можно сказать, что это был хороший, даже выдающийся военачальник среднего калибра, но отнюдь не стратег.

> Вот два примера войны по-пугачевски.
>
> Единственной крепостью Яицкой линии, которая оказала мятежникам серьезное сопротивление, была Татищева, где засел бригадир фон Билов с присланными из Оренбурга солдатами. Они открыли такой плотный огонь, что невозможно было подступиться к стенам. Тогда Пугачев,

пользуясь направлением ветра, поджег стога сена, и произвел удачный штурм под прикрытием плотной дымовой завесы.

Под Оренбургом ему удалась и более сложная комбинация. Было известно, что гарнизон ждет «сикурса» – к осажденным двигался большой воинский контингент бригадира Корфа. Пугачев приказал открыть в степи пушечную пальбу, чтобы в городе подумали, будто к ним прорывается подкрепление, а на пути следования устроил артиллерийскую засаду. Не ожидая от простого казака подобных сложностей, генерал-майор Валленштерн поспешил выйти в поле, ведя с собой 2 400 солдат, больше половины всех наличных сил. «Когда ж натянул на то место, где лежал в закрытии Чумаков [начальник повстанческой артиллерии], и так жестоко их поразил, что принуждены с немалым уроном в город возвратиться», – с явным удовольствием вспоминает на допросе эту удачную операцию Емельян.

На первом этапе войны Пугачеву вообще очень помогало то, что царские генералы относились к противнику пренебрежительно. Для подавления восстания отрядили генерал-майора Кара, который писал Екатерине: «Опасаюсь только, что сии разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бег». Чтобы не упустить разбегающихся, Кар двигался широким фронтом, разделив свой корпус на несколько групп. Все они были атакованы по отдельности и разбиты, причем большой отряд симбирского коменданта полковника Чернышева сгинул целиком: две тысячи солдат перешли к мятежникам, тридцать шесть офицеров были повешены. Не избежал разгрома и сам Кар, едва спасшийся бегством. Потом, оправдываясь, он напишет про «разбойников», которых вначале так презирал: «Артиллериею своею чрезвычайно вредят; отбивать же её атакою пехоты также трудно, да почти и нельзя; потому, что они всегда стреляют из неё, имея для отвозу готовых лошадей, и как скоро приближатца пехота станет, то они, отвозя её лошадьми далее на другую гору, и опять стрелять начинают, что весьма проворно делают и стреляют не так, как от мужиков ожидать должно было».

Но, будучи хорошим тактиком, Пугачев не умел выстроить никакого плана кампании, очень напоминая в этом смысле другого

народного вождя, Степана Разина.

Главной причиной поражения восстания на первом его этапе, оренбургском, стало то, что казаки с башкирами, не сумев взять город, надолго застряли под его стенами. Осада растянулась чуть не на полгода. Время было упущено, правительство имело возможность собрать и отправить на окраину серьезные силы.

А «государь Петр Федорович» тем временем весело жил в Бердской слободе под Оренбургом, пируя со своими «енаралами», часть которых для пущей солидности тоже превратились в самозванцев рангом пониже. Казак Зарубин по кличке Чика был объявлен «графом Чернышевым», казак Андрей Овчинников – «графом Паниным», Максим Шигаев – «графом Воронцовым» и так далее. Эти громкие имена были известны в народе и своим звучанием подкрепляли убедительность прав воскресшего «императора». Создал Пугачев и собственное правительство, назвав его «Военной коллегией» по примеру петербургской. Этот орган занимался не только войсковыми делами, но и административно-финансовыми, а также судебными. В коллегии заседали бородатые фельдмаршалы, аншефы и фельдцейгмейстеры, увешанные лентами и зведами. Поскольку Екатерину «император» сулился сослать в монастырь, скоро появилась и «императрица», шестнадцатилетняя красавица казачка Кузнецова, а при ней, как полагается, штат фрейлин.

В ноябре часть войска под началом графа Чики-Чернышева, помогая союзникам-башкирам, осадила Уфу – и тоже застряла там на долгие месяцы вместо того, чтобы расширять восстание дальше.

Пассивность Пугачева после первых блистательных успехов объясняется просто: вождь народной войны не сильно задумывался о будущем. Хорошо живется в Бердской слободе – и ладно. Сам он об этом скажет так: «Дальнаго намерения, чтобы завладеть всем Российским царством, не имел, ибо, рассуждая о себе, не думал к правлению быть, по неумении грамоте, способен. А шол на то: естли удастся чем поживиться или убиту быть на войне – вить я всё заслужил смерть – так лутче умереть на войне». Вот и вся стратегия.

А тем временем, испуганная разгромом генерала Кара, Екатерина наконец отнеслась к мятежу всерьез. Она отправила к месту «беспорядков» (официальный эвфемизм) одного из лучших своих полководцев генерал-аншефа Александра Бибикова, отозвав его из

Польши. Начальнику карателей дали численно небольшой, но укомплектованный настоящими боевыми частями корпус. Значительную его долю составляла регулярная кавалерия.

У той же крепости Татищевой, где Пугачев прошлой осенью так удачно поджигал сено, 22 марта 1774 года произошло сражение между основной частью бибиковской армии под командованием генерал-майора Петра Голицына и войском самозванца. Битва была очень упорной. Голицын вслед за Каром потом поражался «дерзости и распоряжениям в таковых непросвещенных людях в военном ремесле». Но военная выучка, дисциплина и искусство маневра возобладали над хаотичной храбростью. В конце концов, после шестичасового боя казаки, а вместе с ними и их предводитель побежали. Две с половиной тысячи остались на поле брани, еще четыре тысячи были пленены во время преследования. Остатки рассеялись, бросив всю артиллерию.

Почти одновременно с этим в четырехстах верстах к северу, под Уфой, малочисленный отряд под командованием бравого кавалерийского подполковника Ивана Михельсона наголову разбил огромное, неповоротливое войско Чики, который не сумел скрыться и попал в плен.

В конце марта 1774 года казалось, что казацкий мятеж подавлен. Оренбург и Уфа деблокированы, полчища бунтовщиков рассеялись, самозванец бежал, бросив свою «резиденцию» и «императрицу».

Так оно и было. Казацкий мятеж действительно почти угас. Восстание перешло на следующую стадию.

Второй его этап, длившийся с марта по июль 1774 года, сильно отличался от первого и составом участников, и географией. По мере отдаления от Яицкой области казачий элемент перестал играть в мятежном войске ведущую роль. Очень увеличилась пропорция башкиров (это были их земли), а кроме того к восстанию стали активно присоединяться заводские рабочие.

Дело в том, что, спасаясь от преследования, Пугачев с горсткой оставшихся людей стал уходить на северо-восток, в сторону Урала. Беглецам помогло то, что главнокомандующий правительственными войсками Бибиков скончался от холеры, и на время координация между разбросанными по обширной территории карательными частями нарушилась.

Народный царь. *М. Авилов*

Положение крепостных рабочих было очень тяжелым. Они приняли «батюшку-государя» с радостью, и войско стало опять быстро увеличиваться. У повстанцев появилось много пушек, потому что многие уральские предприятия были военными.

Восставшие двигались от завода к заводу, от городка к городку очень быстро, потому что их преследовали правительственные отряды, прежде всего напористый Михельсон. Он снова и снова громил попадавшуюся ему на пути «сволочь» (обычный в ту пору термин для описания мятежников, все время попадающийся в пушкинской «Истории Пугачева»), но численность крестьянско-башкирского войска не убывала, а наоборот увеличивалась – вместо выбывших бойцов вливались новые.

В целом ситуация была странная: наступление Пугачева одновременно являлось отступлением. Причина заключалась в том, что без казаков боевые качества его армии очень снизились. Это была плохо организованная и слабо вооруженная толпа, которая не выдержала бы сражения в открытом поле. Должно быть, Емельян ждал, пока у него накопится такая сила, которая сможет задавить врага количеством.

Но дело шло медленнее, чем он надеялся. Далеко не все заводы примыкали к восстанию. Были и такие, где рабочим жилось получше – тогда они оставались нейтральными. А если владелец оказывался человеком решительным, Пугачева встречали пушечными выстрелами – и он уходил ни с чем. Советский исследователь народной войны А. Андрущенко подсчитал, что к повстанцам присоединились крестьяне 64 заводов, а 28 предприятий оказали сопротивление. (Екатерина сделает из этого правильные выводы и впоследствии особым указом велит улучшить положение уральских рабочих).

Двадцать первого мая 1774 года у крепости Троицкой командующий Сибирским корпусом генерал-поручик де Колонг настиг Пугачева, у которого к этому времени набралось уже более десяти тысяч человек. Несмотря на большой численный перевес, восставшие были разгромлены. Они потеряли всю артиллерию и почти все разбежались. С Емельяном осталась едва одна десятая.

Но затем всё началось сызнова. «Государя» на пути опять встречали хлебом-солью, к его войску присоединялись рабочие многих встречных заводов. Пали Ижевск и Воткинск. Крепость Оса на реке Кама выдержала два приступа, но сдалась после того как Пугачев, повторив уже использованный прием, подкатил к стенам возы с сеном.

В конце концов, пройдя дугой по Приуралью, Пугачев двинулся через Заволжье на запад. Здесь его армия пополнилась за счет местных народов – татар, чувашей, мордвинов. У всех были причины ненавидеть русских чиновников. Мятеж казался сказочным Змеем-Горынычем, у которого вместо отсеченной головы немедленно вырастают две новых. К началу июля в войске опять было около 20 тысяч человек.

Впереди находился большой город Казань, а за ним, по ту сторону Волги, начинались глубинные российские земли.

Восстание переходило в свою третью стадию – крестьянскую.

Этому повороту предшествовали кровавые бои у стен Казани.

Сам город 11 июля был захвачен, разграблен и подожжен, но гарнизон засел в крепости. Осажденных спасло приближение Михельсона. В семи верстах от Казани произошло упорное сражение, и опять военное мастерство небольшого контингента регулярных войск

(800 карабинеров и гусар) одержало верх над необученной и бесформенной массой. Пугачевцы разбежались.

Но всего три дня спустя у Емельяна снова была армия не меньше прежней. Крестьяне стекались к нему со всех сторон. Пятнадцатого июля было новое сражение. Потеряв сотню солдат, Михельсон перебил две тысячи повстанцев и еще пять тысяч захватил в плен. Казань была освобождена, Пугачев опять бежал и два дня уходил от погони. Несколько сотен человек – вот всё, что у него осталось.

После каждого такого разгрома в столицу неслись донесения, что восстание наконец подавлено – и всякий раз оно вспыхивало с еще большей силой.

Самая мощная вспышка произошла теперь.

Спасаясь от преследования, восемнадцатого июля Пугачев переправился на правый берег Волги. Там немедленно всё запылало. «Вся западная сторона Волги восстала и передалась самозванцу, – пишет Пушкин. – Господские крестьяне взбунтовались; иноверцы и новокрещеные стали убивать русских священников. Воеводы бежали из городов, дворяне из поместий; чернь ловила тех и других и отовсюду приводила к Пугачеву».

Причиной всеобщего восстания был манифест «Петра Третьего», отменявший крепостничество, солдатчину и все подати, даровавший «рабам всякого чина и звания» полную свободу, а также земли, леса, рыбные ловли и «протчие все угодья» – одним словом, всё, о чем только мог мечтать народ. Не могла не понравиться крестьянам и та часть указа, в которой государь император разрешал им убивать и грабить помещиков – «поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами». Заканчивался манифест оптимистично: «По истреблении которых противников и злодеев-дворян, всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет».

После такого призыва сразу в нескольких соседних губерниях развернулись события, которые иначе как гражданской войной не назовешь.

Прежде всего, опять изменился состав повстанческих сил. Башкиры и большинство заводских остались на другом берегу Волги. Теперь мятежные отряды почти целиком состояли из русских крепостных крестьян. Небольшие группы агитаторов по собственной

инициативе ходили по деревням, объявляли «государеву волю» – и немедленно начинался бунт. Восстание децентрализировалось, оно распространялось со скоростью лесного пожара.

Повсюду горели помещичьи усадьбы, резали господ, которые не успели сбежать. По сведениям, которые приводит Н. Павленко, в Нижегородской губернии лишились жизни 348 дворян, четверть общего количества; в Воронежской – 445; в одном лишь Алатырском уезде мятежники казнили 221 дворянина.

Паника охватила не только помещиков, но и представителей власти. «Нижегородский губернатор, генерал-поручик Ступишин, писал к князю Волконскому, что участь Казани ожидает и Нижний и что он не отвечает и за Москву», – рассказывает в своей «Истории» Пушкин.

Если бы Пугачев действительно повернул вглубь России, очень возможно, что ему не пришлось бы и сражаться. Крестьяне всюду встречали бы освободителя хлебом-солью. Но Емельяна тянуло в более привычные и знакомые ему места. Он надеялся заручиться поддержкой донского казачества, к которому принадлежал и сам, а не получится – так уйти на Кубань и оттуда в Персию. (Точно так же век назад повел себя Степан Разин, вволю «погуляв» и потерпев военное поражение).

Дойдя до Арзамаса, мятежники повернули на юг. Зная, как ненадежно его нынешнее войско, Пугачев нигде долго не задерживался, стремясь оторваться от преследователей. Двадцать седьмого июля без боя взяв Саранск, второго августа он уже был в Пензе, где его встретили иконами, а три дня спустя оказался перед Саратовым. Часть гарнизона перешла на его сторону, город пал. Все захваченные дворяне и чиновники, 45 человек, были повешены.

Через два дня после ухода пугачевцев город был занят правительственными войсками, но в это время Пугачев уже подходил к Царицыну. Два дня пытался взять крепость, но был отбит, а дальше задерживаться не посмел – к городу форсированным маршем шел Михельсон.

Задержка у стен Царицына оказалась роковой. Двадцать пятого августа ста километрами южнее, близ Черноярска, четырехтысячный отряд Михельсона, произведя обходной маневр, перегородил дорогу десятитысячному крестьянскому войску. Тут уже выбора не осталось – пришлось давать бой.

Крестьянская война 1773–1774 годов. *М. Романова*

Михельсону удавалось побеждать и при куда худшем соотношении сил, поэтому сражение больше напоминало

побоище.

Вот описание этой последней битвы гражданской войны в лаконичном изложении Пушкина: «Пугачев стоял на высоте между двумя дорогами. Михельсон ночью обошел его и стал противу мятежников. Утром Пугачев опять увидел перед собою своего грозного гонителя; но не смутился, а смело пошел на Михельсона, отрядив свою пешую сволочь противу донских и чугуевских казаков, стоящих по обоим крылам отряда. Сражение продолжалось недолго. Несколько пушечных выстрелов расстроили мятежников. Михельсон на них ударил. Они бежали, брося пушки и весь обоз. Пугачев, переправясь через мост, напрасно старался их удержать; он бежал вместе с ними. Их били и преследовали сорок верст. Пугачев потерял до четырех тысяч убитыми и до семи тысяч взятыми в плен. Остальные рассеялись. Пугачев в семидесяти верстах от места сражения переплыл Волгу выше Черноярска на четырех лодках и ушел на луговую сторону, не более как с тридцатью казаками».

Раньше Пугачев после очередного поражения всякий раз быстро пополнял ряды своего воинства новыми добровольцами, но теперь взять их было неоткуда. Емельян сам ушел из крестьянских краев в малолюдные степи. Казаки соседней Донской области на его призыв не откликнулись.

Изменилась и общая ситуация. За несколько недель перед тем окончилась турецкая война, это позволило правительству перебросить в охваченный мятежом край закаленные в боях войска. Командовал ими прославившийся недавними победами генерал-поручик Суворов.

Надеяться было уже не на что. Около Пугачева оставались лишь близкие соратники, те яицкие казаки, кто когда-то поддержал его в самом начале. Эти люди придумали верный способ спастись. 8 сентября они схватили своего предводителя и неделю спустя выдали его властям. (В награду предатели были помилованы царицей, но ни награды, ни свободы не получили; все они содержались под стражей до конца жизни).

Пойманного самозванца, будто дикого зверя, в клетке, повезли в Москву через те самые земли, жители которых недавно встречали его

как освободителя. В старой столице Пугачева на протяжении двух месяцев тоже показывали всем желающим – чтоб народ окончательно убедился: никакой это не Петр Федорович. После следствия над пятьюдесятью пятью главными виновными суд приговорил к смерти только шестерых – Екатерина желала выглядеть великодушной перед Европой. Двоих – самого Пугачева и его правую руку «генерал-аншефа» Афанасия Перфильева – казнили в Москве четвертованием, но тоже «гуманно», без лишних мучений: сначала отрубили головы, а конечности потом, уже у мертвых.

Прочие обвиняемые были приговорены к битью кнутом, вырезанию ноздрей и отправке либо на каторгу, либо на поселение в отдаленные края. Семья Пугачева, включая обеих жен и детей, была осуждена на пожизненное заточение в крепость Кегсгольм – чтобы не служили живым напоминанием о самозванце. Последней умерла дочь Аграфена Емельяновна, уже в 1833 году. Наказали даже станицу Зимовейскую, произведшую на свет такого злодея. Ее перенесли на другое место и переименовали в Потемкинскую.

Пойманный Пугачев в клетке. *Английская гравюра. XVIII в.*

Но умеренными казни были только на виду у иностранцев. На периферии местные власти и воинские начальники расправлялись с пойманными мятежниками жестоко и беспощадно. Н. Павленко цитирует письмо саратовского воеводы: «В городе Саратове во многих местах известного государственного злодея и бунтовщика Пугачева его сообщники, злодеи ж, повешены на виселицах, а протчие положены на колесы, руки и ноги их воткнуты на колья, кои и стоят почти чрез всю зиму…». По дорогам торчали виселицы, по Волге плыли плоты с повешенными. Дворяне мстили крестьянам за перенесенный страх. Общее число казненных никто не подсчитывал, но, вероятно, их было несколько тысяч. Десятки тысяч были высечены, изуродованы или отправлены на каторгу.

Итогом обильного кровопролития и колоссального разорения было то, что императрица уяснила три вещи.

Во-первых, терпению народа есть предел, нельзя перегибать палку. Вскоре появятся высочайшие указы, до некоторой степени облегчающие жизнь пахотных и заводских крестьян, а также горожан.

Во-вторых, необходимо коренным образом укрепить систему местной власти. Это, как мы знаем, тоже было сделано.

Но в историческом смысле важнее всего был вывод о том, что низам воли ни в коем случае давать нельзя и что крепостное право отменять не нужно, иначе может подняться волна, которая сметет всё государство.

После пугачевщины Екатерина окончательно решила оставить проблему крепостничества будущим государям. Они и заплатят за это роковое промедление.

Общество и нравы

Для эпохи Просвещения характерны стремление к рациональности, учености, установлению общих для всех законов. Просвещенный абсолютизм, реакция монархической власти на эти веяния, пытался смягчить взаимоотношения с народом, не поступившись при этом своей властью. Многие историки считают, что такой же процесс шел при Екатерине и в России, но, пожалуй, это верно лишь отчасти. Если у нас и происходили некие движения, сходные с

европейскими, то абсолютистского в них было много больше, чем просвещенного. В конце концов, именно в эти годы основная масса населения окончательно превратилась в бесправных рабов. Благие перемены затронули лишь так называемое «общество», то есть почти исключительно дворян, а они, напомню, составляли один процент населения. Остальных девяносто девяти процентов просвещение почти не коснулось.

Я говорю «почти», потому что кое-что немаловажное всё же произошло – не в области законодательства или образования, а в той эфемерной зоне, которая называется «общественной атмосферой» и которая способна изменить страну даже больше, чем реформы. Произошло дальнейшее – после «кроткой» Елизаветы – ослабление государственной жестокости, смягчение нравов, отход от извечной русской суровости.

В этом, безусловно, личная заслуга императрицы. Екатерина была (или хотела казаться, это неважно) отзывчивой, милосердной, великодушной – и тем подавала пример. Придворные кавалеры и дамы старались подражать ее величеству. Из столицы новомодный стиль поведения распространялся ниже, в широкую дворянскую среду. Грубость вытеснялась изысканными манерами, хорошим тоном считалось выражать нежные чувства, страдать от любви, лить слезы по всякому трогательному поводу. «Кажется, образованный русский человек никогда не был так слабонервен, как в то время, – пишет В. Ключевский. – Люди высокопоставленные, как и люди, едва отведавшие образования, плакали при каждом случае, живо их трогавшем». С 1780-х годов ведущим художественным стилем становится сентиментализм. «Стонет сизый голубочек, / стонет он и день, и ночь. / Миленький его дружочек / улетел надолго прочь», – сюсюкает поэт Иван Дмитриев, между прочим, государственный человек, будущий министр юстиции.

Над подобной аффектацией можно смеяться, но всякое утончение и усложнение чувств для общества и человеческой натуры полезно. Конечно, всплакнув над несчастным голубочком, помещик запросто мог отправить слугу под розги, ведь крепостные относились к другому, неизысканному миру, однако в кругу большой знати такая жестокость начинала считаться чем-то вульгарным.

Елизавета Петровна, наверное, по-бабьи была добрее, но Екатерина желала сделать добрее *всех* подданных. И если это не вполне получилось, то лишь из-за того, что мрачная действительность время от времени требовала проявлять жесткость. В таких неприятных ситуациях – скажем, при подавлении пугачевщины – императрица со вздохом на время снимала белые перчатки, как она делала это при всякой угрожавшей ей опасности (вспомним Петра Федоровича, Иоанна Антоновича или княжну Тараканову). В екатерининской России и казнили, и бессудно заточали в тюрьму, и истязали в застенках – но без рвения, *по необходимости*.

Последнее из вышеперечисленных средств государственного террора, пытка, ученице философов было особенно неприятно.

Человеколюбивая государыня требовала от следователей, чтобы они действовали уговорами, привлекали себе в помощь красноречивых священников, способных побудить преступника к чистосердечному признанию, и только если уж попадется совсем упрямец, тогда, делать нечего, прибегать к пытке – но с наименьшим кровопролитием. Матушка-царица очень боялась неопытности палачей, которая может привести к членовредительству, и дозволила пытать арестантов только в больших городах, где имелись хорошие специалисты.

Впрочем, иронизировать тут незачем. Хоть истязания при Екатерине не исчезли полностью, но этот метод дознания стал теперь чем-то исключительным – уже немало. По крайней мере вышел запрет применять пытки к несовершеннолетним.

Еще один «плод просвещения», отчасти затронувший широкие слои населения, – первая попытка организовать всероссийскую систему медицинской помощи. Еще в 1763 году Екатерина создала в столице Медицинскую комиссию, а провинциях – органы «общественного призрения», чтобы ведать больницами, сумасшедшими домами и прочими «богоугодными заведениями». Каждому уездному городу теперь полагался хотя бы один казенный врач. Их не хватало, поэтому приглашали иностранцев и стали выпускать больше отечественных лекарей. Учреждены были и аптеки.

По истории с Чумным бунтом 1771 года видно, что эта система пока плохо работала даже в Москве, и все равно лучше было такое здравоохранение, чем никакого.

Большим событием в истории отечественной медицины стал самоотверженный поступок царицы, которая в 1768 году первой в России привила себе оспу.

Это новое средство борьбы с болезнью, веками убивавшей и уродовавшей людей, еще не получило полного признания и в Европе. Вакцинации пока не изобрели и для профилактики делали вариоляцию, заражая организм натуральной оспой. Операция не всегда проходила успешно, случались и смертные исходы, поэтому от Екатерины требовалась изрядная смелость.

«Весной прошлого года, когда эта болезнь свирепствовала здесь, я бегала из дома в дом, целые пять месяцев была изгнана из города, не желая подвергать опасности ни сына, ни себя, – рассказывала потом императрица. – Я была так поражена гнусностию подобного положения, что считала слабостию не выйти из него. Мне советовали привить оспу сыну. Я отвечала, что было бы позорно не начать с самой себя и как ввести оспопрививание, не подавши примера?»

Государыня сделала прививку от заболевшего крестьянского мальчика, который за это получил дворянство и фамилию «Оспенный» (герб – оспенная язва). Сенат объявил поступок царицы «великодушным, знаменитым и беспримерным подвигом». Главное же, что по городам стали открываться «оспенные дома» и оспопрививание стало понемногу распространяться. Детская смертность от оспы, уносившая раньше каждого седьмого ребенка, начала сокращаться.

Что касается просвещения в самом прямом смысле слова, то есть образования, то его успехи ощущали лишь привилегированные сословия. Учить грамоте крестьян и городскую бедноту никто не собирался, да и где было бы взять столько учителей?

На ниве образования произошло два примечательных сдвига.

Во-первых, теперь оно стало распространяться вширь. Прежде недоросль для настоящей учебы нужно было ехать в одну из столиц, но новый политический курс на развитие провинциального дворянства и бюрократии требовал создания учебных заведений по всем губерниям.

Екатерина повелела создать в каждом губернском городе по «главному народному училищу», в каждом уездном – по «малому народному училищу», появился и проект открытия нескольких провинциальных университетов (в это царствование, правда, не осуществившийся). Новая система была позаимствована из австрийского опыта. Организовывал ее рекомендованный Иосифом II педагог Теодор Янкович де Мириево. За десять лет было открыто около трехсот народных училищ обеих ступеней, и обучалось там больше двадцати двух тысяч человек. Теоретически двери этих школ были открыты для всех сословий, но на практике дети из низов туда почти не попадали, поскольку им с ранних лет приходилось работать.

Второе новшество было не столь монументальным, но имело не меньшее общественное значение. При Екатерине в России возникло женское образование. Когда Петр прорубал свое окно, его заботило только обучение юношей – будущих офицеров и чиновников. От девиц царь-реформатор хотел лишь, чтоб они прилично себя вели на ассамблеях.

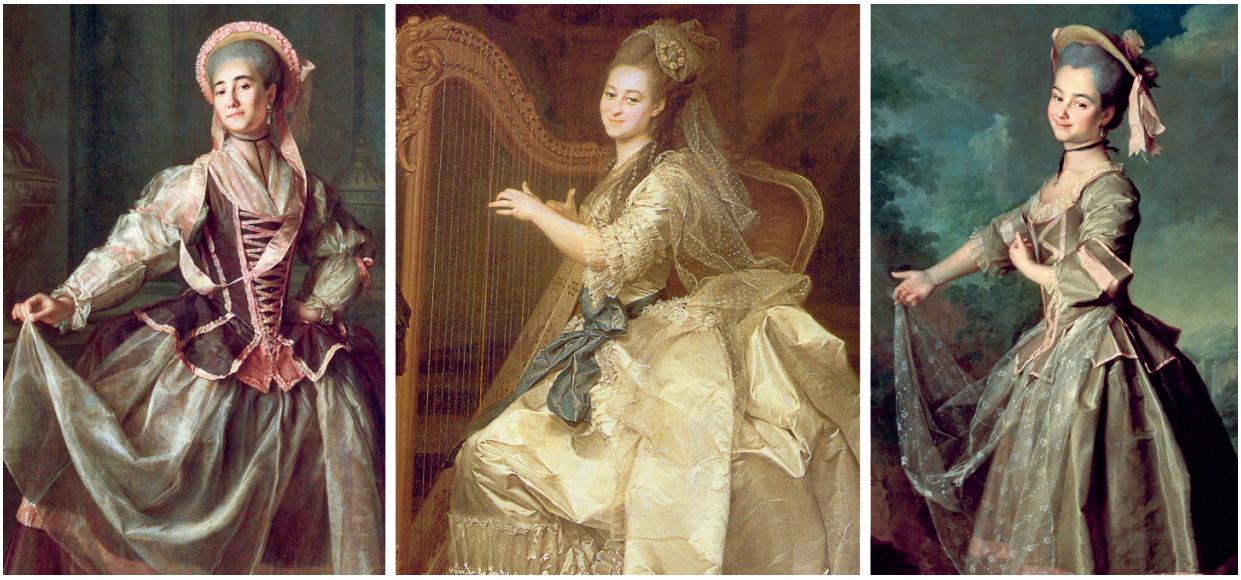
У Екатерины на дворянских барышень были иные планы – великие. С их помощью императрица намеревалась ни более ни менее как вывести новую породу русских людей. В ту эпоху под воздействием французской философии многие просвещенные государи увлеклись идеей правильного воспитания. В германских княжествах, в Англии, в Швейцарии возникали пансионы, где лучшие педагоги готовили детей к будущей жизни. Екатерина рассудила, что самым естественным и лучшим воспитателем для ребенка является мать, и что если девочек с раннего детства готовить к этой роли, то, выйдя замуж, они станут распространять благие нравы в собственных семьях. За образец взяли «Королевский дом святого Людовика», французскую школу для бедных дворянок.

В 1764 году в столице открылся Смольный институт благородных девиц, где вскоре жили уже пять сотен маленьких учениц. Их принимали шестилетними и в течение двенадцати лет обучали светским наукам и манерам, ведению хозяйства, музыке, языкам, а также истории, географии, словесности, арифметике, даже экономике. Институток намеренно изолировали от внешних влияний, дозволяя родителям навещать их не чаще, чем раз в полтора месяца – государыня считала, что общение с родней вредит воспитанию. В восемнадцать лет

барышни выпускались невестами, по выражению царицы, «любезными и способными воспитывать своих собственных детей и иметь попечение о своем доме».

Через год при Смольном институте открылось и Мещанское училище, предназначенное для «подлой породы девушек», то есть недворянок – в то время Екатерина еще носилась с идеей создания среднего класса. Простолюдинок проще одевали и кормили, при учебе меньше тратили время на всякие изящества. Впоследствии эта затея захирела. Институт превратился в большое и престижное заведение, куда принимали только потомственных дворянок, в основном генеральских дочерей.

Девушки воспитывались так возвышенно, что казались современникам странноватыми. О попечителе Смольного института Иване Бецком даже ходил сатирический стишок, будто он «выпустил в свет шестьдесят кур, набитых дур». Однако число выпускниц всё увеличивалось, и многие из них оказались отнюдь не курами и не дурами. Как ни удивительно, эксперимент с выведением «новой породы» до некоторой степени удался. Бывшие смолянки очень цивилизовали и облагородили дворянское сословие, которое с конца восемнадцатого века начинает становиться не просто самой привилегированной, но и самой культурной частью общества. Через каких-нибудь двадцать лет после запуска этого екатерининского проекта французский посол де Сегюр напишет: «Женщины ушли далее мужчин на пути совершенствования. В обществе можно было встретить много нарядных дам, девиц, замечательных красотою, говоривших на четырех и пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творениями известнейших романистов Франции, Италии и Англии. Между тем мужчины… большею частью были необщительны и молчаливы, важны и холодно вежливы и, по-видимому, мало знали о том, что происходило за пределами их отечества». Пушкинские Татьяны Ларины и декабристки – дочери первых смолянок, прекрасные тургеневские девушки – их внучки.



Художник Д. Левицкий нарисовал серию портретов смолянок

Идея создания Смольного института и ряд других образовательных инициатив принадлежали одному из самых светлых деятелей екатерининского царствования Ивану Ивановичу Бецкому (1704–1795). «Бецкой» – усечение фамилии «Трубецкой». Иван Иванович был незаконным сыном плененного под Нарвой князя Трубецкого (будущего генерал-фельдмаршала) и родился в Швеции. Он учился за границей, много лет прожил в Париже и проникся там руссоистскими идеями воспитания. В Россию Бецкой переселился уже пожилым человеком и был сразу приближен только что взошедшей на престол Екатериной, которая увидела в этом идеалисте родственную душу. Иван Иванович до конца своей долгой жизни состоял при царице в роли «доброго ангела». С Орловыми, Паниным или Потемкиным она занималась всякими трудными, часто неприятными делами; с Бецким, который политикой не интересовался, – отдыхала душой и чувствовала себя хорошей. Иван Иванович совершенно справедливо почитал воспитание «корнем всего добра и зла» и все время докучал государыне своими новыми проектами. Екатерина называла его «детским магазином» и «гадким генералом», но любила, ценила и часто слушалась.

Помимо Смольного института Бецкой основал училище при Академии художеств, переменил программу обучения кадетских корпусов, чтобы юноши выходили оттуда всесторонне образованными людьми, и создал в столицах «воспитательные дома» для подкидышей, которые в прежние времена чаще всего просто погибали.

При Екатерине не произошло впечатляющего прорыва в области искусств, что особенно заметно на фоне расцвета тогдашней европейской культуры. Объяснялось это пока еще очень небольшой пропорцией художественно образованных людей. Но, увеличивая их число, восемнадцатый век подготавливал почву для того взрыва, который произойдет в следующем, пушкинском поколении и прежде всего коснется литературы.

Почему именно ее, а не музыки или изобразительного искусства? Полагаю, дело в личности императрицы. Если б она любила музицировать или на досуге баловалась живописью, вероятно, вся дальнейшая отечественная культура пошла бы по иному, не литературоцентричному пути. Но Екатерина любила чтение и считала себя писательницей, заразила этой страстью верхнюю прослойку русского общества – и оно стало рождать прозаиков, поэтов и драматургов.

Между 1770 и 1800 годами в России вышло семь тысяч наименований книг общим тиражом семь миллионов экземпляров – настоящий бум книготорговли в стране, которая совсем недавно обзавелась привычкой к чтению.

Еще большее значение для созревания национальной литературы имела короткая, но бурная мода на журналы, побудившая многих взяться за перо. Публицистическая эпидемия, возникшая в конце шестидесятых годов, породила явление, к которому императрица вначале отнеслась без тревоги, даже покровительственно, но затем, поняв всю его опасность для самодержавия, очень сильно испугалась и дала обратный ход.

Речь идет о зарождении русской либеральной идеи и небывалого прежде сословия, которое потом назовут «интеллигенцией». При Екатерине это еще не социальная группа, а всего лишь умонастроение очень небольшой кучки тогдашних интеллектуалов, но они уже обладают главной видовой чертой всех будущих инкарнаций

отечественной интеллигенции: социальной эмпатией и болью за униженное состояние человека. «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала», – написал в 1790 году, путешествуя из Петербурга в Москву, коллежский советник Александр Радищев. С этого момента в России появилась интеллигенция.

Предпосылки для формирования вольнодумной прослойки, которая в будущем доставит монархии столько хлопот и в конце концов станет ее гробовщиком, создал манифест о дворянской вольности.

Понадобилось соединение двух условий.

Во-первых, как я уже писал, у дворян появилось много досуга, который при желании можно было употребить на размышления. А во-вторых, освобождение от телесных наказаний и обладание некими неотъемлемыми правами вылились в идею личного достоинства, очень опасную для всякой тоталитарной власти.

Европейски образованные, высококультурные люди в России имелись и прежде, все же невозможно причислять к интеллигентам Василия Тредиаковского, считавшего за счастие высочайшую оплеушину, или льстивого в воспевании начальства Михайлу Ломоносова. Но ведущий журнальную полемику с «Патрикеем Правдомысловым» Николай Новиков и печатающий свою книгу-бомбу Александр Радищев – это уже принципиально иной стиль поведения.

Николай Иванович Новиков (1744–1818), человек частный, совсем не влиятельный и не очень богатый, сделал для просвещения общества, пожалуй, не меньше, чем великая императрица. Главная заслуга в распространении качественной литературы принадлежит ему. Он издавал учебники, словари, журналы, романы, философские и научные сочинения. Больше четверти всех книг в то время выпускались «Типографской компанией» Новикова.

Но деятельность Николая Ивановича не ограничивалась книгоиздательством. Подле Новикова собрался кружок таких же идеалистов, мечтавших об усовершенствовании человека и общества – безо всяких революций, а исключительно путем просвещения и доброжелательства. Многие из этих людей были состоятельны и щедро жертвовали на благотворительность. Молодой немецкий профессор Иван Шварц, братья Юрий и Николай Трубецкие, поэт Херасков, председатель Московской уголовной палаты Иван Лопухин и другие основали сначала «Дружеское учебное общество», печатавшее

учебники и готовившее учителей, затем «Собрание университетских питомцев», «Переводческую семинарию».

Все они принадлежали к масонству, в котором тогда не видели ничего опасного или предосудительного – сам наследник престола Павел состоял в ложе. Это движение не ставило перед собой политических задач, а стремилось направить общество «посредством самопознания и просвещения к нравственному исправлению кратчайшим путем по стезям христианского нравоучения», так что даже и православная церковь относилась к таким помощникам вполне одобрительно.

Но с началом французской революции взгляды Екатерины резко переменились. Всякого рода тайные собрания, пускай даже и благонамеренные, стали в глазах правительства подозрительны. К тому же Новиков и его друзья не удовлетворились обычным масонством, а основали в Москве кружок розенкрейцеров, последователей мистического учения о духовном развитии. На государственные устои они не покушались, занимаясь только просветительством и филантропией, и все же вызывали у властей опасение, «не скрывается ли в них умствований, не сходных с простыми и чистыми правилами веры нашей православной и гражданской должности».

Как это обычно бывает, нашлись бесчестные честолюбцы, которые решили воспользоваться параноидальными страхами старой императрицы, чтобы сделать карьеру. Московский генерал-губернатор Прозоровский изобразил членов кружка заговорщиками, чуть ли не замышляющими убить государыню. Екатерина вспомнила, как Новиков осмеливался спорить с ней в журналах, испугалась отечественного якобинства и лично возглавила расследование. «Новиков человек коварный и хитро старается скрыть порочные свои деяния», – писала она, когда следствие ничего преступного в поведении розенкрейцеров не обнаружило. Безо всякого суда, лишь по приказу царицы, то есть совершенно по-ордынски, в нарушение законов, установленных самой Екатериной, бедного Новикова посадили в каземат Шлиссельбургской крепости, откуда после смерти своей гонительницы он выйдет человеком больным и психически сломленным. Изданные им книги спалили, сожгли даже дом, в котором собирались розенкрейцеры. Остальных членов высокодуховного кружка отправили в ссылку.

Николай Новиков. *Д. Левицкий*

За два года до московского разгрома Екатерина еще более сурово расправилась с человеком, который уж точно ни в каких заговорах

участвовать не мог, ибо действовал в одиночку. Он, собственно, и не действовал, а всего лишь написал и издал книгу. Но для русского интеллигента главным деянием всегда была и будет публикация какого-нибудь смелого текста. Наверное, Екатерину можно назвать прозорливой: зная на собственном опыте силу печатного слова, царица относилась к нему очень серьезно.

Сочинение начальника Петербургской таможни Александра Николаевича Радищева (1749–1802) называлось по примеру модных тогда путевых заметок «Путешествие из Петербурга в Москву». Следуя из одной столицы в другую, путешественник высокопарно и чувствительно, как было принято в ту эпоху, ужасается страданиям народа и обличает его угнетателей.

> «Земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека», – печалится автор и, как свойственно настоящему интеллигенту, угрызается собственной виной перед народом. Глядя, как борется на облучке со сном его слуга, Радищев в мысленном диалоге с самим собой предается мучительной рефлексии:
>
> «Какое преступление сделал бедный твой Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителем наших бедствий, величайшим даром природы несчастному – сном? …Ведаешь ли, что в первенственном уложении, в сердце каждого написано? Если я кого ударю, тот и меня ударить может. Вспомни тот день, когда Петрушка пьян был и не поспел тебя одеть. Вспомни о его пощечине. О, если бы он тогда, хотя пьяный, опомнился и тебе отвечал бы соразмерно твоему вопросу!
>
> – А кто тебе дал власть над ним?
>
> – Закон.
>
> – Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя? Несчастный!.. – Слезы потекли из глаз моих».
>
> И так далее.

Слезы текут почти на каждой странице этого трогательного сочинения, которое, пожалуй, имело очень мало шансов на успех у публики, но бдительные люди подсунули книжку (тираж 650 экземпляров, выпущена на средства автора) императрице Екатерине –

должно быть, вперемежку с известиями из революционного Парижа, – и царица прославила автора. Несколько чудом уцелевших копий передавались из рук в руки как драгоценность.

Все поля «Путешествия» императрица исписала гневными примечаниями. Особенно ее почему-то взбесило, что автор обзывает царский дворец «обиталищем деспотизма», хотя сама Екатерина признавала свой образ правления деспотическим.

Радищева арестовали, посадили в крепость, подвергли допросу по двадцати девяти пунктам, кажется, составленным самой царицей. Александр Николаевич во всем раскаялся, сослался на свое сумасшествие и сумасбродство, но это его не спасло.

Александр Радищев. *В. Гаврилов*

Книгу сожгли, автора осудили на смертную казнь. «В намерении сей книги на каждом листе видно: сочинитель оной наполнен и заражен французским заблуждением, ищет и выискивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа к негодованию противу начальника и начальства», – так оправдывала

Екатерина жестокость, а секретарю сказала, что Радищев бунтовщик хуже Пугачева. Александра Николаевича не казнили, но отправили в Сибирь, где он, как и Новиков, отчасти повредился в рассудке. Десять лет спустя, уже помилованный новой властью и вернувшийся в столицу, однажды он испугается, что его снова арестуют, – и в припадке паники перережет себе горло бритвой. У интеллигентов психика хрупкая.

Нужно признать, что умная женщина Екатерина в своих опасениях была права. Слабый Радищев для самодержавия действительно был страшнее грозного Пугачева. Потому что Пугачеву можно отрубить голову, и от него ничего не останется, а раз высказанная идея – если она востребована жизнью – будет набирать силу, и с этим уже ничего не поделаешь.

Дела внешние

Старые и новые проблемы

Во внешней политике Екатерина унаследовала от своих предшественников две большие проблемы и одну не очень большую. Все они были обусловлены новым, имперским статусом России.

Во-первых, интересы растущей державы требовали выхода к Черному морю и средиземноморским рынкам, а это означало неминуемый конфликт с Турцией.

Во-вторых, усугубляющийся кризис Речи Посполитой вызывал соблазн расшириться за счет западнославянских земель.

«Не очень большой» проблемой являлась шведская, сопряженная не с новой экспансией, а с сохранением итогов предыдущей. Северный сосед, одолеваемый внутренними раздорами, все не мог смириться с потерей балтийских владений. При Анне эти реваншистские настроения уже привели к одной войне, и опасность сохранялась.

Все эти узлы, один за другим, Екатерина развяжет или разрубит силой оружия. Главные действия российской внешней политики этой эпохи будут военными.

Если же говорить о «мирной» дипломатии великой императрицы, то она велась гораздо менее удачно. Виновата тут была сама Екатерина.

Она желала лично руководить внешнеполитическим курсом и после отставки графа Панина фактически сделалась канцлером. Эта деятельность стала для царицы приоритетной, когда она разочаровалась в реформах. К тому же внутри страны дела шли медленно, трудно и скучно, а на дипломатическом поприще можно было блистать на глазах у всей Европы. В собственных способностях Екатерина не сомневалась.

Этим субъективным фактором и следует объяснять многие зигзаги и скачки российской иностранной политики.

Поначалу в сфере международных отношений Екатерина придерживалась гуманных воззрений, впитанных из светлых книг. Она желала со всеми добрососедствовать, негодовала против войн и намеревалась быть примирительницей между теми, кто станет ссориться. В итоге же (предоставляю слово В. Ключевскому) «Вместо дружбы со всеми державами она в 34 года своего правления

перессорила Россию почти со всеми крупными государствами Западной Европы и внесла в нашу историю одно из самых кровопролитных царствований, вела в Европе шесть войн и перед смертью готовилась к седьмой – с революционной Францией». Всюду, где только возможно – в Польше, Швеции, Турции, – российские дипломаты мутили воду, отчаянно интриговали, натравливали друг на друга противоборствующие партии. Наконец, при Екатерине установилась скверная традиция прикрывать корыстные имперские намерения высокопарной, демагогической риторикой.

Взойдя на трон, новая императрица объявила себя решительной противницей всяческих союзов и на этом основании отказалась продолжать прусскую войну (за выход из которой все вроде бы так осуждали Петра Третьего). Но вскоре сменила курс и стала пытаться создать новый альянс – с тем самым Фридрихом Вторым, за любовь к которому опять-таки все ненавидели свергнутого царя.

Никита Панин, заправлявший в то время политикой, убедил молодую государыню в полезности европейской коалиции (она получила название «Северный аккорд»), которая противостояла бы уже сложившемуся «Южному католическому союзу» Франции, Австрии и Испании. В результате Россия порвала с традиционным союзником Австрией и рассорилась с Францией, однако нового альянса так и не получилось, потому что Англию очень мало занимали континентальные дела, а король Фридрих не желал брать на себя никаких обременительных обязательств.

Столь неосмотрительная политика привела к тому, что большую войну против Турции пришлось вести в одиночку – и без австрийской, и без прусской помощи. Отношения внутри треугольника Петербург-Вена-Берлин все время были нервными и запутанными; раздел Польши, о котором будет рассказано позже, еще сильнее увеличил это напряжение.

> Лишь один раз Екатерине удалось сыграть желанную роль «европейского арбитра». Это произошло в 1778 году во время конфликта между Пруссией и Австрией из-за спорных баварских земель. Обе державы поставили под ружье свои армии (160 000 солдат пруссаки, 165 000 австрийцы) и принялись угрожающе маневрировать друг перед другом, но в сражение не вступали. Война получила прозвище

«картофельной» или «сливовой», потому что оголодавшие солдаты питались только двумя этими продуктами.

Российская императрица взяла на себя миротворческую миссию, но явно вела дело в пользу своего прусского союзника и даже угрожала Вене своим вмешательством. «Приглашая императрицу-королеву [Марию-Терезию] внять гласу собственного ее человеколюбия и прекратить неправедную войну, не скрыли мы тут от проницания ее, что инако не можем остаться равнодушными зрителями оной», – таков был тон, в котором Екатерина разговаривала с Австрией.

Нечего удивляться, что, имея такого посредника, Вена быстро отказалась от своих притязаний и получила в утешение лишь маленький кусок Баварии.

А всего через год после этой демонстрации российской мощи Екатерина вдруг перевернула весь худо-бедно сложившийся европейский баланс, отказавшись от союза с Пруссией и восстановив дружбу с Австрией. Этому повороту предшествовал тот самый визит императора Иосифа, когда он сумел очаровать очаровательницу. Сближение между Петербургом и Веной очень насторожило Порту и в конце концов привело ко второй русско-турецкой войне, а та повлекла за собой шведскую войну, так что в конце 1780-х годов Российская империя оказалась в очень тяжелом положении, и причиной тому отчасти были неуклюжие дипломатические действия.

Крайне неудачно складывались и отношения с Англией. Мало того, что не получилось союза, но, в конце концов, дело дошло до открытой враждебности. Вина за это опять лежала в первую очередь на Екатерине. Очень гордая тем, как блистательно она остановила прусско-австрийскую войну методом «принуждения к миру», императрица желала закрепить за собой славу международного третейского судьи.

Англия вела войну со своими восставшими американскими колониями, на стороне которых выступили Франция, Испания и Нидерланды. Кроме боевых действий на суше, велась еще и война на море. Имея сильный флот, Англия блокировала водные коммуникации на Атлантике, объявив, что будет захватывать и суда нейтральных

стран, если они что-то везут мятежникам. Примеру британцев последовали другие воюющие страны. Морская торговля почти остановилась.

Россия страдала от этого меньше других, поскольку торгового флота практически не имела, но когда испанцы конфисковали в Средиземном море груз русского хлеба, Екатерина отправила в плавание пятнадцать боевых кораблей с приказом защищать купцов силой оружия. Кроме того царица выпустила декларацию, где объявляла о введении «вооруженного нейтралитета»: суда, принадлежащие невоюющим странам, объявлялись неприкосновенными, им не разрешалось лишь перевозить товары военного назначения. Торговые корабли отныне будут сопровождаться конвоем, готовым защищать их силой оружия.

Поскольку новый принцип бил прежде всего по владычице морей Англии, все британские враги охотно присоединились к конвенции, равно как и нейтральные страны, не говоря уж об осчастливленных Северо-Американских Соединенных Штатах. Таким образом, хотя русское судно захватила Испания, пострадавшей стороной в итоге оказывалась Англия. В результате она не смогла задушить восстание блокадой и лишилась американских колоний.

Из-за вмешательства в чужой конфликт международный престиж императрицы Екатерины безусловно вырос, но Россия скорее проиграла. «От вооруженного нейтралитета шведская и прусская торговля возросла, а наша ничего не выиграла, напротив – потеряла, – писал Семен Воронцов, русский посланник в Лондоне. – А государство потеряло в Англии естественного друга, не приобретя другого на место».

Последствия этого разрыва проявятся очень скоро, когда Россия окажется в состоянии одновременной войны на севере и на юге, а Британия станет оказывать ее врагам финансовую и политическую помощь.

Из «личных» внешнеполитических инициатив царицы нельзя не упомянуть самую вредоносную: так называемый «Греческий проект», надолго переживший Екатерину.

После побед над турецкой армией императрица воспламенилась грандиозной мечтой не просто утвердиться на Черном море или даже

добиться свободного плавания через Босфор, но вернуть православию Царьград – то есть захватить Стамбул и «водрузить на Святой Софии осьмиконечный крест». Императрица намеревалась создать сателлитное греческое царство со столицей в Константинополе. Своего второго внука, родившегося в 1779 году, она со значением нарекла Константином, проча ему корону будущей страны. (Старшего внука Екатерина назвала Александром – это имя в ту эпоху прежде всего ассоциировалось с Александром Македонским, покорителем Азии). Екатерина готовилась к великому завоеванию всерьез. Она писала австрийскому императору: «Если бы наши удачи в этой войне дали нам возможность освободить Европу от врагов рода христианского, изгнав их из Константинополя, ваше императорское величество не отказали бы мне в содействии для восстановления древней греческой монархии на развалинах варварского правительства, господствующего там теперь, с непременным условием с моей стороны сохранить этой обновленной монархии полную независимость от моей и возвести на ее престол моего младшего внука, великого князя Константина» (хороша независимость!). Канцлер Панин был отправлен в отставку не в последнюю очередь из-за того, что считал этот план сумасшествием.

Затея действительно была совершенно утопической. Европейские державы никогда не допустили бы такого усиления Российской империи (в чем предстояло убедиться преемникам Екатерины), однако же химера «креста над Святой Софией» будет кружить голову нашим отечественным империалистам еще несколько поколений.

В последние годы царствования главной заботой для Екатерины стала Франция, не только учредившая республику и поднявшая руку на короля, но и начавшая экспансию революции за свои пределы.

Политика императрицы по отношению к этой угрозе выглядит странно и непоследовательно. На словах Екатерина выражала горячее желание затоптать революционный костер, пока он не охватил всю Европу, требовала от других монархов самых решительных действий, на деле же всячески уклонялась от участия в войне, рассчитывая погасить огонь чужими руками.

Английская карикатура на Екатерину, подбирающуюся к Константинополю

С одной стороны, царица очень страшилась «революционной заразы», с другой – явно недооценивала опасность. Она писала, что боится усиления Пруссии и Австрии «гораздо более, чем старинную Францию во всем ее могуществе и новую Францию с ее нелепыми принципами». Императрицу даже радовало, что западная Европа истощает себя в борьбе, а Россия наращивает силу. При всеобщей неразберихе было очень удобно прибрать к рукам то, что еще оставалось от Польши.

Поэтому Россия не присоединилась к австро-прусской коалиции 1792 года – и та потерпела поражение. В 1793 году Екатерина подписала антифранцузский договор с Англией – и опять лишь послала к театру военных действий несколько кораблей, в чем британцы совершенно не нуждались. В 1795 году царица наконец пообещала

отправить на помощь союзникам экспедиционный корпус, но и этот план не осуществился.

К этому времени возможность загнать джинна обратно в бутылку была окончательно упущена. Армия Французской республики, состоявшая не из подневольных рекрутов, а из свободных граждан, ведомая талантливыми самородками-полководцами, а не титулованными особами, била всех своих врагов.

В апреле 1795 года из борьбы вышла Пруссия. В июле того же года – Испания. В мае Голландия превратилась в республику. В октябре французским владением стала Фландрия.

За короткий срок вооруженные силы республики выросли почти вчетверо, достигнув невероятной для той эпохи цифры: 650 тысяч солдат, и рост этот продолжался. Пройдет несколько лет, и эта махина прокатится по всей Европе, оставив повсюду руины и груды мертвых тел. Произойдет настоящая макрокатастрофа, не пощадив и Россию.

Зато Екатерина урвала еще один кусок несчастной Польши и не дала усилиться Пруссии с Австрией.

Вот каким внешнеполитическим стратегом была великая императрица.

Основной инструмент внешней политики

Однако главным рычагом российской внешней политики являлась не дипломатия. Империя больше полагалась на оружие, и все ее триумфы были добыты именно этим средством.

Слава и величие России обеспечивались не процветанием, которого не было, и не экономикой, которая находилась в незавидном состоянии, но исключительно мощью армии, а впоследствии и флота.

Прежде чем рассказать о войнах миролюбивой императрицы, посмотрим, как ковались эти виктории.

На укрепление вооруженных сил Екатерина не жалела ни усилий, ни средств. Армия, доставшаяся ей в 1762 году, после тяжелой и бессмысленной Семилетней войны находилась в довольно плачевном состоянии. Шведский посланник Мауриц Поссе в донесении своему правительству сообщает, что искусных военачальников у русских нет, а солдаты нехороши, ибо вместо боевой подготовки их используют на

тяжелых работах, скверно кормят и не лечат; что, хотя списочный состав равен тремстам тысячам человек, на самом деле под ружьем находится едва треть, ибо в полках много больных и процветают приписки – начальство кладет жалованье за выбывших себе в карман. При этом на содержание армии уходило три четверти государственного бюджета – одиннадцать миллионов рублей.

Всё свое царствование Екатерина увеличивала размер армии и довела ее до полумиллиона человек, то есть сделала второй по численности в Европе.

Это, конечно, требовало колоссальных расходов, и в 1796 году армия обходилась России уже в двадцать миллионов (правда, очень вырос и бюджет).

Улучшилась армия и в качественном отношении, чему способствовал ряд преобразований.

Важнейшее из них коснулось формирования. Рекрутская повинность, введенная Петром Первым в 1705 году, обрекала солдата на пожизненную службу, и в армии числилось множество старых солдат, годных лишь для инвалидных команд. При Екатерине срок был ограничен 25 годами, после чего нижним чинам давалась вольная. Это сильно омолодило армию.

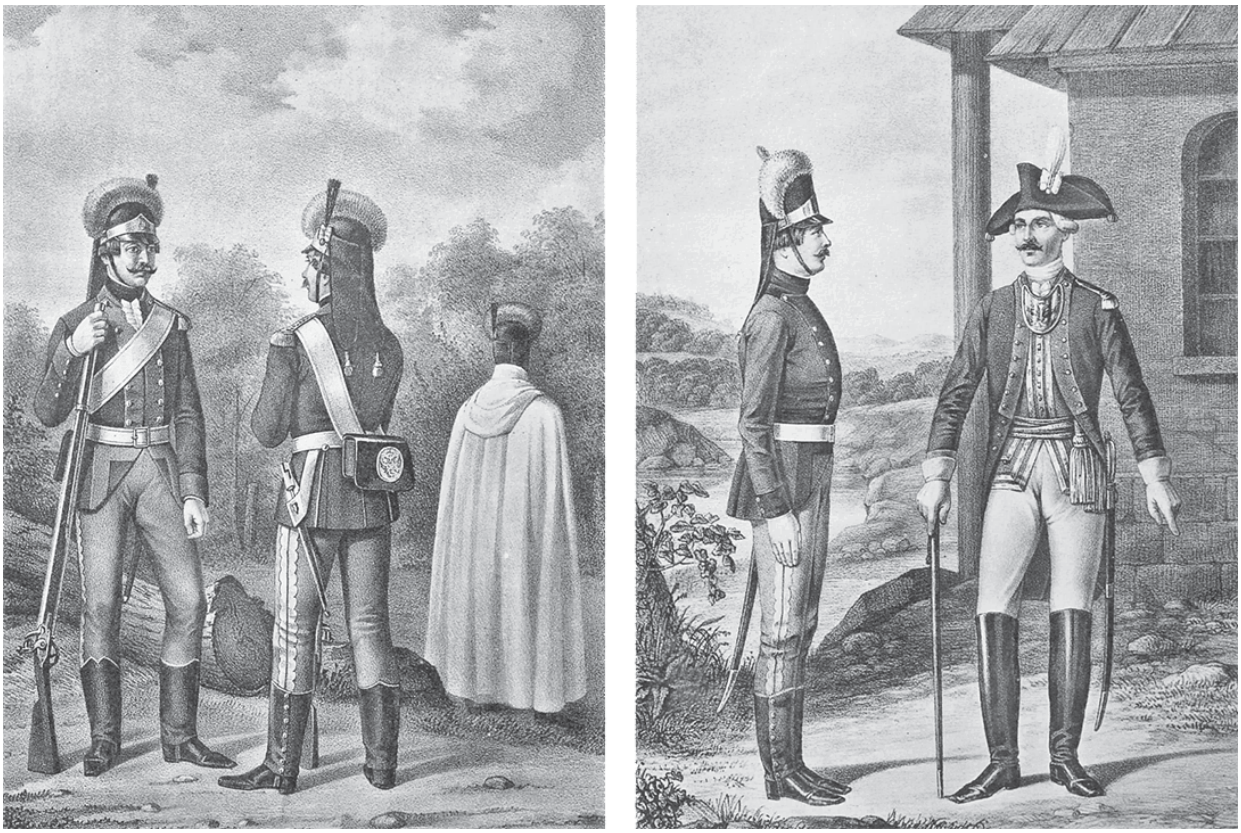
Потемкин в бытность президентом Военной коллегии сделал несколько существенных преобразований. Армия получила новую, более удобную для управления батальонную структуру; улучшилось снабжение и медицинское обеспечение; обмундирование из декоративного стало практичным, приспособленным не для парада, а для похода. Знаменитые суворовские марш-броски стали возможны лишь благодаря этим нововведениям. «Завивать, пудриться, плесть косы, солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет. На что же букли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрой, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то готов», – писал государыне светлейший. Самое же главное – солдат начали обучать осмысленному бою, в то время как раньше господствовала прусская доктрина, предписывавшая делать из нижнего чина живую машину.

Изменения произошли и в офицерском корпусе. При Петре дворяне должны были исполнять воинскую повинность так же пожизненно, как рекруты, да при этом еще и поголовно. Подавляющее

большинство попадали на военную службу и начинали ее с самого низа, без каких-либо поблажек. Позднее это строгое установление постепенно смягчалось, а Екатерина (на самом деле Петр III, но царица присвоила заслугу себе) окончательно предоставила дворянству свободу: служить или оставаться дома.

Это способствовало повышению качества офицерских кадров, так как теперь военную карьеру выбирали люди, сами этого хотевшие. Тем, кто чувствовал себя в мундире неуютно или плохо справлялся с обязанностями, ничто не мешало подать в отставку.

Был, правда, и существенный минус. Вошло в обычай записывать мальчиков в полк прямо с младенчества, чтобы, войдя в возраст, они попадали на действительную службу уже офицерами, по выслуге лет. Это совершенно извращало смысл петровской военной системы и вводило в армии явственную сословную перегородку. С екатерининской поры из русской армии исчезают солдаты-дворяне; отныне в ней все нижние чины – простолюдины, а почти все офицеры, за вычетом немногочисленных выслужившихся, – дворяне.



«Потемкинские» мундиры. *Литография. XIX в.*

Наконец, иначе стал выглядеть высший командный состав. Царица-немка еще строже, чем Елизавета Петровна, следила за тем, чтобы все видные посты доставались не иноземцам, а русским. Надо сказать, что от такой кадровой политики армия ничего не потеряла, ибо ко второй половине восемнадцатого века уже вполне сформировалась национальная офицерская школа, чему немало способствовали весьма неплохие учебные заведения, прежде всего Шляхетский корпус, да и солдатская «стажировка» в гвардейских полках, через которую проходили десятки тысяч молодых дворян. У России появились великие полководцы – сначала Петр Румянцев, потом Суворов. Каждый из них имел учеников, которые в начале следующего века победят Наполеона.

В последний период царствования Екатерина позволяла себе нанимать на службу и иноземных генералов, но это были люди именитые и заслуженные, вроде австрийского лейтенант-фельдмаршала князя де Линя или французского адмирала принца Нассау-Зигена.

И все же не следует переоценивать боевые качества екатерининской армии, которая успешно воевала с архаичными турецкими войсками и польскими повстанцами, но в столкновении с европейской армией, притом не самой сильной – шведской – проявила себя не столь уж блестяще. В русской армии имелось множество застарелых проблем, к числу которых относились безудержное воровство интендантов и полковых командиров, привычка использовать солдат как бесплатную рабочую силу, высокий уровень болезней. Французская армия, главный противник в будущих баталиях, содержалась гораздо лучше.

Военный флот после смерти Петра Первого все время находился в запущенном состоянии. Великий царь в свое время потратил колоссальные усилия на то, чтобы получить выход к Балтике и тем самым завести собственную морскую торговлю, но возникает ощущение, что старался он ради иностранных коммерсантов. В новодобытые порты заходили главным образом чужие корабли, привозя свои товары и увозя русские. Иностранцам же, естественно, шел и основной прибыток от этой коммерции, поскольку русский торговый флот не стал (да никогда и не станет) особенно мощным. Поэтому в

мирное время тратиться на содержание большой эскадры казалось излишним. Старые корабли простаивали на якоре, ветшали, гнили. Новые спускались на воду нечасто. Тот же шпионствующий шведский посланник Поссе в 1762 году докладывал, что военных судов у России числится довольно много (42 парусника и 99 галер), но все они настолько худы, что вряд ли их возможно отремонтировать, а хороших моряков очень мало и взяться им неоткуда, поскольку русские почти не ведут собственной морской торговли.

Три года спустя положение не изменилось, о чем с возмущением после смотра писала сама императрица: «У нас в излишестве кораблей и людей, но у нас нет ни флота, ни моряков. В ту минуту, когда я подняла штандарт и корабли стали проходить и салютовать, два из них погибли было по оплошности их капитанов, из которых один попал кормою в оснастку другого… Потом адмиралу хотелось, чтоб они выровнялись в линию; но ни один корабль не мог этого исполнить, хотя погода была превосходная. Наконец, в пять часов после обеда приблизились к берегу для бомбардирования так называемого города. …До девяти часов вечера стреляли бомбами и ядрами, которые не попадали в цель. …Надобно сознаться, что корабли походили на флот, выходящий каждый год из Голландии для ловли сельдей, а не на военный».

Восстановление пришедшего в упадок Балтийского флота и обзаведение еще одним, Черноморским, которому предстояло вести борьбу со старинной морской державой Турцией, стало одной из главных забот царствования. На юге этим усердно занимался Потемкин, в невероятные сроки построивший большое количество военных кораблей. Они были плохого качества и управлялись малоопытными экипажами, но для боев с пришедшим в упадок турецким флотом этого оказалось достаточно.

В 1790-е годы Екатерина ежегодно тратила на военно-морские силы огромную сумму, пять миллионов рублей, и эти расходы сделали русский флот третьим в мире – если не в качественном, то в количественном отношении. Во время турецкой и шведской войн, когда пришлось сражаться сразу на обоих морских театрах, северном и южном, империя имела 28 линейных кораблей и 149 фрегатов.

Поскольку российскому адмиралтейству было свойственно ради отчетности пририсовывать лишнее, воспользуемся британской

статистикой. Мощь военного флота тогда определяли не количеством вымпелов (поскольку корабли могли быть и маленькими), а суммарной численностью экипажей. Итак, в 1792 году на английских кораблях служили 100 тысяч человек, на французских – 78 тысяч, на русских – 21 тысяча. Иными словами, екатерининский флот считался значительным, но не великим.

Теперь давайте посмотрим, как императрица использовала имевшиеся военные ресурсы для решения внешнеполитических проблем.

Южная экспансия

Войны с Турцией у России начались во второй половине семнадцатого века и не прекращались вплоть до самого конца династии Романовых. Всего за два с лишним века их будет одиннадцать. Однако содержание этого хронического конфликта постепенно менялось.

Вначале он был со стороны (тогда еще) Москвы оборонительным и касался не собственно Порты, а ее вассала Крымского ханства, со старинных времен докучавшего России своими грабительскими набегами. Воюя с крымцами, русские всячески подчеркивали, что это раздор не с Константинополем – тягаться силами с грозной Османской империей было бы безумием. При первом Романове, Михаиле Федоровиче, донские казаки лихим наскоком захватили турецкую крепость Азов, запиравшую выход в южные моря, и, не зная, что делать с этой добычей, предложили ее царю. Посоветовавшись с боярами и Земским собором, государь еще не окрепшей после Смуты страны от столь опасного подарка отказался.

Лишь при Алексее Михайловиче, усилившись и обретя уверенность после побед над Речью Посполитой, русские решились сразиться с турками – когда те стали претендовать на Украину. Иными словами, война была для русских вынужденной, на турецкие земли они не покушались.

Всё изменилось со времен Петра Первого – отчасти из-за ослабления Порты, но главным образом из-за нового, имперского формата русского государства, которое решительно взяло курс на экспансию. У Петра выйти к Черному морю не получилось, и эту задачу он оставил своим преемникам. С тех пор все околочерноморские

войны были либо попытками России расширить свои владения, либо попытками Турции, когда она временно усиливалась, взять реванш. При этом аппетиты Петербурга постоянно росли, так что скоро одного выхода к Черному морю империи стало уже недостаточно, возник мегапроект о завоевании Константинополя и прорыве на Средиземноморье.

Прежде чем рассказать, как решала «южную» проблему Екатерина, разберемся, что происходило в ту эпоху с Турцией.

В середине восемнадцатого века эта одряхлевшая, архаичная держава отчаянно пыталась модернизироваться. Война 1735–1739 годов была для Стамбула, в целом, победной. Правда, турки в очередной раз отдали России злосчастный Азов, которым никогда особенно не дорожили, зато отобрали у австрийцев обширные территории в Валахии, Сербии и Боснии. Главное, Турция получила долгую передышку и воспользовалась ею для реформ.

С 1757 года султаном стал Мустафа III, правитель рачительный и предприимчивый. В то время как европейцы убивали и разоряли друг друга Семилетней войной, в Турции приводили в порядок налоговую систему, накапливали ресурсы, строили дороги, создавали учебные заведения. Произошла и некоторая модернизация вооруженных сил. Как и русский Петр III, султан был сторонником прусской военной школы и поклонником короля Фридриха. Кроме того две эти страны объединяла вражда с Австрией. Прусские инструкторы обучали европейскому строю турецких солдат и преподавали в офицерских школах. Обновлялась артиллерия, спускались на воду новые корабли.

Султан Мустафа Третий. *Неизвестный художник. XVIII в.*

После десятилетия военного строительства Турция почувствовала себя достаточно могущественной, чтобы активно отстаивать свои права. (Мустафа III сильно переоценивал боевые качества своей армии и флота, но это станет ясно лишь впоследствии).

Больше всего султана беспокоило и раздражало русское вмешательство в дела соседней Польши. Вопреки Прутскому договору 1711 года, воспрещавшему России встревать во внутренние дела Речи Посполитой, Петербург только этим и занимался, даже ввел в соседнюю страну войска (о чем будет рассказано ниже).

В августе 1768 было отправлено в отставку правительство, отговаривавшее султана от рискованных действий, и назначено новое, не боявшееся войны. Оно выдвинуло русскому послу ультиматум: немедленно убираться из Польши и оставить эту страну «при совершенной ее вольности». Когда же посол ответил, что такие решения не в его компетенции, русскую дипломатическую миссию по турецкому обыкновению посадили в тюрьму. Разразилась война.

Екатерина учредила Совет при Высочайшем дворе из восьми самых важных сановников (этот совещательный орган потом станет постоянным) и задала его членам вопрос: «К какому концу вести войну и в случае наших авантажей какие выгоды полезнее положить?». Совет ответствовал, что наилучшей выгодой было бы получение права на свободное мореплавание по Черному морю, для чего понадобится отнять у турков несколько береговых крепостей. Таким образом, русское правительство с самого начала ставило перед собой не оборонительные, а завоевательные цели.

В Петербурге не были склонны принимать всерьез внезапную турецкую воинственность. Все привыкли, что османы медленно запрягают, и полагали, что раньше следующей весны они ничего не предпримут.

Однако в разгар зимы крымский хан двинулся через украинские земли на запад, чтобы достичь Польши и соединиться с тамошними врагами России. У Керим-хана было семидесятитысячное войско, но годилось оно только для лихих налетов. Первая же крепость, оказавшаяся на его пути, Елисаветград, стала для иррегулярной татарской конницы непреодолимым препятствием. Отряды рассеялись по окрестным областям, увлеклись грабежом, причем не жалели и

своих союзников-поляков, а когда насытились добычей, повернули обратно.

После столь опасной диверсии в Петербурге главной стратегической задачей сочли прикрытие Польши и бросили на это направление основные силы.

В апреле генерал-аншеф Александр Голицын повел к крепости Хотин, с таким трудом давшейся Миниху в 1739 году, 80-тысячную армию, но штурмовать твердыню не осмелился и ушел обратно. Получив за это нагоняй из Петербурга, в июле он вновь подступился к крепости, однако, узнав о приближении турецкого войска, опять отступил. Произошло несколько стычек, каждую из которых Голицын презентовал как великую победу, но факт оставался фактом: наступление застопорилось. Императрица постановила снять вялого командующего и назначить на его место Петра Румянцева.

> Этот довольно еще молодой генерал (сорока четырех лет) прославился в Семилетнюю войну, отличившись при Гросс-Егерсдорфе и Кунерсдорфе, а также – что в данном случае имело особое значение – взял сильную крепость Кольберг. Уже говорилось, что после переворота 1762 года Румянцев, до конца сохранявший верность убитому императору, подал в отставку, но Екатерина оставила талантливого полководца на службе. Теперь ему предстояло повернуть ход неудачно начавшейся войны.
>
> В оперативном смысле это был приверженец наступательных действий, не боявшийся отходить от традиционного линейного боя и активно использовавший тактику «ударного кулака», то есть концентрации главных сил в одной точке сражения для прорыва.
>
> Русская армия восемнадцатого века, исключительно стойкая при обороне, не очень хорошо умела атаковать в открытом поле. Румянцев научил ее этому искусству.

Пока новый командующий следовал к расположению войск, турки оставили Хотин сами и отступили. Они копили силы, чтобы обеспечить себе максимальное превосходство в большом сражении.

Бухарест дался русским тоже без боя, но мощную крепость Браилов взять не удалось. На том фронт и остановился, сухопутная

кампания 1769 года закончилась.

Интересные события тем временем происходили на море.

На одном из первых заседаний Совета граф Григорий Орлов предложил отправить в Средиземноморье, вокруг всей Европы, эскадру, чтобы перевезти десант для высадки в тылу у турок. Предполагалось, что это вызовет восстание среди православных подданных султана, греков и балканских славян.

Идея выглядела красиво, но возникли трудности с ее реализацией. Слишком уж в жалком состоянии пребывал флот. Адмирал Свиридов смог вывести в море только семь больших кораблей и семь вспомогательных, причем один из них, самый новый, скоро вернулся обратно из-за дефектов конструкции. В Копенгагене пришлось надолго остановиться, чтобы произвести ремонт остальных. «Желание большей части офицеров к возврату, а не к продолжению экспедиции клонится», – докладывал в Петербург тамошний посланник. Екатерина писала адмиралу: «Прошу вас для самого Бога, соберите силы душевные и не допустите до посрамления пред всем светом. Вся Европа на вас и вашу экспедицию смотрит».

Петр Румянцев. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Поплыли дальше, но до Средиземного моря добралась только половина эскадры. Зато вышло воззвание к грекам и славянам, на

которых только и оставалась надежда. Предприятие напросился возглавить Алексей Орлов, в то время путешествовавший по Италии.

Из авантюры с христианским восстанием ничего не вышло. Увидев, что русских солдат мало, местные жители не торопились браться за оружие, а те, что все-таки отважились, были в мае 1770 года разгромлены возле пелопонесской крепости Модон. «Сей неблагополучный день превратил все обстоятельства и отнял всю надежду иметь успехи на земле», – сообщал императрице Орлов.

> У графа оставался только один способ реабилитироваться в глазах государыни – дать морское сражение. Он решил поставить всё на карту, блеском своего имени и напором отодвинул на второй план морских начальников (прибыл еще один отряд кораблей под командой специально нанятого англичанина контр-адмирала Джона Эльфинстона), и 24 июня приказал атаковать турецкий флот, стоявший в Хиосском проливе, близ крепости Чесма.
>
> Перед боем Орлов выпустил довольно странный приказ, в котором говорилось: «По неизвестным распоряжениям неприятельскаго флота, каким образом оной атаковать, диспозиция не предписывается, а по усмотрению впредь дана быть имеет». Поэтому сражение получилось своеобразное: два флагманских корабля, русский и турецкий, сцепились на абордаж, загорелись и взлетели на воздух. Оба экипажа почти полностью погибли.
>
> Но после ужасного взрыва русские остались на месте, а турки в панике отступили в Чесменскую бухту. Победа была не столько военной, сколько психологической.
>
> Поэтому следующей ночью деморализованные турки без большого сопротивления дали русским брандерам сжечь все свои корабли; матросы спаслись бегством на лодках и вплавь.
>
> Дерзкий ход Алексея Орлова сработал. По счастью, турецкий флот оказался еще хуже русского. Сам граф викторией не обольщался и впоследствии писал: «Если б мы не с турками имели дело, всех бы легко передавили».

В это время на другом театре войны события развивались не менее драматично. Румянцев переправился через Днестр, и главные силы

враждующих сторон изготовились к решающей битве.

Седьмого июля 1770 года на реке Ларга произошло первое столкновение, в котором Румянцев потеснил турецко-татарское войско, а две недели спустя на реке Кагул наконец состоялось генеральное сражение.

> Великий везирь Халил-паша привел 150 тысяч воинов. Части регулярного строя, правда, составляли меньшинство. В основном это были недисциплинированные разношерстные отряды, но Румянцев смог вывести в поле всего 20 тысяч, и у везиря был расчет задавить неприятеля численным преимуществом.
>
> При подобном соотношении сил русским было бы логично обороняться, но командующий готовил свою небольшую армию к атаке.
>
> Битва продемонстрировала несомненное преимущество дисциплины, маневрирования и координированного огня над хаотичным натиском. Особенно отличилась артиллерия, традиционно самый сильный род войск в русской армии.
>
> Отбив нападения самых боеспособных турецких подразделений, Румянцев сам перешел в наступление, и скученность османской армии пошла ей во вред. Охваченная паникой конница затоптала собственную пехоту, та в свою очередь обратилась в бегство, опрокидывая свежие части, еще не вступившие в бой. Остановить эту массу было невозможно.
>
> Русская конница преследовала разбитого неприятеля до самого Дуная, захватила множество пленных и всю артиллерию. Турецкая армия потеряла около двадцати тысяч воинов и 140 пушек. Потери Румянцева были незначительны.

Гораздо тяжелее далась русским крепость Бендеры, которую генерал-аншеф Петр Панин взял приступом в начале осени. Турки там отчаянно защищались, и осаждающие потеряли 6 000 солдат – вшестеро больше, чем Румянцев при Кагуле.

И все же, несмотря на славные победы кампании 1770 года, ее общий итог выглядел неблестяще. Турция сохранила армию, а попытка открыть «второй фронт» на Балканах провалилась.

Война обещала быть долгой.

В следующем году на Дунае, где стояли друг напротив друга основные силы враждующих сторон, ничего эпохального не произошло. Форсировать широкую реку Румянцев не решался – не хватало войск. Единственным успехом, очень дорого давшимся, было взятие не слишком важной крепости Журжа (нынешний румынский Джурджу).

Главные события развернулись на восточном фронте, где генерал-аншеф Василий Долгоруков прорвался через Перекоп в Крым и захватил весь полуостров. Хан Селим-Гирей эвакуировался в Турцию, оставшиеся мурзы выбрали другого хана, Сахиб-Гирея, и тот заключил с Россией мир, признав верховенство императрицы, разорвав отношения со Стамбулом и даже согласившись на то, что в крымских крепостях останутся русские гарнизоны.

Потеря союзника заставила султана начать переговоры, что надолго приостановило военные действия. Весь 1772 год уполномоченные сходились, расходились, снова пытались договориться. Аппетиты Петербурга очень увеличились по сравнению с первоначальными мечтами всего лишь о черноморской торговле. На нее-то Турция соглашалась, отдавала она и Азов с Таганрогом, но теперь Екатерина требовала от султана отказаться от Крыма.

В конце концов Россия по уже сложившейся традиции решила подкрепить дипломатию иными средствами. Румянцеву было приказано «вынудить у неприятеля силою оружия то, чего доселе не могли переговорами достигнуть». Весной 1773 года опять загрохотали пушки.

Было много маленьких и средних боев, в основном успешных для русского оружия, но ни одной значительной победы. Румянцев переправился было через Дунай, но, столкнувшись с упорным сопротивлением, оказался вынужден вернуться. Осаждали большую крепость Силистрию – и не смогли взять. Поздней осенью предприняли поход в Болгарию, к Варне и Шумле, но дело тоже не увенчалось успехом.

Удачнее действовал на Средиземном море русский флот, набравшийся боевого опыта и усиленный подкреплениями. Корабли с бело-синим андреевским флагом появлялись то в Египте, то в Сирии, на

время даже захватили Бейрут. Впрочем, это были лишь диверсионные рейды.

В середине зимы от сердечного приступа внезапно умер султан Мустафа, и появилась надежда, что взошедший на престол Абдул-Хамид, слывший человеком изнеженным и праздным, поспешит заключить мир. Обе страны были совершенно истощены войной. У султана не хватало денег даже заплатить жалованье дворцовым янычарам; у Екатерины в тылу бушевало пугачевское восстание.

Возобновились мирные переговоры – и опять ничем не закончились, потому что теперь Россия желала получить еще и две сильных крепости в северо-западном Причерноморье, Очаков и Кинбурн.

Предстояла еще одна, уже пятая по счету кампания.

В июне 1774 года русская армия наконец переместилась на правый берег Дуная. У болгарского городка Козлуджи корпус генерал-поручика Александра Суворова (24 тысячи солдат) во встречном бою потрепал и заставил отступить 40-тысячное войско рейс-эфенди (канцлера) Хаджи-Абдул-Резака. Сражение было не особенно кровопролитным, а победа не такой уж грандиозной, но для турок это стало последней каплей. Они поняли, что уже не смогут остановить наступление русской армии, двигавшейся в самую сердцевину Османской империи.

Прямо в ставке Румянцева, в болгарской деревне Кючук-Кайнарджи, был подписан мир, по которому Россия получила почти всё, чего добивалась.

Русско-турецкая война 1768–1774 годов. *М. Романова*

Крымское ханство становилось политически независимым от Стамбула, причем в двух крымских крепостях, Керчи и Еникале,

сторожививших выход из Азовского моря, могли стоять русские гарнизоны; еще один стратегически важный пункт в устье Днепра – крепость Кинбурн с округой – передавалась России; русским купцам разрешалось свободно плавать в Черном море и пользоваться проливами; наконец, Турция выплачивала контрибуцию в размере четырех с половиной миллионов рублей (правда, война обошлась российской казне в сорок семь миллионов).

Главным итогом войны, конечно, был вывод Крыма из сферы турецкого влияния, и сделано это было вовсе не для того, чтобы ханство стало независимым государством. Россия намеревалась взять эту территорию себе и действовала с обычной в подобных случаях настойчивостью, соблюдая, однако, некоторую церемонность. Это вообще было особенностью екатерининских «мирных» аннексий, к тому времени уже опробованных в Польше. Петербург громогласно заявлял о каких-нибудь высокоморальных мотивах, оправдывавших вмешательство в дела другой страны, одновременно используя два мощных рычага: «агентов влияния» из числа местной элиты и, при необходимости, угрозу применения силы.

Так же происходило и в Крыму. Поначалу Россия ратовала за крымскую свободу – то есть за право татар самим выбирать себе правителя, не получая согласия у султана. Затем Екатерина забеспокоилась по поводу внутрикрымских раздоров и – исключительно во имя стабильности – стала добиваться отмены ханских выборов, поскольку гораздо спокойнее и лучше, если престол переходит от отца к старшему сыну.

Дело в том, что к этому времени у России появился свой кандидат в ханы, очень удобный и послушный: калга (наследный принц) Шахин-Гирей. Этот молодой человек любил все европейское, знал несколько языков, а во время посещения Петербурга стал большим русофилом. Когда хан Девлет-Гирей IV начал клониться в сторону Турции, русские войска изгнали его и посадили на престол Шахин-Гирея. После долгих протестов Стамбул скрепя сердце согласился на это, но без русских штыков новый хан удержаться не мог. Против него постоянно восставали собственные подданные. В мае 1782 года недовольные мурзы выбрали себе другого хана, Бахадыр-Гирея, который немедленно обратился за помощью к султану. Шахин-Гирей спрятался за стенами

Керчи, где находился русский гарнизон, и, разумеется, попросил защиты у Екатерины.

По приглашению законного государя в Крым вошли войска под командованием Суворова, быстро разгромили мятежников и больше уже с полуострова не уходили.

Крымская эпопея близилась к финалу. Потемкин писал императрице, что ханство пора присоединять. Заранее приготовили рескрипт с довольно своеобразным обоснованием необходимости этой меры: соблюдение крымской независимости обходится российской казне слишком дорого, поскольку нужно держать по соседству целую армию. Екатерина велела Потемкину обнародовать рескрипт, как только появится благовидный предлог.

Предлог тут же появился. Шахин-Гирея уговорили добровольно отречься от престола, передав Крым в российское подданство. Присутствие русских войск гарантировало, что всё пройдет гладко.

В апреле 1783 года Крымское ханство (следует учитывать, что в его состав входила и Кубань) торжественно вошло в состав Российской империи.

> Послушному Шахин-Гирею остаться на родине не позволили. Сначала он жил поблизости от Крыма – в Тамани и Таганроге, но затем правительство сочло за благо перевести бывшего хана вглубь России. Ему там было холодно и одиноко, он стал проситься в Турцию. В 1787 году, очевидно, уже не считая Шахин-Гирея опасным, Екатерина позволила ему уехать.
>
> Это было большой ошибкой. Султан не простил бывшему подданному измены. Шахин-Гирея сослали на остров Родос, где вскоре удавили.

Черноморский полуостров достался империи полупустым. Еще до присоединения, желая ослабить ханство, Россия переселила оттуда 32 тысячи христиан, в основном греков и армян. Теперь же из Крыма массово уезжали мусульмане.

> Как уже говорилось, Потемкин всячески стимулировал приток русских переселенцев, но их не хватало. Тогда возник

экзотический проект привезти англичан, очень заинтересовавший британскую корону.

Дело в том, что после окончания американской войны огромное количество солдат королевской армии остались без средств к существованию. Вынужденные заниматься грабежом и воровством, они тысячами попадали в тюрьмы. Кому-то пришло в голову, что можно будет избавиться от всех этих каторжников, отправив их князю Потемкину, ведь ему так нужны люди. Затея не осуществилась лишь из-за резкого ухудшения российско-британских отношений. В результате Крым не стал англоязычным, а каторжники поплыли заселять Австралию.

Главным аргументом, с помощью которого Потемкин убедил царицу решиться на аннексию, были уверения светлейшего, что турки «о Крыме спорить не будут». В 1783 году Стамбулу действительно было не до новой войны и разрыва не последовало, однако Турция с потерей Крыма не смирилась и лишь выжидала момента, чтобы взять реванш.

Такой момент наступил четыре года спустя, когда Россия оказалась в невыгодной внешнеполитической ситуации: после «вооруженного нейтралитета» антагонизировала Британию и рассорилась с Пруссией, сменив этого союзника на Австрию.

Последний демарш был напрямую связан с грандиозными планами, которые Екатерина стала вынашивать после Кючук-Кайнарджийских приобретений. На Черном море спешно строился военный флот, возводились новые города и крепости. Велась подготовка к «водружению креста над Святой Софией».

Английским и прусским дипломатам было нетрудно убедить султана в необходимости упреждающего удара. Знали турки и про то, что в Швеции усиливаются антироссийские настроения. Северное королевство вновь готовилось отвоевывать утраченные балтийские владения.

За годы, миновавшие после поражения, султан Абдул-Хамид, неожиданно оказавшийся довольно энергичным правителем, при помощи новых, французских инструкторов серьезно обновил армию, флот и в особенности артиллерию, а также учредил военно-инженерную службу (работа которой дорого обойдется Суворову при

штурме Измаила). Абдул-Хамид подавил мятежи в своих арабских провинциях, навел порядок в янычарском корпусе и теперь был готов вновь помериться силами с Россией.

Екатерина прибывает в присоединенный Крым. *И. Айвазовский*

В июле 1787 года русский посланник вдруг получил от везирей удивительное требование возвратить Крым и отменить условия Кючук-Кайнарджийского мира. Вслед за тем, даже не дождавшись очевидного ответа, Порта объявила войну. С нетипичной активностью действовали турки и в дальнейшем.

Уже в сентябре они атаковали Кинбурн с моря и высадили десант. Взятие этой крепости поставило бы под угрозу базу русской эскадры в соседней Херсонской бухте.

Расквартированный неподалеку Суворов, в это время уже генерал-аншеф, отбил нападение, но турки неприятно удивили его своими боевыми качествами. В реляции он писал о вражеской контратаке: «Неприятельское корабельное войско [морская пехота], какого я лутче у них не видал, преследовало наших с полным духом». В жарком бою сам Суворов едва не был изрублен янычарами и получил два ранения.

Русская эскадра при этом все равно сильно пострадала – не от противника, а от ужасного шторма, который утопил два больших корабля и вывел из строя почти все остальные. Россия так долго готовилась к морской войне, и вот в самом ее начале осталась без флота. Гонясь за количеством судов, Потемкин уделял слишком мало внимания их качеству. Убитый страшной вестью (и находившийся в одном из своих депрессивных периодов) светлейший хотел даже оставить Крым, но Екатерина на это не согласилась.

Второй год войны тоже оказался очень тяжелым. Русские собрали две армии: одной командовал Румянцев-Задунайский, другой – сам князь Потемкин-Таврический. Но прославленный герой Кагула постарел и утратил былой наступательный дух, а из талантливого администратора Потемкина вышел очень неважный полководец. В июне он осадил крепость Очаков и застрял под ней на целых полгода с 50-тысячной армией. Турки стойко держались, сдаться отказывались, и взять крепость удалось лишь после тяжелого штурма, с большими потерями.

Еще хуже было то, что летом 1788 года на Россию напала Швеция, так что пришлось вести войну на два фронта.

Большие надежды возлагались на помощь союзника, Австрии, и та действительно перешла в наступление, мобилизовав огромную армию, более четверти миллиона солдат. Командовал вторжением лично император Иосиф Второй. Но кампания складывалась для австрийцев крайне неудачно. Они придерживались так называемой «кордонной системы», при которой войска располагались широким фронтом с опорой на укрепленные пункты. Это позволяло туркам нападать на австрийские контингенты по частям, все время имея численное преимущество. Да и состояние имперской армии оставляло желать лучшего.

Широкий резонанс получило невероятное сражение при Карансебеше в сентябре 1788 года, где австрийцы разгромили сами себя.

В ночное время две воинские части передрались из-за выпивки, открыли друг по другу пальбу и переполошили весь гигантский лагерь. Вообразив, что это напали янычары, стотысячное войско кинулось бежать, не разбирая дороги. Многие остались на поле, затоптанные толпой и конскими

копытами, да еще и рухнул мост, не выдержав скопления людей.

Через два дня на месте побоища появились озадаченные турки, которым достался брошенный обоз. Это злоключение потом обросло легендами, над ним потешалась вся Европа, преувеличивая размеры австрийских потерь, однако отступить Иосифу действительно пришлось.

К 1789 году русские собрали все силы в одну армию, которую возглавил лично Потемкин, все еще надеявшийся стяжать полководческие лавры. Румянцева отодвинули в сторону. По счастью, светлейший князь ограничился общим руководством, а в поле войсками командовал Суворов, который именно в этой кампании наконец получил возможность сполна проявить свои таланты.

Великий военачальник остался в памяти потомков этаким чудаком, который странно себя вел, любил скоморошничать и разговаривал одними куцыми афоризмами вроде «пуля дура – штык молодец» или «трудно в учении – легко в бою», но эти кричалки предназначались для нижних чинов, а когда требовалось, Александр Васильевич отлично умел формулировать свои принципы военной науки вполне внятным образом. Вот они:

«Обучать солдата не бесполезному, а только тому, что ему придется делать в военное время. Вести его на больших переходах с барабаном и музыкой: музыка воодушевляет. Приучать людей стрелять метко. Быть всегда готовым к походу. Не слишком хвастаться и не презирать врага; изучать, напротив, внимательно как сильные, так и слабые его стороны. В мирное время заниматься своим образованием; читать военные труды и обдумывать их, обогащать свои знания, но баталия выигрывается на месте, одна минута может изменить составленный план, одно своевременное движение решает исход сражения; не упускать его и кончать дружным натиском; атаковать, не дожидаясь атаки; быстрота приводит противника в замешательство; нападать на него неожиданно, теснить его, принудить отступить, ударить на него, не давая ему времени опомниться; враг, застигнутый

врасплох, наполовину побежден; у страха глаза велики; где всего один человек, мерещатся двое; оружие самое страшное это решимость».

Хорошая подготовка суворовцев объяснялась тем, что в лагере их все время обучали навыкам боя. Удобная потемкинская форма не стесняла движений и не требовала скрупулезного ухода. В походе солдаты легко преодолевали большие расстояния, потому что Суворов разработал особый распорядок: первыми, затемно, он отправлял в путь кашеваров, которые встречали уставших солдат горячей пищей. После каждых семи верст обязательно устраивался привал. После обеда – сон. Вот почему суворовские войска могли после долгого форсированного броска с ходу вступать в сражение.

Александр Суворов. *И. Крейцингер*

В июле таким шестидесятиверстным маршем Суворов пришел на выручку австрийскому корпусу принца Саксен-Кобургского, на которого двигалась армия великого везиря Юсуф-паши (это он в прошлом году без боя победил австрийцев при Карансебеше). Сошлись у местечка Фокшаны. Силы были примерно равны, поэтому турки, привыкшие драться с большим преимуществом, не слишком напирали и отступили к реке Рымник, куда к ним шли подкрепления.

Там, на Рымнике, и состоялось самое прославленное сражение всей войны.

Австро-русское войско осталось прежним (16 тысяч у Саксен-Кобурга, 7 тысяч у Суворова), а вот у Юсуф-паши теперь насчитывалось по русским источникам сто тысяч воинов, по турецким – шестьдесят тысяч, но все равно намного больше.

Союзными войсками, несмотря на то, что большинство составляли австрийцы, командовал Суворов как старший по чину, опыту и возрасту.

Юсуф-паша расположил свое войско несколькими лагерями, растянув общую линию более чем на двадцать километров, что позволило Суворову несколько компенсировать неравенство сил.

> Вначале русские и австрийцы наступали двумя колоннами и опрокинули два турецких лагеря, а потом совместно атаковали главный, где находилась ставка везиря. Саксен-Кобург ударил в центр, Суворов обошел с фланга. Русская конница прорвалась вглубь вражеского расположения, что вызвало панику среди турок. Они побежали к реке, в страшной давке у переправы многие погибли.
>
> Всего турки потеряли 20 тысяч солдат, но хуже всего было то, что остальные разбежались в разные стороны и собрать остатки армии везирю удалось не скоро.

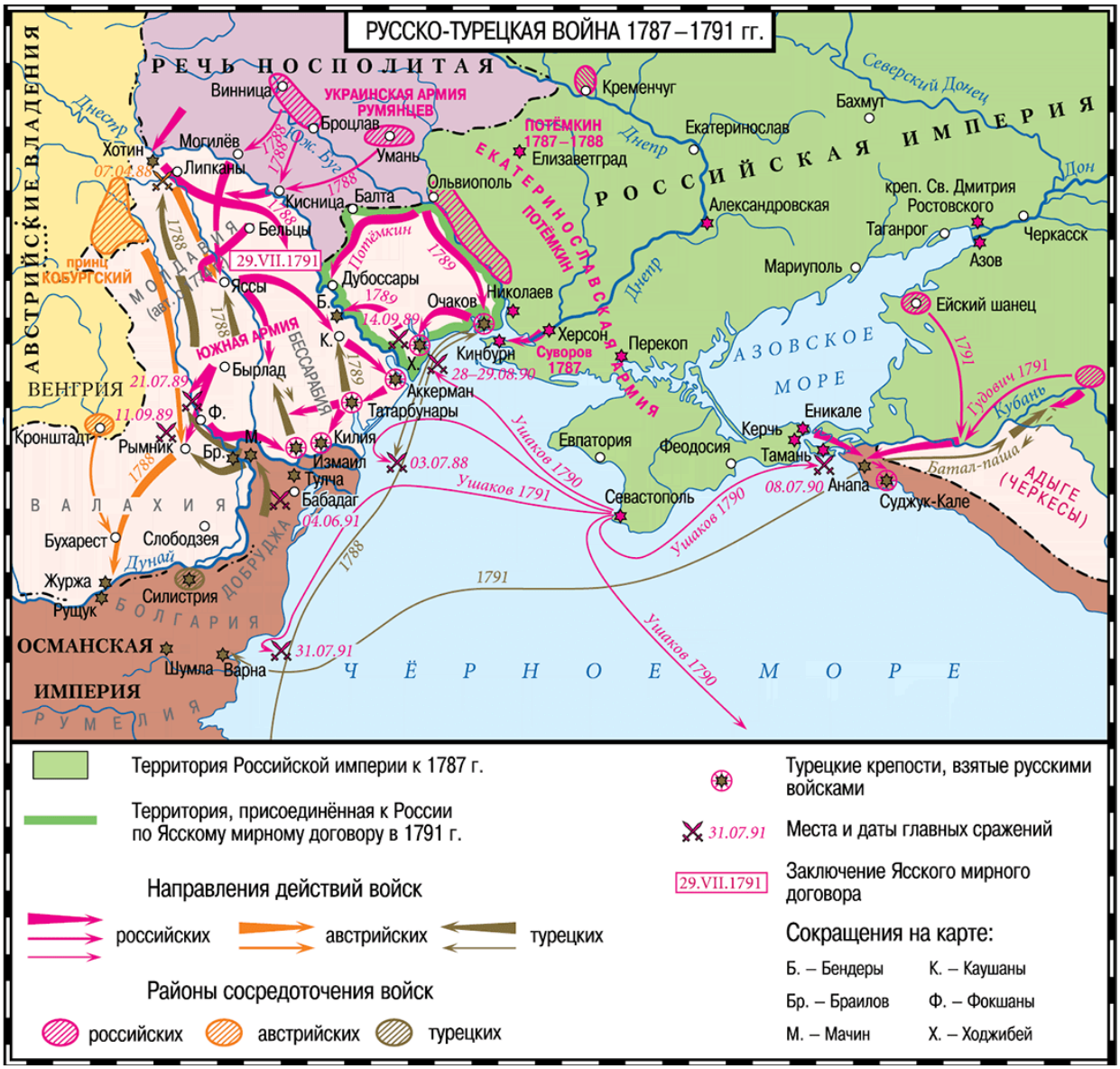
После этой победы Бендеры и Аккерман, две крепости, долго не дававшиеся русским, сдались без боя. Добились наконец серьезных успехов и австрийские союзники: взяли Белград и Бухарест.

Казалось, что война близится к победному концу, но в начале зимы 1790 года умер Иосиф Второй. В габсбургских владениях было неспокойно. Бельгия и Австрия бунтовали, в соседней Франции

разворачивалась революция. Нового императора Леопольда Второго эти проблемы заботили гораздо больше, чем соблюдение союзнических обязательств, и Австрия вступила в сепаратные переговоры.

Незадолго перед тем скончался и Абдул-Хамид I, но его преемник Селим III повел себя иначе, чем Леопольд: вместо того чтоб закончить неудачную войну, он решил ее продолжить. Султану хотелось укрепить свою власть и добиться менее тяжелых условий мира. В воинственных устремлениях турок активно поддерживали пруссаки, даже обещая военную помощь – отношения между Петербургом и Берлином из-за польских дел в то время стали совсем плохими.

Таким образом, в 1790 году Россия оказалась в тяжелом положении. На юге она воевала с Турцией, на севере с Швецией, на западе находились взрывоопасная Польша и враждебная Пруссия.



Русско-турецкая война 1787–1791 годов. *М. Романова*

Вся надежда была на большую боевую победу, которая заставит турок отказаться от дальнейшей борьбы.

После Рымника неприятель уже не пытался дать сражение в поле, а вел себя осторожно, больше полагаясь на оборону. Главным пунктом этой обороны была крепость Измаил, превосходно укрепленная и обладавшая гарнизоном в 35 тысяч воинов.

Русские несколько раз подступались к этой твердыне, но штурмовать ее не решались, а затевать длительную осаду в той международной ситуации было рискованно.

Потемкин отправил к Измаилу своего главного полководца Суворова (к тому времени уже графа Рымникского) с приказом во что бы то ни стало взять крепость, и как можно быстрее.

> Второго декабря генерал-аншеф прибыл к стенам Измаила. Всего девять дней спустя считавшийся неприступным город пал. Эта весть произвела огромное впечатление на Европу, так что даже тридцать лет спустя Байрон посвятит взятию Измаила целую главу поэмы «Дон Жуан» (правда, ужасно переврав все русские имена: граф Шереметев у него стал «Шерематофф», а граф Мусин-Пушкин фигурирует как «Мускин-Пускин»).

Штурм Измаила. (Акварель с рисунка, сделанного свидетелем боя)

Штурму предшествовала феноменально эффективная подготовка. Осаждающих было меньше, чем осажденных, но Суворов, как обычно, делал ставку не на численное, а на качественное преимущество. В таких условиях оно могло быть достигнуто лишь слаженностью и тренировкой, поэтому шесть дней подряд командующий обучал солдат преодолевать глубокие рвы и карабкаться на стены, для чего в поле был воздвигнут точный макет измаильских укреплений. Учения проводились сначала днем, а затем и ночью.

Убедившись, что урок усвоен, полководец провел двухдневную канонаду, чтобы разбить на стенах побольше турецких пушек, и 11 декабря, под прикрытием темноты, дал приказ идти на приступ.

К восьми часам утра стены были взяты и началась резня на улицах, продолжавшаяся до сумерек.

Перед штурмом Суворов предупредил коменданта, что в случае сопротивления весь гарнизон будет перебит, и теперь исполнил свое жестокое обещание. Три четверти турок были уничтожены, пленных стали брать лишь к концу дня.

Но огромны были и потери победителей. Во рвах, на стенах, на измаильских улицах суворовская армия потеряла убитыми и ранеными почти двадцать процентов своего состава.

Цена победы была высока, но высокой была и награда. После Измаила султан воевать расхотел. Весь 1791 год шла дипломатическая торговля по условиям мира, и в самом начале 1792 года он наконец был подписан в румынском городе Яссы.

Турция признала аннексию Крыма и уступила почти пустую территорию между Днестром и Бугом. Это, конечно, была очень скудная компенсация за огромные людские и финансовые потери России, но Екатерине в это время важнее было развязать себе руки перед окончательным решением «польского вопроса».

Западная экспансия

При всей важности черноморских приобретений главный прирост екатерининской империи происходил за счет поглощения обширных, густонаселенных областей Речи Посполитой. Несмотря на потери предыдущего столетия, это по-прежнему была одна из крупнейших европейских стран: более 700 тысяч квадратных километров территории, двенадцать с половиной миллионов жителей – всего на треть меньше, чем в России.

С точки зрения государственной истории, эта восточноевропейская держава, издавна соперничавшая с Русью, выбрала себе противоположную форму существования: не жестко централизованную «ордынскую» систему, а род постфеодальной дворянской республики, в которой централизация и административная «вертикаль» почти полностью отсутствовали. В семнадцатом веке, когда во всех ведущих странах усилились государственные институты с неизбежным концентрированием финансовых и военно-мобилизационных ресурсов, Речь Посполитая еще больше парализовала свой механизм управления. К старинному правилу «Nihil novi» («Ничего нового») – имелось в виду без согласия шляхты – присоединился уже вовсе абсурдный принцип «свободного вето», согласно которому всякое государственное постановление требовало единогласного одобрения делегатов Сейма. Любой из них имел право крикнуть «Nie pozwalam!» («Не позволяю!») – и дело останавливалось.

Долгая Северная война (1700–1721) в основном происходила на польской территории, что совершенно разорило и без того бедную страну. Хотя королевство состояло в антишведской коалиции, никаких выгод от победы оно не получило. К этому времени Речь Посполитая утратила всякое международное значение. Она даже не могла сама выбрать себе монарха – спор за польский престол решался в Петербурге, Париже, Вене, а с усилением Пруссии еще и в Берлине.

Русские монархи со времен Петра считали, что западный сосед находится в их зоне влияния, но до поры до времени довольствовались контролем над королевскими выборами и польской внешней политикой. Однако на протяжении XVIII века Речь Посполитая приходила во всё больший упадок. Российский ставленник Август III почти совершенно не обладал властью. Десять из восемнадцати сеймов, собранных при этом короле, не приняли никаких решений. Сам он предпочитал жить у

себя в Саксонии, курфюрстом которой являлся, а в Польше царила анархия, там хозяйничали враждующие группировки магнатов.

В 1763 Август III умер, встал вопрос о преемнике. В прошлый раз этот спор закончился войной за польское наследство. Сейчас, после окончания семилетней общеевропейской свары, драться из-за варшавского престола никто не хотел. Россия, обескровленная в меньшей степени, чем Пруссия, Австрия и Франция, распорядилась освободившейся короной по своему усмотрению.

Без лишних церемоний в Польшу вошли русские войска. Не пропустили на сейм нежелательных кандидатов и многозначительно постояли лагерем близ Варшавы, пока делегаты не выбрали того, кого желала российская императрица.

Екатерина поступила очень по-женски: подарила корону своему бывшему любовнику Станиславу-Августу Понятовскому. Выбор был, во-первых, приятный, а во-вторых, как казалось, надежный. У кандидата была репутация пустопорожнего болтуна и бонвивана, при котором Польша останется такой же слабой. «Фат, рожденный для будуара, а не для какого-либо престола: шага не мог ступить без красивого словца и глупого поступка», – безжалостно пишет об этом молодом человеке В. Ключевский.

Однако в истории иногда случается, что вроде бы никчемная личность, оказавшаяся на высоком посту по прихоти случая, вдруг проникается сознанием своей миссии и начинает вести себя соответственно положению. То же произошло и с новым королем.

Станислав-Август Понятовский. *И.-Б. Лампи-Старший*

Он остался таким же слабовольным, был робко-почтителен по отношению к русской благодетельнице, но при этом честно пытался укрепить свое захиревшее королевство. Станислав начал приводить в порядок финансовую систему, модернизировать королевскую армию, а самое главное – покусился на право «свободного вето», источник всех государственных бед.

В 1767 году был сделан первый шаг, совершенно необходимый для нормального управления казенными расходами: король предложил сейму принимать решения по бюджету большинством голосов. Если бы проект был принят, это совершенно изменило бы состояние польских дел.

Возрождение Польши, однако, не входило в планы Петербурга. Встревожило оно и другого соседа, Пруссию. Союзник Фридрих писал Екатерине: «Если ваше величество согласитесь на эту перемену, то можете раскаяться, и Польша может сделаться государством, опасным для своих соседей, тогда как, поддерживая старые законы государства, которые вы гарантировали, у вас всегда будет средство производить перемены, когда вы найдете это нужным».

К этому времени у русского правительства созрел собственный «проект» решения польской проблемы: забрать себе все земли, где обитает православное население, то есть вторую половину Украины и Белоруссию. Это пытался сделать еще Алексей Михайлович сто с лишним лет назад, да не хватило сил. Теперь же ничто не могло помешать «процессу объединения братских народов» (как это потом будет называться в советских учебниках). Сама Польша сопротивляться не имела сил, а с Пруссией и Австрией можно было договориться.

План этот осуществлялся постепенно на протяжении почти трех десятилетий, причем экспансионистские аппетиты все время росли. Такова уж природа военных империй: они расширяются, пока есть возможность расширяться.

Покорение Польши – одна из самых неприятных страниц в истории Российского государства. Другие участники, Пруссия и Австрия, тоже вели себя отвратительно, но первую скрипку все время играл Петербург.

Ученица Вольтера и Дидро, в то время еще даже не успевшая разочароваться в великих и гуманных принципах, проявляла в польских

делах невероятное бесстыдство и цинизм, при этом все время прикрываясь высокими словами. Екатерина объявила себя защитницей старинных польских вольностей, на которые якобы покушается королевский проект. «Ничего нового» – так ничего нового.

> Речью Посполитой фактически управляли русские посланники, у которых на вооружении всегда был аргумент в виде воинских частей, расквартированных в Польше. Посол Николай Репнин выражался прямее, чем его государыня. Он сказал полякам: «Вы властны делать у себя все, что хотите, а мы властны принимать только то, что мы хотим; вы можете свой проект подписать и внести в конституцию нынешнего сейма; но в исполнении, конечно, встретите сопротивление с нашей стороны, ибо мы по соседству должны наблюдать, чтоб форма здешнего правления не была изменена».

В качестве аргументации вмешательства во внутренние дела другой страны «по соседству» звучало не очень убедительно, и российское правительство придумало более веское основание: защита веротерпимости. Почему это в Польше всем заправляют католики? Разве нет в королевстве христиан иных вероисповеданий – протестантов и, между прочим, православных, интересы которых русская государыня просто обязана защищать? (То, что подавляющее большинство польских православных, четыре с половиной миллиона человек, к этому времени принадлежали к униатской, то есть греко-католической церкви, замалчивалось). «Диссидентский вопрос», как это называлось, стал мощным рычагом разрушения польского государства.

На сейме 1767 года король послушно отказался от своей реформы, а делегаты постановили уравнять «диссидентов» в правах с католиками. Были и сопротивляющиеся, но с ними Репнин поступил попросту: арестовал и отправил в Россию, то есть повел себя, как губернатор колонии. Однажды он обратился к протестующим делегатам со словами: «Перестаньте кричать! А будете продолжать шуметь, то я тоже заведу шум, и мой шум будет сильнее вашего».

Эта наглость, кажется, была частью заранее обдуманной стратегии: спровоцировать взрыв возмущения. Вскоре это и произошло. Часть оскорбленного шляхетства вполне ожидаемо собрала собственный съезд (конфедерацию) и объявила о своем неповиновении. Началось

антиправительственное восстание, участники которого назвали себя «конфедератами», а свой союз – «Барской конфедерацией» по названию городка Бар.

После этого было нетрудно устроить так, чтобы пророссийские члены Сената попросили Екатерину помочь с «укрощением мятежников». Весной 1768 года в страну вошли новые русские полки и быстро рассеяли конфедератские отряды, причем Краков пришлось брать штурмом, а Люблин даже спалить. Однако волнения не стихали, а растекались всё шире. К тому же чрезмерная активность русских привела к осложнению, на которое они не рассчитывали.

Как мы уже знаем, забеспокоилась Турция, подзуживаемая французскими дипломатами, и под предлогом нарушения Прутских договоренностей (о невмешательстве в польские дела) объявила России войну. Расчет был на то, что, держа столько войск в Польше, русские не смогут полноценно воевать в Причерноморье.

Новый поворот событий немедленно оживил сопротивление конфедератов, а заодно осмелел король Станислав. Возможно, Екатерине пришлось бы дать задний ход, но ей на помощь пришли Пруссия и Австрия, которым тоже хотелось поживиться за счет Речи Посполитой.

В 1770 и 1771 годах между тремя державами шла ожесточенная торговля, кому что достанется. Договорились только в июле 1772 года, подписав между собой секретные конвенции.

Польша сокращалась почти наполовину. России достались Белоруссия и часть польской Прибалтики с населением в 1,3 миллиона человек. Пруссии – не столь обширные и населенные, но куда более прибыльные области на севере. А больше всех нажилась Австрия, которая заняла богатые южнопольские регионы, где обитало более двух с половиной миллионов жителей.

Оккупировав каждый свою зону, державы поставили Станислава перед фактом. Он попротестовал против «несоблюдения должного уважения к королю и республике», воззвал к французскому и английскому дворам, но поддержки от них не получил и смирился с неизбежным.

В документе, оправдывающем грабеж, Екатерина с поразительным иезуитством декларировала, что всё это сделано ради блага самой же Польши: «для сокращения границ последней, чтоб дать ей положение,

более сообразное с ее конституциею и с интересами ее соседей, наконец, для самого главного, для сохранения мира в этой части Европы».

Но ополовинивание Речи Посполитой было только началом. Продолжение последовало в 1791 году и было вызвано двумя обстоятельствами.

Первым из них стало то, что Станиславу после долгих усилий все же удалось укрепить центральную власть. В мае 1791 года Сейм принял новый государственный закон – конституцию. Королевская власть провозглашалась наследственной, что избавляло страну от почти неизбежных гражданских войн во время очередных выборов. Отменялось злосчастное «свободное вето», что дало правительству возможность нормально работать. А кроме того упразднялись шляхетские конфедерации, вечный источник междоусобиц. Из аристократической республики Польша превращалась в конституционную монархию, которой должны были править монарх и совет министров, ответственный перед Сеймом: последний получал право отправлять правительство в отставку большинством в две трети голосов.

Такая Речь Посполитая могущественным соседям была не нужна. Международная ситуация позволяла делать с Польшей что угодно: Европа была поглощена французскими событиями – это обстоятельство в данном случае тоже оказалось кстати. Как и то, что теперь можно было не делиться с Австрией, воевавшей против французов.

Правда, у Екатерины еще не закончилась собственная война, с турками, но там дело близилось к развязке. Императрица проинструктировала своего варшавского посла пока вести себя деликатно, «чтоб вы продолжали тихим, скромным и ласковым обхождением привлекать к себе умов, пока наш мир с турками заключен будет».

Но как только Ясский мир был подписан, в Польшу отправились русские войска. Свои «агенты влияния» сразу же провозгласили конфедерации, требовавшие возврата «старинных вольностей», Пруссия вторглась на польскую территорию с запада, и дальше всё произошло очень быстро.

Секретное соглашение между Берлином и Петербургом отхватило от оставшейся половинки Польши еще половину. Пруссия взяла себе Гданьск и западные области, Россия – остаток белорусских земель и правобережную Украину. В российско-прусском соглашении очередное нарушение международного права (в восемнадцатом столетии это понятие уже существовало) объяснялось страхом перед революционной заразой, хотя назвать Станислава-Августа революционером нельзя было даже с очень большой натяжкой. Тем не менее высокие стороны заявляли, что «дух восстания и нововведения, который царствует в настоящее время во Франции, готов проявить себя в королевстве Польском».

Этот второй раздел 1793 года действительно пробудил в поляках «дух восстания», но теперь уже не инспирированного извне, а подлинного. Проснулось патриотическое чувство, в армии и в городах стал зреть заговор.

Первой поднялась кавалерийская бригада генерала Антония Мадалинского в Остроленке, к северу от Варшавы. Русский посол граф Игельстром отдал этой воинской части приказ разоружиться, бригада отказалась повиноваться. Вскоре восстания заполыхали повсюду. Была середина марта 1794 года.

Начавшаяся антиоккупационная война сильно отличалась от предыдущих вооруженных выступлений – прежде всего по числу и составу участников. Раньше это были в основном шляхтичи, к тому же принадлежавшие к разным, иногда враждебным группировкам. Теперь поднялись многие поляки, охваченные единым чувством. Кроме того появился единый вождь, человек незаурядный.

> Тадеуш Костюшко (1746–1817) был фигурой известной и популярной, притом не только в Польше. Он долго жил во Франции, сражался за независимость Соединенных Штатов, где достиг генеральского чина, потом служил в польской королевской армии. Во времена второго раздела Костюшко, командуя дивизией, стойко бился с превосходящими силами оккупантов и не проиграл ни одного боя, проявив себя умелым полководцем. Когда же король прекратил сопротивление, генерал не остался в стране, предпочтя эмиграцию. Его приглашали на службу австрийцы,

Французская республика дала ему почетное гражданство, но генерал-лейтенант Костюшко ждал часа, когда можно будет вернуться на родину.

Тадеуш Костюшко. *Я. Матейко*

Сразу после мятежа кавалеристов Костюшко прибыл в Краков, собрал там большой отряд и, соединившись с Мадалинским, четвертого апреля дал первый бой русским войскам, одержав победу. Сражение было невеликое, но на не избалованных военными успехами поляков оно произвело огромное впечатление.

Сразу после этого произошли восстания в Варшаве и Вильне. Из польской столицы русские пускай с большими потерями, но смогли уйти, а вот в литовской столице почти всех их, включая командующего, генерала Арсеньева, перебили или взяли в плен.

Костюшко объявил всеобщую мобилизацию («посполитное рушение»), но собрать большую армию повстанцам не удалось из-за катастрофической нехватки денег и оружия. Целые соединения состояли из косинеров – крестьян, вооруженных одними косами.

Им предстояло иметь дело с регулярными войсками Пруссии и России, которые стягивались с востока и запада. Против польских ополченцев сражались ветераны турецких войн, командовал ими грозный Суворов. Прусскую армию возглавлял сам король Фридрих-Вильгельм.

В середине июня был взят Краков, колыбель восстания. В конце лета после ожесточенных боев пала Вильна. В поле повстанцы терпели поражение за поражением, но не сдавались. Наконец в сентябре 1794 года у местечка Мацеёвицы был разбит сам Костюшко. Тяжело раненный, он попал в плен к русским.

Но и тогда, потеряв вождя, восставшие не сложили оружие. Они стянули все оставшиеся силы к Варшаве и приготовились к обороне.

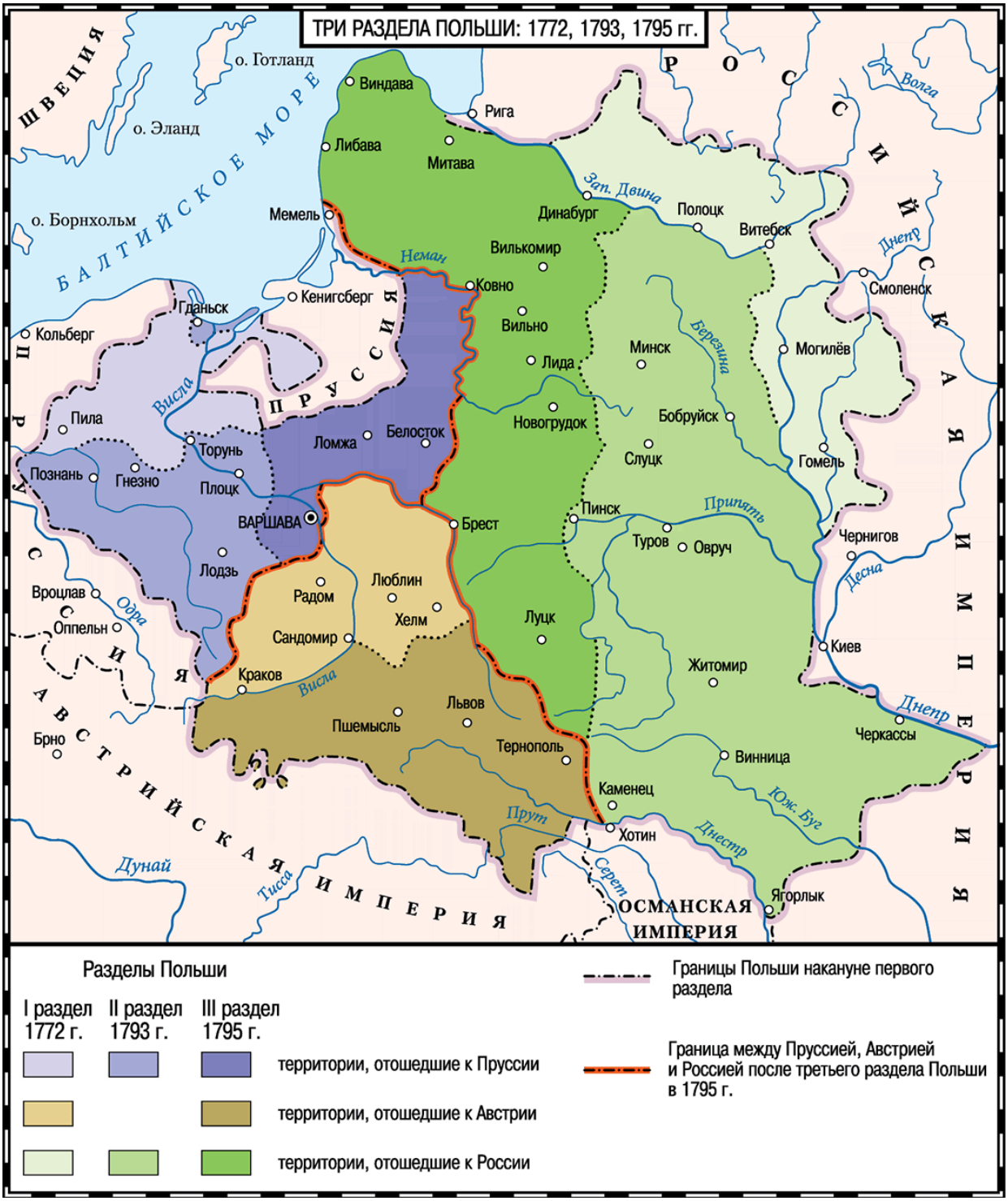
Брать польскую столицу предстояло Суворову.

Двадцать четвертого октября его войска штурмовали Прагу, варшавское предместье, расположенное на правом берегу Вислы, «по-измаильски», то есть с предельной беспощадностью. Сначала солдаты перебили плохо вооруженных повстанцев, потом устроили страшную резню в городе. Считается, что погибло около двадцати тысяч человек. Эта жестокость, за которую Суворова потом будут называть «пражским мясником», должна была запугать жителей столицы, отбить у них охоту к сопротивлению.

Это и произошло. На следующее утро из-за реки прибыли парламентеры, посмотрели на заваленные трупами улицы (Суворов нарочно велел не убирать тела), и подписали капитуляцию.

На этом кровавом аккорде польская независимость окончательно исчезла. Через несколько дней король Станислав-Август отрекся от престола и уехал доживать царским пенсионером в Россию.

Старые сообщники – Россия, Пруссия и Австрия – некоторое время спорили, кому что достанется из остатков страны, и в 1795 году поделили Польшу примерно поровну. Россия получила Литву, хотя ее население не было ни славянским, ни православным, и Черную Русь (западную Белоруссию), вдобавок присоединив Курляндию, которая фактически давно уже являлась российским протекторатом.



Три раздела Польши. *М. Романова*

Вопрос о том, пошли ли России на пользу все эти завоевания, даже трудно назвать спорным. «Польская проблема» в следующем веке станет для Петербурга большой головной болью. Поляки никогда не

смирятся с потерей независимости, будут снова и снова восставать и в конце концов вырвутся на свободу. Непрочными окажутся и остальные западные приобретения, добытые в ходе екатерининской экспансии.

Северная проблема

На северном направлении России двигаться было уже некуда – всё представлявшее интерес забрал еще Петр I. Поэтому от Швеции, в отличие от Польши с Турцией, империи нужно было лишь одно: чтобы вела себя тихо и не помышляла о реванше.

С этой целью русские дипломаты усиленно пытались влиять на шведскую внутреннюю политику, поддерживая мирную партию («колпаков») и препятствуя милитаристской («шляпам»). В сороковые годы шведы один раз уже попытались отвоевать потерянные земли. У них тогда не получилось, но потенциальная угроза сохранялась.

Опасность представляли не вооруженные силы королевства, довольно скромные, а общее состояние этой страны, находившейся в затяжном кризисе. У неуверенной в себе власти может возникнуть искушение отвлечь народ от тягот, валя все беды на внешнего врага и разжигая воинственность. Антироссийские настроения в Швеции периодически обострялись, чему способствовали усилия враждебных Петербургу иностранных держав.

После смерти Карла XII установилась политическая система, которую историки называют «Эрой свобод». Монархия превратилась в декорацию, страной правил Риксрод (Государственный совет), без которого ничего не решалось. Король тоже заседал в Риксроде, и всё его преимущество перед остальными членами заключалось в том, что он имел не один голос, а два.

Из-за борьбы партий страну постоянно лихорадило, управление находилось почти в таком же параличе, как в Речи Посполитой.

Такое положение дел сохранялось более полувека: и при короле Фридрихе I (1720–1751), и при его брате Адольфе-Фридрихе (1751–1771), дяде русской царицы – он был родным братом ее матери.

Ситуация изменилась, когда на престол взошел двадцатипятилетний Густав III, обладавший беспокойным, авантюрным нравом. Этот монарх очень любил путешествовать и в момент смерти отца находился в Париже – подобно своей русской кузине он был

поклонником французских идей просвещения. Правительство Людовика XV пообещало молодому наследнику большую финансовую поддержку (полтора миллиона ливров в год), если он будет настоящим, а не номинальным правителем. Франция была заинтересована в сильной Швеции – прежде всего для сдерживания очень уж активизировавшейся России, которая в это время добивала Турцию и готовилась делить Польшу.

В следующем году Густав III с присущей ему безоглядной решительностью произвел переворот: арестовал Риксрод, распустил парламент и объявил новую конституцию, по которой власть переходила в руки короля. Уставший от анархии народ только приветствовал такой поворот событий.

Шведский король Густав Третий. *А. Рослин*

«Эра свобод» закончилась. Партии были запрещены, началась борьба с казнокрадством и коррупцией, упорядочена денежная система,

облегчена торговля. Пригодились и французские субсидии. Швеция стала усиливаться. В восемнадцатом веке абсолютизм – если он был просвещенным – работал лучше, чем демократия.

Однако главной чертой характера Густава III было сумасбродство, а удовольствиям он предавался охотнее, чем государственным делам. Король был тщеславен, желал блистать и производить впечатление. Познакомившись с двоюродным братом, Екатерина сказала: «Это господин, проводящий весь день перед зеркалом».

Густав мог на многие месяцы покинуть свою страну, чтобы совершить турне по европейским театрам. На поездку тратились огромные средства, которых казне и так постоянно не хватало.

Много насмешек вызывали королевские причуды – например, его страстное увлечение оккультизмом и ясновидением.

На всю Европу прославился так называемый «кофейный эксперимент» шведского короля. Он почему-то был уверен, что кофе – страшный яд, и желал облагодетельствовать человечество, отвратив его от опасного напитка. С этой целью король предложил двум братьям-близнецам, осужденным преступникам, освобождение от смертной казни, если один каждый день будет выпивать три кофейника, а другой – три чайника. Расчет был на то, что первый скоро умрет. (Братья переживут и приставленных к ним врачей, и самого короля).

Но хуже всего были не эксцентричные выходки и даже не расточительство, а мечты о величии а-ля Карл XII. «Надо бы войну, чтобы как-нибудь отметить мое царствование», – говаривал Густав. Разумеется, речь шла о войне с Россией.

Ко второй половине восьмидесятых годов шведы начали уставать от такого монарха. Начал проявлять непокорство и парламент.

Победоносная война стала казаться Густаву единственным способом вернуть популярность и укрепить зашатавшуюся власть. Англия и Пруссия, с которыми Екатерина испортила отношения, всячески убеждали короля, что момент очень удобен: Россия прочно увязла в новой турецкой войне, все лучшие войска далеко на юге,

Петербург почти беззащитен. Пруссия обещала военный союз, Англия – денежную помощь и антироссийскую морскую блокаду. Напомнили Густаву и о том, что еще в 1739 году Швеция заключила с Османской империей договор о взаимопомощи, если одна из сторон подвергнется нападению (ясно, чьему именно).

Дело оставалось за малым – чтобы Россия дала повод. Конституция запрещала королю начинать войну первым.

Сначала в качестве casus belli Густав попытался – довольно неуклюже – использовать обращение русского посла графа Разумовского к шведскому парламенту. Зная о воинственных планах короля, посол от имени государыни всего лишь уверял депутатов в добром и миролюбивом отношении России, но Густав объявил это грубым вмешательством во внутренние дела и попыткой вбить клин между королем и Риксдагом. В Петербург отправился ультиматум с совершенно невероятными требованиями: вернуть Швеции финские и карельские владения, утраченные в 1721 году, а заодно уж отдать и Турции всё, что она потеряла по Кючук-Кайнарджийскому миру, да и Крым впридачу.

В ответ Екатерина выслала шведского посла, но войны не объявила.

Тогда Густав поступил совсем авантюрно. В середине июня 1788 года отряд, переодетый в русскую форму, напал на шведских солдат близ финской границы. Эта провокация вызвала в Швеции взрыв негодования и позволила королю начать «оборонительную» войну.

Заранее стянутые к границе войска сразу же осадили две русские крепости, Нейшлот (город Савонлинна в современной Финляндии) и Фридрихсгам (Хамина). До Петербурга оттуда было всего двести верст. Кроме того к русской столице отправился втайне мобилизованный шведский флот, вышедший в море еще в начале июня.

Но поспешность и нетерпение пошли Густаву только во вред. Крепости без боя сдаваться отказались, а взять их шведы не смогли, потому что не подготовились к осаде. С морским походом получилось еще досадней. Чуть повремени Густав с экспедицией, и весь Балтийский флот русских уплыл бы в Средиземноморье – Екатерина собиралась повторить диверсию, осуществленную во время прошлой

турецкой войны. Но шведы поторопились – и оказались лицом к лицу с полностью снаряженной русской эскадрой.

Так же бестолково развивалась эта авантюрная затея и дальше.

Надежды на поддержку Англии и Пруссии не оправдались. Вскоре грянула французская революция, и шведским союзникам пришлось заняться более насущными проблемами.

В результате маленькая страна с населением в два с половиной миллиона человек, с 30-тысячной армией и невеликим бюджетом оказалась один на один с евразийским исполином.

Правда, великая империя не могла стянуть к театру военных действий много сил. С большим трудом наскребли 15 тысяч солдат для обороны Финляндии. К тому же все лучшие полководцы сражались с турками. В Петербурге не нашлось никого лучше вице-президента Военной коллегии графа Валентина Мусина-Пушкина, никогда не командовавшего армиями и действовавшего очень вяло.

Но не проявляли активности и шведские войска, страдавшие от плохого снабжения. (Потом при подсчете жертв войны выяснится, что от болезней и лишений шведы потеряли в несколько раз больше людей, чем в боях).

Встретились в сражении лишь два флота.

Шестого июля 1788 года в Финском заливе они постреляли друг в друга из пушек и разошлись. Каждая сторона потеряла по одному кораблю и объявила себя победителем. На самом деле победителей тут не было, но был проигравший – шведский король, блицкриг которого провалился.

В следующем 1789 году повторилось то же самое: основная борьба происходила на море, и дела у шведов шли плохо. В мае Екатерине, правда, пришлось понервничать. Эскадра герцога Зюдерманландского (королевского брата) попыталась прорваться через Кронштадт, так что в Петербурге было слышно канонаду. Но нападение отбили, а в августе принц Нассау-Зиген, международный искатель приключений, недавно принятый на русскую службу, уничтожил эскадру адмирала Эренсверда у Роченсальма (современный город Котка).

Война обходилась Швеции дорого, в народе и в армии росло недовольство, но Густав всё надеялся на свою звезду.

В июне 1790 года – опять не на суше, а на море – произошли драматические события, наконец решившие судьбу войны.

Сначала 22 июня эскадра адмирала Василия Чичагова заперла в Выборгском заливе шведский флот, которым командовали оба брата, король и герцог. При прорыве шведы понесли большие потери, Густав еле спасся, а герцог Зюдерманландский был ранен.

Казалось, война закончена. Но через неделю удача переменилась. Часть спасшихся шведских кораблей нашла прибежище у стен крепости Роченсальм – в том же месте, где год назад погибла эскадра Эренсверда.

Русским флотом, тоже как в прошлом году, командовал принц Нассау-Зиген. Он имел большое преимущество в кораблях, не сомневался в победе и очень хотел сделать подарок императрице к годовщине ее восшествия на престол, поэтому неосторожно ринулся в атаку и угодил под страшный перекрестный огонь с вражеских кораблей и бастионов. Русские потеряли 64 судна и почти половину личного состава. В следующий раз морское поражение такого масштаба произойдет только при Цусиме.

Таким образом, чудо, на которое надеялся Густав III, всё же произошло. Теперь король мог рассчитывать на почетные условия. Он обратился к кузине с миролюбивым письмом. Та была только рада завершить ненужную ей войну, чтобы полностью сосредоточиться на турецких делах.

Договорились с невиданной для тогдашней дипломатии быстротой. Уже через месяц мир был подписан. Всё осталось, как было раньше. Двадцать тысяч шведов отдали свою жизнь по королевскому капризу ни за что.

Подданные не простили Густаву III провала его авантюры. Зачем нужен деспотический режим, если он не способен одерживать победы? В дворянских кругах составился заговор.

Финал Густава был таким же эффектным, как всё его правление. Сцена была разыграна в стокгольмском Оперном театре.

Шестнадцатого марта 1792 года во время бала-маскарада короля окружили офицеры-заговорщики. Лицо Густава было закрыто, но монарха выдала орденская звезда. «Здравствуйте, прекрасная маска!» – сказал по-французски один из убийц. Другой выстрелил королю в спину из пистолета, в дуло которого были забиты картечь и шесть согнутых гвоздей.

Такая рана не могла не быть смертельной. Через несколько дней король скончался.

Но Швеция все-таки взяла у Екатерины реванш, хоть и не с помощью оружия.

После гибели Густава III корону унаследовал его четырнадцатилетний сын, а регентом стал герцог Зюдерманландский, который взял курс на сближение с Петербургом. Это устраивало и русскую императрицу. Возник проект скрепить союз браком короля с внучкой царицы Александрой Павловной.

В 1796 году юный Густав-Адольф прибыл в Петербург в качестве жениха. Свадьба была уже сговорена, назначили день обручения. За час до церемонии королю показали брачный договор, по которому его жене разрешалось остаться в православии. Густав-Адольф объявил, что Швеция – протестантская страна и по закону королева не может исповедовать другую религию. Уговорить его не удалось, обручение было сорвано.

Императрица оказалась в преглупом положении. В окружении всего двора она четыре часа ждала, когда наконец прибудет мальчишка-жених, а он всё не являлся. Когда ей сказали, что брак отменяется, у полной, рыхлой Екатерины случился микроинсульт. Полтора месяца спустя последовал второй удар, уже летальный.

Убийство Густава Третьего. *И. Сакуров*

Судьба любит посмеяться над земными владыками. Великой царице очень не повезло со смертью. Сосуд в мозгу лопнул, когда государыня находилась в отхожем месте. Екатерину не успели даже причастить. Она умерла, не приходя в сознание.

Среди поляков распространился слух, что императрица якобы велела установить у себя в уборной трон польских королей и Господь покарал старую кощунницу за такое святотатство. Но это легенда. Кажется, Екатерину все-таки погубил швед.

*** * ***

Оценивая итоги тридцатичетырехлетнего царствования Екатерины Второй, нельзя не признать его великим – если оценивать внешние параметры.

Эта царица запустила и использовала механизм, заложенный Петром, но ржавевший без употребления при его бездарных преемниках. Империя существует для того, чтобы расширяться – и при Екатерине она очень расширилась.

Территория распространилась на юг и на запад, поглотив Крым, Северное Причерноморье, Правобережную Украину, Белоруссию, Курляндию и Литву.

Еще значительнее был прирост населения, в основном за счет новых подданных. По ревизии 1762–63 годов в стране обитало около девятнадцати миллионов человек; перепись 1796 года показывает цифру почти вдвое большую – около тридцати шести миллионов.

Хоть подданные не стали жить богаче, но чрезвычайно возросли доходы казны – с 16 до 68 миллионов рублей в год. Это произошло не только из-за увеличения податного населения, но и вследствие некоторого упорядочения финансовой системы.

Благодаря росту бюджета у империи появилась возможность усилить свою вторую опору (после военной) – бюрократическую. Благодаря областной административной реформе приобрело некоторую стройность периферийное устройство. Это не изменило жесткой централизованности, без которой немыслимо государство ордынского

типа, но «расширило» вертикаль за счет провинциального чиновничества и существенно повысило управляемость.

Важной переменой стало переформатирование государственной модели из самодержавной в самодержавно-дворянскую. Это – во всяком случае на время – укрепило систему власти, превратив высшее сословие страны из послушных (а иногда и непослушных) слуг в «младших партнеров» монархии.

Однако все эти достижения имели свою цену, подчас чрезмерную.

Платой за преданность дворянства стало окончательное порабощение крестьян – исторический анахронизм, который в XIX веке будет тормозить экономическое, социальное и нравственное развитие страны, а в более отдаленной перспективе завершится взрывом.

Да и само дворянство, вследствие естественной культурной эволюции, со временем перестанет довольствоваться своим положением и захочет большего: чтобы в России было «как в Европе» (а не как в Орде).

Из-за присоединения иноязычных, инославных, инокультурных регионов империя обзавелась хроническим недугом – «национальным вопросом», вернее, даже целым комплексом национальных вопросов. Как пишет В. Ключевский: «В пестрый состав населения этого государства польскими разделами введен был новый, чрезвычайно враждебный элемент, который не только не усилил, не поднял, но значительно затруднил наличные силы государства».

Одним словом, имперское величие – роза с очень острыми шипами.

Эпоха Екатерины представляет особый интерес для понимания законов власти, которые в тоталитарном государстве являются определяющими. История либеральной государыни, которая желала одного, а пришла к чему-то совершенно противоположному, наглядно демонстрирует, насколько ограничены возможности правителя, даже обладающего неограниченной властью. *Власть всегда ограничена* – строением государства, состоянием народа, настроениями элиты. Екатерина эту истину хорошо усвоила.

Следующее царствование дополнит урок о роли личности в истории, показав, что происходит, когда самодержец оказывается чересчур самодержавным.

Часть четвертая
Странное время

Власть

Тихий переворот

Именно так уместнее всего назвать события 6–7 ноября 1796 года, когда решился вопрос, кто станет следующим государем.

Внешне переход власти совершенно не выглядел переворотом: корону унаследовал единственный сын Екатерины сорокадвухлетний Павел Петрович. Но еще сутки назад мало кто воспринимал цесаревича как реального или даже вероятного кандидата на трон.

Как мы знаем, в русском восемнадцатом веке монархическая эстафета передавалась непросто. Это объяснялось тем, что ни у одного правителя не оказывалось прямого и очевидного преемника, старшего сына. У Екатерины он имелся, но его репутация и положение были незавидны. Возраст совершеннолетия Павел давным-давно миновал, но государыня не уступала ему престол, не брала в соправители и вообще не подпускала к государственным делам.

С точки зрения иностранцев, это выглядело странно, но не более странно, чем убийство мужа, череда официальных любовников и прочие, мягко выражаясь, причуды «Северной Семирамиды». Подданные же удивляться не умели, самодержавие давно их от этого отучило.

Причина того, что Екатерина так обращалась с собственным отпрыском, заключалась не только в ее властолюбии. Царица не могла последовать примеру Марии-Терезии, разделившей власть с сыном Иосифом, потому что Россия – не Австрия. «Ордынская» система не терпит никакой двусмысленности в вопросе о высшей власти. У «вертикали» может быть только одна сакральная верхушка, иначе вся конструкция начинает шататься. В частных разговорах государыня оправдывала пренебрежение цесаревичем тем, что он-де абсолютно непригоден к серьезным делам из-за своей взбалмошности и никчемности. Все вокруг к Павлу так и относились, а он своей манерой поведения еще и подчеркивал это впечатление. У наследника (никто официально не лишал его этого титула) не было собственной партии, его сторонились все мало-мальски значимые вельможи и

военачальники, к нему редко допускали даже собственных детей, неотлучно находившихся при императрице.

В последние месяцы жизни Екатерины считалось само собой разумеющимся, что после смерти «матушки» (которая впрочем умирать вовсе не собиралась) трон перейдет к ее старшему внуку и любимцу Александру, а нелепый Павел так и останется сидеть в своей гатчинской резиденции, никому не нужный и не интересный.

Ничего особенно возмутительного в таком исходе не было бы даже и с юридической точки зрения, поскольку закона о престолонаследии в империи не существовало и самодержец был волен назначать себе преемника собственной волей.

Ходили слухи, что завещание уже составлено и что в первый день нового 1797 года выйдет соответствующий манифест. Цесаревичем будет объявлен Александр Павлович, положение Платона Зубова при новом государе сохранится, потому что фаворита поддержит его свойственник великий Суворов (его дочь была замужем за Николаем Зубовым).

Скорее всего так и случилось бы, не порази Екатерину инсульт. Если бы она скончалась скоропостижно, партия Александра (а фактически партия Зубова), наверное, поспешила бы перехватить власть, ибо контролировала все ее рычаги. Но императрица боролась за жизнь в течение полутора суток, и не обладавший решительностью Орловых князь Платон растерялся, надеясь, что Екатерина еще очнется.

Пока над больной хлопотали доктора и рыдал временщик, презираемый всеми цесаревич проявил прыть, которой от него не ждали.

Он примчался из своей загородной резиденции во дворец, вызвал к себе зубовского врага графа Безбородко, отлично разбиравшегося в бумагах государыни, и устроил обыск в царском кабинете. Согласно вполне правдоподобной версии событий, завещание было обнаружено в пакете с надписью «Вскрыть после моей смерти в Совете» и немедленно уничтожено. Во всяком случае, это объясняет последующий взлет Александра Андреевича Безбородко и опалу прославленного Суворова.

Таким образом вопрос о власти определился двумя обстоятельствами: бездействием ничтожного Зубова и внезапной активностью Павла, при котором неотлучно состоял его камергер

Федор Ростопчин, человек энергичный и смелый. Великий князь Александр Павлович, которому молва сулила корону, по юности лет (ему еще не исполнилось девятнадцати) и мягкости натуры к власти не рвался и в событиях никак не участвовал.

Всё решилось за 36 часов.

Императрица лежала без сознания. В ее кабинете сидел цесаревич. За распоряжениями, пускай мелкими, надо было обращаться к нему. Чтобы попасть в кабинет, придворные должны были пройти через екатерининскую спальню и собственными глазами видели, что государыня умирает, а фаворит ни на что не годен. Чуткий к силе и слабости двор быстро сделал выводы. Ростопчин в своих записках рассказывает: «Войдя в комнату, называемую дежурной, я нашел князя Зубова сидящего в углу; толпа придворных удалялась от него, как от зараженного, и он, терзаемый жаждою и жаром, не мог выпросить себе стакана воды».

Не следует недооценивать и фактор вооруженной силы. У Павла Петровича в его Гатчине имелись собственные войска, на которые он тратил львиную долю 250-тысячного ежегодного содержания, получаемого от матери. Екатерина и всё ее окружение относились к этой «игрушечной армии», которую цесаревич муштровал по прусскому образцу, иронически: чем бы дитя ни тешилось. Но в ситуации, когда в столице никто не знал, кому подчиняться и от кого ждать приказов, гатчинские батальоны, две с половиной тысячи солдат, безоговорочно преданных Павлу, превратились в серьезный инструмент. Поставленные под ружье, они были готовы идти маршем к Петербургу – и через два дня прибудут туда, окончательно закрепив положение Павла.

Подданным предстояло убедиться, что этот человек вовсе не так комичен, как считалось.

Павел I как личность и правитель

Пятидесятидвухмесячное царствование Павла Первого (1796–1801) можно рассматривать как наглядное пособие по теме «роль личности в истории», будто специально подобранное для сравнения с примером Екатерины Второй. Та приспосабливала свои взгляды и желания к объективным обстоятельствам – и крепко держала власть,

многое совершила, а умерла мирно, естественной смертью. Павел же все время пытался подчинять события своей воле и чересчур буквально понимал смысл слова «самодержец». В результате история отвела этой личности роль хоть и яркую, но эпизодическую. Павловская эпоха получилась очень короткой, и была она такой же странной, как человек, давший ей свое имя.

Оценивают этого императора по-разному, чаще всего нелестно, но были у него среди историков и апологеты, считавшие Павла Петровича фигурой незаурядной, «русским Гамлетом».

Заурядной эту личность действительно не назовешь.

Счастливое детство и несчастная молодость – вот контрастный душ, определивший противоречивость этого характера.

Ранние годы великого князя пришлись на времена, когда у просвещенных монархов входило в моду давать своим детям нравственное воспитание в духе великих идей Века Разума. Так же поступила и Екатерина. У нее не было времени, да, кажется, и желания лично заниматься сыном, зато она распорядилась подобрать ему лучших педагогов. Хотела даже выписать из Франции знаменитого Д’Аламбера, но энциклопедист ехать в северную страну отказался. Тогда важное государственное дело было доверено самому умному из русских, графу Никите Панину, а тот приставил к мальчику прекрасно образованного офицера Семена Порошина, молодого идеалиста, который отнесся к порученному делу с пылом и энтузиазмом. Из его записок мы знаем, что маленький Павел любил учение, был великодушен и добр, чувствителен, очень впечатлителен и нервозен. Больше всего способностей цесаревич проявлял к математике. «Если б Его Высочество человек был партикулярный и мог совсем предаться одному только математическому учению, – пишет Порошин, – то б по остроте своей весьма удобно быть мог нашим российским Паскалем».

Однако правителю-самодержцу требуются иные дарования, которым у своего прекраснодушного педагога Павел научиться не мог, а царица к сыну всегда была холодна. Возможно, это объяснялось тем, что, разлученная с младенцем сразу после родов, она так и не почувствовала себя матерью. Но скорее всего подрастающий мальчик воспринимался ею как угроза: законным государем ведь был он, а не она. И чем старше становился сын, тем отстраненнее и подозрительнее делалась его всемогущая родительница.

А еще между ними все время незримо маячил призрак убитого Петра Федоровича. Екатерина презирала покойника и желала стереть о нем всякую память, Павел же идеализировал отца, страстно хотел его реабилитировать и очень страдал из-за того, что в материнской опочивальне не переводятся наглые выскочки-фавориты.

Но самым большим грехом, с точки зрения Екатерины, было то, что получивший идеалистическое образование юноша мечтал претворить свои представления о «хорошем государстве» в жизнь – то есть хотел царствовать. Когда цесаревич достиг совершеннолетия, а мать не уступила ему престола, молодой человек совершил серьезную ошибку. Должно быть, желая продемонстрировать, что уже созрел для правления, он гордо представил Екатерине трактат, озаглавленный «Рассуждение о государстве вообще». В этом проекте он предлагал полностью изменить принципы внешней и внутренней политики: не завоевывать новые земли, а лучше заняться обустройством тех, что уже есть. «По сие время мы, пользуясь послушанием народа и естественным его счастливым сложением, физическим и моральным, всё из целого кроили, не сберегая ничего; но пора помышлять о сохранении сего драгоценного и редкого расположения», – писал Павел. Эти соображения были весьма похвальны, но свидетельствовали о том, что цесаревич совершенно не понимает смысл понятия «империя». Екатерине такой соправитель – да и любой соправитель – был не нужен. Молодого, а потом уже не очень молодого и совсем не молодого наследника было решено не допускать ни до каких государственных дел. О важных решениях он узнавал, когда они объявлялись всем подданным.

Павел-подросток. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Очевидно, уже тогда Екатерина подумывала о том, чтобы вовсе отстранить Павла от престолонаследия и передать корону внуку,

поэтому от сына ей требовалось лишь одно: дать мужское потомство. Цесаревича женили девятнадцатилетним на гессен-дармштадтской принцессе. Привязчивый и лично порядочный юноша полюбил свою жену, но она рано умерла, и тогда мать без лишних сантиментов, не дав вдовцу погоревать, быстро подобрала ему новую невесту – Софию Вюртембергскую (в православии Марию Федоровну). Павел послушно полюбил и эту супругу, которая наконец обеспечила свекровь внуками. Мальчиков бабка почти все время держала при себе, чтобы готовить к великому будущему и оградить от отцовского влияния.

В качестве резиденции Павлу выделили городок Гатчина с населением в 2 000 человек, позволили завести собственное карманное войско. Так он и играл в «гатчинского самодержца», пока в большом мире происходили эпохальные события. Цесаревич любил военное дело и всякий раз, когда начиналась очередная война, просился в армию. Сражаться с турками Екатерина его не пустила. На шведский театр съездить позволила, но запретила командующему посвящать Павла в планирование операций.

Демонстративное пренебрежение, которое царица выказывала наследнику, подхватывалось и ее окружением. Сближаться с Павлом было вредно для карьеры, а потешаться над ним выгодно. Беспардоннее всего обращались с цесаревичем фавориты. Рассказывают, что однажды, когда Павел выразил согласие с мнением Платона Зубова, тот изобразил тревогу и громогласно спросил: «Разве я сказал какую-нибудь глупость?».

Но больше всего наследник ненавидел не смазливых любовников матери, а Григория Потемкина – должно быть, из-за того, что тот занимался действительно великими делами, пока Павлу дозволялось самое большее построить аптеку в Гатчине. Впоследствии, вырвав у судьбы припозднившуюся корону, Павел попытается вычеркнуть из истории самое память о князе Таврическом: переименует названный в честь Потемкина город Григориополь, разрушит памятник светлейшему в Херсоне.

Высокие помыслы без возможности их реализации; болезненное самолюбие, постоянно подвергаемое унижениям; ощущение обворованности; наконец страх за будущее, усугубляемый памятью об участи отца, – вот условия, в которых формировалась личность

будущего императора. Неудивительно, что она получилась акцентуированной, на грани ненормальности.

Известный дореволюционный психиатр Павел Ковалевский, рассмотрев биографию царя как «историю болезни», поставил диагноз: дегенерат второй степени.

> Приведу это заключение полностью.
>
> «Умственная жизнь Павла отличается отсутствием предохранительной сосредоточенности, внимания и настойчивости, быстротою сильных впечатлений, отрицательностью, асистемностью, но она лишена остроты, сообразительности и понимания. В его нормальном мышлении мы заключаем склонность к бреду, мнительности, подозрительности, символизации и преследованию. В нем была очень развита фантазия, и царило воображение. Он был склонен к мистицизму, предчувствию и проч. Его умственная жизнь была подчинена эмотивной области. Страсти и чувствования царили над всем. Его воля была подчинена чувствам. Его волевые действия были игралищем страстей… Он проявлял любовь к семье, жене, друзьям. Поэтому его должно отнести к дегенератам высшим, к дегенератам второй степени с наклонностями к переходу в душевную болезнь в форме бреда преследования».
>
> Признаки шизофрении и паранойи обнаруживают у Павла и другие посмертные диагносты.

Впрочем, как известно, с точки зрения психиатров ментально здоровых людей на свете вообще не существует, а у Павла для паранойи и «бреда преследования» имелись вполне резонные основания. Кроме того, не следует забывать, что в самодержавном государстве все мании и фобии диктатора воспринимаются как норма, а ненормальными, наоборот, считают людей, которые им не подвержены. Поэтому на личность Павла Петровича лучше взглянуть глазами свидетелей, находившихся вне этой специфической системы координат.

В 1781–1782 годах цесаревич и его вторая супруга совершили длительное турне по Европе – как это тогда было модно, не официально, а под видом «графа и графини Северных». Это избавляло от лишних церемоний, давало высоким путешественникам

возможность ближе узнать заграничную жизнь, а иностранцам – хорошо их рассмотреть. Нечего и говорить, что особа наследника Российской империи повсюду вызывала особый интерес; сохранилось множество отзывов, принадлежащих внимательным и опытным наблюдателям.

Двадцативосьмилетний Павел Петрович никому не показался душевнобольным, а напротив произвел самое благоприятное впечатление, хотя многие отметили в поведении августейшего туриста неестественность и «заученность» (вполне понятные в положении человека замкнутого образа жизни, когда на него все пялятся).

Герцог Тосканский Леопольд, будущий австрийский император, писал: «Граф Северный, кроме большого ума, дарований и рассудительности, обладает талантом верно постигать идеи и предметы и быстро обнимать все их стороны и обстоятельства. Из всех его речей видно, что он исполнен желанием добра… В его образе мыслей видна энергия. Мне он кажется очень твердым и решительным, когда остановится на чем-нибудь, и, конечно, он не принадлежит к числу тех людей, которые позволили бы кому бы то ни было управлять собою». (Последнее замечание было сделано, чтобы противопоставить Павла матери, которая вечно находилась под влиянием какого-нибудь фаворита).

Во французской столице понравились простота русского наследника, а также его начитанность. «Он, кажется, очень образован, знает имена и произведения всех наших писателей и говорил с ними, как со знакомыми, когда их ему представляли», – удивлялась королева. Все отметили, что Павел неприхотлив в еде, не признает азартных игр, превосходный семьянин, равнодушен к развлечениям, зато живо интересуется серьезными материями: экономикой, армией, флотом. При этом великий князь не казался сухарем или педантом, он вполне удачно шутил, в том числе над собой.

Когда бесцеремонная парижская толпа стала громко обсуждать внешность «графа Северного», сочтя его уродом (Павел действительно был отнюдь не красавец), цесаревич

спокойно заметил окружающим: «Ежели бы я заранее не знал, что дурен собою, то ваш народ открыл бы мне глаза на сей счет». В другой раз по поводу своего короткого носа он скажет: «Многие желали вести меня за нос, но, к несчастью для них, у меня его нет».

Павел Первый: Горделивая осанка анфас и почти отсутствующий профиль. *(Слева портрет В. Боровиковского, справа – неизвестного художника)*

Одним словом, если Павел и стал проявлять признаки психической ненормальности, то лишь когда смог себе это позволить – то есть уже получив в свои руки самодержавную власть, ничем не сдерживаемый. Тогда в полной мере и проступили все черты этой личности – как хорошие, так и скверные.

К числу первых следует отнести *благие намерения*. «Он мыслит ложно, но сердце у него прямое», – очень точно заметил князь де Линь. Павел всегда желал творить добро, эту впитанную с детства потребность он сохранял до самого конца. «Я предпочитаю быть

ненавидимым, делая добро, нежели любимым, делая зло», – заявлял он, и надо сказать, что это наполовину получилось – в той части, которая касается ненависти. К сожалению, делать добро удавалось хуже, потому что одних благих намерений здесь недостаточно, ими бывает вымощена и дорога в ад. В этом несчастном характере даже лучшие качества сплошь и рядом оборачивались злом.

Например, все современники отмечают рыцарственность Павла – его великодушие, благородство порывов, уважение к достойным противникам. Одним из первых его поступков было посещение плененного вождя польских повстанцев Костюшко, которого царь выпустил на свободу и позволил уехать в Америку. Герой ответит благородством на благородство и больше никогда, даже в благоприятные наполеоновские времена, не будет воевать против России. Однако отсутствие чувства меры – пожалуй, самый очевидный дефект павловской натуры – был способен и рыцарственность превратить в карикатуру. В 1800 году император Павел разместил обращение к европейским правителям (почему-то через «Гамбургскую газету») закончить войну посредством рыцарского турнира, в котором они лично скрестят оружие, «имея в качестве оруженосцев, герольдов и судей своих просвещеннейших министров и искуснейших генералов». Если это был юмор, то очень странный; он вызвал всеобщее недоумение.

Точно так же – нелепо и раздражающе – оборачивалась другая в принципе похвальная черта: любовь к порядку, которого в стране всегда не хватало. Но Павел доводил свою страсть к регламентации еще до худшего абсурда, чем Петр Великий. Сыну расслабленно-неряшливой Екатерины хотелось, чтобы его держава встряхнулась, выстроилась в колонну и замаршировала в ногу куда прикажет помазанник божий. Русскую расхлябанность – ради пользы самого же народа – государь был готов выжигать каленым железом.

Надо сказать, что о своих подданных Павел был очень невысокого мнения. Британский посол Уитворт, сам не жаловавший русских, пишет про царя: «О своей стране он более дурного мнения, чем даже она того заслуживает». Чуть выше цитировавшийся де Линь подтверждает это суждение: «Он презирает свой народ и говорил мне в былое время в Гатчине такие вещи, которых я не смею повторить». Придавая огромное значение собственному достоинству, Павел отказывался

признавать его в других. Воля государя, по его убеждению, была священна, а всякое противодействие или возражение – кощунственны. При малейшем подозрении в непочтительности или скепсисе император приходил в бешенство, и тогда от природного великодушия ничего не оставалось.

Но история знает много жестоких, грозных правителей. От тоталитарной власти ждут суровости, и подданные готовы ее терпеть. Чего они не прощают – это непоследовательности, неопределенности в системе кар и награждений. У Павла же из-за вспыльчивости и самодурства никогда нельзя было угадать, за что он обласкает и за что накажет. По выражению Карамзина, царь, «наказывая без вины, вознаграждая без заслуги, отнимал постыдность у наказания и обаяние у награды» – то есть в этом отношении ничему не научился у мудрой Екатерины. В конечном итоге такая «кадровая политика» Павла стала одной из причин его гибели.

Система взглядов Павла Первого сложилась под влиянием его личностных черт и в результате долгой вражды с матерью. Будучи человеком упрямым, он остался верен идеям, которые изложил еще двадцатилетним в «Рассуждении о государстве вообще». Наследник австрийского престола Леопольд, пересказывая свою беседу с наследником, сообщает очень важные вещи: «Упоминая о планах императрицы относительно увеличения русских владений насчет Турции и основания империи в Константинополе, он не скрыл от меня своего неодобрения этому проекту и вообще всякому плану увеличения монархии, уже и без того очень обширной и требующей заботы о внутренних делах. По его мнению, следует оставить в стороне все эти бесполезные мечты о завоеваниях, которые служат лишь к приобретению славы, не доставляя действительных выгод, а, напротив, ослабляя еще более государство». Совершенно естественным выводом из этого вполне резонного убеждения было бы переформатирование империи в «национальное государство», ориентированное не на экспансию, а на усовершенствование внутренней жизни и развитие народа, однако, как уже говорилось, Павел был очень невысокого мнения о населении своей державы и имел отнюдь не либеральные воззрения на то, как должно вести себя с подданными.

Со своей страстью всё контролировать, он, еще будучи совсем молодым человеком, составил для своей невесты Софии Вюртембергской инструкцию из 14 пунктов. Пятый пункт почти целиком посвящался русскому народу. По представлениям Павла Петровича, народ этот «относится с большим уважением и почтительностью ко всему, что стоит выше его, в особенности, если лицо начальствующее или известного чина сумеет приобрести в его глазах авторитет», из чего следовало, что нужно сохранять величественную дистанцию с подданными и блюсти сакральность монаршьего звания. Жалоб от простолюдинов принимать нельзя – иначе завалят. Всё, касающееся религии, надлежит соблюдать с максимальной строгостью. А для связи с народом государю и государыне достаточно «иногда показаться из окна».

Примерно так Павел I и правил. Он не стремился к новым завоеваниям, без которых содержание огромной армии превращалось для небогатой страны в огромную бессмысленную обузу; повсюду где можно и где нельзя насаждал милый его сердцу прусский «ордер». Правда, в поле зрения педанта попадала лишь столица с окрестностями. Посол Уитворт пишет: «Двор и город приняли совершенно военный характер и мы с трудом можем убедить себя, что мы находимся в Петербурге, а не где-нибудь в Потсдаме». Но до остальной страны столичные нововведения доходили только в виде каких-то малопонятных судорог и преувеличенных слухов о Павловых чудачествах.

Первым впечатлением от нового царствования было зловещее шоу, которое император устроил в память об убитом отце. Под предлогом того, что Петр III не успел короноваться, Екатерина велела похоронить его не в царской усыпальнице, а в Александро-Невской лавре. Павел же велел выкопать гроб и торжественно установить в Зимнем дворце рядом с гробом неверной жены. Потом лично возложил корону на истлевшие останки родителя. Присутствовать при этом действе должны были люди, причастные к гибели Петра, прежде всего Алексей Орлов. Затем Петр и Екатерина, как подобает супругам, были вместе погребены в Петропавловской крепости.

Считая, что для воли самодержца нет ничего невозможного, Павел исключил из истории эпизод с отречением Петра Федоровича от престола. Сохранившиеся копии манифеста о воцарении Екатерины

были изъяты по всей стране, доставлены в Тайную экспедицию и сожжены.

После такого начала все, особенно любимцы Екатерины, многие из которых раньше третировали опального цесаревича, приготовились к страшному, но Павел их удивил. Он оставил помощников матери на их постах, а сжавшегося от ужаса Платона Зубова даже обласкал, сказав: «Кто старое помянет, тому глаз вон».

Проявления милосердия этим не ограничились. Новый царь выпустил на свободу не только Тадеуша Костюшко, но других пленных поляков. Прощены и реабилитированы были жертвы поздней екатерининской паранойи: Радищев и Новиков вкупе с остальными мартинистами. К последним Павел относился с сочувствием еще и потому, что сам в свое время состоял в масонской ложе, привлеченный в этом движении сочетанием идеализма и мистики. На волю были выпущены узники «Тайной экспедиции», всеобщая амнистия отворила двери тюрем и острогов для всех осужденных, кроме убийц.

Похороны Петра Третьего (фрагмент). *Неизвестный художник. XVIII в.*

Награды и щедрые подарки полились рекой. За три недели Павел роздал – почти без разбора и учета реальных заслуг – более миллиона рублей.

Отрадные события произошли и в политике. Государь вернул из Закавказья войска, отправленные туда по прихоти Зубова, и отменил рекрутский набор, тем самым подтверждая намерение царствовать мирно. Девизом своего правления он объявил «Порядок и справедливость» и в доказательство даже пересмотрел свое прежнее мнение по поводу запрета народных жалоб: отныне разрешалось подавать их на царское имя. (Впрочем, возможно это было сделано в пику Екатерине, которая подобную практику упразднила).

Но как только подданные успокоились и приготовились к золотому веку, настроение самодержца переменилось.

Месяца через полтора после восшествия на престол Павел вдруг отставил от службы всех екатерининских вельмож за исключением Безбородко, к которому после событий 6 ноября проникся благодарностью, и поставил всюду своих близких людей. В основном это были гатчинцы, никогда государством не управлявшие и к масштабным делам непривычные.

Затем настал черед личных друзей покойной императрицы. Зубовы, Екатерина Дашкова и многие другие получили указание сидеть по своим имениям и в столицах не показываться.

Всё это произошло неожиданно, без какого-либо повода. Так высшее сословие познакомилось с главной чертой Павла – переменчивостью настроений, а государство – с бесконечной кадровой чехардой, очень ослаблявшей и дезориентировавшей аппарат. Однажды, рассердившись на Сенат, царь враз отправил в отставку треть его членов. В другой раз, получив доклад о злоупотреблениях в Вятской губернии, повелел уволить *всех* тамошних чиновников, оставив край вообще без администрации.

Можно предположить, что кажущаяся абсурдность многих павловских решений была вполне сознательной. Тем самым император демонстрировал абсолютность монаршей власти: воля царя священна, даже если она абсурдна. «Государь ни с кем не разговаривает ни о себе, ни о своих делах; он не выносит, чтобы ему о них говорили, – писал близкий к царю Ростопчин. – Он приказывает и требует

беспрекословного исполнения». То же сообщает и лейб-медик Роджерсон: «Когда он что-нибудь хочет, спорить с ним не решается никто, ибо возражения он считает бунтом».

В пользу версии о «рассчитанной вздорности» Павла говорит то обстоятельство, что в самых важных государственных решениях он ее не допускал. Император чудил лишь в делах второстепенных и третьестепенных, которые производили впечатление на двор и столичных жителей, но большого ущерба стране не приносили. Из-за этого перечень павловских эксцессов, охотно пересказываемых современниками и историками, выглядит не столько списком злодейств, сколько собранием колоритных анекдотов.

Вот некоторые из этих многочисленных чудачеств.

Как-то раз государь услышал вдали звон явно не церковного колокола и потребовал выяснить, в чем дело. Ему доложили, что в доме графини Строгановой звонят к обеду. Павел заметил, что в три часа пополудни обедать поздно и отправил к графине полицейского с приказом впредь трапезничать в час дня.

Очень заботясь о благопристойности и в особенности о нравственности подрастающего поколения, Павел приказал, чтобы воспитанники Кадетского корпуса, проходя мимо расположенного неподалеку дворца царской фаворитки Анны Лопухиной, отворачивали лицо, дабы случайно не увидеть, как входит или выходит его величество.

Однако во всех других случаях не заметить императора почиталось преступлением. Пешеходы при виде самодержца должны были сдергивать шляпы, проезжающие – проворно выскакивать из экипажей и низко кланяться. Замешкавшихся, даже дам, в наказание сажали на гауптвахту. Пишут, что во время прогулок Павла, всегда происходивших в одно и то же время, улицы Петербурга пустели.

Как и мать, император очень нервно относился к французской революционной заразе, доходя в этой обсессии до совершенной неадекватности. В 1800 году для защиты от «разврата веры» и в обережение «гражданского закона и благонравия» Павел прекратил ввоз из-за границы вообще всякой печатной продукции, а заодно почему-то запретил

любую иностранную музыку. Особую опасность государь видел во французской моде, следуя которой щеголи носили круглые шляпы и жилеты. За такую фронду полагался арест. Мужчинам не разрешалось отращивать бакенбарды, женщинам – специальным указом – воспрещалось наряжаться в «синие сюртуки с кроеным воротником и белой юбкой», а также в башмаки с лентами. Зато особым царским указом предписывалось иметь платье «с одинаким стоячим воротником, шириною не более как в три четверти вершка; а обшлага иметь того же цвету, как и воротники».

Из тех же соображений Павел распорядился удалить из русского языка все слова, «опороченные» революционными событиями. Особыми указами предписывалось вместо существительного «гражданин» использовать только «мещанин», вместо «общество» – «собрание», вместо «отечество» – «государство». Некоторые табу вообще не поддаются логическому объяснению. Например, царю не нравился глагол «обозреть» – можно было говорить только «осмотреть», вместо «врач» – «лекарь», а вместо «выполнить» – «исполнить» и никак не иначе.

Рассказывают, что статс-секретарь Нелединский-Мелецкий, сопровождая императора в загородной поездке, указал на зеленеющий вдали бор и возвышенно провозгласил (он был поэт): «Вот первые представители лесов, кои простираются за Урал». За это любитель природы был немедленно высажен на обочину, поскольку слово «представитель», напоминавшее о французских «народных представителях», находилось под запретом.

Жестокие репрессии – вспомним Ивана Грозного – могут подавить в обществе всякую волю к сопротивлению; мелкие и, в общем, не очень страшные сумасбродства (за все это царствование не было ни одного смертного приговора) лишь вызывают раздражение.

Павел желал придать ореолу монархии еще более священный блеск, но достиг противоположного результата. Царя не любили, его добрых качеств не замечали, а дурные преувеличивали. В конце концов, все от него устали, с ностальгией вспоминая добрую старую екатерининскую эпоху с ее вольготностью и предсказуемостью.

Личные дефекты правителя не так заметны и важны, если он собирает вокруг себя сильную команду помощников, но к числу роковых недостатков Павла относилось и катастрофическое неумение разбираться в людях.

Одни конфиденты были мало на что годны, другие привели его к гибели.

Окружение императора

Ближе всего к Павлу, естественно, была семья. Он слыл верным супругом и долгое время жил с женой в почти идиллическом согласии. После 1796 года, правда, ситуация изменилась. Оказалось, что прежнее целомудрие цесаревича объяснялось его незавидным положением – дамы им мало интересовались.

В гатчинской жизни у великого князя было две сердечные подруги: идеальная жена Мария Федоровна, почти все время беременная, и фрейлина Екатерина Нелидова, к которой он испытывал платоническую, рыцарственную любовь.

С воцарением Павла обе стали очень значительными персонами. Они не вмешивались в государственные дела (ревниво оберегавший свою власть император этого бы не потерпел), но в придворном мире все знали, что никакой ответственный пост не может быть занят человеком, которого невзлюбят жена и подруга государя. Последняя имела еще больше влияния, потому что пользовалась полным доверием императора. «Век женщин» продолжался, хотя на троне теперь находился мужчина.

Екатерина Нелидова, которой в 1796 году исполнилось уже сорок лет, не была хороша собой, но умом, тактом и приятным обхождением сумела завоевать всеобщее уважение. Воспитанница Смольного института, она принадлежала к первому поколению тех самых русских женщин новой породы, которую взрастила Екатерина. Бескорыстная, искренне заботившаяся о благе Павла, Нелидова слыла его «добрым ангелом». Она единственная умела смягчать приступы царского гнева и многих от него уберегла.

Но самодержцу, каждое желание которого должно было осуществляться, платонической возлюбленной скоро стало

недостаточно. Царедворцы из числа недоброжелателей Нелидовой угадали это и осуществили интригу, в результате которой у Павла на пятом десятке наконец завелась настоящая любовница – та самая Анна Лопухина, от дворца которой следовало отворачиваться кадетам.

Это была тоже очень добрая, но совсем не умная девица, которая больше всего любила танцевать. В государственном смысле она совсем ничего не значила. В конце концов Лопухина влюбилась в молодого офицера, и царь с присущей ему рыцарственностью сам устроил их брак.

Жена, подруга и любовница Павла Первого. *(И.-Б. Лампи-Старший, неизвестный художник, Ж.-Л. Вуаль)*

Но из-за фавора Лопухиной император лишился своего «ангела-хранителя». Нелидова отдалилась от двора, и через некоторое время близ Павла оказались люди, составившие против него заговор.

Помимо женского окружения у царя было несколько гатчинцев, имевших к нему постоянный доступ и пользовавшихся его расположением.

Первым из них, ближайшим в самом буквальном смысле, считался Иван Кутайсов, когда-то личный брадобрей молодого Павла, а впоследствии его постоянный наперсник, отлично знавший характер своего господина. Происхождением он был не то турок, не то грузин из Кутаиси, еще мальчиком попал в русский плен и удачно пристроился при «молодом дворе». Человек он был очень ловкий и оборотистый, но

больше интересовался собственными прибытками, нежели вопросами управления, потому очень быстро разбогател и приобрел огромный вес при дворе, однако важных государственных постов не занимал и, уже сделавшись графом, продолжал лично брить императора. Кутайсов всегда умел потрафить своему вздорному покровителю и оставался в фаворе вплоть до самого конца. Следа в политике он не оставил.

Иное дело Федор Ростопчин, личность не менее колоритная. Этот тоже обладал изворотливым умом и любовью к интриганству, но ему мешал чересчур непоседливый нрав. В юности он много путешествовал по Европе, храбро воевал с турками, в Англии учился боксу, обладал литературным даром, был неистощим на всякие выдумки, за что Екатерина прозвала его «сумасшедшим Федькой». Приставленный ею к «молодому двору», Ростопчин совершенно очаровал Павла и в день смерти императрицы активно помогал цесаревичу захватить власть.

> На старости лет, подводя итоги своей бурной жизни, граф Федор Васильевич напишет о себе так: «В 1765 году 12 марта я вышел из тьмы и появился на Божий свет. Меня смерили, взвесили, окрестили. Я родился, не ведая зачем, а мои родители благодарили Бога, не зная за что. Меня учили всевозможным вещам и языкам. Будучи нахалом и шарлатаном, мне удавалось иногда прослыть за ученого. Моя голова обратилась в разрозненную библиотеку, от которой у меня сохранился ключ. Меня мучили учителя, шившие мне узкое платье, женщины, честолюбие, бесполезные сожаления, государи и воспоминания… В тридцать лет я отказался от танцев, в сорок перестал нравиться прекрасному полу, в пятьдесят – общественному мнению, в шестьдесят перестал думать и обратился в истинного мудреца или эгоиста, что одно и то же… Никогда не обладая умением владеть своим лицом, я давал волю языку и усвоил дурную привычку думать вслух. Это доставило мне несколько приятных минут и много врагов».

Ф. Ростопчин в павловские времена. *С. Тонци*

«Нахальство», «язык» и «дурная привычка» мешали этому предприимчивому деятелю занять прочное положение при дворе.

Довольно скоро после первоначального взлета он угодил в опалу, вызвав гнев императора. Потом Павел без него соскучился и вернул обратно, поручив Ростопчину почтовое министерство, а затем и ведение иностранных дел. Граф стал инициатором и архитектором резкой смены политического курса, который в последний год жизни Павла рассорил Россию с Британией и чуть было не привел к союзу с республиканской Францией. Однако за три недели до убийства императора фавор Ростопчина опять закончился. Интригуя против одного из своих соперников, вице-канцлера Никиты Петровича Панина, Ростопчин несколько заигрался и в феврале 1801 года возмущенный Павел выслал самого дельного своего соратника из столицы. Если б граф остался в Петербурге, очень вероятно, что заговор провалился бы.

В историю Федор Ростопчин, впрочем, войдет не в качестве павловского министра, а как человек, которому молва приписывала сожжение в 1812 году Москвы, где граф состоял генерал-губернатором.

Другой видный деятель эпохи, Алексей Андреевич Аракчеев, являлся фигурой совсем иного рода. Если Ростопчин был близок чудаковатому царю своей эксцентричностью, то педант и служака Аракчеев совпадал с Павлом маниакальной любовью к прусскому порядку.

Этот отпрыск бедного дворянского рода, лишенный шансов на хорошую карьеру в екатерининской армии, нашел себе пристанище близ цесаревича. Он возглавлял маленькую гатчинскую артиллерию и довел ее до образцового состояния.

Свое дело он знал превосходно, отличался исполнительностью и дотошностью, а главное, был по-собачьи предан господину. Заняв престол, Павел осыпал Аракчеева милостями. Сделал его сначала бароном, потом графом, генерал-инспектором всей артиллерии. Артиллерия от этого сильно выиграла, но в целом репутация у графа Алексея Андреевича была ужасная. Временщика ненавидели за тяжелый характер и грубость, которой Аракчеев еще и бравировал (его девиз был «Предан без лести»). Враги дважды воспользовались оплошностями фаворита, чтобы опорочить его в глазах царя. Первый раз (в 1798 году) опала длилась недолго, но осенью следующего года он был вновь отставлен от службы и выслан. Этого верного соратника в момент заговора около царя тоже не окажется.

Во время гатчинского прозябания близ Павла почти не было представителей большой знати. Вероятно поэтому братья князья Куракины, старший из которых, Александр Борисович, рос вместе с цесаревичем и даже называл его «Павлушей», после 1796 года оказались на высших постах, хотя государственными талантами не обладали. Обоим к тому же покровительствовала фаворитка Нелидова.

Александр стал вице-канцлером, но приносил столь мало пользы в иностранных делах, что, когда однажды запросился в отставку, Павел удивился: «Зачем же ему покидать место? Ведь он, и оставаясь на нем, ничто».

Второй, Алексей, был генерал-прокурором и тоже ничем не проявил себя на этой важнейшей должности.

Из-за явной неспособности Куракиных царь сильно охладел к старым приятелям и после ухода в 1798 году их благодетельницы Нелидовой снял обоих с занимаемых постов.

Таким образом, накануне рокового финала император остался без лично преданных ему людей. Их место занял новый фаворит Пален, заслуживающий более подробного рассказа из-за той роли, которую он сыграл в российской истории.

Барон Петр Алексеевич (вообще-то Петер-Людвиг) фон дер Пален был из курляндских немцев, только с 1795 года ставших царскими подданными, однако дворяне марионеточного герцогства давно уже служили в русской армии. Не был исключением и Пален. Еще в ранней юности он поступил в Конногвардейский полк, с отличием участвовал в турецких войнах и ко времени воцарения Павла, после 36 лет службы, занимал должность курляндского генерал-губернатора, удаленную от столицы, а стало быть от настоящей власти.

Алексей Аракчеев. *И.-Б. Лампи-Старший*

Поздним взлетом своей карьеры барон был обязан случайности – поначалу вроде бы несчастливой. В декабре 1796 года он готовился у себя в Риге торжественно встретить бывшего польского короля Станислава-Августа, но в это время в город въехал опальный Платон Зубов, следовавший за границу, и почетный караул по ошибке отсалютовал пышному кортежу, а генерал-губернатор повел себя с бывшим временщиком слишком вежливо. Об этой учтивости донесли императору, еще ее и преувеличив. Павел взбесился, назвал обращение Палена с Зубовым «подлостью» (это слово тогда означало раболепство) и уволил провинциального администратора с должности. Однако Павел, очень кичась своей справедливостью, довольно часто признавал свои ошибки и, бывало, вознаграждал несправедливо наказанных сверх всякой меры. То же случилось и с Паленом. Он сумел завоевать расположение Нелидовой и Кутайсова, те замолвили словечко – и в начале 1798 года пожилой отставной генерал вдруг становится инспектором кавалерии и командиром Конногвардейского полка, что позволяет ему постоянно общаться с государем.

«Чудный старик» Петр фон дер Пален. *Г. Фон Кюгельген*

Пален был очень умен, хладнокровен, неизменно весел, со всеми обходителен. Отец десяти детей, само прямодушие и преданность, он

без труда вошел в доверие и к императору, и к императрице, которая говорила: «Невозможно, зная этого чудного старика, не любить его». Помимо приятности Петр Алексеевич еще и отличался исключительной распорядительностью, так что со временем сделался для Павла просто незаменим. Его влияние и количество занимаемых им постов все время росли, а его соперники исчезали один за другим. К зиме 1801 года Пален, уже не барон, а граф, возглавлял шесть армейских инспекций, заседал в Иностранной коллегии, был столичным губернатором и главным директором почт. Последние две должности особенно пригодились ему при подготовке заговора, так как губернатор командовал петербургским гарнизоном, а почт-директор мог перлюстрировать письма.

Почему этот обласканный Павлом, почти всемогущий человек решил свергнуть своего благодетеля? Причин было две. Во-первых, при таком вздорном государе никто не чувствовал себя в безопасности, и беспричинный гнев Павла мог в один миг лишить фаворита всех его приобретений. Сам граф Петр Алексеевич, объясняя впоследствии свои резоны, упоминает и этот, хоть больше напирает на общественное благо: «Состоя в высоких чинах и облеченный важными и щекотливыми должностями, я принадлежал к числу тех, кому более всего угрожала опасность, и мне настолько же желательно было избавиться от нее для себя, сколько избавить Россию, а быть может, и всю Европу от кровавой и неизбежной смуты».

Но была и вторая причина, не менее существенная. Глава заговора рассчитывал, что возведя на престол мягкого, бесхарактерного наследника, он станет не временщиком, а истинным правителем государства.

Смелости и решительности у Палена было не меньше, чем в свое время у Миниха, а ума и ловкости значительно больше.

Дворяне, во всяком случае столичные, от царского самодурства устали, в гвардии многие, обиженные Павлом, его ненавидели, а настоящего страха перед вспыльчивым, но не жестоким императором не было. Помогала и память об успешных переворотах недавнего прошлого.

Дело шло к развязке.

Заговор и переворот

В монархическом государстве переворот возможен, только если у заговорщиков имеется собственный кандидат на престол, готовый участвовать в деле. С этим у руководителей комплота имелись трудности.

Первоначально во главе предприятия стоял вице-канцлер Никита Петрович Панин, убежденный сторонник союза с Англией и заклятый враг французов, то есть идейный противник Ростопчина, склонявшего Павла к сближению с Бонапартом. Таким образом, Панин, в отличие от Палена, намеревался свергнуть царя не из личных, а из идейных соображений. Скорее всего, в разработке опасного плана участвовал и английский посол Уитворт, весьма заинтересованный в подобной смене власти, но прямых доказательств «британского следа» в последующих событиях не выявлено, и к самому убийству посол точно отношения не имел – его отозвали в Лондон десятью месяцами ранее.

Граф Панин замышлял объявить Павла душевно больным и сделать цесаревича регентом. Всё могло получиться очень пристойно, по-европейски, так как имелся свежий прецедент: английский король Георг III периодически впадал в помрачение рассудка, и в такие периоды страной правил наследник.

Именно Панин первым стал вести тайные беседы на эту тему с Александром Павловичем, находившимся с отцом в очень натянутых отношениях.

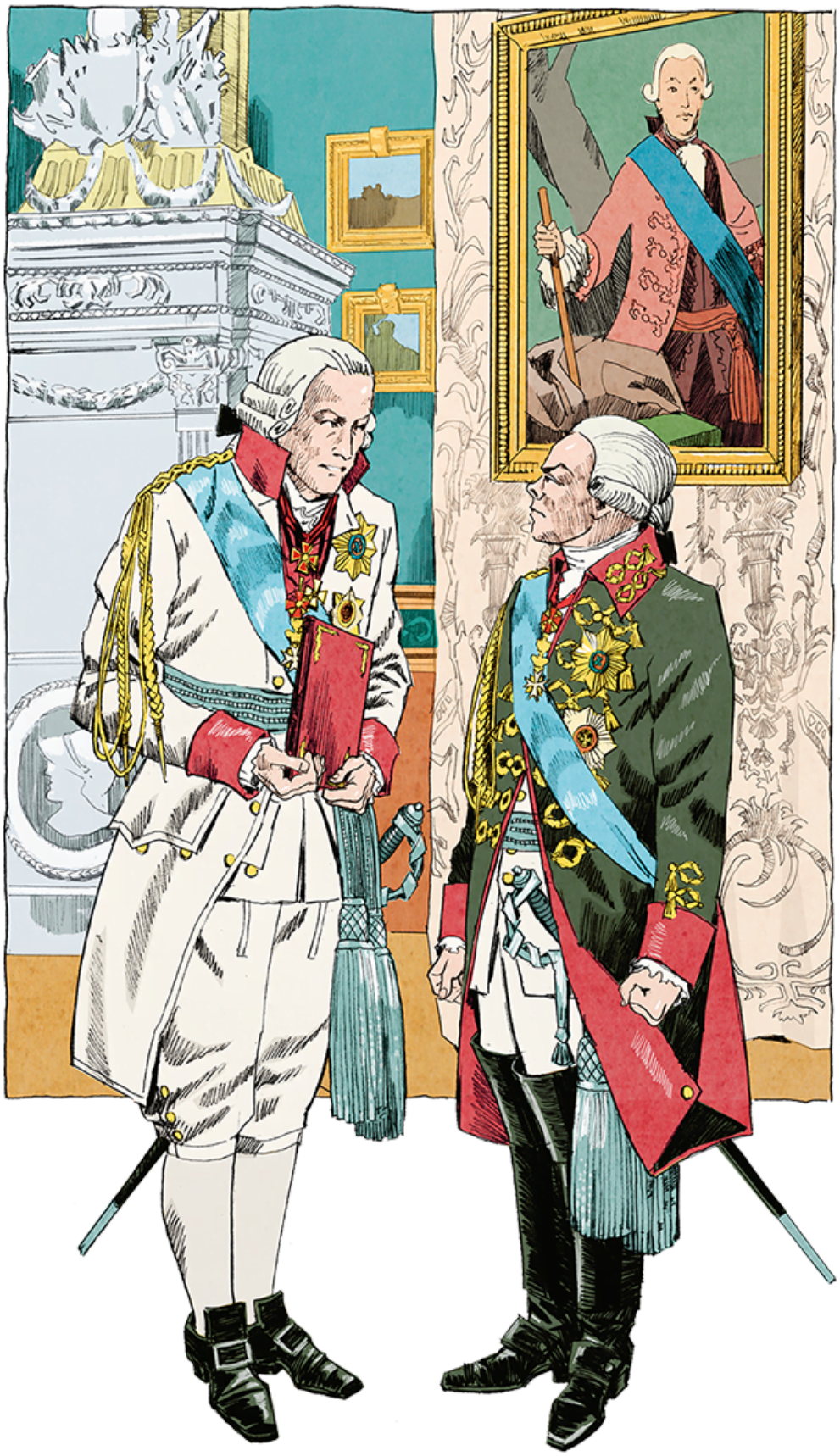
Как мы помним, шестого ноября 1796 года юноша, которого Екатерина прочила в преемники, никак не участвовал в борьбе за престол, но вскоре, по-видимому, об этом пожалел. По своему воспитанию и либеральным взглядам он с отвращением относился к деспотическим повадкам Павла, считал его политику глубоко ошибочной и был преисполнен великих замыслов, которые мог бы осуществить, заняв престол. Любви к родителю он не испытывал, так как, выросший при бабке, в детстве его почти не знал, однако мысль о перевороте молодого человека пугала. Он выслушивал довольно туманные речи Панина, но дальше дело не шло.

Осенью 1800 года граф Никита Петрович угодил в опалу и был вынужден покинуть столицу. Тогда главой заговора стал Пален, который от разговоров сразу перешел к действию. О том, как развивались события, известно из собственноручных записок Петра Алексеевича.

Он взялся за великого князя всерьез. «Я зондировал его на этот счет сперва слегка, намеками, кинув лишь несколько слов об опасном характере его отца. Александр слушал, вздыхал и не отвечал ни слова. Но мне не этого было нужно; я решился наконец пробить лед и высказать ему открыто, прямодушно то, что мне казалось необходимым сделать. Сперва Александр был, видимо, возмущен моим замыслом; он сказал мне, что вполне сознает опасности, которым подвергается империя, а также опасности, угрожающие ему лично, но что он готов все выстрадать и решился ничего не предпринимать против отца. Я не унывал, однако, и так часто повторял мои настояния, так старался дать ему почувствовать настоятельную необходимость переворота, возраставшую с каждым новым безумством, так льстил ему или пугал его насчет его собственной будущности, представляя ему на выбор – или престол, или же темницу и даже смерть, что мне наконец удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность…»

Обеспечив если не соучастие, то, по крайней мере, молчаливое согласие будущего монарха, Пален перешел к следующему этапу: стал подбирать сообщников, чьими руками можно было бы осуществить переворот. Недовольных Павлом среди гвардейского офицерства было предостаточно, но Палену, по его словам, «хотелось заручиться помощью людей более солидных, чем вся эта ватага вертопрахов». Воспользовавшись минутой, когда Павел находился в благодушном настроении, фаворит уговорил царя простить братьев Зубовых. Все они вернулись в Петербург. Платон и Валериан возглавили Первый и Второй кадетские корпуса, Николай – гусарский полк. Должности по сравнению с прежними были скромные, но главное, что заклятые враги императора оказались в столице. Вряд ли Пален так уж нуждался в помощи мало на что способных Зубовых. Вероятнее всего, ему требовались козлы отпущения, на которых можно будет свалить вину в случае провала.

На роль же исполнителя у графа был намечен другой человек, хорошо ему известный своей хладнокровной решительностью, – генерал Леонтий Беннигсен. Это был ганноверский офицер, более четверти века назад переведшийся в русскую армию и сделавший при Екатерине неплохую карьеру. Павла он ненавидел, потому что два с лишним года назад безо всякой вины был выгнан со службы. В самом конце 1800 года Пален сумел вызвать в столицу и Беннигсена.



Павел и Пален. *И. Сакуров*

Другими ключевыми фигурами заговора являлись командиры двух гвардейских полков, Преображенского и Кавалергардского, чья поддержка была необходима для успеха. Более мелкие участники никаких подробностей не знали, Пален собирался подключить их к делу в последнюю минуту, что было мудро. И всё же слухи о том, что затевается нечто грозное, витали в воздухе.

Нанести удар планировалось в конце марта 1801 года, но Палену пришлось ускорить события. Во время очередного доклада о положении дел в столице, царь вдруг объявил губернатору, что некие злоумышленники собираются «повторить 1762 год» (когда свергли Петра III). Не растерявшись, Пален отвечал, что отлично об этом знает и даже участвует в заговоре, чтобы выявить «все нити». Он с самого начала вел дело так, что действительно мог в любой момент кардинально изменить свою роль и свалить вину на других. Павел этим объяснением удовлетворился. Проницательность не была его сильной стороной.

Однако Палену сделалось ясно, что времени терять нельзя. Он кинулся к Александру, пугая того страшными последствиями разоблачения. Великий князь потребовал только одного: клятвенного обещания, что Павел не пострадает. Пален с легкостью поклялся, хоть наверняка отлично понимал, что с таким подбором исполнителей у царя нет шансов уцелеть. К тому же свергнутый, но живой монарх – всегда проблема.

В ночь на одиннадцатое марта Зубовы и Беннигсен собрали ударную группу из офицеров. Их было около полусотни, причем многие были вовлечены «втемную», случайно, и потом по дороге сбежали.

Но много людей и не требовалось. Месяцем ранее царь переехал в новый Михайловский замок, действительно похожий на средневековую крепость. С верной охраной там можно было чувствовать себя в безопасности, однако при измене личной стражи дворец превращался в капкан.

Измена же была повсюду. Заговорщиков провел через караулы офицер, имевший личный доступ к Павлу и хорошо известный

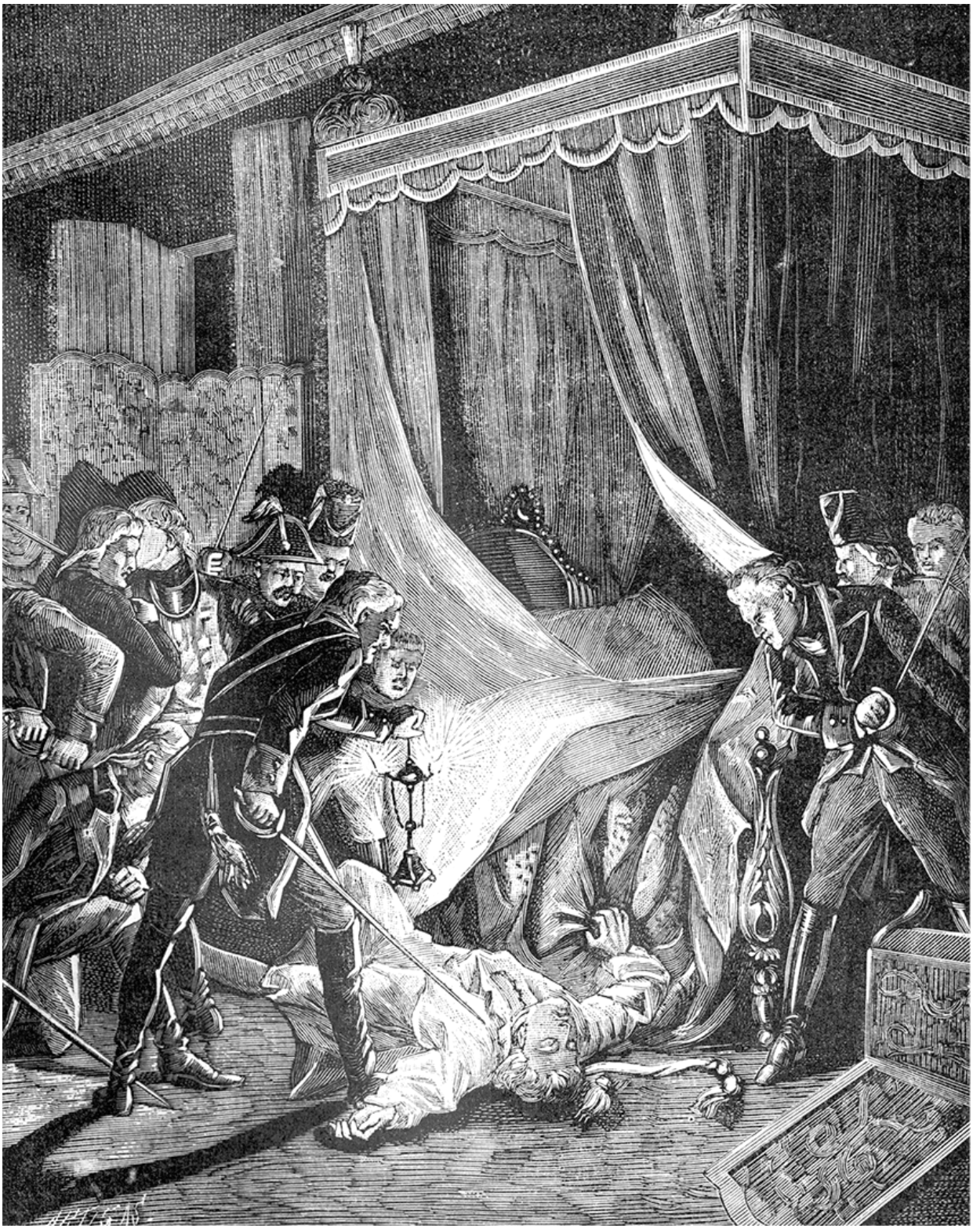
солдатам. Сопротивления почти не было, но все же у самых дверей спальни возникла потасовка. Павел проснулся и успел спрятаться.

Увидев, что царя нет, заговорщики (до конечного пункта добралось не более десятка) запаниковали, но невозмутимый Беннигсен потрогал теплую постель, посмотрел вокруг и показал пальцем на ширму, присовокупив по-французски: «Вон он». После этого, отлично зная, что последует дальше, генерал вышел в прихожую, оставив Павла наедине с убийцами. Сам Беннигсен пишет: «В эту минуту я услыхал, что один офицер, по фамилии Бибиков, вместе с пикетом гвардии вошел в смежную комнату, по которой мы проходили. Я иду туда, чтобы объяснить ему, в чем будет состоять его обязанность, и, конечно, это заняло не более нескольких минут. Вернувшись, я вижу императора, распростертаго на полу. Кто-то из офицеров сказал мне: «С ним покончили!»

Относительно того, как произошло убийство, существует несколько версий.

Пушкину говорили, что императора задушили шарфом измайловского офицера Скарятина.

Полковник Саблуков в своих «Записках» рассказывает (правда, с чужих слов): «Граф Николай Зубов, человек громадного роста и необыкновенной силы, будучи совершенно пьян, ударил Павла по руке и сказал:



Убийство Павла Первого. *Гравюра. XIX в.*

– Что ты так кричишь!

При этом оскорблении император с негодованием оттолкнул левую руку Зубова, на что последний, сжимая в кулаке массивную золотую табакерку, со всего размаху нанес правою рукою удар в левый висок императора, вследствие чего тот без чувств повалился на пол».

По еще одному свидетельству, первый удар нанес подполковник князь Яшвиль, в свое время жестоко оскорбленный царем.

Так или иначе, на упавшего Павла накинулись все. Лейб-медик Грив потом обнаружит на трупе царя множество кровоподтеков, а на шее следы удушения.

Во время убийства Пален держался на отдалении, чтобы – по словам того же Саблукова – «глядя по обстоятельствам, или явиться на подмогу к императору, или послужить для провозглашения его преемника». Когда граф узнал, что дело сделано, он немедленно оказался в центре событий.

Вокруг дворца уже выстроились преображенцы, приведенные их командиром Талызиным. Он и Зубовы кричали: «Да здравствует император Александр!». Солдаты, ничего не понимая, молчали. Прибыли и семеновцы. Нужно было скорее предъявить гвардейцам нового государя, но великий князь, потрясенный ужасным известием о смерти отца, рыдал и отказывался. Тогда Пален сурово приказал ему, очевидно, готовясь к роли будущего правителя державы: «Довольно ребячиться, государь. Ступайте царствовать и покажитесь гвардии!».

Александр Павлович послушался: перестал ребячиться, показался гвардии и стал царствовать, но ни этого оскорбления, ни цареубийства Палену он не простит. На всякого мудреца довольно простоты. Великий манипулятор ошибся в молодом цесаревиче, который при всей мягкости отнюдь не был бесхарактерен.

Петербургское дворянство встретило весть о гибели «тирана» ликованием. Из свидетельств современников создается впечатление, что столица праздновала расставание с прежним веком и приход нового – даже соответствующим образом переоделась: «Немедленно же появились прически à la Titus [то есть короткие и без пудры], исчезли косы, обрезались букли и панталоны; круглые шляпы и сапоги с

отворотами наполнили улицы». Мужчины поголовно принялись отращивать запрещенные ранее бакенбарды, без которых александровское поколение теперь не представить.

Со смертью Павла Первого восемнадцатый век в России действительно закончился.

Дела внутренние

Консервативный реформатор

Если не относиться к Павлу как к вздорному «дегенерату второй степени» (вздорным он был, дегенератом – отнюдь), в поступках и указах царя, даже самых странных, прослеживается ясная логика. В своей стратегии император был очень последователен.

Неизбежность деспотизма в российских реалиях – тезис, к которому Екатерина пришла не сразу и, в общем, против своей воли, – представлялся Павлу непреложной истиной, основой стабильности и порядка. Еще наследником, за несколько лет до прихода к власти, он составил меморандум, в котором изложил свои взгляды на государство. Там, в частности, говорилось: «Общество не может существовать, если воля каждого не будет направлена к общей цели», а поскольку чем обширнее страна, тем труднее концентрировать эту волю, самое главное – «препоручение исполнения одному», то есть самодержцу; «нет лутчего образа, как самодержавный, ибо соединяет в себе силу законов и скорость власти одного».

Иначе говоря, Павла можно считать адептом классической «ордынской» модели. В этом смысле он являлся несколько карикатурной копией Петра Первого, который тоже желал восстановить жесткую «вертикальность» высшей власти после некоторого ее ослабления в семнадцатом веке.

Сутью павловских реформ – если их можно так назвать – было возвращение во вчерашний день, стремление не пускать Россию в девятнадцатый век, а удержать в восемнадцатом.

Екатерине с ее конъюнктурным умом, не очень дальним, но здравым, стало ясно, что в быстро развивающемся мире примитивно-вертикальная империя, управляемая непосредственно из «ханской ставки», в ручном режиме, существовать уже не может. Поэтому императрица превратила высшее сословие из рабов в соправителей, предоставив дворянам всевозможные личные права. Это безусловно подтачивало один из столпов «ордынской» системы, допускавшей наличие прав только у одного человека – государя.

Павел резонно видел в этом угрозу для самодержавия. В конце концов идея личных прав и напрямую связанное с нею требование свобод распространится от дворян на более широкие слои населения и приведет монархию к краху. Но рецепт, которым новый царь рассчитывал уберечься от этой опасности, был совершенно негоден – как по внешним обстоятельствам, так и по внутренним.

Единоличное тоталитарное управление в духе Петра Великого, еще кое-как возможное в начале столетия, к его концу, в разгар индустриальной революции и усложнения социальных структур, превратилось в совершенный анахронизм. Оно парализовало государственный механизм, не давало развиваться промышленнности, торговле, культуре. Да и высшее сословие, вкусив сладость обретенных прав и привилегий, не желало их лишиться. В стране с традицией дворцовых переворотов гвардейские «янычары» рано или поздно свергли бы властного, но неосторожного владыку и без хитроумного курляндца Палена.

В чем же состояла идея, при помощи которой Павел рассчитывал укрепить монархию?

Она была проста: заменить дворянскую власть иной инфраструктурой – чиновничьей. Никаких привилегированных сословий не нужно, все должны быть равны перед государем. Продвижение по службе и место в иерархии должно определяться исполнительностью, а не происхождением. Как ни странно это звучит, но Павел был не меньшим сторонником всеобщего равенства, чем ненавидимые им французские революционеры, – на это обратил внимание еще Ключевский. Этому же историку принадлежит очень меткое уточнение: равенство предполагалось не в правах, а во всеобщем бесправии.

Проект этот, конечно, был абсолютно утопическим. В огромной, сложно устроенной стране, каковой являлась Россия конца восемнадцатого века, бюрократический аппарат, контролируемый только сверху, эффективно работать не мог.

Павлу представлялось, что, если сам он будет подавать пример трудолюбия и рвения, вся властная пирамида сверху донизу преисполнится такого же усердия.

И жизнь столичных чиновников, находившихся на глазах у императора, действительно превратилась в ад.

Царь начинал работать в 6 утра, а это значило, что всем канцеляриям следовало приступать к делу еще раньше. В начале седьмого, когда Павел выходил из своих покоев, первые сановники государства уже ждали в приемной. В присутствиях служители корпели над бумагами с пяти.

В течение дня император мог нагрянуть в любое учреждение с внезапной инспекцией, что держало начальников всех уровней в постоянном напряжении: при малейшем непорядке его величество приходил в ярость, и на виновных, а то и на невиновных, обрушивались кары.

Потрудившись таким образом на благо России, Павел очень рано укладывался спать, а это означало, что пора на покой и всей столице. Автор замечательных «Записок» Андрей Болотов пишет: «В 8 часов государь уже ужинает и ложится почивать; и в сие время нет уже и во всем городе ни единой горящей свечки».

Активизировать деятельность центральных органов власти подобными методами было нетрудно. Петербургские ведомства судорожно заработали, бумагопоток невероятно ускорился и увеличился. Дореволюционный историк В. Клочков, исследовавший административную работу Сената павловской эпохи, приводит впечатляющие цифры.

Это высшее правительственное учреждение славилось волокитой и медлительностью. К моменту восшествия Павла на престол там скопилось почти 15 тысяч нерешенных дел. При новом темпе работы Сенат, во-первых, стал пропускать через свои департаменты намного больше документов (в 1800 году – 42 тысячи!), а во-вторых, разгреб старые залежи и научился не создавать новых.

Необычайно интенсифицировался выпуск законов, манифестов и указов. Павел считал, что ясные и подробные приказания – гарантия порядка. По данным Н. Эйдельмана, в это время выходит в среднем по 42 законодательных акта в месяц, то есть по одному-два каждый день. При Екатерине же правительство выпускало в три с половиной раза меньше документов (в среднем по двенадцать ежемесячно).

Нечего и говорить, что эта лихорадочная активность затрагивала лишь столичные канцелярии и была не более чем рябью на самом западном краешке огромного моря. Расходясь по России, эти круги ослабевали или, того хуже, разрушая старый порядок вещей, не

создавали нового. Провинция взирала на Петербург с опаской и недоумением.

Стержнем павловских реформ было всемерное ужесточение централизации и повсеместное введение строгого единоначалия, при котором администратор каждого уровня становился мини-самодержцем – это называлось «преимуществом лиц перед учреждениями». Властная вертикаль сводилась к принципу персонального управления и персональной же ответственности: глава уезда решал все вопросы сам и давал отчет губернатору, тот – генерал-прокурору, а выше находился уже император. Во времена Чингисхана такая система отлично работала; в 1800 году она порождала бесконтрольность, некомпетентность и очковтирательство. Административная стройность выглядела таковой только на бумаге. Из-за упразднения структуры местного управления жизнь провинции разладилась. Неразбериху усугубило затеянное Павлом перекраивание губерний. Царю хотелось, чтобы они все были аккуратно одинаковыми. Пятьдесят губерний превратились в сорок одну. Легко представить, какой бюрократический хаос вызвала эта перестройка.

Попытался Павел переделать и центральное правительство, которое при Екатерине действительно было организовано очень неряшливо. Царица предпочитала решать все дела сама, с фаворитами и секретарями. Но ее сын в этом отношении был во сто крат большим «маньяком контролирования». С одной стороны, он восстановил профильные коллегии, назначив туда президентов, то есть в современной терминологии – министров. Однако, кроме того, в каждом ведомстве вводился еще и «главный директор», нечто вроде прежнего «государева ока». Такое двоевластие приводило к административной неразберихе и тормозило работу.

Парадный портрет Павла: он желал, чтоб его воспринимали таким.
С. Тонци

Впрочем, по-настоящему важным Павел считал лишь один уровень власти – наивысший, то есть монарший. И здесь ему действительно удалось навести порядок в самом уязвимом звене – вопросе о преемничестве. Из-за отсутствия раз и навсегда установленного закона о престолонаследии империю трясло на протяжении почти всего восемнадцатого века. Смена верховного правителя каждый раз сопровождалась политическим кризисом, а то и насильственным переворотом.

Проблема передачи власти – вообще слабое место «ордынской» системы, поскольку «великий хан» в принципе не может быть стеснен никакими законами. Кому пожелает передать престол – тому и передаст. Но со смертью владыки его власть заканчивается, и с этим ничего не поделаешь. Павел решил ввести закон, который единственный из всех будет выше даже монарха: власть передается от отца к старшему сыну или, при отсутствии мужского потомства, от старшего брата к следующему – и никак иначе, «дабы наследник был назначен всегда законом самим, дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать». Это было еще и местью матери и «веку цариц», поскольку корона теперь могла передаваться лишь по мужской линии, но у последующих Романовых проблем с наследниками не возникло, потому что младших братьев и сыновей всегда хватало.

«Указ о престолонаследии» от 5 апреля 1797 года, один из самых первых актов нового царствования, хоть и не спас от переворота самого Павла, но сохранял свою силу до самого конца монархии. Это, пожалуй, единственная полностью удавшаяся реформа усердного преобразователя.

Результат остальных реформ был неоднозначен.

Помимо сугубо административных новшеств, касавшихся бюрократической системы и ни к чему хорошему не приведших, Павел попробовал укрепить две другие опорные колонны империи: финансовую и военную. Любопытно, что финансовые проблемы он пытался решать военными методами, а военные – в основном финансовыми.

Как уже говорилось, после Екатерины российский бюджет остался в полном расстройстве. Несмотря на рост империи и ее доходов, еще больше возросли расходы. Правительство бездумно наращивало

внешний и внутренний долг, беспрестанно допечатывало бумажные деньги, так что рубль очень упал в цене и котировался у иностранцев с половинным дисконтом от номинала.

Павлу казалось, что довольно приказать, и инфляция прекратится, а бюджетные расходы сократятся.

Курс рубля он повысил двумя указами: велел публично спалить пять с лишним миллионов ассигнаций и брать пошлину за ввозимые в Россию товары золотом или серебром, то есть возложил инфляционные потери на импортеров.

Результат получился невпечатляющий. Сожженные деньги составляли меньше 3 процентов от всей наличной массы, и сильно повысить курс эта мера не могла, а от фактического 40-процентного увеличения тарифов пострадала торговля, и без того ослабленная затяжной европейской войной.

Так же решительно попробовал царь обойтись с бюджетом. Он лично занялся составлением сметы на следующий 1797 год и лихо сократил расходы более чем вдвое – до 31,5 миллиона рублей (в 1796 году было потрачено 68 миллионов). Но потом за дело взялись финансисты и объяснили царю, что так не получится – государство не сведет концов с концами и развалится. Пришлось пересчитывать заново, и расходы вышли почти такими же, как при Екатерине: 63,7 миллиона рублей. Оказалось, что экономика военных приказов не понимает.

В дальнейшем Павел уже не пытался экспериментировать, а просто покрывал дефицит теми же способами, что и мать: печатал деньги и брал займы. За четыре года выпустили 56 миллионов ассигнационных рублей, а внешний долг увеличили втрое.

Пускай Павел не разбирался в финансах, но он считал себя знатоком военного дела и собирался в корне перестроить российскую армию.

Самой большой проблемой была стоимость – вооруженные силы съедали львиную долю национального богатства. Поскольку расширять владения империи Павел не желал и воевать ни с кем не собирался, полумиллионная армия, доставшаяся ему от матери, представлялась императору излишеством.

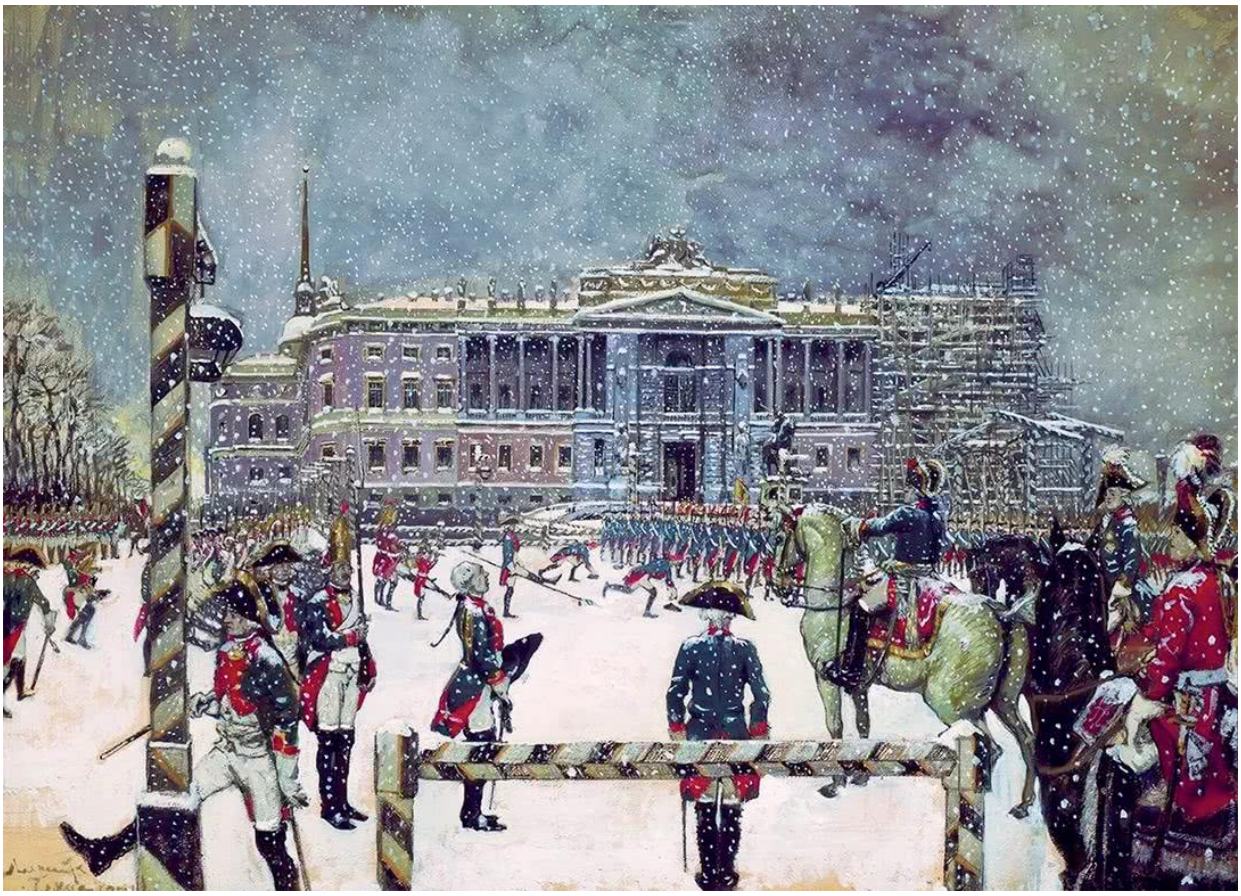
Поначалу царь хотел кардинально урезать военные расходы, очевидно, надеясь, что тогда армия сама усохнет. Но в пересмотренной смете на 1797 год пришлось выделить на военный бюджет те же 25 миллионов, что и прежде. Одномоментно сократить армию было невозможно.

Этот процесс осуществлялся постепенно. В конце концов армия уменьшилась на треть – до 335 тысяч солдат. Уволены были 2 200 офицеров и 333 генерала. Однако радоваться этим успехам не пришлось, потому что вскоре воевать все-таки понадобилось, и стало ясно, что армию сокращали зря.

Численное уменьшение Павел надеялся компенсировать повышением качества, для чего провел военную реформу. Кое-что действительно стало лучше. Появились новые уставы, прекратилось использование солдат в качестве домашней прислуги, усилился контроль за расходованием казенных средств. Благодаря тому, что инспектором артиллерии был царский любимец Аракчеев, этот род войск быстро развивался и усовершенствовался – по мнению военных историков русская артиллерия стала одной из лучших в Европе.

Однако в целом русская армия при Павле ослабела.

Ненавидя «потемкинский дух» и преклоняясь перед прусской концепцией армии как живой машины, император придавал чрезмерное значение внешнему виду войск, муштровке, строевой подготовке – в ущерб боевой выучке. Солдатам приходилось тратить много времени на уход за красивыми, но непрактичными мундирами, за буклями и косами. Павловская армия хорошо смотрелась в мирное время – на парадах и в караулах, но скоро ей предстояло столкнуться с закаленной в боях французской республиканской армией, в которой учили не чеканить шаг, а драться.



Павловский парад. *А. Бенуа*

К тому же, сокращая офицерский и генеральский корпус, Павел сплошь и рядом выгонял самых лучших – «потемкинцев», начиная с Суворова. Оставались же «мастера шагистики и фрунта».

Впрочем, не всё было плохо. Например, улучшилось положение нижних чинов. Павел заботился о том, чтобы их хорошо кормили, не обворовывали, тепло одевали зимой, а по выходе в отставку обещал каждому ветерану 15 десятин, 100 рублей и звание однодворца (лично свободного мелкого землевладельца).

Надо сказать, что солдаты, в отличие от своих командиров, к царю относились неплохо – потому-то в ночь убийства и было так непросто заставить батальоны кричать «Да здравствует император Александр!».

Вообще в начинаниях этого злосчастного монарха есть одна симпатичная черта: он очень хотел быть не дворянским, а народным царем. Его идеалистическому воображению рисовались умилительные картины страны как единой большой семьи, где отец-государь ко всем

равно справедлив, и благодарные чада отвечают ему преданной любовью.

> Сразу же после прихода к власти Павел велел учредить во дворце особое окно, куда люди любого звания могли опускать свои прошения и жалобы. Ключ от комнаты хранился у самого царя. Утро государя начиналось с того, что он спускался в заветный чертог и внимал там «голосу народа». Ответы на некоторые петиции потом печатались в газетах. Это был первый в России опыт «прямой линии» общения между правителем и населением.
>
> Эксперимент, правда, продлился недолго. Нашлись неблагодарные, которые пользовались анонимностью, чтобы писать батюшке-царю гадости и даже рисовать на него карикатуры. Окно для обратной связи с народом упразднили.

Но совсем не комичной милостью был указ 1797 года об отмене гонений на старообрядцев, которым отныне разрешалось свободно строить свои церкви повсеместно, даже в столицах. Павлу, высоко ценившему преданность, нравилось в раскольниках сочетание верности старине с народностью, а также строгость нравов. Так прекратились почти полуторавековые гонения на довольно большой слой русского населения, впоследствии вспоминавший этого царя с благодарностью.

Чтили Павла и крепостные крестьяне, у которых новое царствование породило много надежд.

Русское общество при Павле I

В отличие от слишком много о себе понимавших дворян и горожан, к крестьянам император относился с идеалистическим умилением, которое, вероятно, впитал еще в детстве из чтения пасторальной литературы. В его представлении это были простые труженики, кормильцы державы, и он искренне хотел – нет, не дать им волю (Павел не считал волю благом), а облегчить их участь, защитить их от помещичьего произвола. Он видел в этом священную обязанность «государя-отца».

Немедленно по восшествии на престол царь издал несколько указов, действительно обрадовавших народ.

Во-первых, он отменил намеченный матерью рекрутский набор (что совпадало и с общей линией на сокращение армии). В тот же день была упразднена незадолго перед тем введенная «хлебная подать» – натуральный налог зерном, очень тяжелый для крестьян. Еще через месяц царь простил беднякам семь с половиной миллионов рублей недоимок по подушной подати – это стало огромным облегчением.

К «экономическим» пожалованиям скоро прибавились юридические, еще более важные.

Сначала крестьяне получили отнятое Екатериной право жаловаться на своих господ властям и даже государю, а также оспаривать в высшей инстанции судебные решения. Затем царь воспретил продавать без земли украинских крепостных – многие жители недавно присоединенных польских земель, раздаренные новым владельцам, продавались «на вывоз», как скот. Год спустя запрет был распространен на всех крестьян империи.

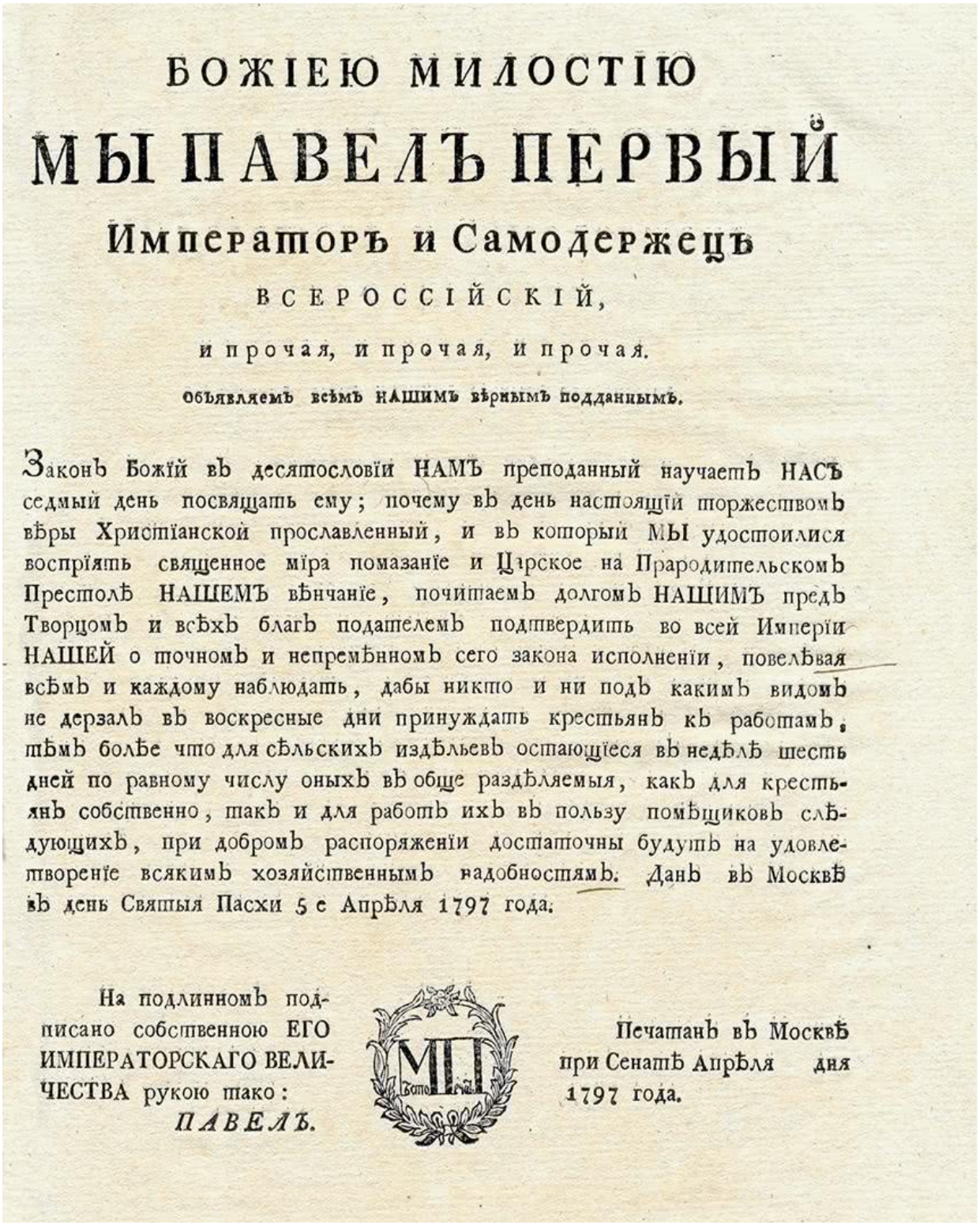
На Пасху 1797 года Павел сделал помещичьим крестьянам главный подарок: издал указ, ограничивавший барщину тремя днями в неделю, да еще за вычетом церковных праздников, которых набиралось несколько десятков в год.

Подобного потока милостей народ не видывал за всю историю Российского государства. Особенное впечатление произвел указ о том, что крепостные, как и вольные, обязаны приносить присягу новому царю. Это означало, что власть признает их полноценными подданными. По деревням разнесся слух, что государь повелел дать всем свободу, а господа это скрывают, и в семнадцати губерниях начались волнения.

Но, повторю, ликвидировать крепостничество Павел и не думал. Более того, за время его правления количество лично несвободных крестьян увеличивалось быстрее, чем при матери. Та раздарила дворянам 800 тысяч человек за 32 года; сын же всего за четыре года, награждая своих слуг, передал им во владение почти 600 тысяч государственных и удельных крестьян.

Некоторое – на самом деле очень незначительное – повышение правового статуса крестьянства сопровождалось серьезным урезанием привилегий дворянства. Это соответствовало представлениям Павла о справедливом государстве. Главный благополучатель предыдущего

царствования, высшее сословие, должно было расстаться с целым рядом льгот.



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ

Императоръ и Самодержецъ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ.

Законъ Божій въ десятословіи НАМЪ преподанный научаетъ НАСЪ седмый день посвящать ему; почему въ день настоящій торжествомъ вѣры Христіанской прославленный, и въ который МЫ удостоилися воспріять священное мѵра помазаніе и Царское на Прародительскомъ Престолѣ НАШЕМЪ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ НАШИМЪ предъ Творцомъ и всѣхъ благъ подателемъ подтвердить во всей Имперіи НАШЕЙ о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе что для сѣльскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлѣ шесть дней по равному числу оныхъ въ обще раздѣляемыя, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ. Данъ въ Москвѣ въ день Святыя Пасхи 5 е Апрѣля 1797 года.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

ПАВЕЛЪ.

Печатанъ въ Москвѣ при Сенатѣ Апрѣля дня 1797 года.

Манифест о трехдневной барщине

Император нанес удар по дворянским обществам, из которых Екатерина думала создать инфраструктуру местного управления. Павел не собирался делиться с дворянами властью, которая должна была принадлежать только назначенным сверху администраторам. Губернские дворянские собрания упразднялись. Закончилась и очень удобная для «благородного сословия» практика фиктивной военной службы, когда детей чуть не с рождения записывали в полк и к совершеннолетию они уже «выслуживали» офицерский чин. Более полутора тысяч недорослей исключили из одного только Конногвардейского полка.

Чувствительнее всего было возвращение телесных наказаний для дворян. Формально человека благородного звания по-прежнему выдрать кнутом было нельзя, но при Павле всякого осужденного стали лишать дворянства, за чем почти во всех случаях следовала порка – какое уж тут благородство.

Точно так же поступил царь и с другими разрядами подданных, которых Екатерина избавила от кнута, собираясь со временем взрастить «третье соловие». Именитые горожане, купцы двух старших гильдий, священники при лишении своего статуса теперь тоже подвергались телесному наказанию. Уничтожил Павел и зачатки городского самоуправления, тем самым фактически аннулировав екатерининскую «Жалованную грамоту городам» 1785 года. «Третье сословие» государю было ни к чему.

Павел желал продемонстрировать верхушке, сколь огромная дистанция отделяет всех его подданных, не важно простолюдинов или аристократов, от священной особы государя. Делал он это двумя способами.

С одной стороны, стремился вознести как можно выше достоинство монарха. Это превратилось у него в какую-то болезненную идею. Павлу все время казалось, что его мало чтут. Он приходил в бешенство, если кто-то ему возражал или казался недостаточно почтительным. Церемониальные появления самодержца обставлялись с почти старомосковской помпезностью. Поэт и будущий александровский министр Иван Дмитриев рассказывает, как это выглядело: «Выход императора из внутренних покоев для слушания в

дворцовой церкви литургии предваряем был громогласным командным словом и стуком ружей и палашей, раздававшимися в нескольких комнатах, вдоль коих, по обеим сторонам, построены были фрунтом великорослые кавалергарды, под шлемами и в латах. За императорским домом следовал всегда бывший польский король Станислав Понятовский, под золотою порфирою на горностае. Подол ее несом был императорским камер-юнкером». Монарх, которому служат другие монархи, царь царей – таков был смысл этого аллегорического действа.

Но одной пышности Павлу было мало. Он еще и возвышался, унижая тех, кто находился на следующей ступени иерархии, – аристократию. С точки зрения эволюции нравов эти усилия выглядят скверно. Незлой по природе правитель сознательно вытаптывал чахлые ростки чувства собственного достоинства, едва зародившиеся в высшем слое общества при Екатерине.

Павел лично не был жесток, но он задавал стиль поведения, который, доходя до уровня исполнителей, превращался из «отеческой строгости» в зверство и даже садизм. Средние и мелкие начальники, улавливая исходящий сверху сигнал «закручивать гайки», знали, что лучше переусердствовать, чем недоусердствовать.

Самым известным эксцессом павловского царствования было дело братьев Грузиновых, двух казачьих офицеров, которых царь, по своему обыкновению, сначала обласкал, а потом, за что-то разгневавшись, подверг опале и выслал на родину, в Донской округ.

Там нашлись доброхоты, написавшие донос, что ссыльные-де позволяют себе «дерзновенныя и ругательные против Государя Императора изречения», в том числе матерные. (Евграф и Петр Грузиновы, кажется, действительно были невоздержаны на язык).

Павел велел произвести следствие. Местное начальство увидело здесь шанс отличиться и развернуло настоящую охоту на ведьм. Кроме братьев были арестованы еще несколько казаков.

Суд был скорым. Осенью 1800 года Грузиновых, которые еще недавно были один гвардии полковником, второй – подполковником, то есть принадлежали к высшей военной элите, приговорили к разжалованию и кнутобитию. Приговор

не предусматривал казни, но обоих осужденных засекли до смерти. Расправе подверглись и остальные арестованные.

Узнав о случившемся, Павел пришел в ужас и наказал чересчур ретивых начальников, так что выслужиться им не удалось. Но настоящим виновником этого злодеяния был, конечно, сам царь.

Положим, инцидент с Грузиновыми был случаем исключительным, но жестокость обращения с арестантами и осужденными в эту эпоху становится нормой. Например, при Павле практиковался особый порядок этапирования государственных преступников (а в этот разряд кто только не попадал). Узника лежьмя «запечатывали» в крошечную гробообразную кибитку с маленьким отверстием для передачи пищи и так везли к месту дальнего заключения – иногда по нескольку месяцев. Многих, естественно, не довозили. Павел подобных садистских инструкций никому не давал. Он всего лишь приказывал, чтобы имя и лицо узника скрывались даже от конвоя, а остальное уже придумывали старательные служаки.

Общая атмосфера строгости и всеобщей поднадзорности очень возвысила роль тогдашних «органов безопасности» – Тайной экспедиции. Ее деятельность при Павле чрезвычайно расширилась и активизировалась даже по сравнению с последними годами Екатерины, которая, как мы помним, панически боялась революционной заразы и всюду ее подозревала.

Государственному преступнику дают попить. *И. Сакуров*

Поскольку Павел желал знать всё, чем занимаются его подданные, о чем они говорят и что пишут, Тайная экспедиция обзавелась сетью секретных и официальных осведомителей. С первыми понятно, они существовали и в прежние времена, однако гласные надзиратели, чуть ли не официально приставляемые даже к очень значительным лицам, были новинкой. Например, во время зарубежного похода к самому Суворову был приставлен особый чиновник немаленького чина «для разведывания об образе мыслей италийского корпуса и о поведении офицеров», дабы затем доносить императору.

Тайная экспедиция не только подсматривала и подслушивала, но и производила сыск, аресты, следствие. Репрессивная машина разогналась до невиданного размаха. По подсчетам Н. Эйдельмана, при Екатерине секретная служба в среднем ежегодно вела двадцать пять дел, при Павле – в семь раз больше. В общей сложности за четыре года в разряд «государственных преступников» угодило около тысячи человек. Поскольку наибольшие опасения у царя вызывало высшее

сословие, на него Тайная экспедиция в основном и охотилась. При том, что доля дворян в населении составляла всего один процент, среди подследственных их набралось 44 процента.

Разумеется, гоняясь за вымышленными врагами престола, Тайная экспедиция прозевала настоящий заговор, хоть о его существовании знало множество людей. Но, как уже говорилось, главной задачей «службы безопасности» в периоды государственного запугивания является запугивание, а не безопасность.

Павел желал контролировать не только дела и разговоры, но и образ мысли россиян, поэтому он довел до абсурдной тотальности цензурные установления, и так очень суровые. Помимо уже поминавшегося запрета на ввоз любых иностранных книг были закрыты все частные типографии. Объем российской печатной продукции, по европейским меркам очень скромный, сделался вовсе мизерным. Например, за весь 1797 год в огромной стране было выпущено только 175 книг (в Англии – более трех тысяч). Зато появился список запрещенных сочинений из 639 названий.

По воспоминаниям жителей павловской России видно, что они обитали в постоянном неврозе. «Ужасное время! – пишет в мемуарах известный деятель николаевской эпохи Николай Греч. – Я… не могу и теперь, в старости, вспомнить без страха и злобы о тогдашнем тиранстве, когда самый честный и благородный человек подвергался ежедневно, без всякой вины, лишению чести, жизни, даже телесному наказанию, когда владычествовали злодеи и мерзавцы, и всякий квартальный был тираном своего округа… Надлежало остерегаться не преступления, не нарушения законов, не ошибки какой-либо, а только несчастия, слепого случая: тогда жили точно с таким чувством, как впоследствии во времена холеры. Прожили день – и слава Богу».

Всё это так, но не следует забывать, что воспоминания писали представители того самого сословия, которое оказалось под ударом. Крестьяне, солдаты, мещане своего мнения о Павле нам не оставили, а если верить другому автору, писателю Августу Коцебу, не по своей воле много поездившему по павловской России (он угодил в сибирскую ссылку): «Из 36 миллионов людей по крайней мере 33 миллиона имели повод благословлять императора».

Вот почему современным историкам так трудно определиться, чем было павловское время для России – припадком безумия или

нераспознанным благом.

Дела внешние

От невмешательства к войне

Кратко резюмируя российскую внешнюю политику эпохи, можно сказать, что она была точь-в-точь такой же, как сам Павел: непоследовательной, переменчивой и саморазрушительной.

Главные события, определявшие общеевропейскую погоду, происходили во Франции. В самой богатой и развитой державе Европы совершилась буржуазная революция. Это был социальный, идейно-психологический и структурный переворот, подобный мощному взрыву, ударная волна от которого прокатилась по окрестным странам и произвела нечто вроде цепной реакции.

Подданные превратились в граждан. Полное обновление национальной элиты вывело на передний план целую плеяду выдающихся государственных деятелей и полководцев. Каждый добился успеха не благодаря голубой крови, а исключительно вследствие собственных талантов. Это были люди дерзкие, бесстрашные, верящие в свою звезду – прирожденные лидеры, не останавливающиеся ни перед какими препятствиями и очень популярные в народе.

Попытки соседствующих монархий подавить революцию не только провалились, но и дали обратный результат. Для защиты революции французам пришлось создавать революционную армию, солдаты которой сражались не за монарха, а за собственные интересы. Вооруженные силы республики быстро росли качественно и количественно, ведь Франция почти с тридцатью миллионами жителей была самой населенной страной Европы, за исключением разве что России, – но, в отличие от последней, обладала гораздо более совершенным мобилизационным механизмом. Русская армия пополнялась за счет подневольных рекрутов, которых еще надо было набрать по российским просторам, отконвоировать к месту службы и потом палками приучать к дисциплине. Французы же впервые стали применять levée en masse, массовый призыв молодых мужчин в армию на время войны. Это позволяло быстро поставить под ружье до 800 тысяч солдат.

Неудивительно, что такой армии повсеместно сопутствовала удача. Череда побед над австрийцами и пруссаками воодушевляла французов. Они перешли от обороны к нападению.

Французские войска триумфально двигались на восток и на юг, и повсюду, куда они входили, появлялись новые республики-сателлиты: три в Италии (Римская, Цизальпинская и Лигурийская), Гельветическая в Швейцарии, Батавская в Голландии.

Всякая революция, особенно если ей приходится сражаться с врагами, в конце концов, приходит к военной диктатуре. Шла по этому пути и Франция. К концу девяностых уже было ясно, кто станет новым Кромвелем: феноменально одаренный, баснословно удачливый молодой генерал Бонапарт. Но этому великому честолюбцу грезились лавры не Кромвеля, а Александра Македонского. Он уверовал, что для него нет невозможного, и всерьез намеревался покорить весь мир.

Дальновидным европейским политикам в то время уже было ясно, что, если французов не остановить, Европу ждет колоссальная катастрофа. Эта имперская экспансия (а республика скоро переименует себя в империю) не могла, в конце концов, не докатиться и до России, владения которой распространялись на полконтинента. Однако Павел вслед за Екатериной не понимал этой опасности. Во всем остальном не согласный с матерью, касательно внешней политики он, как и она, был уверен, что если европейцы истощат друг друга войнами, Россия только выиграет.

Такая позиция соответствовала давним убеждениям Павла, изложенным в ранее упоминавшемся «Рассуждении о государстве вообще». Там цесаревич заявлял, что, поскольку новых земель России не нужно, большую армию держать незачем, а довольно будет ограничиться четырьмя корпусами для охраны границ: северным (против Швеции), западным (против Австрии с Пруссией), южным (против Турции) и восточным (против степных народов).

Правда, трактат был написан еще до Французской революции, однако Павел был не из тех, кто меняет взгляды под воздействием внешних обстоятельств.

Теперь, когда международная ситуация угрожающе изменилась, он ограничился тем, что поместил своих подданных в своего рода идеологический карантин, оградив их от вредоносного французского влияния, и на том успокоился.

Похвальный в иных обстоятельствах пацифизм был ошибкой. В пору, когда следовало готовиться к неизбежной войне, Россия сокращала армию и давала возможность Франции расправляться с врагами по одиночке.

В 1795 году из конфликта вышла Пруссия, в 1797 – Австрия, обе с территориальными и репутационными потерями. Оставалась только Англия, неприступная за Ла-Маншским проливом, но она могла лишь тревожить французов с моря и докучать им торговой блокадой.

Чувствуя свою силу, Директория затеяла неслыханно амбициозное предприятие: завоевание Египта и Ближнего Востока. Ничего подобного европейцы не устраивали со времен крестовых походов.

План принадлежал Бонапарту, который намеревался лично его осуществить. Пладцарм в южном Средиземноморье должен был стать первым этапом еще более гигантоманского проекта: через Красное море добраться до Индии и лишить Британию главного источника ее богатств.

Фантастический, казалось бы, замысел начал как-то очень уж легко осуществляться. Французский флот, обманув сторожившую его английскую эскадру, высадил на египетском берегу 35-тысячную армию, возглавляемую Бонапартом. Блестящий полководец без труда разгромил архаичное мамелюкское воинство, занял Каир и стал готовиться к походу в Сирию.

И тут император Павел вдруг забыл о невмешательстве и преисполнился воинственности.

Нет, он встревожился не из-за турецкой Сирии или британской Индии. Мотивы резкого политического поворота, как обычно у Павла, были эмоциональными, а повод, в общем, малозначительным.

Самодержец всероссийский обиделся на французов за Мальту.

> Рыцарский орден, издавна владевший этим средиземноморским островом, переживал тяжелые времена и очень нуждался в покровительстве какого-нибудь могущественного государя.
>
> Посланники ордена объездили все значительные европейские дворы, но монархам было не до мальтийских проблем.

Тогда они обратились к русскому царю, и тот в 1797 году согласился взять остров под свой протекторат. Павлу, воображавшему себя последним рыцарем, очень льстило звание Великого Магистра Ордена рыцарей святого Иоанна Иерусалимского. Он относился к этому титулу очень серьезно и даже не смущался тем, что орден был католическим.

Царь с гордостью носил гроссмейстерские регалии, направо и налево раздавал мальтийские ордена. И вдруг в Петербург пришло известие, что наглый республиканец Буонапарте по дороге в Египет, между делом, захватил Мальту, не позаботившись о том, кто ей теперь покровительствует.

Решение наказать Францию было принято чуть ли не в один день. И сразу начались приготовления к войне – как дипломатические, так и организационные.

По инициативе России была составлена новая антиреспубликанская коалиция, другими участниками которой стали Англия, Австрия, Швеция, Неаполитанское королевство, Бавария и Турция (во владения которой вторгся Бонапарт). Пруссия после недавних поражений благоразумно осталась в стороне.

Война должна была разразиться сразу на нескольких фронтах.

На севере русский экспедиционный корпус при поддержке англичан и ганноверцев нападет на «Батавскую республику».

На западе, в Германии, удар нанесут австрийцы и баварцы.

На центральном театре, в Швейцарии, будет наступать союзная русско-австрийская армия.

В Италии главные русские силы очистят от французов Апеннинский полуостров.

К сухопутным операциям прибавятся морские. В Атлантике и западной части Средиземного моря будет действовать английский флот, в восточном Средиземноморье – русско-турецкий.

Доля русского участия получалась непропорционально высокой, а разброс сил для сократившейся армии слишком обширным, но в целом проект выглядел очень внушительно, тем более что лучшие французские войска с грозным Бонапартом находились за морем и вернуться оттуда не могли: 1 июля 1798 года адмирал Нельсон

уничтожил республиканскую эскадру у египетского берега, в заливе Абукир.

Славное поражение

Численное преимущество было на стороне коалиции. На море после Абукира она господствовала полностью. На суше французы могли вывести на четыре фронта будущих сражений меньше 150 тысяч человек. У одних только австрийцев под ружьем было больше 200 тысяч солдат плюс ожидалось прибытие 65 тысяч русских (всё, что смог собрать Павел) и 13 тысяч англичан, у которых всегда было много моряков и мало солдат. Тем не менее войну союзники проиграли. Причина была проста. У французов, хоть и распределенных по четырем направлениям, было единое командование. Союзники же постоянно не могли договориться о слаженных действиях: австрийцы и русские, русские и англичане постоянно препирались между собой. Список обид и претензий все время увеличивался. Там, где каждый воевал сам по себе, дела могли идти успешно. Как только начиналась совместная операция, всё шло вкривь и вкось.

На северном участке, в Голландии, главнокомандующим стал англичанин герцог Йоркский – во-первых, потому что он был королевским сыном, а во-вторых, потому что платила за все британская казна. Русский 17-тысячный корпус возглавил павловский любимец генерал Иван Иванович Герман фон Фрезен. Высадился корпус только в августе 1799 года, когда на других фронтах давно уже воевали.

Герцог оказался слабым полководцем, да и русские части, наскоро укомплектованные и кое-как снаряженные, тоже показали себя неважно. В первом же сражении союзная армия была разбита, причем в плен угодил весь русский штаб во главе с фон Фрезеном. (Узнав об этом позоре, Павел страшно рассердился и уволил генерала из армии «за дурной поступок»).

После этого было еще два неудачных боя, начались перебои со снабжением, союзники перессорились, и в ноябре весь незадачливый десант уплыл на кораблях в Англию. Очистить от французов Голландию не удалось.

На германском театре лучший австрийский полководец эрцгерцог Карл весной 1799 года сильно потрепал французов и заставил их отойти за Рейн, но в мае из Вены поступил приказ отправляться в Швейцарию, которая считалась ключевым участком войны, и дожидаться там прихода русских, которые ускоренным маршем шли с востока. Таким образом, на Рейне активные боевые действия после первых успехов временно прекратились.

Русские войска шли двумя примерно равными по численности колоннами – всего 48 тысяч солдат. В Швейцарию двигался генерал Римский-Корсаков, в Италию – фельдмаршал Суворов.

Уже в апреле корпус Суворова прибыл на место. Образовалась 52-тысячная армия для итальянского похода. На две трети она состояла из австрийцев, но главнокомандующим поставили русского – Вена чтила Суворова за былые победы и дала ему чин австрийского фельдмаршала.

Двойной фельдмаршал, правда, не платил союзникам взаимностью. Его депеши в Гофкригсрат, Придворный Военный Совет императора Франца, были дерзкими и требовательными, а во всех неудачах Александр Васильевич неизменно обвинял Вену. Степень этого ожесточения видна по эмоциональным письмам, которые Суворов слал в Петербург: «Дай Бог только кончить кампанию – более служить не в силах! Цинциннат и соха! Всё мне не мило. Повеления Гофкригсрата ослабляют мое здоровье, и я не могу продолжать службы… Сколько ни мужаюсь, но вижу, что либо в гробе, либо в хуторе каком-нибудь искать убежища!.. Зрите ад, над которым царствует Момус!». Павел всячески успокаивал неистового старца, но координация между союзниками никак не налаживалась. Хуже всего было то, что Суворов не считал нужным посвящать Вену в свои стратегические планы.

Однако этот скверный политик был гениальным тактиком и за короткое время одержал несколько блистательных побед.

Пятнадцатого – семнадцатого апреля в трехдневном бою на реке Адда (к востоку от Милана) Суворов нанес серьезные потери армии генерала Жана-Виктора Моро и заставил ее отступить.

Шестого – восьмого июня в такой же затяжной битве на другой реке, Треббия, русско-австрийская армия одержала еще более впечатляющую победу, наголову разгромив Этьена Макдональда: французы потеряли убитыми, ранеными и пленными половину людей.

Пятнадцатого августа при городке Нови состоялось генеральное сражение кампании. К этому времени после объявленной мобилизации французская армия получила большие подкрепления, и у генерала Жубера, считавшегося одним из лучших республиканских полководцев, было почти 40 тысяч солдат. Столько же или чуть больше вывел в поле Суворов. Он все время атаковал, противник оборонялся. Упорный бой длился шестнадцать часов. Около двадцати тысяч человек с обеих сторон (то есть четверть сражавшихся) были убиты или ранены. В разгар битвы был смертельно ранен Жубер, но французы еще долго после этого сопротивлялись. В конце концов, они отступили в беспорядке, многие попали в плен или рассеялись. Суворов писал Павлу в своей всегдашней манере: «Мрак ночи покрыл позор врагов, но слава победы, дарованная Всевышним оружию твоему, великий государь, озарится навеки лучезарным немерцаемым светом».

Вся Северная Италия была занята, так что с поставленной задачей Суворов превосходно справился. Он стал теперь уже тройным фельдмаршалом (еще и сардинским), а также светлейшим князем Италийским.

Но уже говорилось, что главные события войны разворачивались на центральном участке, швейцарском. А там было неблагополучно.

Эрцгерцог Карл еле дождался прихода русской армии Римского-Корсакова и поспешил уйти на Рейн, где активизировались французы, окружив австрийскую крепость Филипсбург. Осажденных соотечественников эрцгерцог выручил и врага отогнал, но плата получилась слишком высокой.

Несмотря на то что в поддержку Римскому-Корсакову в Швейцарии остался корпус лейтенант-фельдмаршала фон Готце, сил у союзников было недостаточно, чтобы противостоять 75-тысячной армии Массены. Суворов получил приказ спешить на помощь, но задержался из-за осады крепости Тортона и опоздал.

Поход Суворова. 1799 год. *М. Романова*

Массена перешел в наступление. Двадцать пятого сентября он наголову разбил союзные войска под Цюрихом. Фон Готце был убит, Римский-Корсаков потерял половину людей убитыми и пленными, причем среди последних оказались три генерала. Остатки разбитой армии оставили Цюрих.

Одно-единственное сражение, проигранное в ключевом пункте войны, разом перечеркнуло все прежние победы.

Суворов, у которого оставалось всего 20 тысяч солдат, шел на соединение с Корсаковым и Готце, не зная, что соединяться теперь не с кем. Известие о Цюрихском несчастье пришло, когда русские с невероятно тяжелыми боями уже прорвались через альпийские перевалы и спустились в долину, которая теперь превратилась в западню.

Вероятно, другой полководец в такой ситуации капитулировал бы, но Суворов повел свои войска на прорыв и прорвался – не только через французов, но и через горные кручи. Ему пришлось бросить все пушки, зато удалось сохранить три четверти людей.

Это было славное, но фиаско.

Император Павел решил, что больше воевать не хочет – да у него и не оставалось в наличии свободных войск. В Петербурге, как водится, славу за победы приписали себе, вину за поражения свалили на австрийцев. «Мои войска покинуты на жертву неприятелю тем союзником, на которого я полагался более, чем на всех других», – с обидой писал царь австрийскому императору, извещая того, что отзывает армию. Дальше австрийцам пришлось воевать с французами в одиночку. Вскоре из Египта вернулся энергичный Бонапарт, и Европа стремительно покатилась к кровавой катастрофе, которая войдет в историю под названием «Наполеоновских войн».

Но Павел рассорился не только с австрийцами. Морская операция на Средиземном море шла очень успешно, пока не понадобилось взаимодействовать с англичанами.

Вице-адмирал Федор Ушаков еще в августе 1798 года возглавил эскадру, состоявшую из трех десятков русских и турецких кораблей. Ей предстояло занять Ионические острова (бывшее венецианское владение, недавно перешедшее к Франции), а затем переместиться в южную Италию, чтобы помочь неаполитанскому королю и папе римскому в борьбе с республиканцами.

В течение осени флот очистил мелкие острова Ионического архипелага и приступил к осаде хорошо укрепленного Корфу, где засел большой гарнизон. В конце зимы после упорного сопротивления крепость наконец сдалась.

Теперь нужно было спешить в Италию, спасать союзников-неаполитанцев. Король Фердинанд I, воспользовавшись тем, что французы перебросили основные силы на север, захватил было Рим, но удержать его не смог. Лишился не только Рима, но и своей столицы Неаполя, эвакуировался на Сицилию и просил оттуда срочной помощи.

Ушаков прибыл в Италию, где оказался в подчинении у английского адмирала Нельсона, эскадра которого была значительно больше.

Между союзниками начались трения, постепенно перешедшие в острый конфликт. У Ушакова был приказ императора освободить заветную Мальту, ради которой Павел изначально ввязался в войну, но англичан и неаполитанцев, разумеется, интересовала Италия. От освобождения Мальты, к негодованию Павла, пришлось отказаться. Отношения окончательно испортились, когда русским дали понять, что на участие в оккупации Папской области им тоже рассчитывать нечего.

Ушаков штурмует Корфу. *А. Самсонов*

По времени этот афронт совпал со швейцарскими неприятностями, и Павел велел своему флоту отправляться домой тогда же, когда вернул Суворова – в конце сентября 1799 года.

Война для России закончилась, и закончилась плохо. Все жертвы оказались напрасны. Кроме как героизмом русских воинов утешаться было нечем.

Печальный опыт участия в коалиции побудил Павла посмотреть на европейскую ситуацию иначе.

Франция продемонстривала свою непобедимость, союзники проявили неблагодарность и вероломство. У России достойный враг и недостойные друзья – так это выглядело из Петербурга.

Во внешней политике самодержавной империи назревали большие перемены.

Смена курса

На протяжении 1800 года отношения с бывшими партнерами все время ухудшались.

Сначала Павел был больше зол на австрийцев, чему немало поспособствовал Суворов. В апреле русский посол покинул Вену, что на дипломатическом языке означало готовность к полному разрыву.

Но сразу же вслед за тем на роль главного обидчика вышла Англия. Причиной тому стало совсем мелкое происшествие. Британский посол Чарльз Уитворт отправил в Лондон донесение, где среди прочего говорилось, что царь не в своем уме и что его помешательство постоянно усиливается. «Все его действия суть последствия каприза или расстроенной фантазии», – писал дипломат. Это было справедливо, но очень неосторожно, поскольку заграничная переписка перлюстрировалась ведомством Ростопчина, заклятого недруга англичан. Письмо было расшифровано, предъявлено Павлу, тот отреагировал вполне предсказуемым образом, и в июне Уитворт отправился домой.

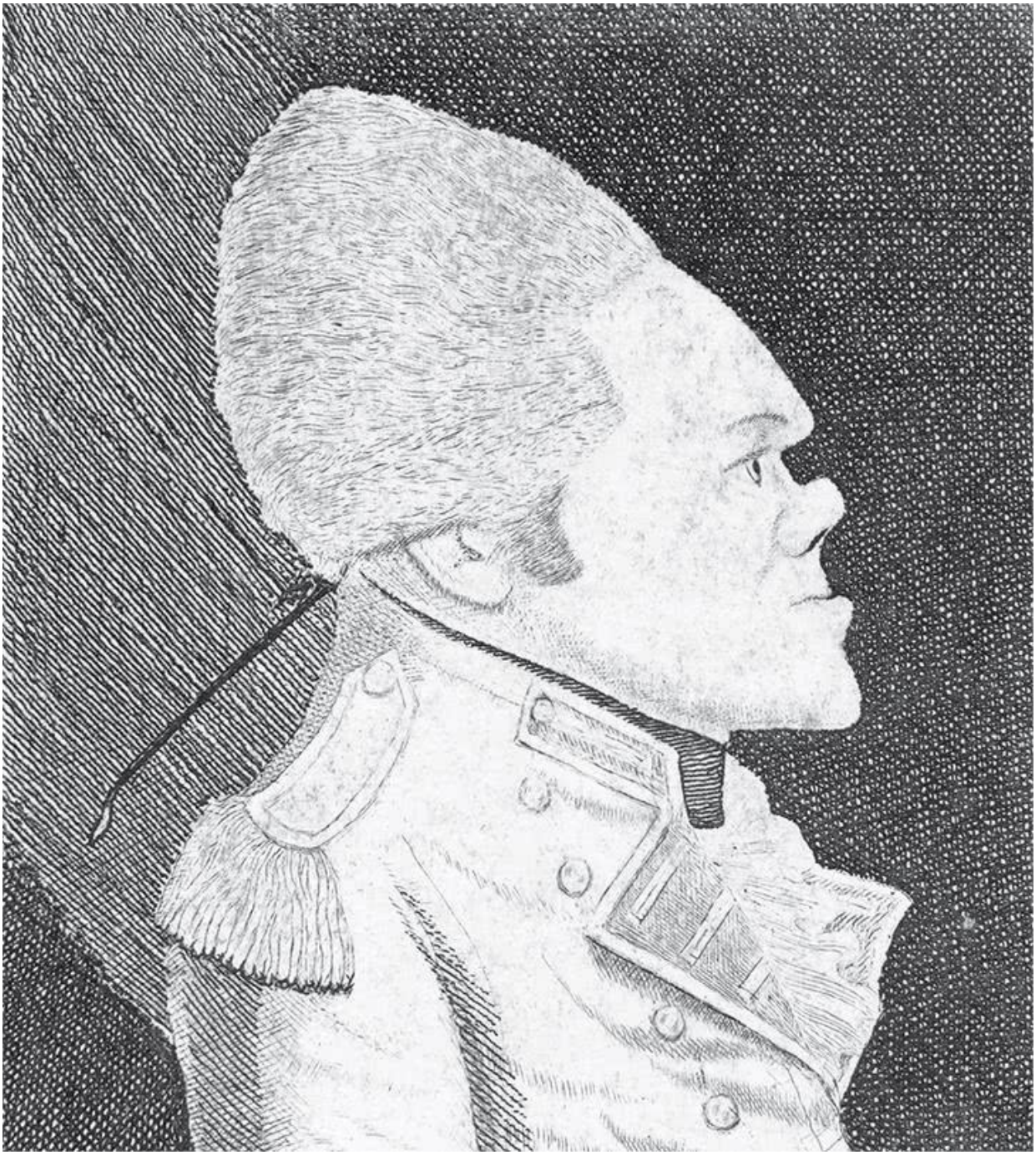
Британия будто специально поставила себе задачу дразнить царя. Тем же летом их флот взял Мальту и оставил ее себе, проигнорировав «великого магистра». Павел отыгрался на тех англичанах, что оказались под рукой: велел задержать все британские торговые корабли, находившиеся в русских портах, а экипажи поместить под караул.

Через несколько месяцев последовала и экономическая санкция: полный запрет на экспорт в Англию русских товаров (отчего в основном пострадала отечественная торговля).

Ссорясь с прежними друзьями, Павел одновременно сближался с недавним врагом. Ему всё больше нравился Наполеон Бонапарт.

Во-первых, великий герой оказался рыцарем под стать Павлу: велел хорошо содержать русских пленных, разрешил офицерам носить шпаги, а потом вовсе отослал всех домой, вернув оружие и знамена. Павел был совершенно очарован.

Во-вторых, исчезло чудовище, которое так пугало царя, – республика, коллективно управляемая плебеями. Бонапарт разогнал Директорию и учредил во Франции режим единоличной власти, фактически то же самодержавие. Такая форма правления Павлу была понятна и вызывала полное его одобрение, а что самодержец называет себя «первым консулом» – нестрашно. Главное, закончилась революция и установился порядок. «Я проникнут уважением к первому консулу и его военным талантам, – говорил Павел. – Он делает дела, и с ним можно иметь дело».



Английская карикатура на русского царя. *Дж. Кэй*

Бонапарт неспроста любезничал с Россией – он очень хотел окончательно оторвать ее от коалиции, а если получится, то и натравить на Англию. В Петербурге у первого консула нашелся важный единомышленник – глава внешнеполитического ведомства Ростопчин. Он предложил создать новый союз, объединяющий весь континент

против Англии. Франция и Россия, к которым примкнут две другие великие державы, Австрия с Пруссией, перекроят мир по-новому. Бонапарт пусть забирает Египет, Пруссия – мелкие германские княжества, Австрия – Балканы, а России достанется Константинополь и Греция.

Головокружительный проект вызвал у Павла полное одобрение, хотя еще недавно царь и слышать не желал о захвате новых земель.

Французско-российское сближение набирало темп. Павел с Бонапартом вступили в личную переписку, готовясь к формальному союзу.

Тем временем Россия вовсю готовилась к войне с Британией. Русский флот был невелик, но к нему предполагалось добавить датский, шведский и прусский. Вместе они защищали бы Балтику. Оборонительный договор подобного содержания был незамедлительно заключен.

Планировалось, что французы высадят десант в Англии, а касательно российского вклада в войну у Павла возникла совершенно сумасбродная идея. Великому полководцу Бонапарту не удалось добраться до Индии, а русскому царю удастся!

И не откладывая в долгий ящик, еще прежде объявления Лондону войны, император приказал Василию Орлову, донскому войсковому атаману, собирать в Оренбурге войска, чтобы идти оттуда прямо на Индию. В приказе говорилось, что ходу туда, вероятно, месяца четыре и что географические карты есть только до Хивы, ну да ничего, «далее ваше уже дело достать сведения до заведений английских и до народов индейских, им подвластных». А там всё будет просто: «землю привесть России в ту же зависимость, в какой они у англичан и торг обратить к нам».

Для похода за три с половиной тысячи километров, через мертвые пустыни и снежные горы, через множество враждебных земель, без провианта и опорных баз, было выделено двадцать две с половиной тысячи человек. Они получили приказ выступать немедленно, посреди зимы. И делать нечего, пошли. (Одним из первых приказов нового царя Александра будет повернуть это обреченное воинство обратно).

Приготовления России, конечно, не оставались тайной для англичан. В Лондоне тоже стали собирать силы для удара – да не по

дальним краям, а прямо по Петербургу. Не кто-нибудь, а сам Нельсон должен был вести флот на русскую столицу.

Если бы Павла не свергли в марте, очень скоро разразилась бы война, которая не сулила России ничего хорошего. Экспедиционный корпус, посланный в Индию, наверняка бы погиб, да и Петербургу не поздоровилось бы. Нет сомнений, что при приближении Нельсона российские союзники немедленно отказались бы от своих обязательств, и Балтийскому флоту (на тот момент – пятнадцать боеспособных кораблей) пришлось бы один на один сразиться с английским (двести линейных кораблей и 284 фрегата).

Выгодополучатель при подобном развитии событий был бы только один: Наполеон Бонапарт.

Империя расширяется

Павел желал править в мире – и словно притягивал к себе войны; не собирался присоединять новых земель – а они присоединялись сами. Ничего случайного в этом не было. Империя жила по своим природным правилам, она не могла не воевать и не расширяться, иначе она перестала бы быть империей.

За это короткое царствование Россия приросла еще двумя важными владениями, причем оба были взяты не силой оружия (хоть совсем без оружия тоже не обошлось).

В учебниках по истории можно прочитать, что в 1801 году Россия присоединила Грузию. Это не совсем верно. Присоединена была лишь восточная часть Грузии, так называемое Картлийско-Кахетинское царство.

Грузинское государство, когда-то, в Средние века, довольно крупное и культурно развитое, давно пришло в упадок и распалось на несколько мелких царств и княжеств, вечно враждовавших друг с другом. Положение этой исторической области, находившейся между двумя большими, агрессивными державами, Турцией и Персией, было очень тяжелым. Местным властителям приходилось постоянно маневрировать, отстаивая свое право если не на полную независимость, то хотя бы на автономию. Естественным союзником для грузинов стало Московское царство, хоть и отдаленное географически, но близкое по принадлежности к той же ветви христианства, православию.

Еще с конца XVI века грузинские монархи пытались заручиться покровительством Москвы и даже иногда получали от нее помощь, но периоды сотрудничества сменялись периодами отчуждения, когда царям становилось не до единоверцев. И тогда грузины оказывались во власти могущественных мусульманских соседей.

Последний раз подобный поворот произошел совсем недавно, с трагическими для Грузии последствиями.

В 1783 году самая большая из грузинских стран, Картлийско-Кахетинское царство со столицей в Тбилиси, подписало с русским правительством Георгиевский трактат. Россия брала на себя оборону этой территории от врагов, а за это царь Ираклий II отказывался от проведения собственной внешней политики. То есть Картли-Кахетия превращалась в российский протекторат.

Военный контингент, два армейских полка, были расквартированы в Закавказье. Содержать их обязывалось местное население, ему пришлось платить особый налог «сарусо» («на русских») – 30 тысяч рублей. Для маленькой, бедной страны нагрузка была нелегкой, но безопасность того стоила.

Ради удобства сообщения и переброски подкреплений было начато строительство Военно-Грузинской дороги через Кавказ. Появилась и цепочка оберегавших эту магистраль крепостей, у главной из которых было название «Владикавказ», простодушно объяснявшее смысл петербургского великодушия.

Однако покровительство, пусть небескорыстное, продлилось недолго. В том же году Россия присоединила область, которая занимала ее гораздо больше: Крым. Отношения с Константинополем обострились до предела, снова воевать не хотелось, а тут возникло еще одно яблоко раздора – Грузия.

В 1787 году, чтобы сделать султану приятное, Екатерина велела полки из Закавказья вывести. Как мы знаем, войны с Османской империей это не предотвратило, но Георгиевский трактат был нарушен. Несчастные грузины остались в одиночестве. Турок им пока можно было не опасаться – те еле отбивались от русских с австрийцами, но приближалась другая гроза, еще более страшная.

В соседней Персии, давно раздираемой внутренними распрями, появился сильный военный вождь Ага Мохаммед-хан, основатель новой династии. Это был энергичный полководец и невероятно

жестокий правитель, настоящее чудовище. Он казнил целые города. Например, захватив в 1794 году Керман (в юго-восточной Персии), приказал выколоть глаза всем тамошним мужчинам.

И вот летом 1795 года этот новый Тамерлан во главе семидесятитысячной армии вторгся в Картли-Кахетию, раздавил ее маленькое войско и устроил бойню в Тбилиси. Двадцать тысяч человек там были убиты, еще больше угнаны в рабство. Страна лежала в развалинах.

Царь Ираклий обратился за помощью все к той же Екатерине, больше подмоги ждать было неоткуда. Тогда-то и состоялся злополучный Персидский поход, затеянный не столько ради спасения Грузии, сколько для отличия Зубовых. Русские войска под командованием графа Валериана Зубова вошли на территорию будущего Азербайджана, немного там повоевали, но тут воцарился Павел, и корпус был возвращен обратно.

Ага Мохаммед, готовившийся к новому вторжению, был убит собственными слугами, однако оставаться один на один с враждебной Персией восточная Грузия не могла. Лучше уж было иметь такого ненадежного покровителя, как Россия. Новый царь Георгий XII решился на крайнее средство: стать не протекторатом, а частью могущественной империи. Уж свою-то территорию она в обиду не даст?

Переговоры о присоединении начались в 1799 году. Больше всего трений возникло из-за статуса и прав картли-кахетинской династии: останутся они хотя бы номинальными монархами или нет? Но в декабре 1800 года Георгий умер, его наследника Павел не утвердил, а вместо этого в феврале 1801 года выпустил манифест, гласивший, что берет Картли-Кахетию во владение. Споры и переговоры закончились.

Так несколько грузинских областей с населением в 200 тысяч человек вошли в состав России. Отсюда в следующем веке империя начнет покорение всего Кавказа, потратив на эту неподъемную задачу несколько десятилетий и огромные средства.

Второе приобретение произошло за много тысяч километров, на тогдашнем краю света – за Тихим океаном. Места там были пустынные, населенные не имевшими государственности племенами и потому точный размер занятых территорий подсчитать трудно. В любом

случае, русских интересовали не сами земли, а их природные богатства: пушнина, «рыбий зуб», китобойный промысел. Эта экспансия была сугубо экономической и осуществлялась на средства частного капитала.

Но и неостановимое движение предприимчивых, алчных, бесстрашных охотников за прибылью всё дальше и дальше на восток тоже было естественным ростом империи.

Российская колонизация Нового Света стала приобретать черты, свойственные давно уже сложившейся европейской практике. Еще со времен великих географических открытий там стали появляться мощные торговые корпорации – Вест-Индские и Ост-Индские компании. Самые крупные из них, в особенности британская Ост-Индская компания, в восемнадцатом веке представляли собой настоящие государства в государстве с собственным флотом и вооруженными силами. Эти торговые предприятия сами завоевывали новые колонии и сами же ими управляли. При этом происходило сращение с государством, так что подчас трудно было определить, где одна инстанция и где другая. Правительство участвовало в управлении компанией, а руководители компании, в свою очередь, оказывали серьезное влияние на решения правительства.

В России это выглядело так.

Сначала нашелся исключительно деятельный и удачливый делец: купец Григорий Шелехов (1747–1795), который, собирая в Сибири пушнину, добрался до океанского берега, не остановился перед этим препятствием и отправился дальше. Он бил котиков, песцов и морских бобров на Камчатке, на Алеутских островах, в конце концов доплыл и до Аляски. На острове Кадьяк поставил факторию, в 1791 году основал на паях Северо-Восточную компанию.

После смерти основателя во главе предприятия встал человек еще более напористый и оборотистый, тоже из купцов – Александр Баранов (1746–1819). Он развернулся шире и построил на острове Ситка, у самого берега Аляски, настоящий форт Новоархангельск, ставший базой русской колонизации Америки.

Это могло произойти, потому что император Павел дал компании особый статус – по примеру европейских. Она стала называться «Под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Российской Американской компанией» и получила монополию на освоение новых земель с предоставлением многочисленных льгот и

привилегий. Вскоре штаб полугосударственной компании был переведен в Петербург, и она из сугубо торгового общества превратилась в правительственного администратора, который управлял огромной колонией, разбросанной по краям Тихого океана. В дальнейшем сеть представительств, факторий и фортов «Российской американской компании» распространится на всю Аляску, дойдет до Калифорнии и в один момент даже достигнет Гавайского архипелага.

Тут империя размахнулась шире своих возможностей, но это станет очевидно уже в следующем веке.

Заключение. Итоги и уроки восемнадцатого века

Успехи и неудачи империи следует оценивать в имперской же системе координат, и с этой позиции итоги описываемого периода выглядят впечатляюще.

С 1725 года количество российских подданных увеличилось почти втрое, бюджет – вчетверо, границы распространились от Пруссии и Австрии до Америки.

Обе нерешенные Петром внешние задачи были выполнены.

На юге наконец стало доступно Черное море. Весь его северный берег и Крымский полуостров перешли к России. Началась активная колонизация плодородных земель, которые со временем станут житницей страны. Появились новые, быстро развивающиеся города. Создание севастопольского флота и строительство крепостей давало возможность строить еще более грандиозные планы: о распространении влияния на Балканы и Грецию, о захвате Константинополя, о выходе из черноморского «пруда» на средиземноморские просторы.

На западе осуществилась и даже перевыполнилась другая давняя мечта русских царей – они стали не номинальными, а подлинными государями «Малыя и Белыя Руси», то есть объединили под своим скипетром все восточноевропейские народы, уничтожив Польшу.

На всем столетии лежит тень Петра Великого и его замыслов, но главной фигурой эпохи стала женщина, Екатерина Великая, историческое значение которой никак не меньше.

Петр превратил Россию в империю, заложив основу этой мощной, но дорогостоящей государственной машины. Екатерина не могла избавиться от гандикапов этой конструкции, но научилась пользоваться ее плюсами. «В ее царствование, – пишет французский посол де Сегюр, – Россия стала державой европейской. Петербург занял видное место между столицами образованного мира, и царский престол возвысился на чреду престолов самых могущественных и значительных».

Но важнейшим вкладом Екатерины в имперское строительство было не увеличение размеров державы, а ее укрепление. Царица существенно реформатировала внутренний механизм державы, для чего пришлось отойти от классической «ордынской» модели, пошатнувшейся в семнадцатом веке и бескомпромиссно восстановленной Петром.

Первый император убрал «подпорки», которыми по слабости пользовались первые Романовы: боярскую думу и патриархию. С восемнадцатого века все функции управления опять сосредотачиваются в руках самодержца – совсем как во «втором» русском государстве, разрушенном Смутой. При Петре ни одно государственное решение, даже самое мелкое вроде того, кому как одеваться или как устраивать похороны, не могло быть принято без государя.

Дальнейшие события показали, что в современном мире подобное «ручное управление» может работать – и то неважно – лишь при феноменально деятельном монархе вроде Петра. При менее активных государях жизнь страны разлаживается, а то и парализуется.

Выход из ситуации нашла Екатерина II. Петр европеизировал лишь фасад азиатской постройки; Екатерина осуществила настоящую модернизацию, приспособив здание российской государственности к новым условиям. Она поделилась властью с высшим сословием и тем обеспечила державе ресурс помощников, объединенных с монархом общностью интересов.

Увеличение российской территории в XVIII веке. *М. Романова*

При этом, поиграв с идеей более широких либеральных реформ, императрица воздержалась от них – устрашилась последствий. Опасения эти были небезосновательны. Необдуманный демонтаж «ордынской» вертикали чреват кризисом, а то и распадом всей системы. Извечный резон, который будет звучать и в дальнейшем, вплоть до сегодняшнего дня, состоял в том, что столь обширная и разнородная страна без «твердой руки» неминуемо впадет в хаос.

А страна делалась всё обширней и разнородней. В семнадцатом веке администратор, назначенный воеводой в самую восточную область, скажем в Якутск, добирался из Москвы года три. А в 1801 году гонцу с царским указом приходилось ехать уже из Петербурга, да не в Якутск, а много дальше, на Аляску. Иное решение: перестроить государство по другому принципу, предоставив регионам автономию, никем не рассматривалось, поскольку оно в принципе противоречило идее жестко централизованной «ордынской вертикали».

Восемнадцатый век преподал самодержавной монархии несколько важных, дорого давшихся уроков.

Выяснилось, что власть и даже жизнь государя зависят прежде всего от ближнего, столичного круга дворянства. И здесь есть два способа удерживать ситуацию: жесткий, через запугивание, и мягкий, через выгоду, причем второй действенней. Это ноу-хау открыли женщины: сначала Елизавета, потом вторая Екатерина. Если высшая власть – не пугало, а нечто вроде лотереи, которая дает шанс разбогатеть и возвыситься, слуги сильнее стараются и достигают большего. «По-матерински» править и безопаснее, и эффективнее. Печальный же пример Павла I показал, что диктатор, который нерасчетливо награждает и недостаточно пугает, плохо заканчивает.

Участь Павла дала еще один урок: не следует понимать принцип самодержавия слишком буквально. Пределы монаршей воли и самостоятельности не столь велики, как кажется. Даже ничем не ограниченный правитель может удержаться, лишь если подчиняет свои личные идеи и желания общему настроению, объективным обстоятельствам, генеральной логике событий – иными словами, если он понимает или хотя бы чувствует ход истории. Попытки дуть против ветра приводят к тому, что помазанника божия самого сдувает пылинкой с лица земли.

В первый год девятнадцатого века, было, в общем, уже ясно, по какому пути пойдет Россия в новом столетии и с какими там столкнется проблемами.

Империя настолько разрослась и усилилась, что ей неминуемо предстояло перейти на следующий этап: бороться уже не за равенство с другими великими державами, а за первенство среди них. На рубеже девятнадцатого века Россия – самое населенное, самое крупное и менее всего пострадавшее от послереволюционных войн государство континента.

Определился и главный соперник: Франция, тоже очень усилившаяся благодаря революционному обновлению, а с приходом к власти Бонапарта нацелившаяся на мировую гегемонию.

Если на западном направлении России предстояло сдерживать сильного и агрессивного противника, то на юге и востоке ее соседи были слабы, а это означало, что расширение империи по этим векторам неизбежно. Простор для экспансии там был огромен, на сто лет вперед.

Предопределены были и хронические болезни, которыми будет страдать евразийская империя.

Первый «букет болезней» был эндемичным для «ордынского» государства и являлся платой за его монолитность, за прочность царской власти. Этот режим мешал развиваться частной инициативе и капитализму, а значит, замедлял рост промышленности, техники, торговли. Не меньшим тормозом было крепостничество. Из-за него при огромном богатстве земельных угодий сельское хозяйство оставалось самым непроизводительным в Европе, а личная несвобода трудящегося класса очень сужала рынок рабочей силы, что шло во вред индустриальному развитию – в ту самую эпоху, когда ведущие страны стремительно модернизировались.

Другая группа «внутренних болезней» еще лишь обозначилась, но процесс уже начался. Речь идет о расщеплении национального сознания – умственном и нравственном движении, которое стартовало, едва лишь Екатерина изменила статус дворянского сословия. Из подневольного слуги самодержавия оно превратилось в соправителя, обрело некие личные права и перестало органично вписываться в строгую «ордынскую» систему беспрекословного подчинения. Павел I попробовал отыграть обратно – и поплатился за это жизнью.

На рубеже XIX столетия о правах, свободах, человеческом достоинстве задумываются и тем более говорят вслух единицы, но этот процесс, стартовав, уже не останавливается. В наступающем веке внутренний идейно-социальный конфликт будет постепенно отодвигать на второй план проблемы внешнеполитические, сугубо имперские.

Но в 1801 году симптомы смертельной болезни почти не угадываются. Империя сильна, ее главный взлет еще впереди.

---

notes

Сноски

1

«У нас было в селе Поливанове
Боярин-от дурак в решете пиво варил.
Пойтить было молоденьке поучить дурака,
Возми дурак котел, больше пива наваришь.
А дворецкой дурак в сарафан пиво сливал;
Возми дурак бочку, больше пива насливаешь.
А поп-от дурак косарем сено косил;
Возми дурак косу, больше сена накосишь…».

И т. д.

2

Подлинность этой записки впоследствии подвергалась сомнению, возможно справедливому, но на мой писательский взгляд стилистически текст выглядит достоверным.